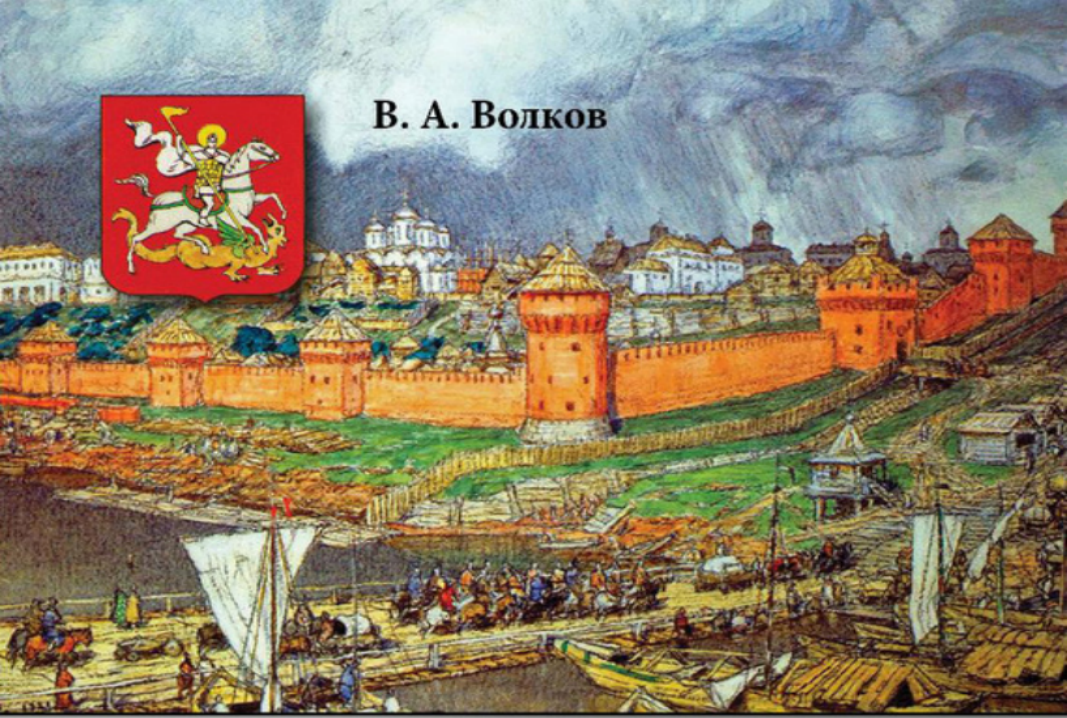

В. А. Волков

Под стягом Москвы

Войны и рати Ивана III и Василия III

Издательство Прометей

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«На протяжении тысячелетней истории Российского государства приоритетными в деятельности его властителей и правительств оставались вопросы обеспечения защиты и безопасности страны, требовавшие всемерного развития и укрепления вооруженных сил. Особенно актуальными эти задачи стали в эпоху образования Московского государства, сложившегося в ходе договорного присоединения и военного захвата сопредельных княжеств и земель. Властители этой небольшой, долго еще платившей дань Орде, державы век от века набирали силы, стремились собрать под своей твердой рукой все русские земли. Успех объединительной политики нескольких поколений потомков Ивана Калиты обеспечили тщательно продуманные дипломатические акции Москвы, заслуги ее полководцев и могущество войска, уже тогда значительно превосходившего по боевым возможностям вооруженные силы других княжеств-государств Северо-Восточной и Северной Руси…»

- Владимир Волков
  - ○
  - ○
  - ○ От автора
  - ○ Часть первая. Русское государство в войнах и военных конфликтах второй половины XV – начала XVI веков
    - ■
    - ■ Глава 1. Военное противоборство Москвы с казанским ханством во второй половине XV века. Русско-ливонская война 1480–1481 годов
    - ■ Глава 2. Новгородские походы Ивана III
    - ■ Глава 3. Войны с Большой ордой. Стояние на Угре и разлом Улуг-улуса
    - ■ Глава 4. Тверское взятие и Вятский поход Даниила Щени
    - ■ Глава 5. Русско-литовский пограничный конфликт конца XV века. Первая порубежная война 1487–1494 годов
    - ■ Глава 6. Русско-шведская война 1495–1497 годов
    - ■ Глава 7. Обострение русско-литовских и русско-ливонских отношений на рубеже XV–XVI веков. Вторая порубежная война 1500–1503 годов
    - ■ Глава 8. Третья русско-литовская порубежная

- война 1507–1508 годов
  - Глава 9. Десятилетняя русско-литовская война 1512–1522 годов. Присоединение к Московскому государству Смоленской земли
  - Глава 10. Борьба Московского государства с татарскими набегами в первой трети XVI века
    -
    - Войны московского государства с Казанью и Крымом в 30 – 40-х годах XVI века
- Часть вторая. Войско великих государей Ивана III и Василия III
  -
  - Глава 1. Состав и внутреннее устройство вооруженных сил Русского государства в конце XV – первой трети XVI века
    -
    - Поместное войско
    - Пушкари и пищальники, другие ратные люди
    - Определение численности русского войска. Споры и мнения
    - Вооруженные силы соседних государств
  - Глава 2. Военное управление. Комплектование, вооружение и снабжение русского войска. Обучение ратных людей
    -
    - Русская артиллерия
    - Ручное огнестрельное и холодное оружие
    - Снабжение армии, содержание военнослужащих
    - Обучение ратных людей
  - Глава 3. Организация охраны и обороны русских границ
  - Глава 4. Московские воеводы
    -
    - Иван Васильевич Стрига Оболенский
    - Данила Дмитриевич Холмский
    - Данила Васильевич Щеня
    - Иван Васильевич Хабар Симский
    - Иван Михайлович Воротынский
    - Василий Васильевич Немой Шуйский
- Список сокращений
- Библиография
  - Источники

- Литература
- Приложение
  - Разрядная книга (тетрадь). ЗА 1475–1533 ГГ.

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84

- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128

- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172

- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216

- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260

- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304

- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348

- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392

- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429

Владимир Волков
Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III

© В. А. Волков, 2016.
© Издательство «Прометей», 2016.

* * *

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгущих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

М. Волошин

От автора

На протяжении тысячелетней истории Российского государства приоритетными в деятельности его властителей и правительств оставались вопросы обеспечения защиты и безопасности страны, требовавшие всемерного развития и укрепления вооруженных сил. Особенно актуальными эти задачи стали в эпоху образования Московского государства, сложившегося в ходе договорного присоединения и военного захвата сопредельных княжеств и земель. Властители этой небольшой, долго еще платившей дань Орде, державы век от века набирали силы, стремились собрать под своей твердой рукой все русские земли. Успех объединительной политики нескольких поколений потомков Ивана Калиты обеспечили тщательно продуманные дипломатические акции Москвы, заслуги ее полководцев и могущество войска, уже тогда значительно превосходившего по боевым возможностям вооруженные силы других княжеств-государств Северо-Восточной и Северной Руси.

Главной целью настоящей книги является всестороннее рассмотрение особенностей военно-политического развития Московского государства второй половины XV и первой трети XVI веков – эпохи двух великих государей, Ивана III и его сына Василия III, завершивших дело соединения из малых осколков киевской «Империи Рюриковичей» новой могучей Русской Державы, предшественницы Российского Царства.

Хронологические рамки исследования определены следующим образом: начало – временем образования единого Русского государства при Иване III, когда началась перестройка московской княжеской армии, в ходе которой мелкий княжеский и боярский вассалитет превратился в государевых служилых людей – помещиков, получавших за свою службу в условное держание земли, населенные крестьянами, было сброшено многовековое ордынское иго, произошло присоединение к Москве Новгорода и Твери, Вятской земли, части западнорусских княжеств; конец – войнами и походами Василия III, сумевшего завершить начатые отцом преобразования: усилить артиллерию, пополнить армию отрядами стрелков-пищальников, прибавить к своим владениям Псков, Смоленскую землю и Рязанское княжество.

В эту эпоху, помимо летописного освещения хода отечественной истории, появились и другие письменные источники, освещавшие войны и рассказывавшие о войсках русских государей. Это достаточно пространные описания

военных деяний и ратных сил Ивана III и Василия III в работах посещавших нашу страну иностранцев или писавших о ней европейских хронистов – Георгия Перкамоты, Сигизмунда Герберштейна, Бальтазара Рюссова и других авторов[1]. Также с конца XV века стали вестись разрядные книги, сохранившие сведения о ежегодных служебных назначениях русских воевод, организации военных сил государства[2]. Помимо разрядных записей огромный интерес представляют документы русских и иноземных посольств. В них отразилась предвоенная и послевоенная ситуация на границах Руси, показан ход мирных переговоров, заключения союзнических обязательств и т. п.[3] Но несмотря на появление новых, достаточно информативных источников, в деле изучения военной истории России периода правления Ивана III и Василия III есть много спорных моментов, касающихся не только конкретных обстоятельств боевой практики русских воевод, но и значимых факторов, прежде всего – определения состава, численности вооруженных сил, их вооружения, подготовки, снабжения, организации обороны границ страны.

Историку, освещающему ратную историю Московской Руси XV–XVI столетий, необходимы как профессиональная компетентность, так и понимание сложности выбранной темы. Ему не только предстоит реконструировать исторические события, их истинную подоплеку, но и попытаться глубже разобраться в теме, рассказав читателям о бытовавшем тогда, но почти утраченном сейчас отношении к военному делу как первостепенному в деле обеспечения защиты и обороны Отечества. Впрочем, только так можно восстановить славные боевые традиции Руси, без которых немыслимо существование и развитие национальных вооруженных сил.

Владимир Волков

Часть первая. Русское государство в войнах и военных конфликтах второй половины XV – начала XVI веков

На протяжении почти четверти тысячелетия Русь добивалась освобождения от власти татарских ханов. Избавление от ордынского плена (польскими хронистами названного «игом») стало процессом долгим и мучительным. Свершилось оно трудами нескольких поколений московских князей, потомков Ивана Калиты. Самый успешный из них, Иван III, прозванный Державным, самостоятельно, без ханского соизволения, правил своей землей, став самодержцем и получив благодаря этому возможность устанавливать равноправные отношения с соседними странами. Он также вел активную деятельность по объединению русских княжеств, еще сохранявших некоторую самостоятельность. Собирание Руси, как правило, проходило вооруженным путем. Таким же образом – через военное, а потом договорное разрешение имеющихся спорных территориальных проблем – утверждались внешние границы страны. Почти одновременно Ивану III предстояло подчинить своей воле и привести к покорности Новгородское государство, Тверское княжество, Вятскую землю, выстоять в противоборстве с Большой Ордой и Казанским ханством, уладить пограничные споры со Швецией, Ливонской конфедерацией[4] и Великим княжеством Литовским, находившимся тогда в личной унии с Польским королевством. Все эти конфликты были успешно разрешены, хотя победы над многочисленными врагами дались Державному нелегко и потребовали значительных сил и времени.

Пожалуй, наиболее сложно складывались тогда отношения с Литвой, прибравшей к рукам многие западнорусские земли. В 70—80-е годы XV века Москва пыталась добиться отказа Вильны от мнимых и действительных прав и претензий на Новгород, Великие Луки и Ржевские волости, а также вернуть под свою власть земли князей Одоевских, Воротынских, Белевских. Представители этих фамилий принадлежали к общему роду князей Новосильских, перешедших на литовскую службу в годы междоусобной войны второй четверти XV века в Московском княжестве. Теперь, после зримого усиления Русского государства, они начали возвращаться, побуждаемые к тому агентами Ивана III. На другие территории Великого княжества Литовского

Москва тогда не претендовала. Лишь позднее, уже во времена Василия III, русскими дипломатами было публично заявлено, что Литва «неправдою» держит «отчину» великого князя – Киев, Полоцк и другие города Русской земли[5]. Впрочем, и в то время Москве пришлось ограничиться присоединением лишь Смоленской земли.

Литовские великие князья не смогли смириться с потерей в порубежных войнах 1487–1494 и 1500–1503 годов части восточных территорий. Стремление добиться реванша просматривается во многих действиях Александра Казимировича, сумевшего вновь объединить под своей властью и Литву, и Польшу, а затем в действиях его брата и преемника – Сигизмунда I Старого. История русско-литовских отношений первой половины XVI века знает целую серию войн: 1507–1508, 1512–1522 и 1534–1537 годов. Впрочем, последняя произошла уже после смерти Василия III и в данной книге не рассматривается. Показательно, что большинство мирных соглашений, заключавшихся тогда между Москвой и Вильно, носили временный характер перемирий. В 1503 году было заключено 6-летнее Московское («Благовещенское») перемирие. В 1522 году русские и литовские послы подписали новое докончание о 5-летнем мире, которое по истечении этого срока оказалось продленным: сначала на 6 лет (Можайское перемирие 1526 года), а затем, в 1532 году, еще на год[6]. Только в 1508 году стороны заключили не перемирие, «Вечный мир»[7], но он сохранялся всего 4 года, сменившись тяжелейшей десятилетней войной. Она истощила силы и Московского государства, и Великого княжества Литовского, но ознаменовалась присоединением к Русской Державе Смоленской земли.

Отношения со Швецией, северным соседом Московского государства, осложнял спор из-за части карельской земли, уступленной ей Великим Новгородом по Ореховецкому договору в 1323 году. Эти территории включали в себя погосты Яскы (Яскис), Огреба (Эйрепя) и Севилакша (Саволакс)[8]. В 1495 году начался поход русского войска к Выборгу. Осада мощной крепости, в середине XV века перестроенной Карлом Кнутсоном, закончилась неудачей, но другие действия московских отрядов были более успешными, особенно предпринятые русскими воеводами военные экспедиции вглубь Финляндии. Наибольший интерес из этих операций вызывает морской поход 1496 года князей Ивана Федоровича и Петра Федоровича Ушатых, войско которых вдоль берега обогнуло Кольский полуостров, захватило 3 шведских корабля и разорило «Каянскую землю» (Северную

Финляндию).

Правитель Швеции Стен Стуре, встревоженный этими вторжениями, в августе 1496 года нанес ответный удар. 70 шведских кораблей высадили у стен русской крепости Иван-город 6-тысячное войско. Крепость, неготовая к обороне, была захвачена неприятелями, перебившими всех пленных. Иван III направил против шведов 3-тысячный отряд воеводы князя Ивана Федоровича Гундора и дьяка Михаила Степановича Кляпина, а затем рать псковского наместника, князя Александра Владимировича Ростовского. При приближении русских войск шведы ушли из Ивангорода. В 1497 году в Новгороде между Иваном III и Стеном Стуре было заключено 6-летнее перемирие, впоследствии продлявшееся правительствами Василия III (1524) и Елены Васильевны Глинской (1536).

Русская активность на западных и северных границах тревожила власти Ливонского ордена и дважды – в 1480–1481 и 1501–1503 годах дело доходило до военных столкновений Московским государством, но они, как правило, ограничивались взаимным опустошением сопредельных территорий и заканчивались восстановлением старой пограничной линии[9].

Сложная обстановка сохранялась на восточных и южных границах Московского государства, где продолжались татарские нападения. Их совершали войска двух государств, являвшихся крупными осколками старого Улуса Джучи – Большой Орды и Казанского ханства. Большая Орда (Улуг-Улус), которая также именовалась Намаганским юртом (еще одно, более позднее, официальное название этого государства – «Тахт Эли», то есть Престольная или Тронная держава[10]), претендовала на восстановление былого величия государства Батыя и Берке. Казанское ханство (Казан Канаты) возникло в Среднем Поволжье на территории Болгарского, Джукетауского, Казанского и Кашанского княжеств. Следует признать, что самую большую опасность для Великого княжества Московского в середине XV века представляло именно Казанское ханство. Оно постоянной угрозой нависало над нижегородскими и устюжско-вологодскими землями. Само образование этого ханства происходило в постоянных войнах с Москвой. После отступления из Орды, захваченной его злейшим врагом Кичи-Мухаммедом, хан Улуг-Мухаммед в 1438 году попытался укрыться в литовском тогда Белёве. Несмотря на действующий тогда союз Василия II с изгнанным из родного юрта ханом, московский государь отправил против недавнего союзника свои войска. Командовали им двоюродные братья Василия Васильевича, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Они повели «и прочих князей множество, с

ними же многочисленные полки»[11]. 5 декабря 1437 года под стенами занятого татарами Белёва произошло большое сражение, закончившееся неожиданным поражением великокняжеской рати.

В Белёвской битве московские рати сначала обратили войско Улуг-Мухаммеда в бегство, но это оказалось хитрым маневром. Пока одни татарские отряды отвлекали русские полки, другая часть войск неожиданно ворвалась в Белёв и заняла его. В бою погибли воеводы А. Шонуров, Ф. Тарусский, А. Лобан Стародубский, Н. Туриков, С. Горсткин, К. Порховский, И. Кузьминский, А. Хоробров, Д. Кайса. Воспользовавшись растерянностью противника, войско Улуг-Мухаммеда перешло в наступление и разгромило войска великого князя. Досаднее всего тот факт, что перед сражением хан предлагал Василию II мир и обещал избавить Москву от уплаты дани («даст ми богъ, буду на царстве и доколя буду жив, дотоля ми земли Русскые стеричь, а по выходы ми не посылати, ни по иное ни по что»). Улуг-Мухаммед даже предлагал прислать в заложники одного из своих сыновей, Мамутека (Махмутека). Однако великий князь, уверенный в победе над врагом, принял решение атаковать войско хана, и жестоко просчитался. Впрочем, потери понесли и противники. В сражении были убиты «зять царев и татар много». Однако эти жертвы себя окупили сполна и не стали фатальными. Татарское войско сохранило боеспособность[12].

В 1438 году хан захватил Нижний Новгород, посадив княжить там из своей руки Данилу Борисовича. Он происходил из рода суздальских князей, некогда владевших этим городом. В следующем году, 3 июля, Улуг-Мухаммед «безвестно» пришел к Москве, стоял под городом десять дней, пожег посады, «зла много учини земли Русской» и ушел обратно с множеством пленных. На обратном пути татары выжгли Коломну «и людей множество плени, а иных изсеклъ»[13].

Зимой 1444 года войско Улуг-Мухаммед вышло из Нижнего Новгорода и двинулось к Мурому. Навстречу ему выступили все князья, сплотившиеся на тот момент вокруг Василия II. Свои полки привели князь Галицкий и Углицкий Дмитрий Юрьевич Шемяка, Иван Андреевич Можайский, Михаил Андреевич Белозерский, Василий Ярославич Серпуховской. Узнав о приближении большой русской рати, Улуг-Мухаммед ушел обратно к Нижнему Новгороду. Догнать его главные силы не удалось, но отдельные загонные татарские отряды были настигнуты под Муромом и Гороховцом. Часть налетчиков уничтожили, часть – пленили. Среди последних оказались и некоторые видные военачальники: Ихмуть-мурза и князь Азбердей Миширеванов[14]. Тогда же войско одного из сыновей

хана, Мустафы-султана, было разбито великокняжескими воеводами Василием Оболенским и Андреем Голтяевым под Переяславлем-Рязанским на р. Листани. Сам Мустафа в этом бою погиб.

Военные действия продолжались и в 1445 году. Оставаясь в Нижнем Новгороде, Улуг-Мухаммед выслал в поход против великого князя своих сыновей, Мамутяка и Якуба. Василий II во главе своего войска выступил против татар, но столкновение с ними закончились еще одним его страшным поражением в битве под Суздалем 7 июля 1445 года Суздальская битва произошла у Спасо-Ефимьевского монастыря, на берегу р. Нерли. Как и в Белёвском сражении, превосходство было на стороне русских. Войска «царевичей» Мамутяка и Якуба, сыновей Улуг-Мухаммада, стали отступать, но затем ударили по начавшим преследование и потерявшим строй войскам великого князя. В битве русские потеряли весь свой командный состав: Иван Можайский и Василий Серпуховской были ранены и бежали с остатками своих войск, а сам Василий II, сражавшийся мужественно и получивший несколько ран, вместе с Михаилом Андреевичем Белозерским попал в плен к Мамутяку. Ордынцы потеряли в этой битве около 500 человек. После столь крупной победы торжествующие враги ворвались в Суздаль и три дня грабили его. Затем они двинулись к Владимиру, перейдя через Клязьму, однако жители города успели подготовиться к обороне, и татары не рискнули осаждать его, ограничившись грабежом предместий. После этого Мамутяк и Якуб вернулись в Муром, а оттуда ушли к отцу, в Нижний Новгород[15].

Как видно из сказанного, защитить русское Поволжье от расположившегося на восточных рубежах страны опасного соседа оказалось непросто. Решение этой задачи потребовало чрезвычайных шагов, на которые приходилось идти и самому Василию Васильевичу, и его сыну Ивану III, великому государю, сумевшему лишь через 4 десятилетия после описанных событий смирить казанских властителей, заставить их служить себе и русскому делу.

Иначе складывались взаимосвязи с Крымским ханством, власти которого в то время были заинтересованы в тесном союзе с московским князем для совместной борьбы с Большой Ордой. После гибели хана Ахмеда («Ахмата») в январе 1481 года (по крымским источникам – 21 января, по русским – 6 января)[16], Ордой стали править его сыновья и племянники («Ахматовы дети»), которых традиционно поддерживали Великое княжество

Литовское и Польша. В начале 80-х годов XV века «Ахматовы дети» усилили натиск на Крым, правителю которого порой приходилось прибегать к содействию русского союзника. Так в 1485 году «ордыньский царь Махмут, Ахматов сын» разгромил войска крымского хана Менгли-Гирея (Менгли I Герая), который смог удержать власть в своих владениях лишь с турецкой и, отчасти, с русской военной помощью. Наличие общих врагов – Большой Орды и Литвы – надолго превратило Крым в естественного союзника Москвы, чья поддержка облегчала многие внешнеполитические акции Ивана III[17]. Важным результатом его государственной деятельности стало снижение уровня военной опасности, угрожавшей русским пределам со стороны татарских степей. Прекращение ордынских вторжений и сокращение до минимума мелких и не очень опасных наездов отрядов «ордынских казаков» самым благотворным образом сказалось на внутреннем развитии Русской Державы, проявившись как в росте численности ее населения, так и в увеличении экономического потенциала. Однако после окончательного разгрома Большой Орды (1502 год) крымские ханы попытались подчинить власти Гиреев все татарские юрты. Также они стали добиваться от Москвы признания вассальной зависимости от Кырк-Ера (Киркора), являвшегося резиденцией хана до Бахчисарая[18]. Именно на этой почве в начале XVI века стал вызревать новый русско-татарский конфликт, во многом предопределивший дальнейшую борьбу Москвы с Крымом и Турцией, длившуюся несколько веков.

Основным целям русской внешней политики соответствовали прочие дипломатические инициативы великого князя Ивана III, а затем и Василия III, продолжателя дела своего великого отца. Их вражда с польско-литовскими Ягеллонами естественным образом подтолкнула Москву к диалогу с противниками последних. Среди них были: молдавский господарь Штефан III (первые контакты с ним были осуществлены в апреле 1480 года); венгерский король Матвей I Корвин (1482); германский император Фридрих III (1486). Антиганзейские действия великого князя и подготовка к войне со Швецией способствовали заключению первого русско-датского союзного договора (1493). Василий III обменивался дипломатическими миссиями с магистром Тевтонского ордена Альбрехтом Гогенцоллерном, императором Максимилианом I, папой Львом X. Огромным успехом следует считать заключение военного союза с Тевтонским орденом, в 1519 году начавшим оплаченную русскими деньгами войну против Польского королевства, что не могло не ослабить поддержку Литвы, сражавшейся тогда с Великим княжеством Московским[19].

Исследование основных проблем политического и в первую очередь военного развития Русской Державы на рубеже XV–XVI веков требует не только всестороннего изучения уровня организации его вооруженных сил, но и рассмотрения основных военных событий того времени, реальной оценки действий русского войска в войнах и конфликтах со своими многочисленными врагами.

Глава 1. Военное противоборство Москвы с казанским ханством во второй половине XV века. Русско-ливонская война 1480–1481 годов

В 60-х годах XV века общая обстановка на границах вынуждала московского государя форсировать силовое решение конфликта с Казанью, временами (в 1467–1469, 1477–1478, 1485, 1486 и 1487 годах) выливавшегося в настоящие русско-татарские войны.

Уже первый поход воевод Ивана III, в какой-то степени задевал интересы Казанского ханства, ибо нацелен был на подвластных волжским татарам черемисов.

Вступив на престол 17 марта 1462 года, после смерти отца – Василия II, великий князь отправил своих воевод, Бориса Федоровича Кожанова и Бориса Матвеевича Слепого Тютчева, на Черемисскую землю и Великую Пермь. С ними выступили устюжское, вологодское и галицкое ополчение. Описывая этот поход, автор Архангелогородского летописца рассказал, что «шли воеводы мимо Устюг[а] к Вятке, а по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь»[20]. Результаты экспедиции остались неизвестными, но по реакции противника можно судить, что она удалась, так как «того же лета рать черемисская с тотары казаньскими (!) приходили на Устюжъскии уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали, в полон повели много руских голов». Но устюжане смогли настичь нападавших, побить их, «а полон назад отполонили»[21]. В несколько более сжатом виде о походе Кожанова и Тютчева и ответном нападении черемисов на Верхоужье сообщается во второй редакции Устюжского летописца и Летописце Льва Вологдина. Единственным отличием их от Архангелогородского летописца является указание на боярский чин Бориса Кожанова[22].

Поход 1462 года, как и другие операции первого периода правления Ивана III, был осуществлен еще в условия старой, «устоявшейся военной системы» силами земского ополчения северорусских городов «с вероятным участием служилых людей и во главе с воеводами великого князя». Из сообщений летописцев совершенно ясно, что поход совершался по рекам, на кораблях. Пройдено оказалось в общем счете не менее 1000 верст[23].

* * *

Начало полномасштабным войнам с Казанью было положено в 1467 году, во время очередного династического кризиса в этом татарском юрте. Русское правительство решило вмешаться во внутренние дела ханства, чтобы поддержать династические права на казанский престол Касима, одного из сыновей хана Улуг-Мухаммеда. За пять лет до этого, в 1452 году, он был изгнан своим старшим братом Махмудом (Махмутеком; в русских летописях – Мамутяком) и укрылся в русских владениях. Именно на выделенных Василием II беглому чингизиду землях на реке Оке возникло Касимовское ханство, находившееся в полной вассальной зависимости от Москвы. Центром этого анклава стал Городец-Мещерский, вскоре (в 1474 году) переименованный в честь обосновавшегося в нем хана в Касимов. Новое удельное ханство на Оке стало местом поселения представителей знатных татарских родов, по тем или иным причинам покинувшим свои родные улусы. На протяжении XV–XVI веков касимовские «царевичи» и мурзы постоянно использовались московскими государями при осуществлении планов завоевания соседних татарских ханств, привлекались к участию в боевых действиях на западных и северо-западных рубежах.

С точки зрения Ивана III, удобный момент для вмешательства в казанские дела наступил в 1467 году, когда умер правивший в Казани старший сын Махмуда (Махмутека), бездетный хан Халиль, и на престол взошел его младший брат Ибрагим (Обреим). Часть казанской знати во главе с князем Абдуллой-Муэмином (Авдул-Мамона), недовольная новым «царем», решила в противовес Ибрагиму поддержать права его дяди Касима[24] и пригласила изгнанника вернуться на родную землю и занять ханский трон. Осуществить это предприятие претендент мог только при военной поддержке великого князя Ивана III, которая и была ему оказана.

14 сентября 1467 года русское войско, выделенное в помощь Касиму, выступило в поход на Казань. Командовали ратью один из лучших воевод великого князя Иван Васильевич Стрига Оболенский и незадолго до этого перешедший на московскую службу тверской полководец князь Данила Дмитриевич Холмский. Сам Иван III находился с резервными войсками во Владимире, откуда, в случае неудачи похода, мог прикрыть значительную часть русско-казанской границы[25]. Предчувствие не обмануло московского князя. На переправе в устье реки Свияги Касим и русские силы были встречены большим казанским войском и вынужденно остановились на правобережье Волги. Воеводам оставалось ждать «судовую рать», двигавшуюся на помощь по рекам Клязьме, Оке и Волге, но она так и не успела до

морозов подойти на помощь войску Стриги Оболенского и Холмского. Попытка заманить на свой берег и захватить татарские речные корабли также не удалась. Поздней осенью 1467 года русские полки вынуждены были начать отступление к границе. Оно оказалось тяжелым – «истомен же бе путь им, поне же бо осень студена бе и дождева, а корму начат не оставати»[26].

В ожидании ответного нападения казанских отрядов Иван III приказал готовить к обороне пограничные города – Нижний Новгород, Муром, Галич и Кострому, разослав туда свои заставы. Действительно, зимой 1467/1468 года татары напали на хорошо укрепленный еще в годы противоборства Василия II с Юрием Звенигородским и его детьми Галич. Однако большая часть своевременно извещенного местного населения, привычного к нападениям врагов, успела укрыться в городе. Галичане вместе с подоспевшей им на помощь лучшей частью московского войска – «двором великого князя» – под командованием князя Семена Романовича Ярославского не только отбили нападение, но и совершили ответный лыжный поход на черемисов (марийцев), земли которых входили в состав Казанского ханства. Русские полки в конце похода находились всего в дне пути от татарской столицы, «повоеваша всю ту землю». Вернулись они к празднику Крещения Господня – 6 января 1468 года[27].

Боевые действия шли и на других участках русско-казанской границы. Муромцы и нижегородцы опустошали татарские порубежные селения на Волге, «а с Вологды ходиша тако ж, и устюжане и кичмежане и воеваша по камен по Вятке и много избиша и плениша»[28]. В отместку за этот поход войной на устюжские места пришло татарское войско. В конце зимы 1467/1468 года оно дошло до верховьев реки Юга и сожгло городок Кичменгу («с людьми огнем сожгли»)[29]. Против них выступил Иван Стрига Оболенский, прогнал казанские отряды, преследовал их до реки Унжи, но догнать не смог. Тогда, разорив земли черемисов, союзников казанских татар, вернулся в Москву.

На Вербной неделе (4—10 апреля 1468 года) казанцы и черемисы разграбили две костромские волости, в мае выжгли окрестности Мурома, однако в последнем случае совершивший нападение татарский отряд был все же настигнут и уничтожен ратью князя Данилы Холмского.

В начале лета 1468 года выступившая из Нижнего Новгорода «застава» князя Федора Семеновича Хрипуна Ряполовского у Звеничева Бора, в 40 верстах от Казани, вступила в сражение с большим татарским войском, усиленным отборной ханской гвардией («двор царев, много добрых»). Московская «застава» смогла уничтожить почти все войско противника. В сражении

погиб «богатырь и лиходей» Колупай, в плен попал князь Ходжум-Берде («Хозум-Бердей»). В это же время небольшой отряд воеводы Ивана Дмитриевича Руно (ок. 300 воинов) через Вятскую землю совершил успешный рейд вглубь Казанского ханства.

Активность московских войск стала неприятным сюрпризом для казанцев, и они решили подчинить себе Вятский край, обезопасив северные границы ханства. На первых порах их войскам сопутствовал успех. Оккупировав земли вятчан, татары перерезали пути доставки в край продовольствия. В самом крупном городе края Хлынове была поставлена татарская администрация. Показательно, что заключенный между победителями и местной знатью договор носил довольно мягкий характер. Самым тяжелым (и неприемлемым для Москвы) условием вятской капитуляции было соблюдение нейтралитета в шедшей тогда русско-казанской войне, принимавшей все более ожесточенный характер. Однако после победы «заставы» у Звеничева Бора в ходе боевых действий наступила недолгая пауза[30].

Завершилась она весной 1469 года. Русским командованием был разработан и принят к исполнению новый план предстоящей кампании, который предусматривал согласованные действия двух московских армий на сходящихся направлениях. На главном – нижегородском – вниз по Волге до Казани должна была наступать рать воеводы Константина Александровича Беззубцева. Подготовка похода не скрывалась и носила демонстративный, отвлекающий характер. В составе великокняжеской рати на Казань были посланы даже московские купцы и посадские люди, которым выступить в поход было «пригоже по их силе».

Другое войско формировалось в Великом Устюге под стягом князя Данилы Васильевича Ярославского и включало в себя устюжские и вологодские отряды. В качестве младших воевод, по сути, сотенных командиров, в Устюг были отправлены 9 детей боярских из «двора» великого князя[31]. Выступив в поход, эта рать, насчитывавшая около 1000 воинов, должна была пройти по северным рекам почти 2 тыс. километров и выйти в верховья Камы. Затем уже Устюжскому войску надлежало спуститься по ее течению до устья, и, будучи в глубоком тылу у татар, подняться на веслах вверх по Волге до Казани с юга как раз к тому дню, когда туда должна была прибыть рать Константина Беззубцева. Возлагаемые на этот рейд надежды оказались напрасными из-за невозможности сохранить планы в тайне. Находившийся в Хлынове татарский наместник своевременно известил хана Ибрагима не только о подготовке рейда, но и о численности и боевых возможностях войска Данилы Васильевича Ярославского,

о времени выступления князя в поход.

Однако главная причина неудачи предпринятого в 1469 году наступления на Казань заключалась в отсутствии у русского командования навыков стратегического планирования операций на нескольких театрах военных действий и их технического исполнения. По-видимому, не существовало тогда и специальной службы, ведавшей оперативной подготовкой движения войск по сходившимся направлениям.

Общий план кампании очень скоро подвергся ревизии. Из-за затянувшихся переговоров с ханом Ибрагимом воеводе Беззубцеву, находившемуся с войском в Нижнем Новгороде, было предписано отправить в поход к Казани лишь часть своих полков, укомплектовав их исключительно добровольцами. Таким образом всей операции придавался характер набега «охочих людей», якобы вышедших из-под воли великого князя. Однако расчеты московских стратегов не учитывали настроения собравшихся в Нижнем Новгороде воинов. Получив приказ великого князя, в поход выступила вся рать, избравшая новым воеводой Ивана Дмитриевича Руно. Константин Беззубцев, согласно повелению Ивана III, остался в Нижнем Новгороде.

На рассвете 21 мая русские корабли подошли к Казани. Татары, застигнутые врасплох, не смогли отстоять посады и отступили за крепостные стены. Пригороды оказались выжженными московскими воинами. После этого успеха, опасаясь ответного нападения собиравшегося к Казани неприятельского войска, русская рать в полном порядке отступила вверх по Волге, став лагерем на Коровничем острове. По-видимому, Руно хотел дождаться подхода Устюжского отряда, возможно, и вятчан, которым был послан призыв великого князя помочь его полкам под Казанью. Но договор о нейтралитете с Казанью и реальная угроза прекращения доставки хлеба в их край вынудили жителей Вятки остаться в стороне от шедшей на Волге войны. Более того, как отмечалось выше, татары от своих наместников в Хлынове были подробно проинформированы о походе войска князя Данилы Васильевича Ярославского. Поэтому, не дожидаясь соединения русских отрядов, противник решился напасть на Коровничий остров. Но неожиданного удара не получилось. Бежавший из Казани русский пленник предупредил воевод о готовящейся атаке. Она была отбита, но Руно, опасавшийся новых нападений, перенес лагерь в более безопасное место – на Ирыхов остров. Однако имевшиеся у воеводы запасы продовольствия подошли к концу. Прибывший к войску из Нижнего Новгорода и принявший командование Константин Беззубцев начал отводить полки к своей границе.

Узнав о начавшемся отходе русской рати, хан Ибрагим послал в погоню речную флотилию и большое конное войско. 23 июля 1469 года (дата битвы установлена Н. С. Борисовым) произошло самое крупное сражение похода. Два войска вновь встретились у Звеничева Бора, но на этот раз противники бились не на земле, а на волжских волнах. Неоднократно русские насады и ушкуи обращали казанские корабли в бегство, но каждый раз татарские речные корабли, прикрывавшиеся конными стрелками с левого берега реки, быстро перестраивались и возобновляли нападения. Исход битвы остался неопределенным, но русскому войску удалось выйти из боя и без больших потерь вернуться в Нижний Новгород[32].

Менее удачно завершился поход Устюжского войска князя Данилы Васильевича Ярославского. К середине июля его насады еще были на Каме. В устье этой реки татары преградили русской флотилии дальнейший путь, поставив поперек Волги свои связанные корабли. Произошел настоящий абордажный бой, в ходе которого русское войско потеряло 430 человек, то есть почти половину от первоначального числа. Среди павших был сам Данила Ярославский, погиб второй воевода Никита Бровцын, в плену оказались Тимофей Плещеев «со многими товарищы». Остатки русского войска, которое теперь вел князь Василий Ухтомский, «скрозь рать тотарскую пробилишася, и татар тмочисленно избиша и потопиша»[33] и ушли вверх по Волге мимо Казани, к Нижнему Новгороду.

На этот раз пауза в военных действиях была непродолжительной – длилась она не более трех недель. В августе 1469 года Иван III принял решение двинуть на Казань не только остатки Нижегородской и Устюжской ратей, но и резервные войска, поставив во главе армии своего брата, князя Юрия Васильевича Дмитровского. В составе этого войска находились отряды и другого брата великого князя – Андрея Васильевича Угличского. 1 сентября русские полки были уже у стен Казани. Попытка казанцев контратаковать была отбита, и город удалось окружить. Вскоре русские воины смогли перекрыть осажденным доступ к воде. Устрашенный силой Москвы, хан Ибрагим, «видя себя в велице беде и начатъ посылати к князю Юрью, и добиша челом на всей воли великого князя». Главным пунктом заключенного соглашения стало согласие казанского «царя» выдать «полон за 40 лет» – почти всех находившихся тогда в Казанском ханстве русских рабов[34].

Военные действия возобновились лишь через 8 лет, осенью 1477 года. Нарушить мир хана Ибрагима побудило полученное им ложное сообщение о разгроме войска Ивана III во время

похода на Новгород. На этот раз яблоком раздора стала Вятская земля, в которой, пользуясь московско-новгородской войной, вновь решили утвердиться татары. По лаконичной летописной записи: «Тоя же зимы казанской царь повоевал Вятку, преступив роту и грады даша за него. А посек и полону поимал много». Войско Ибрагима пыталось пробиться и к Устюгу, но неудачно – «Молома река была водяна, нелзе идти; и он шед един день, да воротился». Ответные нападения русских, прежде всего состоявшийся летом 1478 года поход на Казань судовой рати под командованием князя Семена Ивановича Хрипуна Ряполовского и Василия Федоровича Образца Симского, вынудили хана возобновить мирное соглашение 1469 года[35].

После смерти в 1479 году хана Ибрагима его преемником стал старший сын Али (в русских источниках «Алигам»). Сводный брат и соперник нового хана, 10-летний Мухаммед-Эмин («Магмет-Аминь»), ставший знаменем вполне сформировавшейся тогда в Казани партии сторонников Москвы, был переправлен на Русь. С этого момента он превратился в ключевую фигуру восточной политики Ивана III. Наличие в Москве собственного претендента на ханский трон стало сильным сдерживающим фактором, сыгравшим важную роль в эпоху, когда шла борьба Руси с Большой Ордой за возвращение государственного суверенитета. Опасаясь ответных действий Москвы, казанский «царь» предпочел остаться в стороне от этого конфликта. Русское правительство также вело в отношении Казани сдержанную политику, стараясь избежать возможного нападения с этой стороны. Победа на Угре не вызвала немедленного ухудшения русско-казанских отношений – осложнение обстановки на границах с Ливонией давно уже вынудило московского великого князя перебросить свои лучшие войска на северо-западную границу.

* * *

Первая пограничная война на псковско-ливонском пограничье началась еще летом 1462 года. Псковичи поставили на южном берегу Чудского озера, на «обидном» (спорном) месте, крепость Новый городок. Позднее это укрепление получило имя Кобылий городок. Ответный удар последовал лишь весной 1463 года. 21 марта орденские рыцари, придя «в силе тяжкой», осадили эту крепостицу и подвергли обстрелу из пушек. Город оборонял брянский князь Иван Иванович, который сумел удержать его и известить псковичей. Осаду с Нового городка удалось снять: не

принимая боя, ливонцы «отбегоша от городка, и запасъ свои пометаша». Но затем эти или другие немецкие отряды стали опустошать псковские волости, разрушая «исады», рыболовные запруды на озере – важный источник дохода псковичей. Были разорены большие исады Островцы и Подолешие, а затем – пограничное селение Колпиное. О нападении на него псковским воеводам, ведущим рать к атакованным немцами исадам, сообщил «доброхот из зарубежья чудин». Благодаря своевременному сообщению, разорявшие Колпиное ливонцы были застигнуты врасплох. В произошедшем 31 марта на месте сожженного селения сражении немцы были разбиты подоспевшей псковской ратью, но нападения продолжались, грозя перерасти в полномасштабную войну со всей Ливонской конфедерацией[36].

Следует особо подчеркнуть, что в столь трудное время новгородцы отказались помочь псковичам. Этой фатальной для Новгорода ошибкой, лишившей его в будущем поддержки «младшего брата», сразу же воспользовался Иван III. Он направил на помощь псковичам свое войско под командованием князя Федора Юрьевича Шуйского. 8 июля 1463 года, «на память святого великомученика Прокофья», московская рать вступила в Псков. Вместе с присоединившимися к нему местными ополченскими полками Шуйский осадил немецкий Нейгаузен. При осаде крепости, продолжавшейся «четыре дни и 4 нощи», впервые на этом участке границы были использованы пушки. Но неудачно – «и пустиша псковичи болшею пушкою на городок, и колода вся изломася, и железо около разорвашася, а пущича вся цела»[37]. Тогда же псковская судовая рать выжгла половину ливонской волости Кержелы[38], вернувшись назад «со многим полоном». Прибытие в Псков великокняжеского войска и его активные действия на рубеже вынудили власти Немецкого ордена начать переговоры о мире. В итоге было заключено 9-летнее Наровское перемирие между Псковом и Ливонской конфедерацией. В подписанном договоре содержалось упоминание о старинной юрьевской пошлине (дани), которую полагалось «великому князю давати по старине»[39]. 1 сентября 1463 года московское войско во главе с князем Шуйским покинуло Псков и двинулось обратно в Москву.

Столкновения на рубеже возобновились через 6 лет в марте 1469 года, когда произошло нападение немцев на псковскую волость Синее озеро. Эпизодически порубежные стычки продолжались и впоследствии. В 1480 году обстановка резко обострилась: началась Вторая пограничная война между Ливонской конфедерацией и Псковом. 1 января большой орденский отряд напал на Вышегородок. Пользуясь внезапностью

атаки, ливонцы захватили эту крепость, а 20 января осадили псковский «пригород» Гдов, подвергнув его сильной бомбардировке. Но овладеть городом ливонцы не смогли и отступили, ограничившись сожжением посада и опустошением всей округи. Вновь псковичи обратились за помощью к Москве.

Невзирая на сложное положение, складывающееся на южных рубежах государства, Иван III послал против ливонцев войска под командованием воеводы Андрея Никитича Ногтя Оболенского. 11 февраля 1480 года московская рать, соединившись с псковичами, направилась в Ливонию. Русские овладели одним из орденских замков и разорили окрестности Дерпта, а 20 февраля возвратились в Псков «с множеством полона» и «с многым добытком». Но вскоре после отхода московской рати немецкие нападения на псковские земли возобновились. Весной 1480 года ливонское войско под командованием магистра Бернгардта (Бердта) фон дер Борха осадило Изборск. Только узнав о выступлении в поход большой псковской рати, немцы отступили. Столкновения на границе продолжались. В начале августа 1480 года рыцарям удалось захватить давно уже раздражавший их Кобылий городок, где погибло около 4 тыс. жителей. 18 августа орденская армия, численность которой, по явно завышенному описанию Б. Рюссова, достигала 100 тыс. человек, вновь подошла к Изборску. Осада крепости продолжалась два дня. Не сумев разрушить городские укрепления, немцы двинулись дальше. 20 августа ливонская армия подошла к Пскову. Несмотря на то, что магистр фон Борх смог выдвинуть «против русских силу, какой прежде него никто не собирал», осада Пскова также закончилась неудачей. В бомбардировке города принимали участие ливонские корабли – 13 шнеков, с которых противник пытался высадить десант в Запсковье, «межю святого Лазаря и святого Спаса». Внезапной атакой псковичам удалось разбить высадившийся с кораблей отряд и захватить один шнек. Другие шнеки немцы «пометавше» сами во время начавшегося отступления. Снять осаду и отвести свою армию обратно магистра фон Борха вынудили не только неудачные действия его войск под Изборском и Псковом, но полученные сведения о поражении Ахмед-хана. Именно в это время повелитель Большой Орды был разбит в сражении на бродах (8—11 октября 1480 года) при попытке прорваться на Русь через укрепленное порубежье Угры и Оки[40].

Ответный удар по Ливонской конфедерации Москва нанесла только в феврале 1481 года. Против немцев было послано 20-тысячное войско под командованием князей Я. В. Оболенского и И. В. Булгака Плещеева (старшего брата впоследствии знаменитого московского полководца Д. В. Щени), а также

новгородская рать во главе с наместниками, князем В. Ф. Шуйским и И. З. Станищевым.

В походе 1481 года в Прибалтику участвовал и псковский полк под командованием князя-наместника В. В. Бледного Шуйского. Русские полки перешли ливонскую границу и начали наступление на трех направлениях (к реке Эмбах и озеру Вирц и далее, к городу Тарвасту, на город Каркус и в направлении Феллина). Впервые в зимнем походе московской рати участвовала артиллерия. Наличие у русских большого «наряда» не замедлило сказаться. Поход продолжался всего месяц, но за это время были захвачены крупные города Каркус и Тарваст, а 1 марта началась осада замка Феллин (русское название – Вельяд), ставшего с 1471 года резиденцией магистра Ливонского ордена. Фон Борх за день до подхода русских к своей резиденции бежал из Феллина в Ригу. На протяжении 50 верст его преследовала новгородская рать князя В. Ф. Шуйского. Захватив брошенную магистром часть «коша» (обоза), полк вернулся к главным силам, осадившим Феллин. В результате артиллерийского обстрела была разрушена наружная крепостная стена (охабень), захвачен и сожжен посад. Не дожидаясь штурма замка, жители Вельяда согласились на выплату великокняжеским воеводам большого выкупа (2 тыс. рублей). В знак победы псковичи увезли с собой восемь «колоколов вельядских». В Псковской 2 летописи (Синодальный список) был отмечен фактор неожиданности русского нападения: «А Немецкая вся земля тогда бяше не в опасе, без страха и без боязни погании живяху, пива мнози варяху, ни чаяху на себе таковыя пагубы, богоу тако изволившю. И бывше 4 недели в Немецькои земли, възратишася ко Пскову съ многою корыстью ведуще с собою множество полона ово мужи и жены и девици и малыя дети и кони и скоты, и поможе богъ въ всяком месте воеводам князя великого и псковичем».

Ливонские власти, испуганные возросшей военной мощью Московского государства, поспешили начать мирные переговоры, завершившиеся 1 сентября 1481 года подписанием в Новгороде 10-летнего перемирия. Условия его были зафиксированы в двух соглашениях, в первом случае скрепленных представителями дерптского епископа и Пскова, во втором – Ордена и Великого Новгорода. Обе стороны, договорившись сохранить старую границу («А земли и воде Великому Новугороду с князем мистром старыи рубеж – Щуцкого (Чудского – *В. В.*) озера стержнем Наровы реки в Солоное море»), несколько изменили условия обеспечения торговли русскими товарами в Нарве (Ругодив) и других городах Ливонии[41].

Укрепив свою власть в Новгородской земле и отразив агрессию ливонцев против Пскова, великий князь вновь обратил внимание на восток. Он принял решение завоевать для жившего в Москве татарского царевича Мухаммеда-Эмина Казанское ханство. В 1482 году Иван III начал готовить большой поход на Волгу, однако тогда дальше демонстрации московской силы дело не пошло. Устрашенные возможностью сокрушительного русского вторжения татары поспешили заключить с русским государем мир, по-видимому, на весьма выгодных для него условиях[42]. Несостоявшийся поход интересен несколькими подробностями своей подготовки. Во-первых, как и 1469 году, вторжение готовилось не только с запада – на Волжском направлении, но и с севера – на Устюжско-Вятском, куда с полками были посланы воеводы Василий Федорович Сабуров, Василий Федорович Образец Симский и князь Семен Иванович Хрипун Ряполовский. Во-вторых, для участия в походе в Нижнем Новгороде была сосредоточена артиллерия, в том числе и осадная, при которой находился Аристотель Фиораванти. И наконец была создана и действовала единая система управления войсками. Об этом свидетельствует сохранившийся фрагмент наказа, посланного стоявшим в Нижнем Новгороде воеводам – Ивану Васильевичу Булгаку, Семену Ивановичу Молодому Ряполовскому и Ивану Юрьевичу Шаховскому. Он содержал указание (по определению Ю. Г. Алексеева, «директиву главного командования») действовать против противника в «лехких судах», видимо, для устрашения его[43].

Мирные отношения с Казанью вполне устраивали Ивана III, но когда в 1485 году недовольные Али-ханом казанцы выступили против него, великий князь поспешил использовать эту ситуацию и все-таки добиться провозглашения новым «царем» своего ставленника Мухаммед-Эмина. К Казани было отправлено русское войско под командованием князя Василия Ивановича Шихи Оболенского и Юрия Захарьича Кошкина. Они успешно выполнили свою задачу, и казанским «царем» стал 17-летний Мухаммед-Эмин, почти всю сознательную жизнь проживший в Москве и вполне готовый признать верховную власть русского государя. Однако его подданные к этому готовы не были. Особое возмущение вызвало у них согласие нового хана выдать врагов Москвы присланным от великого князя воеводам – Василию Ивановичу Оболенскому, Василию Семеновичу Тулупу Стародубскому и Тимофею Прозоровскому. Узнав об этом, «князи казанские воле ему не дали, хотели Магмедина самого убити»[44]. Зимой 1485/1486 года Мухаммед-Эмину и его младшему брату Абдул-Латифу пришлось бежать к великокняжеским воеводам и

под их защитой отступить на русскую территорию. Иван III радушно принял изгнанников. Мухаммед-Эмин был пожалован городом Каширой, щедрые пожалования получил его брат и другие знатные беглецы.

Воспользовавшись бегством Мухаммед-Эмина, на казанский престол при поддержке ногайцев вернулся Али-хан. Сохранилось сообщение о его намерении расправиться со своими недругами (без сомнения, теми князьями и мурзами, которые передали престол Мухаммед-Эмину), но им также удалось уйти в русские пределы.

Весной 1486 года московские полки сумели вернуть Мухаммед-Эмина на казанский престол, но после их ухода сторонники Али-хана вновь взяли верх и вынудили московского ставленника бежать на Русь.

Поддержка, оказанная Иваном III сопернику Али-хана, несомненно испортила и без того сложные русско-казанские отношения. Косвенным подтверждением тому является начавшееся укрепление городов, которые могли подвергнуться татарскому нападению[45]. Новая война была неизбежна, и великий князь, учитывая опыт прошлых неудач, решил добиваться политического подчинения Казанского ханства. Лишенный престола, но сохранивший титул «царя», Мухаммед-Эмин вынужден был дать Ивану III вассальную присягу и назвать его своим «отцом»[46].

В Москве начинаются масштабные военные приготовления, так как реализовать далеко идущие замыслы великого князя о подчинении Казани было невозможно без окончательной победы над Али-ханом и воцарения на казанском престоле Мухаммед-Эмина. 11 апреля 1487 года в решающий поход на Среднюю Волгу выступило войско, которое вели лучшие московские воеводы – князья Данила Дмитриевич Холмский, Иван Андреевич Дорогобужский, Семен Иванович Хрипун Ряполовский, Андрей Васильевич Оболенский и Семен Романович Ярославский. 24 апреля вслед за ними к выступившему на Казань войску выехал и «царь» Мухаммед-Эмин[47].

Татары попробовали остановить продвижение московской рати, но были разбиты в сражении близ устья реки Свияги и отступили к Казани. 18 мая 1487 года началась осада города. Казань окружили валом и частоколом (острогом). Отряд князя Али-Газы (Алгазы), пытавшийся препятствовать осадным работам русских, был разбит и отогнан за Каму[48]. Осада продолжалась три недели, по истечении которых 9 июля 1487 года Казань сдалась, русское войско вступило в город. Али-хан, его жены, мать царица Фатима, братья Мелик-Тагир и Худай-Кул, а также

сестра, царевна Ковгар-Шад, были уведены в плен. Свергнутого хана вместе с женами заточили в Вологде, его близких – на Белоозере, в пригородной слободе Карголом, другие знатные татары оказались «розсажены по посельским» (великокняжеским селам). Репрессии не ограничились выводом самых опасных противников Москвы. В Типографской, Воскресенской летописях и Третьем кратком Волоколамском летописце содержатся сведения о казни «коромолных князей и уланов» и «иных коромолников»[49].

Пленные татары, согласившиеся дать «роту» (присягу), что «им государю хотеть великому князю добра», были отпущены обратно в Казань, где прочно воцарился Мухаммед-Эмин, а московским наместником при нем стал Данила Васильевич Шеин.

Победа, одержанная Москвой над Казанью, имела огромное значение. Окончательно покорить татарское государство в 1487 году не удалось, но на долгие годы оно попало в тесную зависимость от русской политики. Впрочем, московское правительство не выдвигало тогда к Казани особенных территориальных и политических требований, ограничившись полученными от нового казанского «царя» обязательствами не воевать против Русской Державы, не выбирать нового хана без согласия великого князя, а также гарантиями обеспечения безопасности русской торговли. Мухаммед-Эмин пользовался полным доверием и поддержкой русского правительства вплоть до кризиса 1495–1496 годов, когда Казань была захвачена войсками сибирского царевича, шейбанида Мамука. Свергнутый казанский «царь» укрылся на Руси, где получил в кормление Каширу, Серпухов и Хотунь. Командуя великокняжескими войсками, он принимал участие в войне с Литвой 1500–1503 годов.

Новым ханом после отступления Мамука, в 1496 году, был провозглашен младший брат Мухаммед-Эмина, Абдул-Латиф. В отличие от старшего брата, он воспитывался не при московском дворе, а в Крыму. Укрепившись на престоле, Абдул-Латиф решил разорвать мир с Москвой, но в 1502 году был выдан русскому послу, князю Василию Ивановичу Ноздроватому Звенигородскому, а затем сослан на Белоозеро. В Казань вернулся «московский татарин» Мухаммед-Эмин, поначалу соблюдавший верность Москве, но затем под нажимом князей и уланов занявший более независимую позицию и восстановивший полный суверенитет своего государства. Изменение характера русско-татарских отношений произошло накануне смерти Ивана III (27 октября 1505 года). Воспользовавшись близостью кончины великого князя, Мухаммед-Эмин отказался возобновить

договорные отношения, существовавшие между ним и Москвою. Позже, уже после смерти Ивана III, «царь» использовал в качестве объяснения своих враждебных действий «роту», которую он дал свергнутому Дмитрию-внуку, находившемуся в заточении у нового русского государя, Василия III. В своем ответе на присланное из Москвы требование о новой присяге казанский хан сообщал: «Яз есми целовал роту за великого князя Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дня живота нашего, и не хочю быти за великим князем Васильем Ивановичем. Великий князь Василей изменил братаничю своему великому князю Дмитрею, поимал его через крестное целованье, а яз, Магмед Аминь казанский царь, не рек ся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты есми пил, ни быти с ним не хощу»[50].

Разрыв отношений между Москвой и Казанью был омрачен русским погромом, произошедшим за несколько месяцев до кончины Ивана III. 24 июня 1505 года были перебиты и пленены находившиеся в Казани московские купцы и их люди (всего, по сообщению Ермолинской летописи, погибло «болши 15 тысящь, из многих городов»), арестованы великокняжеские послы – сокольничий Михаил Степанович Кляпик Еропкин и Иван Брюхо Верещагин[51]. Тогда же был разбит московский отряд численностью в 10 тыс. воинов – об этой победе год спустя хан Мухаммед-Эмин вспоминал в направленном в Литву послании. Воодушевленные успехом татарские и союзные им ногайские отряды, общей численностью до 60 тысяч человек, впервые после многих мирных лет напали на нижегородские волости. 30 августа 1505 года вражеские войска перешли пограничную реку Суру, а в сентябре не только осадили Нижний Новгород, но и сожгли его посад[52]. Сам город, в котором почти не было служилых людей, устоял лишь благодаря заслугам 300 литовских пленников, присланных после Ведрошской победы и выпущенных воеводой Иваном Хабаром Симским с условием помочь русским ратникам отстоять город.

Русское правительство предприняло попытку вернуть Казанское ханство под свою власть и в апреле 1506 года направило на Волгу большое карательное войско – «воевод множество и воиньство бесчислено». Командовал им младший брат Василия III, удельный князь Дмитрий Иванович Углицкий («Жилка»). В походе принимали участие войска и другого удельного князя – Федора Борисовича Волоцкого, а также часть великокняжеской рати под командованием князя Федора Ивановича Бельского. Большая часть войска шла к Казани на кораблях, по берегу двигался лишь конный полк князя

Александра Владимировича Ростовского. Русское командование попыталось также блокировать «перевоз» на Каме, направив туда рать князя Семена Федоровича Курбского[53]. 22 мая 1506 года судовая рать подошла к татарской столице и вступила в бой с противником. Атакованная с тыла казанской конницей («заехаша от судов на конех»), она потерпела поражение и была разбита у Поганого озера[54]. Потеряв множество воинов убитыми и пленными, полки Дмитрия Жилки отступили к своему укрепленному лагерю и укрылись в нем[55]. В числе пленных был и третий воевода Большого полка, Данила Васильевич Шеин, через месяц, накануне второго сражения русских и татарских войск, казненный казанцами[56].

Получив известие о неудачном сражении, Василий III срочно направил из Мурома к Казани новое войско под командованием князя Василия Даниловича Холмского, приказав брату не начинать активных действий до прибытия этой рати. Тем не менее, 22 июня 1506 года, после прихода конницы князя А. В. Ростовского, русское войско, «не дожидаяся князя Василья Даниловича и иных воевод, не по великого князя приказу», стало готовиться к сражению. Оно произошло через три дня, 25 июня. Московское войско снова было разбито казанцами и, потеряв все пушки, отступило. Князь Дмитрий Иванович с полками судовой рати на кораблях ушел к Нижнему Новгороду. Другая часть разбитой армии под командованием касимовского «царевича» Джаная и воеводы Федора Михайловича Киселева ушла степью на Муром. В 40 верстах от русской, на реке Суре, отряд Джаная и Киселева был настигнут татарами, но сумел отбиться и ушел на свою сторону, уводя с собой пленных татар[57].

Оценивая результаты этой войны, А. А. Зимин полагал, что произведенное ею на Василия III впечатление привело к росту недоверия князя к полководческим талантам своих братьев. Якобы после Казани великий князь более не доверял им руководство большими походами. Но известно, по крайней мере, одно исключение – в 1514 году Дмитрий Жилка стоял с войсками в Серпухове, прикрывая границу и фланг шедшей на Смоленск главной русской армии от внезапного нападения крымских татар[58].

Продолжение конфронтации с Москвой не устраивало Мухаммед-Эмина, хотя первоначально, воодушевленный успехом, он попытался заключить антирусский союз с Крымом и Литвой и направил своих послов в Кырк-Ер и Вильну. Дошедшее до нас послание казанского хана королю польскому и великому князю литовскому Александру Казимировичу с сообщением о победе

под Казанью настолько воодушевило адресата, что тот решил вступить в союз с Казанью и Крымом и начать подготовку новой войны с Москвой. Помимо прочего, Мухаммед-Эмин писал, что после того, как покойный уже Иван III направил свое войско на Казань «мы тое все воиско з Божю помочю побили, десять тысяч его в наших руках померли, и сего году в головах сын его князь Василей послал брата своего князя Дмитрия водою, а с ним пятьдесят тисечи люду, а другого брата сухом посылал, а с ним шестдесят тисячеи конного люду нас воевати присылал. И Бог нам помог. Которое воиско к нам водою пришло, тых есмо побили и после того шестдесят тисяч конное рати з братом его притягнуло и мы есмо против вышодчи били ся и побили шестдесят тисячеи, кголовных князеи и бояр его поимавши, саблею своею карали есмо. И тот брат его, на котором кони приехал, не мог на том кони назад втечи, в чолну втек»[59]. Литовская сторона направила в Казань своего посла – Сороку, но к этому времени ситуация в отношениях между Василием III и Мухаммед-Эмином изменилась в лучшую сторону.

Хан, на словах стремившийся к восстановлению полной независимости своего государства, но не понаслышке знавший о силах Руси, сразу же забыл о воинственных намерениях, едва узнал о желании Москвы нормализовать отношения с Казанью. Были начаты мирные переговоры о заключении с Русской Державой равноправного договора и восстановлении добрососедских отношениях. Несмотря на пришедшие из Литвы призывы продолжить войну с Москвой, Мухаммед-Эмин продолжил переговоры с представителями Василия III, освободив русского посла М. С. Кляпика Еропкина и всех пленных[60]. В марте следующего 1507 года мир между Русской Державой и Казанским ханством был возобновлен и поддерживался вплоть до апреля 1521 года. Впрочем, отныне русское правительство стало более настороженно относиться к своему восточному соседу, укрепив пограничные города. Так, с осадой Нижнего Новгорода в сентябре 1505 года связана последующая постройка в этом городе в 1508–1510 годах каменной крепости. Возводил ее с учетом новейших фортификационных достижений XVI века итальянский мастер Петр Фрязин.

Несмотря на перечисленные эксцессы, время от времени омрачавшие русско-казанские отношения, в целом они развивались в мирном русле, что позволило Ивану III после победоносного похода 1487 года сосредоточить усилия на решении других внешнеполитических задач, прежде всего – возвращении западнорусских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского.

Глава 2. Новгородские походы Ивана III

Одной из приоритетных задач, вставших перед великим князем Иваном Васильевичем к началу 1470-х годов, была необходимость полного подчинения Новгородской земли. Прежде рассмотрения хода разразившейся войны стоит разобраться, действительно ли этот длительный конфликт с градом Святой Софии оказался связан с осознанием Иваном III ограниченности внутренних ресурсов Московского княжества, недостаточных для противоборства с наследниками Золотой Орды. Такое предположение было выдвинуто Николаем Сергеевичем Борисовым[61]. Думается, истоки неприятия великим князем новгородской независимости лежат гораздо глубже и объясняются целым комплексом причин, среди которых, конечно, присутствовала и указанная. Но она была далеко не главной. Новгород давно уже стал центром притяжения всех враждебных Москве сил. Там после разгрома своих полков укрылся принятый с почетом галицкий князь Дмитрий Шемяка и его люди, туда слал посольства польский король и великий князь литовский Казимир IV Ягеллончик, мечтавший устранить растущую для него опасность с Востока. Кроме того, Господин Великий Новгород (официальное обозначение этого государства) был богатейшей из русских земель, перекрывавший и контролировавшей доступ к морским путям в Европу и ценнейшим товарам Севера. О немереных богатствах вечевого государства хорошо знали не только в Москве, но и в Литве, также готовой прибрать к рукам огромный край, простиравшийся от Балтийского моря до Урала и от Кольского полуострова – до Верхней Волги. В борьбе за Новгородщину Москва опередила Вильно, но задача организации присоединения Новгородской земли оказалась непростой и потребовала военного решения. И это при том, что огромное и богатое государство не имело профессиональной армии как таковой. Исключением были небольшие боярские дружины и воины Владычного (архиепископского полка). В случае опасности новгородцы вооружались и соединялись в ополчение, состоявшее из 5 кончанских полков, которые являлись тактическими единицами (Загородский, Неревский, Людин, Славенский и Плотницкий). Каждый кончанский полк делился на две сотни, сотню комплектовали несколько улиц. Полки возглавлялись избранными на вече воеводами. Там же избирался предводитель ополчения – тысяцкий. Свои ополченские полки выставляли и крупнейшие из новгородских «пригородов»: Ладога, Руса (Старая Русса), Торжок, Бежецкий Верх. Внебольших «пригородах» –

Копорье, Яме, Орешке, Кореле и других – формировались ополченские сотни. Боярские дружины и Владычный полк составляли костяк этой рати.

В ходе административных преобразований, проведенных в середине XIV века, новгородское тысяцкое командование было преобразовано в коллективный орган власти. Возглавлял его отныне степенной (главный) тысяцкий, выступавший от имени всего Господина Великого Новгорода, которому подчинялись кончанские тысяцкие. В XV столетии была введена ежегодная ротация степенных тысяцких, что позволило обеспечивать равное представительство на этой должности бояр от разных городских концов. Однако эта система, удобная в дни мира, оказалась плохо работающей во время войны, так как затрудняла руководство и без того плохо скомпонованных ополченских полков, действовавших в бою несогласованно. Общая численность войск, которые мог выставить Господин Великий Новгород, составляла 30–40 тысяч воинов (в середине и второй половине XV века в Новгородской земле жило около 500 тыс. человек).

Отсутствие постоянных вооруженных сил объяснялось установившейся традицией приглашать для защиты страны понравившегося вечевикам князя. Он прибывал со своим двором – личным войском, княжеской дружиной. В XIV–XV веках ситуация изменилась – Новгород стал заключать договоры с великим князем Владимирским, который обязывался в случае опасности присылать рати для защиты новгородцев. Взамен они принимали одного из сыновей великого князя или его наместника, ведавшего организацией обороны, исполнявшего некоторые судебные функции. Во время войны он становился главным военачальником, командовавшим в том числе и собранными боярскими дружинами, а также ополчениями, городским и пригородными. Известны случаи, когда новгородцы приглашали к себе на наместничество и литовских князей Гедиминовичей, давая им «в кормление» северные и западные территории Новгородской земли[62]. Впрочем, московский протекторат был для Господина Великого Новгорода привычней и предпочтительней, но только до той поры, пока не затрагивал его вольностей.

Великий князь давал защиту граду Святой Софии, но в случае необходимости мог и повернуть свои рати против дерзких и мятежных вечевиков, сплошь и рядом не считавшихся с интересами Москвы и даже действовавших против нее. Достаточно вспомнить разбойные рейды новгородских ушкуйников, не раз разорявших и русские земли. В них участвовало иногда до полутора-двух тысяч воинов на многих

десятках кораблей – «ушкуях». Эти рейды отличались от обычных военных походов новгородцев тем, что совершались «без новгородского слова» И хотя последнее упоминание о походе ушкуйников относится к 1409 году, но мрачная память о разорении ими Нижнего Новгорода и Костромы сохранялась очень долго.

Все же до поры до времени великие князья предпочитали в отношении Новгорода действовать осторожно, решая возникшие конфликты прекращением хлебной торговли, крайне важной для северо-западных земель, или своего рода карательными акциями, не ставившими целью захвата новгородских земель. Без наказания остался даже замысел убить Василия II во время его пребывания в Новгороде «миром» в 1460 году. Такую несвойственную Москве мягкость и осторожность можно объяснить лишь опасением взорвать ситуацию, вызвав большую войну, в которой против великого князя могли выступить все его враги, включая некоторых из русских правителей, а также Ганза, Шведское королевство, Литва и Польша, Ливонская конфедерация и даже Орда. Затруднила и отодвинула решение Новгородского вопроса и междоусобная война, вспыхнувшая в Московском княжестве во второй трети XV века.

Державного государя Ивана III эти обстоятельства уже не сдерживали. Заметно усилившееся при нем Великое княжество Владимирское и Московское (в начале правления князя, в 1464 году, к Москве было присоединено Ярославское княжество) оказалось в состоянии разобраться со всеми врагами, хотя и поочередно. При этом оно опиралось на союзников, число которых значительно возросло. На стороне Москвы выступали теперь Ростовское и Тверское княжества, Псков. Были московские доброхоты и в самом Новгороде. От целого ряда внешнеполитических проблем избавил Ивана Васильевича союз с перекопским (крымским) ханом Менгли-Гиреем, в дальнейшем ставший сильным сдерживающим фактором и для короля Казимира IV, и для правителя Большой Орды Ахмеда. Пришло время действовать. Москве нужен был лишь повод и этот повод, естественно, появился.

В шедшей в Новгороде постоянной борьбе за лидерство верх взяла боярская партия Борецких, ориентировавшаяся на сближение с Литвой. Эта противная Москве группировка решила воспользоваться кончиной новгородского владыки Ионы, умевшего договариваться с Державным и убедившего князя «тихими очами взирать» на Великий Новгород. Этот архиепископ, бывший одновременно с этим главой вечевой республики, умер 8 ноября 1470 года. Новый владыка Феофил был избран по жребию

лишь через 9 дней и не мог помешать активизировавшимся сторонникам короля. За это время вдова прежнего главы пролитовской партии Исаака Андреевича Борецкого, Марфа, прозванная новгородцами «Посадницей», и двое их сыновей, Дмитрий и Федор, взяли верх над сторонниками Москвы. Борецким и архиепископскому ключнику Пимену, противнику Феофила, удалось подкупить «худых мужиков вечников». На вечевом собрании они переорали своих противников и забросали их камнями. Запуганное людьми Борецких вече потребовало отправки посольства к королю – просить помощи против Москвы. В Литву немедленно отправились житьи люди (младшие бояре) Панфил Селивантов и Кирилл Иванов сын Макарьин, объявившие Казимиру IV: «волныи есмы люди Великыи Новъгород, бъем челом тебе, честному королю, что бы еси, государь, нашему Великому Новугороду и нам госмодин был»[63]. Казимир IV принял послов благосклонно, но открыто вмешиваться в новгородские дела не спешил. В ответ на прошение веча он отправил в Новгород своего подручного, князя Михаила Олельковича (Александровича). Тот пробыл в Новгороде около четырех месяцев, но затем неожиданно вернулся в Литву. По-видимому, в Москве нашли подход к князю (матерью Михаила была княгиня Анастасия, дочь Василия I и тетка Ивана III), недовольному действиями Казимира, ущемлявшими его личные интересы – после смерти осенью 1470 года правившего в Киеве князя Семена Олельковича, старшего брата Михаила, король ликвидировал самостоятельное Киевское княжество. Наместником в Киеве был назначен преданный ему воевода Мартин Гаштольд, что немаловажно – католик, в отличие от православных Олельковичей. В дальнейшем конфликт между Казимиром Ягеллончиком и Михаилом будет только нарастать: князь примет участие в заговоре против короля и будет казнен по его приказу в 1481 году. Уходил Михаил Олелькович из Новгородской земли чуть ли не с боем. По дороге он ограбил Русу, захватив не успевших укрыться людей в плен.

Подготовкой текста договора Господина Великого Новгорода с Казимиром IV пришлось заниматься самим посадникам. Наконец он был составлен, но остался неутвержденным, так как его подписали представители лишь одной стороны – новгородской. Грамоту, а с ней, как оказалось позже, и смертный приговор себе, скрепили подписями два посадника и пять житьих людей.

Договор предоставлял литовскому великому князю примерно такие же права в Новгородском государстве, как те, что «по старине» принадлежали раньше великим князьям владимирским.

Его составители признавали за Казимиром право присылать в Новгород своего наместника, получать доходы с новгородских волостей, а также утверждали за ним право суда. Со своей стороны, согласно договору, Казимир IV обязывался защищать град Святой Софии от русского государя: «А пойдет князь велики московский на Велики Новъгород, или его сын, или его брат, или которую землю подъимет на Велики Новъгород, ино тебе, нашему господину честному королю, всести на конь за Великий Новгород и со всею своею радою литовскою против великого князя (московского – *В. В.*), и боронити Велики Новъгород». Особо оговаривались церковные дела. Казимир не должен был пытаться ввести католичество в Новгороде. Запрещалось строить «римские церкви» (католические храмы) в Новгороде, в «пригородах», по всей земле Новгородской. Наместник великого литовского князя должен был жить на Городище, быть православного вероисповедания и иметь при себе не более 50 человек. Договор означал полный разрыв с Москвой и переход под власть католической Литвы, хотя пока и при сохранении веры греческой, православной.

Но, несмотря на открывающиеся перспективы, Казимир не спешил воспользоваться ситуацией, желая подключить к будущему союзу и властителя Большой Орды. В ставку Ахмеда из Вильно срочно отправился татарин Кирей Кривой, человек, в верности которого король не сомневался. Это был «купленный холоп» Ивана III, предавший господина и бежавший от его гнева в Литву. Отправляя Кирея к хану, Казимир поручил ему передать Ахмеду (Ахмату) грамоту, в которой предлагал начать войну с Москвой. Свое предложение король подкрепил богатыми подношениями хану и его мурзам. Кирей в свою очередь, желая угодить новому господину, «начал говорить ему (Ахмеду – *В. В.*) от короля на московского князя многие речи лживые и обговоры…, чтоб вольной царь (Ахмед – *В. В.*) пожаловал, пошел на московского князя со всею Ордою, а король с другой стороны пойдет на Москву со всею своею землею»[64]. Кирей пробыл у хана почти год, но так и не сумел убедить его начать войну с Иваном III. Возможно, татарский владыка рассчитывал вмешаться в события после начала конфликта между Вильно и Москвой, в самый удачный для себя момент, но просчитался. Казимир предпочел не рисковать без твердой уверенности получить помощь от Орды и предоставил Новгород своей судьбе, хоть и стремился до возвращения Кирея Кривого, затруднить действия Москвы. С этим, несомненно, связана его попытка запугать псковичей, заставить их воздержаться от поддержки Ивана III в распре с Новгородом[65].

На Волхове ситуация продолжала накаляться. Избрав владыкой Феофила, новгородцы приняли решение отправить его на поставление в сан не к московскому митрополиту Филиппу, а к киевскому митрополиту Григорию – хотя и в прошлом, но стороннику унии с Римом, кафедра которого находилась в Великом княжестве Литовском. Эти действия новгородцев были расценены в Москве как «измена православию» и вызов государю.

Понимая, что такая демонстративно противная Москве политика ведет к разрыву отношений с великим князем, власти Новгорода начали готовиться к войне. Причем без союзников и подготовленных ратных сил. Война, действительно, не замедлила начаться – в мае 1471 года Иван III отослал в Новгород объявляющие о разрыве отношений «грамоты разметные за их неисправленье». Поход был назначен на приближающееся лето, так как весна в том году была поздней. В Москве учли, что после окончания паводка в северо-западной Руси наступает недолгий период ясных дней, дороги становятся проходимыми, болота, через которые вели гати – сухими.

Времени оставалось мало, и начался лихорадочный сбор войск. Особенно важным и в дипломатическом, и в военном отношении для Ивана III было заручиться помощью псковичей. К ним был направлен дьяк Яков Шабальцев со строгим приказом великого князя своему наместнику, Федору Юрьевичу Шуйскому, немедленно «сложить целование» Новгороду и «положити розметнии грамоты… за великого князя обиду». Самому же во главе псковских полков идти разорять порубежные новгородские пределы[66]. Вятское ополчение с Борисом Матвеевичем Слепцом Тютчевым и устюжское с Василием Федоровичем Образцом по слову государя двинулись на принадлежавшие тогда Новгороду земли по Северной Двине. Послы прибыли и в Тверь, «помочи прося на новгородцев», и князь Михаил Борисович также решил выступить на стороне Москвы в войне с Новгородом. На границе собралось тверское войско, командиры которого, воеводы князь Юрий Андреевич Дорогобужский и Иван Никитич Жито, были готовы присоединиться к армии Ивана III в Торжке.

Из Москвы рать за ратью к новгородским границам шли войска. Первыми двигались выступившие на войну 6 июня 1471 года полки Данилы Дмитриевича Холмского и Федора Давыдовича Хромого. Они направлялись к Руссе (Старой Руссе) и дальше, к Демону (Демьянску). За ними 13 июня столицу покинули отряды Ивана Васильевича Стриги Оболенского и служилые татары касимовского «царевича» Даньяра. Им предстояло обойти Новгород с востока, отрезав от северных

«пригородов»[67]. Затем, уже 20 июня, вышли главные силы, с которыми ехал и сам Иван III. Это был стратегический резерв, готовый вступить в дело в чрезвычайном случае. Этого не произошло, и все труды и слава достались Холмскому и Хромому.

Основным театром военных действий стали земли по южному берегу озера Ильмень. Видимо, зная о разделении великокняжеского войска, новгородские воеводы также рассредоточить свои силы. На тот момент основной задачей для них стала защита южных «пригородов», вспомогательной – разгром 10-тысячной псковской рати Василия Федоровича Шуйского и посадника Тимофея Власьевича, продвигающейся к Новгороду с юго-запада. Впоследствии приоритеты сместились – псковичи двигались слишком быстро, именно навстречу им выступило главное новгородское войско Дмитрия Борецкого и Василия Казимира. Выступило, но не дошло, перехваченное московскими воеводами у реки Шелони.

24 июня 1471 года, всего на 8 день после объявления войны, 5-тысячный Передовой полк Холмского и Хромого захватил и сжег Русу. После воеводы двинулись дальше, по приказу великого князя торопясь навстречу приближавшейся с запада псковской рати. Однако марш был прерван боевой тревогой. Подошедшая со стороны озера Ильмень на судах большая новгородская рать высадилась на берег и 7 июля вступила в бой с москвичами у погоста Коростынь. Нападение было внезапным, и поначалу атакующим удалось потеснить воинов великого князя, но затем сказалась лучшая выучка профессиональных бойцов, и ход битвы изменился. В жестоком бою новгородцы потерпели поражение – в их «пешей рати паде много, а инии разбегошася, а иных москвичи поимаша». Но едва было покончено с первым неприятельским войском, как пришла весть, что вторая судовая рать идет к сожженной Русе. Полк Холмского в тот же день атаковал и это новгородское войско, которое также было разбито.

С сообщением об этих победах из Русы к Ивану III был отправлен гонец, который 9 июля обрадовал новостями великого князя, найдя его в ставке у озера Коломно близ Вышнего Волочка. Сами же воеводы пошли к Демону, стоявшему на реке Ловать. По пути к этому «пригороду» их нагнал гонец, доставивший новый приказ великого князя. Холмскому и Хромому следовало развернуть свою рать и идти вдоль западного берега Ильменя на северо-запад, к реке Шелонь, где они должны были соединиться с союзным псковским войском, которое могло оказаться под ударом главной новгородской рати. Взятие Демона Иван поручил полку удельного князя Михаила Андреевича Верейского.

К тому времени в Новгороде, несмотря на сильнейшие

внутренние распри, было собрано огромное ополченское войско – по явно преувеличенным сообщениям летописцев, оно насчитывало до 40 тысяч человек, что, учитывая отправление двух судовых ратей, готовых атаковать полки Данилы Холмского и отряда Василия Гребенки Шуйского в Заволочье, нереально[68]. Командовали им степенные посадники Василий Казимир и Дмитрий Борецкий. Составленный в Новгороде план войны предусматривал нанесение их войском удара по союзным Москве псковичам, активно разорявшим Шелонскую пятину. Высланное против «всей силы псковской» войско должно было гарантированно разгромить противника, закаленного частыми стычками на немецком рубеже. С большой долей вероятности можно предположить, что войско Василия Казимира и Борецкого насчитывало 15–20 тысяч воинов, в основном ополченцев. Состояло оно из мобилизованных «плотницев и гончаров», что заставляет усомниться в предположениях, что эта рать была полностью «коневой». Вряд ли мастеровому люду дали бы боевых коней, да еще в таком количестве. Конные и пешие новгородцы продвигались вдоль Ильменя навстречу псковичам, союзникам Москвы. И когда вечером 13 июля на противоположном (правом) берегу Шелони новгородцы увидели московские отряды, это было для них большой неожиданностью. Предстояло сражение, причем не с ополченцами-псковичами, а с победоносными московскими войсками, только что наголову разгромившими две новгородских судовые рати. В этих условиях принципиально важным стал отказ от боевых действий командования лучшего в войске Владычного (архиепископского) полка, объяснившего свое решение тем, что они шли воевать не с москвичами, а с отступниками-псковичами. Возможно, что это подействовало угнетающе на воинов остальных полков, потерявших уверенность в исходе предстоявшей битвы.

Она началась 14 июля. За ночь воеводы сумели подготовить свое небольшое войско к битве. Рать Холмского и Хромого насчитывала на тот день около 4 тысяч воинов – сказались потери в сражении на Коростыни, а также то, что часть воинов была в «загонах». Тем не менее, войско готовилось к форсированию Шелони. Рано утром Данила Холмский выстроил своих людей и обратился к ним с полагающимся словом: «Господине и братиа наша! Лутче нам есть зде главы своя покласти… нежели с срамом возвратитися».

Воодушевленные своим воеводой, ратники готовились к решающей битве. Когда прозвучала команда, передовой московский отряд начал переправу через Шелонь. Многие историки утверждают, что он пересек реку по разведанным ночью бродам. Но, по свидетельству московского летописца, бродов не

было. Можно было бы предположить, что воины Холмского перебрались через реку вплавь вместе со своими конями, используя надутые кожаные бурдюки, но, зная дальнейший ход битвы, во время которой новгородцы, преследуя заманивших их в ловушку москвичей, также преодолели Шелонь, следует признать, что какие-то броды, причем достаточно широкие, на этой реке были.

Продолжим реконструкцию хода битвы. Когда часть великокняжеского войска переправилась через Шелонь, то на левом берегу их атаковали новгородцы, которые отбросили противника обратно за реку и небольшую речку Дрянь[69]. Затем уже они, в горячке боя нарушив строй, в свою очередь перебрались через Шелонь. Видимо, в этом и состоял план Холмского, получившего возможность атаковать уже не войско, но огромное скопище вооруженных людей, сражающихся без команды и строя. В полной готовности на правом берегу Шелони новгородцев поджидали главные силы московской западной (засадной) рати. По переправившимся врагам ударил смертельный ливень стрел, выкашивающий передовых бойцов и их коней. Раненые кони «возмутишася… и начаша с себя бити (сбрасывать – *В. В.*) их». Эти губительные залпы дали основание новгородским летописцам заявлять о наличии в составе московского войска татарских лучников, что не подтверждается московскими летописцами. Служившие великому князю татары «царевича» Даньяра находились в составе другой рати – Ивана Стриги Оболенского.

Меткие стрелы остановили новгородскую атаку, погибли находившиеся в первых рядах лучшие бойцы. Затем уже по смешавшимся рядам врагов ударили главные силы Данилы Холмского, прорвавшиеся в центр неприятельского построения и пленившие главных командиров врага.

Именно тогда в рядах новгородцев началась паника. Остатки разбитого войска обратились в бегство, ища и не находя путь к спасению. «Полци же великого князя погнаша по них, колюще и секуще их, а они сами бежаще, друг друга бьюще и топчаще, кои с кого мога»[70]. Впрочем, как предположил Н. С. Борисов, это могла быть не реальная подробность события, а привычная для авторов средневековых хроник библейская аллюзия[71].

Из новгородского источника известно, что конный полк новгородского архиепископа вообще не принял участия в сражении, так как получил от нареченного владыки Феофила приказ действовать только против псковичей, но не поднимать оружия против великокняжеского войска.

Победа воевод Ивана III была полной. По завышенным

сведениям летописцев, погибло около 12 тысяч новгородцев. Но потери действительно должны были быть очень велики, так как преследование бегущих продолжалось на расстоянии 12 верст. Оторваться от московской погони могли лишь конные воины. Пешцы либо погибли, либо попали в плен. Видимо, без потерь ушел Владычный полк. Из остальных сил, участвовавших в злосчастной битве, в родной город вернулись жалкие остатки. В плен, помимо немногих оставшихся в живых «плотницев и гончаров» (в данном случае летописные сведения о 2000 пленных близки к истине), попали все главные новгородские командиры: посадники Василий Казимир, Дмитрий Борецкий, Кузьма Григорьев, Яков Федоров, Матвей Селезнев, Павел Телятев, Кузьма Грузов, многие житьи люди. Был захвачен обоз новгородского войска, в котором победители обнаружили список договора Новгорода с Казимиром IV. Его текст, немедленно отосланный Ивану III, разгневал великого князя, и по его приказу «за измену и за отступление» казнили Дмитрия Исааковича Борецкого, Василия Губу Селезнева, Еремея Сухощока и Киприана Арзубьева. Их подписи были обнаружены на договоре с Казимиром IV. Изменников одного за другим подводили к месту казни, где «секирою отсекоша им главы, к колоде прикладая». Других посадников и бояр – Василия Казимира, Кузьму Григорьева, Якова Федорова, Матвея Селезнева, Кузьму Грузова и Федота Базина и других 50 «лучших новгородцев – в оковах отправили в Коломну, в заточение[72]. «Мелких» же людей великий князь демонстративно отпустил в Новгород – явная демонстрация его отношения к действительно виновным боярам и невинным жертвам их козней и интриг.

После одержанной победы московские полки, уже не торопясь, левым берегом Ильменя двинулись к Новгороду. Там поначалу стали готовиться к осаде, но единства в обществе не было. По словам современника, «бысть в Новегороди молва велика, и мятежь мног, и многа лжа неприазнена». Уныния добавляли новые вести: московские воеводы взяли Демон, псковские – Вышегород. Разделение общества на две противостоящие партии, ослабление группировки, стоявшей «за короля», мешало организации обороны. Хотя кое-какие шаги в этом направлении новгородские власти сделать успели. Крепостные укрепления Новгорода включали тогда каменный Детинец (Кремль) и собственно «город», представлявшие достаточно мощный пояс укреплений. Все укрепления срочно отремонтировали. Была усилена стража на крепостных стенах и башнях (она и поймала доброхотствующего Москве переветника –

пушкаря Упадыша, заклепавшего 5 пушек). Были выжжены не имевшие укреплений посады, хоромы и постройки на Городище – старинной резиденции великих князей. Уничтожили даже несколько пригородных монастырей – Зверинский, Онтонов, Юрьев, Рождественский, оборонять которые было затруднительно и опасно. Вместе с тем доводить дело до начала осады новгородские власти явно опасались, так как могли потерять все – положение, имущество, свободу, жизнь. Иван III недвусмысленно продемонстрировал свои намерения, казнив недругов – бояр, схваченных после битвы на Шелони. Ряды сторонников Москвы росли с каждым днем, в основном за счет недовольных политикой правительства, доведшей до военной катастрофы.

В этих условиях господа не могли не сделать попытку договориться с Иваном III. Многие бояре были готовы откупиться от него, как не раз уже откупались новгородские власти от прежних великих князей. Архиепископ Феофил отправился навстречу московскому государю, чтобы узнать условия, на которых тот согласился бы остановить катастрофическую для Новгорода войну. С ним ехали пять посадников и пять житьих люди от всех концов города. Владыка и кончанские представители нашли Ивана III в 20 верстах от изготовившегося к осаде города, в лагере, устроенном между погостами Коростынь и Буреги. 14 дней шли переговоры, и в воскресенье 11 августа 1571 года был заключен Коростынский договор. Условия оказались мягче ожидаемых: новгородцам предстояло присягнуть на верность Ивану III и в течение года выплатить ему контрибуцию – 16 тысяч серебряных новгородских рублей (поначалу великий князь потребовал выкуп в 17 тысяч рублей, но потом, уступая владыке, снизил его на 1000 рублей). Сохранялся вечевой порядок управления Новгородом. Но два новгородских «пригорода» – Волок Ламский и Вологда – окончательно переходили к Москве. Послы от лица всего Господина Великого Новгорода поклялись не искать политической, военной или церковной связи с Литвой. Но захваченных в плен знатных новгородцев Иван Васильевич отпустил на свободу только через четыре месяца по прошению владыки Феофила, приехавшего на поставление в Москву и умолил великого князя простить отправленных в Москву и Коломну Василия Казимира и других бояр и житьих людей.

Отдельным, но важным эпизодом этой войны стало Двинское сражение в Заволочье (так тогда называлась Двинская земля), произошедшее 27 июля 1471 года в устье Шиленги, притока

Северной Двины[73]. Новгородским (двинским) войском в Заволочье руководили опытные командиры – князь Василий Васильевич Гребенка Шуйский и двинский воевода Василий Микифорович. Они, кроме своих военных слуг, имели под рукой еще и воинов-ополченцев из новгородцев, двинян, заволочан и печерян – всего, по летописным сведениям, до 12 тысяч воинов. Это войско вступило в сражение с 4-тысячным отрядом устюжан и вятчан, командовали которым Василий Федорович Образец и Борис Матвеевич Слепец Тютчев.

Двинское сражение – встречный бой, в котором столкнулись шедшие по реке судовые рати. Обнаружив противника, оба войска высадились на берег и вступили в сражение. О его накале свидетельствует упоминание о том, что сеча на Шиленге началась «на четвертом часу дня» и шла до вечера. В сражении погибли двинский воевода Игнат Кашин и три двинских знаменосца, пытавшихся отстоять свой стяг. После их гибели знамя все же было захвачено воинами Образца. Василий Гребенка был ранен в бою стрелой и с остатком своих людей ушел в Холмогоры. Оттуда кружным путем «в мале дружине» он вернулся в уже замирившийся в Иваном III на его условиях Новгород.

После этой победы ратники великого князя взяли ряд ближайших городков. В результате боевых действий в Заволочье к Ивану III отошли земли, располагавшиеся по реке Пинеге (правый приток Северной Двины) и по реке Мезени.

* * *

Не все в Новгороде, что естественно, были довольны результатами так быстро и трагично закончившейся войны. Не сдались и Борецкие, потерявшие одного из своих вождей. В Москве также понимали, что сделано едва ли полдела, поэтому методично готовили и совершали все новые шаги по окончательному подчинению вольной республики. Прежде всего, крепили союз с Псковом, поддерживая его в противостоянии с Ливонской конфедерацией. В 1474 году Москва поддержала интересы своего союзника, направив к немецкому рубежу большое войско князя Холмского, в котором были дворы 22 князей из разных русских уделов. Серьезная демонстрация силы и возможностей великого князя вынудила власти Ордена и дерптского епископа начать переговоры с Псковом, пойти на заключение длительного мира со своим восточным соседом.

В следующем 1475 году Иван III ходил на Новгород, но на этот раз «миром», чтобы разобраться в будораживших древний

город конфликтах, на которые ему регулярно жаловались противники литовской партии. Он собирался воспользоваться своими судебными правами, дабы показать, что великокняжеская власть готова и способна обеспечить порядок и законность. Известие о приезде Ивана Васильевича и целях его похода еще больше взбудоражили общество. Многочисленные жалобщики двинулись навстречу. Первые из них («Кузьма Яковлев с товарищи») били челом великому князю уже в Вышнем Волочке. Здесь же его ждал с поминками и Василий Пенков, посланник новгородского владыки Феофила. Затем жалобщики являлись чуть ли не в каждом новом «пригороде», стане, погосте, на речной переправе.

Официальными властями Новгорода великий князь был также встречен и принят с небывалым почетом. Первые посадники ждали его еще 15 ноября на реке Вольме, среди них был и Федор Борецкий, брат казненного Дмитрия Исааковича. Здесь же опять пред очи великого князя предстали «жалобники». Летописец называет имя одного из них – Олфер Гагина.

Новая встреча произошла 17 ноября во Влукове, селении, расположенном в ста верстах от Новгорода. На реке Холове великого князя встретили главные лица в правительстве Новгорода: архиепископ Феофил, князь Василий Васильевич Гребенка Шуйский, степенный посадник Василий Онаньин, степенный тысяцкий Василий Яковлев, архимандрит Юрьева монастыря Феодосий, игумены важнейших монастырей – Хутынского и Вяжицкого. От всех Ивану III были вручены богатые дары. Наконец 21 ноября 1475 года, во вторник, великий князь добрался до своей резиденции на Городище. На следующий день был дан пир для господ, продолжавших задаривать Ивана III, но богатые подношения лишь раздражали его. Великий князь понимал наивное стремление «сильных» новгородцев откупиться от него, дары принимал, но принимал и жалобы на дарителей.

23 ноября Иван Васильевич впервые въехал в свою новую «отчину». Это был знаковый визит. Владыка Феофил и весь освященный собор – архимандриты и игумены, священники и иноки – встречали его с почетом, но «не превозносяся», как «повеле им сам князь великый». Все должны были понять – время торжественных церемоний прошло, настало время вершения важных и нужных дел, прежде всего – судебных. Не понять этого было невозможно. На Городище продолжился прием многочисленных челобитчиков, каждому было обещано справедливое разбирательство в его деле.

Самую серьезную жалобу подали 25 ноября жители двух улиц, Славковой и Микитиной, обвинивших степенного

посадника Василья Онаньина и двадцать других бояр Неревского конца и Словенского конца, которые «наехав… со многими людьми на те две улицы, людей перебили и переграбили, животов людских на тысячю рублев взяли, а людей многих до смерти перебили». Великий князь указал рассмотреть это дело на вече в своем присутствии и поручил двум боярам, Федору Давыдовичу Хромому и Ивану Борисовичу Тучке Морозову, обеспечить явку обвиняемых на суд. Вече состоялось 26 ноября, в воскресенье. Публичное разбирательство подтвердило справедливость жалобы пострадавших. Четверых главных преступников – бояр Василия Онаньина, Богдана Есипова, Федора Исакова (Борецкого) и Ивана Лошинского – взяли под стражу, прочих отдали на поруки архиепископу за большой денежный заклад в 1500 рублей.

В тот же день были арестованы Иван Офонасов и его сын Алферий, которые якобы «мыслили Великому Новугороду датися за короля». После неудачной попытки архиепископа Феофила заступиться за схваченных все они в тот же день были закованными увезены в Москву.

Прощальные пиры затянулись. Только 23 января 1476 года великий князь покинул Городище и отбыл в Москву. Наброшенная на Новгород узда затянулась еще сильней.

* * *

Усиливающийся нажим Москвы на Новгород рано или поздно привел бы к новому столкновению великого князя с дорожившими своими вольностями горожанами. Ускорили его возникновение события марта 1477 года. Прибывшие в Москву посланники архиепископа Феофила, подвойский Назар и вечевой дьяк Захарий, били челом Ивану III и величали его при этом не традиционно «господином», но «государем».

Великий князь принял решение использовать эту ситуацию и упрочить власть над Новгородом. В конце апреля он отправляет на Волхов своих бояр, Федора Давыдовича Хромого и Ивана Борисовича Тучку Морозова. Их сопровождал дьяк Василий Долматов. Все посланцы были доверенными людьми московского властителя, уполномоченными «покрепити того, какова хотят государства», то есть организовать ему присягу уже как своему «государю». 18 мая посланцы великого князя в сопровождении большого отряда прибыли в Новгород, остановившись на Городище. На спешно собранном вече Федор Хромой сообщил о желании Ивана III согласиться на предложение новгородцев считать его «государем», предоставить ему резиденцию на

Ярославом дворище (там селились князья до 1136 года) и установить в городе суд наместников великого князя и управление через его тиунов. Это был фактически ультиматум, принятие которого привело бы к уничтожению существовавшего в Новгороде политического строя.

На вече эти предложения вызвали бурю. Новгородцы заявили, что владычные посланцы Назар и Захарий были отправлены в Москву без вечевого «веданья». Город всколыхнулся, вооружившись, ревнители старины стали расправляться с теми, кто, по их мнению, стал переветником. Первым пострадал боярин Василий Никифоров. Его схватили и привели на вечевую площадь. Боярину было предъявлено обвинение в том, что он «целовал крест», то есть присягал великому князю. Несмотря на оправдания, он был убит – прямо на вече изрублен на куски топорами. Другие бояре бежали, спасаясь от гнева земляков. Посадник Захар Овинов с братом Кузьмой попытались укрыться на архиепископском дворе. Несмотря на то, что Овиновы не принадлежали к сторонникам Москвы, были близки Феофилу, их также убили прямо на владычном дворе. Двух других посадников – бояр Луку Федорова и Фефилата Захарьина – посадили под арест.

Репрессии коснулись лишь московских доброхотов из числа новгородских бояр. Послов Ивана III отпустили «с честью», но все его требования были категорически отвергнуты. К власти в Новгороде вновь пришла та партия, которая раньше была настроена против Москвы и теперь «к королю пакы въсхотеша».

Послов великого князя отпустили обратно в Москву только через шесть недель, но, несомненно, посланные ими гонцы сообщили Ивану III о провале порученной им миссии и о жестоком убийстве посадников. Сомневаться в этом не приходится, так как подготовка к новому походу на Новгород началась еще до возвращения Федора Хромого и Ивана Морозова. В Псков отправились и 7 июня уже были в городе посол великого князя Иван Зиновьевич Станищев и дьяк Григорий Иванович Волнин, «повестоуа, веля и поднимая Пскова на Великой Новъгород».

Подготовка к войне затянулась. Только 30 сентября 1477 года она была объявлена. 5 октября к рубежу двинулся передовой отряд касимовского «царевича» Даньяра, а 9 октября в поход на Новгород выступил сам Иван III с главным войском. Как и во время прошлой войны, по пути к московским полкам присоединилась тверская рать князя Михаила Федоровича Микулинского. Готовясь вступить на Новгородскую землю, перед выходом из Торжка (когда-то новгородского «пригорода»),

великий князь 23 октября 1477 года «разрядил» своих воевод по полкам. Это первая дошедшая до нас разрядная запись, свидетельство существования военной канцелярии, занимавшейся организацией походной и боевой службы. В этом документе поименованы командиры, указаны пути движения ратей. Из разряда становится ясно, что в походе участвовали служилые люди почти всех русских городов: владимирцы, переяславцы, костромичи, дмитровцы, кашинцы, суздальцы, юрьевцы, ростовцы, ярославцы, угличане, бежичане, калужане, алексинцы, серпуховичи, хотуничи, радонежцы, новоторжцы, можайцы, волочане, звенигородцы, ружане, коломничи, тверичи, москвичи, служилые татары «царевича» Даньара, наконец, двор самого великого князя.

Выйти в поле и дать сражение войскам великого князя новгородцы не решились, что повлекло за собой несомненную гибель вечевого государства. Был шанс удержаться в окруженном крепкими стенами городе, но, как и шесть лет назад, готовясь к обороне, они все время слали послов к великому князю и, именуя уже его «государем», просили начать переговоры.

По-видимому, новгородцы рассчитывали на то, что им удастся если не остановить, то замедлить движение великокняжеских войск. В случае начала переговоров у них появлялся неплохой шанс продержатся в укрепленном городе до приближающейся зимы. При этом огромная неприятельская армия, собранная в одном месте, оказывалась не в состоянии обеспечить себя хлебными припасами и фуражом и рано или поздно вынуждена была бы отступить, чтобы не пасть от голода и сильных морозов.

Расчеты новгородцев не оправдались. Согласившись начать переговоры, Иван III не стал останавливать войска. Вновь во главе армии шел Передовой полк, которым командовал 25-летний брат великого князя Андрей Меньшой. С ним были опытные воеводы – Данила Дмитриевич Холмский, Федор Давыдович Хромой, Иван Васильевич Стрига Оболенский. Но окружавшие город достаточно мощные укрепления взять было нелегко. Вдобавок, опасаясь штурма со стороны реки, воевода Василий Гребенка Шуйский предложил поставить некое подобие деревянной стены на сцепленных кораблях. Ими новгородцы перегородили Волхов.

23 ноября великий князь остановился в Сытине, на берегу Ильменя, в двух переходах от Новгорода. Именно здесь в его ставку явились прибыли новгородские послы – владыка Феофил, посадники Яков Коробов, Фефилат Захарьин, Лука и Яков Федоровы, Лука Полинарьин, житьи люди по одному от каждого конца. Послы соглашались на некоторые несущественные

уступки, но настаивали на сохранении фактической независимости Новгорода. На этих условиях вести дальнейшие переговоры Иван III отказался, и послы ни с чем отбыли обратно.

Тем временем, пока шли Сытинские переговоры, великокняжеские войска вышли на ближние подступы к Новгороду. В ночь с 24 на 25 ноября полк князя Семена Ивановича Хрипуна Ряполовского перешел по льду озеро Ильмень, оказавшись на левом берегу Волхова, и овладел Юрьевым и Аркажским монастырями. Одновременно с этим на правой стороне Волхова князь Данила Холмский вышел к Городищу и овладел предместьями на правом берегу. Отличились татарские отряды Даньяра, стремительным броском занявшие находившиеся здесь пригородные монастыри. Сжечь их новгородцам не удалось. Вслед за полками Ряполовского и Холмского к Новгороду подошли другие московские, тверские, псковские рати, окружая его со всех сторон. Сам Иван III стал лагерем на Паозерье, неподалеку от Свято-Троицкого Михайло-Клопского монастыря, в селе, принадлежавшем Ивану Лошинскому. Именно здесь возобновились прерванные в Сытино переговоры. На них Иван III 5 декабря 1477 года объявил свое принципиальное требование: «ино мы, великие князи, хотим государства своего, как есмы на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новегороде». 7 декабря великий князь еще раз подтвердил, что хочет «государьства на своей отчине Великом Новегороде такова, как нашо государьство в Низовскои земли на Москве». Прозвучавшие слова определили дальнейшую судьбу Новгородской земли – ей предстояло войти в состав Русской Державы. Новгород же ждали большие перемены. Великий князь не хотел и слышать о сохранении старых вечевых порядков. Объявляя о своих намерениях, он потребовал от новгородцев: «Вечю колоколу в отчине нашей в Новегороде не быти, посаднику не быти, а государьство нам свое держати, ино на чем великым князем быти в своей отчине, волостемь быти, селом быти, как у нас в Низовскои земле, а которые земли наши великых князей за вами, а то бы было наше»[74]. При этом великий князь обещал новгородским боярам сохранить за ними вотчины, освободить от службы в московском войске за пределами Новгородской земли, оставить суд «по старине». Эти гарантии смирили господу, согласившуюся с требованиями признанного ими государя.

Пока шли переговоры, на которых решалась судьба Новгородского государства, в собранном под рукой великого князя войске начались вполне ожидаемые проблемы со снабжением. Чтобы их решить, половина ратников была отпущена добывать припасы по окрестным селам и станам. Из Пскова были

срочно доставлены обозы со продовольствием. Эти меры нормализовали ситуацию со снабжением.

В Новгороде тем временем шли ожесточенные споры о дальнейших действиях. Они по разному мыслились людям «мятущимся в осаде в городе, иныа хотящи битися с князем великим, а инии за великого князя хотяще задати, а тех болши, которые задатися хотять за князя великого»[75]. Последней каплей в определении судьбы древнего города стало решение князя Василия Гребенки Шуйского сложить крестное целование Новгороду и бить челом в службу Ивану III. Потеряв признанного военного предводителя, новгородцы окончательно приняли условия великого князя. Помимо отмеченных выше, они согласились передать ему огромные земли, которые большей частью изымались из владычных и монастырских владений. Также был определен порядок сбора дани, выплачиваемой государю.

13 января 1478 года новгородцы сдались и «отворили град». Через день, 15 января 1478 года, воевода Иван Юрьевич Патрикеев с боярами въехал в Новгород и объявил на владычном дворе, что ««по той бо день веча не быть в Новегороде». После этого великокняжеские дьяки и дети боярские разъехались по концам и улицам, приводя новгородцев к присяге. Вече в городе более не созывалось. Вечевой колокол и архив Новгорода отвезли в Москву.

Были взяты под стражу Марфа Борецкая с внуком Василием, купеческий староста Марк Панфильев, житий человек Григорий Арзубьев, Иван Савелков, Окинф с сыном, Юрий Репехов – те, кто призывал новгородцев «битися с князем великим», о чем Иван III был хорошо осведомлен. Всех арестованных отправили в Москву. Их имущество отписали на государя.

* * *

История военных операций, приведших к подчинению Новгородской земли Московскому государству, почти вдвое увеличившему свою территорию, не была бы полной без упоминания третьего похода Ивана III на Новгород в 1479–1480 годах. Упоминание о нем сохранилось в сочинении Василия Никитича Татащева, выглядит оно достаточно убедительно. Понимая, что очередной вояж великого князя на Волхов грозит новыми опалами и карами, новгородцы затворились в своем городе. Чтобы смирить их, московским воеводам пришлось использовать артиллерию, действиями которой управлял

Аристотель Фиораванти[76]. Обстрел был эффективен, и новгородцы открыли ворота перед государем и его полками.

Вступив в покорившийся город, великий князь на это раз остановился на восточной окраине города, в Славенском конце. Его временной резиденцией стал двор Евфимия Медведнова[77]. На этот раз репрессии ударили по владыке Феофилу и его окружению. Возможно, именно близкие архиепископу люди, недовольные прошлыми конфискациями церковных вотчин, пытались оказать сопротивление великому князю. Не стоит забывать о наличии в Новгороде вооруженных сил, подконтрольных Феофилу – Владычного полка, о котором после 1480 года ничего не известно. После вступления Ивана III в Новгород архиепископ был взят под стражу, его казна – конфискована.

Вслед за владыкой оказались арестованы и казнены 100 других крамольников, многих из них пытали. Убедившись, что полностью искоренить оппозиционность новгородского боярства не получается, правительство пошло на выселение («вывод») всей местной знати и их домочадцев. Уже в 1480 году 1000 семей житьих людей и купцов выслали в другие уезды страны и там глав этих семей испоместили. Также вывезены были 7000 семей черных людей[78]. Видимо, не только из самого Новгорода, но и из его «пригородов» – численность населения града Святой Софии в то время вряд ли превышала 40 тысяч человек. После «вывода» 8 тысяч семей город бы опустел.

Новые волны расправ обрушивались на Новгород в 1481/1482 году (арестованы Василий Казимир, его брат Короб, Лука Федоров, Михаил Берденев), в 1483/1484 году («поиманы» великие бояре»), в 1486/1487 году, в 1487/1488 (7 тысяч житьих людей), в 1489/1490 году[79]. Конфискованные боярские вотчины шли в поместную раздачу.

Таким образом, трансформация бывшего вечевого мира в пусть и обширное, но обычное наместничество повлекла за собой реорганизацию вооруженных сил всей страны. В отличие от наследуемых вотчин, помещик получал от великого князя землю лишь на время службы, становясь заложником должного исполнения оной. Войско, сформированное из помещиков и их военных слуг – боевых холопов, было более однородным, боеспособным, дисциплинированным и, как следствие, более эффективным в решении стоявших перед страной больших военных задач.

Глава 3. Войны с Большой ордой. Стояние на Угре и разлом Улуг-улуса

В год смерти великого князя Василия II и вступления на престол его сына, Ивана III, Русское государство враждовало со всеми татарскими юртами. Поэтому после кончины отца, последовавшей в 1462 году, двадцатидвухлетний Иван III вступил на престол как полностью суверенный государь, без ярлыка, полученного из Орды[80]. Естественно, в это время не выплачивалось никакой дани ханам. Во всяком случае, это объясняет действия правителя Улуг-Улуса (Большой Орды), «безбожного Ахмута» (Махмуда), задумавшего в 1465 году совершить поход на Русь, но так и не совершившего его: по Большой Орде ударил перекопский хан Хаджи-Гирей[81]. Благодаря распре между татарскими властителями, страна, копившая силы для борьбы с ними, получила нужную ей передышку.

Вскоре Махмуд был свергнут своим младшим братом, Ахмедом (Ахметом), по приказу которого в 1468 году татары «отъ Болшие Орды» напали на рязанские земли и Беспуту – московскую волость на правобережье Оки. Именно тогда Иван III ненадолго возобновил выплату дани Ахмеду (Ахмату). Необходимо было на время обезопасить южное порубежье, так как на востоке великий князь вел войну с Казанским ханством, захватившим Вятский край, непростыми были его отношения с Литвой и Новгородом, непокорство которого московский государь готовился смирить.

С Казанью отношения были нормализованы в 1469 году, когда хан Ибрагим, устрашенный действиями войска князя Юрия Васильевича Дмитровского (в русских летописях – Абреим), замирился с Москвой и выдал русский «полон за 40 лет». В 1471 году Иван III предотвратил заключение союза Литвы и Новгорода, укрепив свое влияние в северных русских землях. Настало время решить дело с Большой Ордой, правителя которой поднимал в поход на Русь Кирей Кривой, посланец короля Казимира IV. Далеко не случайно летом 1471 года внезапным нападением вятчан, руководимым воеводой Костей Юрьевым, оказался захвачен Сарай – столица Большой Орды[82]. Можно было бы сомневаться в согласованности этой атаки с Москвой, но в том же году вятчане, ведомые великокняжеским воеводой Борисом Матвеевичем Слепцом Тютчевым, ходили воевать с новгородцами в Заволочье.

Благодаря действиям вятчан в поход на Русь Ахмед (Ахмат) смог выступить лишь летом 1472 года. Шел он «со всеми князьями и силами ордынскими». О том, что хан был подговорен на войну «королемъ Казимиромъ Литовскымъ», свидетельствуют Симеоновская летопись, Московский летописный свод, другие летописи[83]. Дойдя до верховьев Дона, Ахмед не двинул войска прямой дорогой к Москве через Рязанские места, а ушел западнее, чтобы ударить по русским городам со стороны менее защищенного литовского рубежа. Путь его лежал к расположенному на правом берегу Оки небольшому городу Алексину, находившемуся в двух конных переходах от Москвы. Очевидно, идя через литовскую территорию, Ахмед (Ахмат) рассчитывал на помощь со стороны Казимира IV. На его беду, того отвлекли дела в Богемии, где сын Казимира Владислава Ягеллона начал военные действия против законного правителя, Матвея I Корвина (Матьяша Хуньяди), пытаясь занять трон, на который польского королевича пригласила мятежная чешская знать. Война затянулась на десять лет и привела к разделу Богемии.

Первые сведения о начавшемся ордынском походе в Москве получили еще в конце июня. Тогда-то и направлены были к «Берегу» воеводы «со многими силами». Татар ждали между Коломной и Серпуховым, но они пошли другим путем. Об изменении маршрута в столице узнали только 30 июля 1471 года («прииде весть к великому князю, что царь со всею Ордою идет к Олексину»). Штурм города уже шел, надо было принимать неотложные меры. К атакованному рубежу срочно выслали лучшие войска и лучших воевод – от Коломны и Серпухова к Алексину устремились полки Федора Хромого, Данилы Холмского и Ивана Стриги Оболенского. В Коломну же, а затем в Ростиславль, еще ближе к театру военных действий, выехал сам великий князь.

С начала лета на южном рубеже «во многих местех по дорогам, ждучи татар», стояли великокняжеские воеводы. В Алексине находился Семен Васильевич Беклемишев. Однако сил у него было недостаточно, поэтому великий князь приказал своему воеводе покинуть город и обороняться на левом берегу Оки. Беклемишев выполнил приказ, но жители Алексина не последовали за ним, решив сражаться до конца, хотя их «мало бяше, ни пристроя городного не было, ни пушекъ, ни пищалеи, ни самостреловъ». 29 июля передовые отряды войска Ахмеда под командой «князя» Темира (беклярибека Тимура-мангыта) подошли к городу и сразу же начали штурм укреплений. Однако алексинцам удалось отбить первые приступы врага. За ними

последовали новые. Город держался три дня, пока 31 июля ордынцы, отчаявшись в своем намерении овладеть и разграбить Алексин, подожгли его, сделав примет. Все оставшиеся в крепости защитники погибли, «гражене изволиша згорети, неже предатися татаромъ»[84].

Уничтожив Алексин, татары попытались продвинуться дальше и атаковали русские войска, прикрывавшие переправы. Их обороняли отряд Семена Беклемишева и «приспевший» (пришедший) ему на выручку небольшой полк Петра Федоровича Челяднина[85]. Поначалу воеводам и их воинам удавалось сдерживать атаки татар, но долго останавливать усиливающийся натиск врага они не смогли бы – у русских лучников стали заканчиваться стрелы. К счастью, к месту разворачивающегося сражения успели подойти свежие силы. Сначала прибыл спешивший со стороны верховьев Оки («с верху рекы»), видимо, от Калуги, полк князя Василия Михайловича Верейского, затем со своим двором «с низоу рекы, отъ Серпохова» пришел дмитровский князь Юрий Васильевич Младший, брат Ивана III. Прорвавшиеся было за укрепления «Берега» татары были уничтожены, после чего возобновилась шедшая и до того перестрелка через реку.

Концентрация русских войск у переправ все усиливалась. От Козлова брода к обороняющим переправы полкам подошел со своим двором еще один брат государя, Борис Васильевич, затем появились татарские отряды служилого «царевича» Даньяра и другие великокняжеские рати. «Татари же, видевше множество полковъ христианскыхъ, побегоша за реку, а полци великого князя и всехъ князеи приидоша къ берегу, и бысть многое множество ихъ, такоже и царевича Даньара, Трегубова сына. И сеи самъ царь прииде на брегъ и видевъ многые полкы великого князя, акы море колеблющася, доспеси же на нихъ бяху чисты велми, яко сребро блистающе, и въоружени зело, и начатъ отъ брега отступати по малу. Въ нощи же тои страхъ и трепетъ нападе на нь, и побеже, гонимъ гневомъ Божиимъ»[86].

В ночь на 1 августа 1472 года Ахмед, прекратив жалкое по результатам сражение, отступил от Оки «в поле къ своей Орде». Все русские летописцы отметили, что обратно татары двигались очень быстро, опасаясь возможной погони со стороны свежих, еще не вступавших в бой русских сил. Действительно, узнав об отступлении врага, Иван III направил вдогонку часть своих отрядов в надежде отбить у отставших ордынцев русских пленных. Только убедившись в том, что татары действительно ушли, великий князь принял решение распустить войска.

Поспешное отступление Ахмеда, не решившегося продолжить штурм русских береговых укреплений и даже не попытавшегося обойти их вверх или вниз по реке, объясняется рядом причин. Во-первых, не оправдались его надежды на литовскую помощь. Во-вторых, неприятным сюрпризом для хана стал быстрый сбор главных русских сил, надежно перекрывших все близлежащие возможные пути движения войск. В-третьих, Ахмед опасался возможного удара в тыл конницы «царевича» Даньяра, сосредоточившейся на левом фланге[87]. В-четвертых, свою роль сыграла и оборона Алексина, не давшая татарам ожидаемой добычи и сорвавшая их планы внезапного прорыва к Москве. В-пятых, хан не был уверен, что русские не повторят прошлогоднего удачного нападения на его столицу, Сарай. Наконец, одной из причин прекращения похода могла стать начавшаяся в татарском войске эпидемия[88].

Отступив, Ахмед начал переговоры, стараясь дипломатическим шантажом исправить испорченное неудачным походом дело. Хана тревожило прекращение выплаты дани, что означало отказ Ивана III от признания любой формы зависимости Руси от Орды. Однако все усилия татарских послов – Кара-Кучука, затем Бачюки – были тщетными. Взятое силой право отринуть власть хана московский государь отдавать не собирался. Тем более, что именно в это время союз с ним заключил другой татарский правитель – Менгли-Гирей, давно уже враждовавший с Ахмедом[89]. Это оттягивало возможность новой войны, чем великий князь и воспользовался.

Ситуация действительно настолько заметно изменилась в пользу Москвы, что ряд историков предложил считать датой избавления от ордынского ига именно 1472 год[90]. Соблазнительное предложение, на восемь лет сокращающее признанное до того наукой время иноплеменного владычества над Русью. Но фактически обретенный по результатам войны 1472 года суверенитет должен был устоять в решающем столкновении с Большой Ордой. О том, что оно должно произойти, никто не сомневался начиная с 1476 года, когда Иван III отказался прибыть по вызову Ахмеда к нему в Орду[91].

* * *

С середины 1470-х годов Ахмед стал готовить новое наступление на Русь, чтобы восстановить былое величие Орды. Войну задержала кампания против Менгли-Гирея. По-видимому, в Большой Орде планировали обеспечить себе прочный тыл,

уничтожив хана-конкурента. Однако поначалу успешное вторжение в Крым закончилось неудачей. Воспользовавшись этой паузой, Иван III смог присоединить Новгород, теснее привязать к себе Псков, Тверь, Рязань. Но к 1480 году международная обстановка стала меняться не в пользу Москвы. Против заметно усилившего свою власть и престиж великого князя ополчились все его недруги. Король Казимир Ягеллончик (разрешивший, наконец, чешскую проблему) снова готовился к противостоянию с Русским государством. В 1479 году был возобновлен союз польско-литовского короля с ханом Ахмедом[92]. Об этом помнили и в Сарае, и в Вильно даже двадцать лет спустя. В 1500 году один из «ахматовых детей», Шейх-Ахмет, в ответ на обращение великого князя литовского Александра Казимировича помочь ему в войне с Москвой писал: «По тому братству ваш отец король и наш отец Ахмат царь, зодиначывшыся межы себе, тверъдо оба прысягнули и, на конь свои въседши, мели на Ивана поити. Ино мои отец з воиском своим на него пошол, а твои отец не шол»[93]. Упрек справедливый и бесспорный. Польско-литовский государь славился тем, что, начиная действовать против Москвы, втягивал в конфликт с ней союзников (Новгород, Большую Орду), а затем, балансируя на грани войны и мира, ждал, чем же кончится спровоцированное им противоборство.

Отвлекающая помощь ордынцам пришла с другой стороны. В январе 1480 года на Псков напали войска Ливонской конфедерации. На северо-западном рубеже началась Вторая пограничная война. Противостоять немецкой агрессии псковичи могли, опираясь лишь на собственные силы. Внимание Москвы оказалось приковано к совсем другим рубежам – южным. Гроза там собиралась уже давно. Главный враг Руси в то время, хан Ахмед, смог вернуть под свою власть Астрахань, где правил его племянник Касым и, понадеявшись на обещанную ему литовскую помощь, решился ударить по Московскому государству, где готова была полыхнуть очередная междоусобица. В феврале против Ивана III взбунтовались два его младших брата – углицкий князь Андрей Большой (Горяй) и держатель Волоцкого удела Борис Васильевич. Подняв людей, они через Новгород ушли к литовской границе «и сташа в Великих Луках»[94]. Король Казимир IV обещал им покровительство, и мятежники отослали свои семьи за рубеж, в королевский замок Витебск. По словам псковского летописца, в войске покинувших брата углицкого и волоцкого князей было до 10 тысяч воинов. Если численность полков Андрея и Бориса и была преувеличена, то не намного – рассорившись с псковичами, братья смогли разорить ряд их волостей и ушли в Новгородскую землю «с многим вредом»[95].

Стремясь использовать благоприятный момент, Ахмед также решился нанести удар по Руси. Его передовые отряды стали выдвигаться к русским границам еще в апреле 1480 года, о чем своевременно узнали в Москве. 16 апреля в Крым к Менгли-Гирею отправилось посольство князя Ивана Ивановича Звенца Звенигородского с подтверждением прежних сообщений о готовящемся вторжении войск Ахмеда и его союзников. Иван Звенец должен был убедить хана поддержать Московское государство и напасть если не на Орду, то на литовскую землю, владения «вопчих недругов»[96]. В начале июня татарские авангарды достигли правого берега Оки, атаковав волость Беспуту (между Серпуховым и Каширой) и стоявшие на «Берегу» русские заставы. Не позднее 8 июня Иван III получил тревожные сведения о начавшихся военных действиях на юге. Для отражения атак неприятеля он направил сына и наследника, Ивана Ивановича Молодого, с полками в Серпухов, а сам 23 июня встал во главе войск, занявших переправы через Оку в районе Коломны[97]. Со всех сторон к нему шли подкрепления. Была отозвана рать, обороняющая псковские рубежи, хотя немецкие нападения там и не прекращались. На юге решалась судьба страны, и другие проблемы отступили на второй план. К Оке выступила и тверская «сила» – войско, которое вели Михаил Дмитриевич Холмский (родной брат служившего Москве Данилы Холмского) и Иосиф Андреевич Дорогобужский. С ними пришел полк не предавшего брата-государя вологодского князя, Андрея Меньшого. Всего же на «Берегу» было собрано около 50 тысяч служилых людей, не считая посохи. Туда же доставили артиллерию, использование которой для прикрытия бродов и переправ могло оказаться достаточно эффективным.

Сведения о приближении большой войны оказались точными – в начале осени к русскому порубежью выступил с главными силами сам ордынский хан. При нем была «вся Орда, и братанич его царь Касым (астраханский правитель. – *В. В.*), да шесть сынов царевых». Они вели 60–70 тысяч закаленных в степных битвах конных воинов. Получив от своих передовых отрядов подробную информацию об организации русской обороны, Ахмед, как и в 1472 году, решил обойти окские позиции с литовской стороны. Несомненно, этот маршрут был согласован с королем Казимиром, так как татар вели местные, литовские «знахоре» (проводники) [98]. Вступив на земли Великого княжества Литовского, ордынцы шли к русской границе мимо Мценска, Одоева, Любутска к Воротынску, находившемуся у самого рубежа, на правом берегу Оки. У этого города, предположительно, и должны были

соединиться войска Ахмеда (Ахмата) и его союзника – короля Казимира Ягеллончика. Но крымское войско мурзы Эминека (Аминяка), «служа великому князю», обрушилось на Подолию. Разорению подверглись окрестности Брацлава и Винницы[99]. Это нападение произошло несмотря на прибытие послов от Казимира IV и возвращение собственных послов Менгли-Гирея, подтвердивших возобновление союза с Литвой. Но набег был совершен, оказавшись неожиданным для Ягеллончика. Вторжение татар нарушило все его планы. Польско-литовскому королю пришлось заниматься обороной своих границ, а не зариться на чужие. К тому же, у Казимира возникли серьезные сомнения в том, что в случае войны его поддержат князья-русины. Многие подданные с восточных земель сочувствовали московскому государю и готовились выступить против «короля литовского», наведшего ордынцев на их владения.

Так и не дождавшись прибытия обещанной литовской помощи, Ахмед двинулся к находившейся неподалеку от Воротынска реке Угре, одному из левых притоков Оки, неширокому, с удобными мелкими бродами. Ширина его русла в нижнем течении достигает 70–80 м. Глубины в межень на перекатах равны 0,4–0,6 м, наибольшие на плесах – 4 м. Впрочем, в прошлом Угра была глубже и шире. Даже в XIX веке от устья до Юхнова она была судоходна, а глубина достигала 5 м.[100] За этой пограничной водной артерией находились уже калужские места – земли великого князя московского.

Узнав о направлении движения вражеских войск, Иван III, ждавший до того татар на Оке, начал срочную передислокацию своих главных сил на Угру. Войска снимались со старых позиций и вдоль Оки шли на запад – туда же, куда за рекой, к Воротынску, двигались татарские отряды. Задача была сложной, ведь с конными полками шла пешая посошная рать, везли орудия – пищали и тюфяки. Двигаться приходилось лесными дорогами, минуя засечные участки. Но все равно русские опередили врага, конное войско которого, казалось бы, имело преимущество в скорости и маневре. Сложной операцией руководили сын государя Иван Иванович и бывшие при нем опытные воеводы – Данила Холмский, Иван Стрига Оболенский, Семен Хрипун Ряполовский. Сам великий князь 30 сентября вернулся из Коломны в Москву «на совет и думу» с митрополитом и боярами. Ему предстояло отдать распоряжение о подготовке города к возможной осаде и приступить к переговорам с приехавшими послами мятежных братьев. Они, намыкавшиеся в скитаниях, предлагали вернуться под власть старшего брата-государя в обмен на некоторое приращение уделов. Соглашение было

достигнуто, и полки Андрея Большого и Бориса Волоцкого стали выдвигаться к южному рубежу. Добившись своего, Иван III 3 октября покинул Москву и выехал к городу Кременец (сейчас село Кременское Медынского района). Там с ним остался небольшой резерв, а остальные войска великий князь направил к устью Угры. Пользуясь небольшим временным преимуществом – русские полки вышли к реке на 3–4 дня раньше татар – левый берег Угры успели подготовить к обороне «на 60 верстах». Все переправы были пристреляны из установленных на укрепленных позициях артиллерийских орудий.

8 октября главные силы ордынцев вышли к Угре на достаточно широком пространстве – от устья до впадения в нее в 12 верстах выше по течению небольшой реки Веприки. Направление движения было выбрано неслучайно. Здесь находилось два удобных «перевоза» (брода) – в 2,5 и в 4,5 верстах от устья Угры. Татарская конница с ходу попыталась преодолеть неширокий водный рубеж, но безуспешно. Началась знаменитая Битва на бродах, достаточно подробно описанная в летописях: ««И приидоша татарове и начаша стреляти москвичь, а москвичи начаша на них стреляти и пищали пущати и многих побиша татар стрелами и пильщалми и отбиша их от брега»; «начаша стрелы пущати, и пищали, и тюфяки на татар»[101]. Как видим, помимо традиционного метательного оружия, в этом сражении широко применялось и огнестрельное. Стреляющие дробом небольшие пушки, тюфяки и пищали – длинноствольные артиллерийские орудия – впервые были использованы в полевом бою, правда, при обороне водного рубежа, на заранее оборудованных огневых позициях.

Ожесточенная Битва на бродах продолжалась 4 дня, с 8 по 11 октября. Зацепиться за левый берег, сбить и уничтожить оборонявших его русских ратников воинам Ахмеда не удалось, поэтому к вечеру 11 октября на этом рубеже атаки татар прекратились. Они отступили на две версты от Угры и встали в Лузе, «ждучи к себе короля литовского». В ожидании союзника он «распусти вои по всей земли Литовской»[102]. Татарами были разорены Мценск, Одоев, Перемышль, Старый Воротынск, Новый Воротынск, Старый Залидов, Новый Залидов, Мещевск, Серенск, Козельск. Через несколько дней неприятели попытались прорваться на левый берег реки под Опаковом городищем, также разоренном ими. Там ширина реки невелика, что должно было облегчить ее форсирование, но нападение татар было отбито московскими войсками. Началось ставшее эпическим «Стояние на Угре».

Едва стихли залпы русских пушек, развеялся пороховой дым над Угрой, как на правый берег в походную ставку Ахмеда отправился великокняжеский посланник, боярин Иван Федорович Ус Товарков-Пушкин. Хан отказался принять от гонца присланные Иваном III дары, «тешь великую, требуя, чтобы Иван III сам явился к нему с повинной: «не того деля яз семо пришол, пришол яз Ивана деля, а за его неправду, что ко мне не идет, а мне челом не бьет, а выхода мне не дает девятои год. Приидет ко мне Иван сам, почнутся ми о нем мои рядцы (советники – *В. В.*) и князи печаловати, ино как будет пригоже, так его пожалую»[103]. Историки давно уже обратили на сказанные Ахмедом слова, обвиняющие русского князя в невыплате «выхода» (дани) «девятои год», высчитав год прекращения выплаты – 1472-й.

Неожиданно, казалось бы, проявившееся в разгар вооруженного противостояния миролюбие со стороны великого князя было, конечно, далеко не случайным порывом – предпринятый демарш преследовал несколько вполне определенных целей. Ивану III важно было выиграть время, изнуряющее привязанную к одному месту Орду. К тому же привлекательной была возможность прояснить намерения врага, дезориентировать его неожиданным поступком. Действительно, хан растерялся и, хотя не принял привезенные Иваном Товарковым дары, но согласился вести дальнейшие переговоры. Он даже отпустил в Кременец своего посла. Но тот вернулся к хану ни с чем. Иван III отклонил все требования Ахмеда, равнозначные возрождению власти Орды над Русью. Но хан уже втянулся в переговорный процесс и пытался хоть как-то договориться с великим князем: «И слыша царь, что не хощеть ехати князь великый къ нему, посла къ нему, рекъ: «а самъ не хочешь ехати, и ты сына пришли или брата». Князь же великый сего не сотвори. Царь же [снова] посла къ нему: «а сына и брата не пришлешь, и ты Микифора пришли Басенкова», – тъй бо Микыфоръ былъ въ орде и многу алафу Татаромъ дастъ отъ себе: того ради любляше его царь и князи его. Князь же великый того не сътвори»[104]. Показательно, как снижался уровень требований хана, согласного вести переговоры даже с Никифором Федоровичем Басенковым, известным до того лишь поездкой в Орду, из которой он вернулся за шесть лет до происходивших событий, в 1474 году. Но и на эту уступку Иван III не пошел.

Обмен посланцами привел к окончательному прекращению боевых действий на Угре. Видимо, этого и добивался великий князь. Уяснив, наконец, что его провели, Ахмед в сердцах произнес русскому гонцу знаменитую угрозу: «дастъ Богъ зиму на васъ, и реки все стануть, ино много дорогъ будеть на Русь». Но

зима в 1480 году наступила рано и оказалась очень суровой: «з Дмитреева же дни (26 октября. – *В. В.*) стала зима, и рекы все стали, а мразы великыи, яко не мощи зрети»[105]. Угра покрылась прочным льдом, способным выдержать вес одоспешненных всадников. Теперь татары могли перейти реку в любом месте и прорвать русские боевые порядки, растянувшиеся на 60 верст, там, где они были более слабыми. В этих условиях более маневренное татарское войско получало важное преимущество, но возникает закономерный вопрос – имелась ли у Ахмеда возможность его использовать при плохом снабжении и тяжелых погодных условиях? Впрочем, русское командование предпочло не рисковать, а отвести свои полки сначала к Кременцу, а затем на 40 верст к северо-востоку, став с войском на Боровских полях, только там «мощно бы стати противу безбожнаго царя Ахмета»[106]. Именно здесь его армия могла прорваться к Москве. На остальных направлениях дороги вели через заповедные леса с засеками.

Ждавший зимы и дождавшийся ее Ахмед, узнав об отходе русских войск, так и не решился перейти Угру. Его войска были утомлены длительной войной, бескормицей, отсутствием каких-либо успехов и побед. Наступление морозов заставило ордынцев спешить с возвращением в свои зимние кочевья. О том, что это было отнюдь не бегство, а запланированное отступление, свидетельствует заблаговременная («за многи дни») отправка Ахмедом в Орду полона, захваченного во время похода в литовских городах и волостях[107]. Принять решение закончить войну приходилось и из-за холодов, особо страшных для войска, экипировавшегося для летнего похода, но затянувшегося до зимы («бяху бо татарове нагии и босы, ободралися»)[108]. Следует назвать еще одну возможную причину отступления ордынского войска – получение информации из Сарая о нападении на владения Ахмеда отряда под командованием Василия Ивановича Ноздреватого (из рода князей Звенигородских) и служилого «царевича» Нур-Даулета (брата тогдашнего крымского хана Менгли-Гирея). Сообщение об этой операции содержится в Казанском летописце, источнике более позднего происхождения и не всегда точном. Однако полностью игнорировать приведенные в нем сведения нельзя. Автор Казанской истории рассказал, что воины Ноздреватого и Нур-Даулета спустились «в ладьях» вниз по Волге и напали на столицу Большой Орды. «И обретоша ю пусту, без людей, токмо в ней женеск пол и стар и млад; и тако ея поплениша, жен и детей варварских и скот весь; овех в полон взяша, овех же мечю и огню и воде предаша»[109]. Такой отвлекающий маневр, в общем-то, напрашивался. Прошлогодний

пример вятчан, разоривших Сарай, должен был показать высокую эффективность таких рейдов. Настораживает лишь молчание об этом походе летописей конца XV века, подробно освещавших даже более мелкие операции русских войск, тем более походы, возглавленные титулованным ханом, одно время даже бывшим правителем Крымского юрта. Есть достаточно убедительные предположения, что нападение на владения Ахмеда ногайско-тюменского войска, также произошло по согласованию с Москвой[110].

Отходя от Угры, хан приказал разграбить пограничные земли Литвы. Татары опустошили огромную территорию (в основном, владения верховских князей) протяженностью в 100 верст с юга на север и 120 верст с востока на запад[111]. В то же время большой татарский отряд во главе с одним из сыновей Ахмеда, «царевичем» Муртозой (Амуртозой), получил приказ разорить московские волости Конин и Нюхово, находившиеся на правобережье Оки, под Алексином. Но высланные против Муртозы полки братьев великого князя – Андрея Горяя, Бориса Волоцкого и Андрея Меньшого – вытеснили избегающих столкновений с русскими войсками ордынцев в «Поле».

Узнав об окончательном отступлении вражеских сил, великий князь «распусти воя своя каждо въ свои град, а сам поиде съ сыном своим и з братьею к славному граду Москве»[112]. Военные действия прекратились и на северо-западном рубеже. Узнав об отступлении Ахмеда, ушли из-под Пскова и ливонцы. Тревожный и славный 1480 год закончился.

* * *

Провальное окончание похода войск Большой Орды на Русь разрушило авторитет ее правителя. Против Ахмеда выступили другие татарские ханы, решившие воспользоваться его неудачей. В степи собирались войска, высылались дозоры, сторожившие каждый шаг приговоренного вождя. Распустив своих воинов на кочевья, Ахмед с небольшим отрядом отправился на зимнюю стоянку. Этим и решили воспользоваться враги. 6 января 1481 года войско шибанского (тюменского) хана Ибака (Сейид Ибрахим хана), его брата Мамука и ногайских мирз Мусы и Ямгурчи (Ямгурчея) напало на зимовище Ахмеда недалеко от Азова. В бою «единственного из чингисхановых детей» (так назвал себя, величаясь, Ахмед в одном из своих посланий) убили. В Архангелогородском летописце сообщается о захвате

победителями огромных богатств, скопленных погибшим ханом: «И стоял царь Ивак (Ибак – *В. В.*) 5 дней на Ахматове орде и поиде прочь, а ордобазар с собою поведе в Тюмень, не грабя, а добра и скота и полону литовскаго бесчисленно поимал и за Волгу перевел[113]». Орда-Базар в данном случае не только город и «рынок при походной ставке хана»[114], но и монетный двор, и государственная казна.

Произошедшее в ханской ставке событие нашло отражение в русских летописях, которые, однако, не сходятся в деталях. Так в Московском летописном своде отмечено: «Егда же прибежа въ Орду, тогда прииде на него царь Ивакъ Нагаискыи и Орду взя, а самого царя Ахмута уби шуринъ его Ногаискыи мурза Ямгурчии»[115]. По другим сведениям, правителя Большой Орды умертвил Ибак, который «сам вскочи в белу вежу цареву Ахъматову и уби его своими руками»[116].

О побоище в устье Северского Донца извещен был и крымский хан Менгли-Гирей. Уже 13 января 1481 года он, узнав о гибели старого врага, направил в Литву посла с сообщением о произошедших событиях: «Отъ Менъдликгирея Казимиру, королю брату, поклонъ. То такъ ведайте: генъвара месеца у двадцать перъвый [день] пришодъ царъ Шибаньский Аибакъ, солътанъ его, [д]а Макъму князь, [д]а Обатъ мурза, [д]а Муса, [д]а Евъкгурчи пришодъ, Ахъматову орду подопътали, Ахмата цара умертвили, вси люди его и вълусы побрали, побравши прочъ пошли; а князь Тымир[ъ] съ Ахмата царевыми детьми и съ слугами къ намъ прибегли и пригорнулися пришли. Надъ Охматомъ царомъ такъ ся стало: вмеръ. Намъ братъ онъ былъ, а вамъ приятель былъ»[117].

* * *

Неудачный поход на Русь и последовавшая за ним гибель Ахмеда, разорение его улусов подкосили могущество Престольной державы – Большой Орды, но агония этого ханства растянулась еще на двадцать долгих лет. Вскоре в нем вспыхнула ожесточенная борьба за власть, в которой сошлись сыновья убитого Ахмеда – Муртаза, Сейид-Ахмед (Сеид-Ахмет, Сайил-Ахмед), Шейх-Ахмед (Ших-Ахмет) – и их двоюродные братья, сыновья прежнего владетеля Престольной державы Махмуда – Касым и Абд ал-Керим (Абдул-Керим), закрепившиеся в Хаджи-Тархане (Астрахани)[118]. Ждать усиления кого-нибудь из них Иван III не собирался, предпочитая использовать против «Ахматовых детей» своего союзника, перекопского хана Менгли-

Гирея. 26 апреля 1481 года в Крым поскакал великокняжеский посол Тимофей Григорьевич Скряба Травин. Он должен был сообщить о приходе на Русь из Большой Орды войска хана Ахмеда, неудаче того и отступлении, о смерти общего врага (Возможно, известие об этом и стало причиной отправления посольства Скрябы в Киркор, хотя из текста наказа видно некоторое сомнение великого князя в достоверности сведений о гибели Ахмеда). Послу приказывалось просить помощи, если Ахмед уцелел, или новый хан, «хто будетъ на томъ юрте на Ахматове месте… покочуетъ къ моей земле». В таком случае от имени великого князя Тимофею Скрябе Травину следовало призвать Менгли-Гирея и атаковать неприятеля[119].

Явно на пользу Ивану III были и возобновившиеся военные действия Крыма против Литвы. Осенью 1482 года Менгли-Гирей, придя «съ всею силою своею», сумел взять Киев. Воевода Киевский Иван Хоткевич был взят в плен. Его судьбу разделили многие киевляне. Внимательно следившие за этими событиями русские летописцы связали произошедшее с «неисправлением королевским», который за два года до этого «приведе царя Ахмата Болшие орды съ всеми силами на великого князя Ивана Васильевичя, а хотячи разорити христианскую веру»[120].

Так стал реализовываться замысел московского государя: руками крымского союзника поразить двух своих врагов – Литву и Большую Орду. У всех крупнейших игроков, способных грозить Руси, оказались надолго связаны руки. Удачно маневрируя на этом поле, Иван III в случае необходимости поддерживал Менгли-Гирея, продолжавшего воевать с «Ахматовыми детьми» – сыновьями и племянниками убитого хана, направляя к нему не только отряды служилых или казанских татар, но иногда и собственные полки. Не без его участия Нур-Султан бикем, мать посаженного вскоре воеводами великого князя на казанский трон Мухаммед-Эмина, в 1486 году вышла замуж за Менгли-Гирея, еще больше упрочив связи Москвы и Крыма.

Пытаясь противостоять русско-крымской угрозе, Литва и Большая Орда также старались действовать сообща, но не так эффективно как их враги. Летом 1484 года литовский посол посетил Сарай и подтвердил там союзный договор, заключенный с ханом Ахмедом. К тому времени Большая Орда смогла частично восстановить свои силы. Освобожденные Сейид-Ахмед и Темир собрали войска и нанесли неожиданный удар по юрту Менгли-Гирея. События стали развиваться зимой 1484/1485 года, когда крымские войска были распущены по кочевьям. Сейид-Ахмед усвоил урок, преподнесенный Ибаком и Ямгурчеем, и использовал тот же прием. Поводом к нападению стало его

желание освободить брата, «царевича» Муртазу, участвовавшего в заговоре против Менгли-Гирея и содержавшегося в заточении в Кафе, а также стремление нанести максимальный урон старому врагу. Начатые Сейид-Ахмедом военные действия привели к частичному успеху. Он пробился в Крым и освободил Муртазу. Сообщается о происшедшем в Никоновской летописи, однако следует отметить, что ее составитель ошибся, именуя Сейид-Ахмеда именем уже покойного дяди Махмуда: «Тое же зимы царь Ординский Муртоза, Ахматовъ сынъ, прииде къ Мен-Гирею царю Крымскому, хоте зимовати у него, понеже гладъ бе великъ во Орде. Мен-Гирей же Кримский, поимавъ его, посла въ Кафу, къ Туръскому царю, и посла брата своего меншаго на князевъ Темиревъ улусъ и останокъ Орды розгонялъ. Того же лета Ординский царь ***Махмутъ*** (выделено автором. – *В. В.*), Ахматовъ сынъ, со княземъ съ Темиремъ иде изгономъ на Мин-Гирея царя и брата своего отнемъ у него Муртозу, Ахматова сына; самъ же Мин-Гирей з бою тайно утече ис своей рати, той же ***Махмутъ*** приведе Муртозу и посади на царьстве. Мен-Гирей же посла къ Турскому; Турской же силы ему посла и къ Нагаемъ посла, велелъ имъ Орду воевати»[121]. Рассказал о событиях 1484/1485 года и живший в XVIII веке собиратель преданий из крымской истории Сейид-Мухаммед Реза, автор книги «Ассеб оссеяр, или Семь планет», добавив к уже известным фактам еще несколько важных деталей. Замышляя совершить переворот и свергнуть Менгли-Гирея, Муртаза, живший в Крыму под предлогом ссоры с братом Сейид-Ахметом, стал собирать вокруг себя недовольных хозяином Киркора. Там он был благосклонно встречен, но вскоре перекопскому хану стало известно о замыслах врага. Муртазу схватили, но на помощь брату пришел, видимо, знавший о его планах Сейид-Ахмед. В его войске были и ногаи. В произошедшем сражении было разбито войско Менгли-Гирея, который раненым бежал в свою столицу, Киркор. Отряды Сейид-Ахмеда разграбили Солхат и осадили Кафу. Взять хорошо укрепленную крепость, он, похоже, и не пытался, потребовав выдачи Муртазы. Добившись своего, Сеид-Ахмед ушел из Крыма, так как на помощь врагу спешили турецкие войска. Но ордынцы отошли недалеко за Перекоп и блокировали Крым с суши. Бежать оттуда им пришлось из-за начавшихся рейдов войск Московского государства[122].

Боевые действия активизировались, и вскоре, во время ответного удара крымцев по Большой Орде, Сейид-Ахмед потерпел поражение. Люди великого князя принимали непосредственное участие в нападении на «Орду». Информация об этом содержится в речах московского гонца Шемерденя Умачева, уполномоченного заявить в Крыму, что Иван III «послал

под Орду уланов, и князеи, и казаков всех, колко их есть в его земле, добра твоего везде смотреть»[123]. Помимо этого, Умачев, отправленный в путь 31 июля 1485 года, должен был сообщить Менгли-Гирею о том, что ратными людьми великого князя, ходившими «под Орду», были освобождены и отпущены к Перекопу пленники из числа крымских татар. В марте 1486 года в Киркор был направлен посол Семен Борисович, от имени великого князя напомнивший в Крыму о прошлогоднем походе: «…летось, коли с тобою были немирны цари Муртоза и Седехмат, и как есми послышал то, и яз посылал под Орду уланов и князей и казаков всех, колко их есть в моей земле. И они под Ордою были все лето и делали сколько могли»[124].

В 1486 году Муртаза попытался разбить союз между Москвой и Крымом, прислав Ивану III и его вассалу Нур-Даулету, ставшему к тому времени касимовским ханом, предложение выступить вместе с ним против старшего брата (Менгли-Гирея). Взамен он обещал Нур-Даулету трон Киркора, а великому князю свою дружбу и союз. С большим опозданием, лишь в августе 1487 года, получив оба послания (Нур-Даулета о предложении Муртазы даже не известили), московский государь сразу же отправил их Менгли-Гирею, подтвердив тем самым крепость уз, связывающих князя с владетелем Крымского юрта[125]. Впрочем, он и не смог бы их тогда вручить, так как Нур-Даулет находился в походе, действуя как раз против «Ахматовых детей». Сообщение об этом есть в грамоте Ивана III, тогда же отосланной в Крым: «И язъ и пережъ сего лета посылалъ есми брата твоего Нурдовлата царя и своихъ людей на Орду, и были все лето подъ Ордою и делали дело, как им было мочно. А и ныне брата твоего Нурдовлата царя да и своихъ людей шлю на Орду»[126].

Новая вспышка боевой активности сторон произошла в 1490–1491 годах, потребовав прямого военного вмешательства Москвы в дела Большой Орды и Крыма. Тогда произошла серия нападений ордынцев на юрт Менгли-Гирея, несмотря на миротворческую миссию турецкого султана Баязида II. В 1490 году он попытался примирить Менгли-Гирея и «Аматовых детей», но неудачно. Разорив в Крыму «Барынские улусы», Шейх-Ахмед и Сейид-Ахмед остались на зимовку в низовьях Днепра, где и были атакованы перекопскими татарами. Менгли-Гирей нанес по ним ответный удар и разбил войска «Намаганского юрта», т. е. Большой Орды. Победа была одержана, как признавал Менгли-Гирей в послании Ивану III, «вашею братьи моей пособью»[127].

В следующем году военные действия продолжались. Как сообщал Менгли-Гирей в апреле 1491 года Ивану III, его людям

удалось отогнать у их общего врага – намаганских татар – коней «безъ останка». Этот удар призван был обеспечить успех летней кампании, в которой должны были принять участие и турки. В качестве авангарда османской армии в Крым султаном была отправлена на 10 кораблях тысяча янычар. Однако крымскому хану нужны были и русские войска, о присылке которых он настоятельно просил Ивана III, чтобы они «постращали» общих недругов[128].

Как видим, в 1491 году Менгли-Гирей собирался нанести решающий удар по врагу, испытывающему серьезные затруднения и вынужденному воевать на два фронта. Узнав о масштабных приготовлениях к войне в Крыму, Казани и Москве, «Ахматовы дети» снова прибегли к дипломатических маневрам. К султану Баязиду отправился посол Муртазы, который обвинил в развязывании новой войны своего брата, Сейид-Ахмеда, и заверял, что готов прекратить боевые действия. Прислушавшись к мольбам хана, султан отменил уже происходившую отправку турецкого войска в Крым. Об этом известил Ивана III его посол в Крыму Василий Васильевич Ромодановский.

Однако мирные предложения Муртазы оказались ложными. Вероломный хан надеялся избавиться от нависшей над его юртом угрозы, готовя внезапный удар по своим врагам, возможно, что и по русским пределам – Крым, тесно связанный с Османами, становился слишком опасен для Ахмедовичей. Менгли-Гирей, получив своевременное сообщение о планах Муртазы, возобновил подготовку к военным действиям. Тот же В. В. Ромодановский писал Ивану III, что «царь, господине, слышевъ то, вышелъ былъ изъ Кыркора на четвертой неделе по Велице дни въ пятницу; ино, государь, стретили его вести, что царемъ на него борзо быти, и царь, господине, воротился опять въ Киркоръ. А речь его, государь, такова: дастъ Богъ будетъ ми помочь отъ брата отъ моего отъ великого князя да отъ турьского, и язъ на нихъ иду, а нынечя городъ осажу, а кони и животъ отошлю по крепостемъ». О происках «Ахматовых детей» с братом Менгли-Гирея Ямгурчеем было отослано срочное сообщение султану, о чем сам хан сообщал великому князю, дополняя это известие важной новостью: «Боязыть салтанъ 70000 рати нарядилъ, Ямгурчею прикошовалъ, на Белгородъ идутъ, сего июня месяца быти надобе имъ, Божьею милостью… И какъ къ намъ Богъ донесетъ салтанъ Баязыть салтанову рать, седши на конь на недруга иду»[129].

О замыслах Муртазы Менгли-Гирей незамедлительно сообщил в Москву, подчеркивая, что «Ахматовы царевы дети» Шейх-Ахмед и Сейид-Ахмед собирались идти на Русь, чего не случилось лишь благодаря его действиям. Хан отмечал, что

именно на его юрт легла основная тяжесть ведения войны с Большой Ордой, и вновь просил помощи у московского союзника. Иван III откликнулся на этот призыв и в конце июня выслал «рать свою на Поле». Командовал сын Нур-Даулета, «царевич» Сатылган: «Съ весны рано посылалъ есми Сатылгана царевича и улановъ и князей и Русь съ нимъ твоего для дела подъ Орду, а приказалъ есми ему такъ, чтобы изъ-подъ Орды съ поля не ходилъ безъ моего слова и до зимы»[130]. С «царевичем» Сатылганом «под Орду» ходили воеводы Петр Никитич Оболенский и Иван Михайлович Репня Оболенский, а также воевода одного из братьев Ивана III Бориса Волоцкого с его полком, рати рязанских князей. Союзным казанским войском командовали Абаш-Улан и Бураш-Сеит (Бубраш-Сеит)[131].

Летописное сообщение подтверждается и грамотой Ивана III своему послу в Киркоре. Проанализировав текст послания, Ю. Г. Алексеев пришел к выводу, что в этой грамоте был пересказан наказ великого князя воеводам. Он предусматривал три варианта развития событий, требующих оперативного решения на месте. Первый предполагал участие в боевых действиях против ордынцев, о чем, собственно, просил крымский хан: «Писалъ ко мне Менли-Гирей царь въ своихъ грамотахъ съ Мереккою и съ Кутушомъ, чтобы мне послати на Поле подъ Орду Саталгана царевича, да и русскую рать и казанскую рать. И язъ Саталгана царевича послалъ на Поле съ уланы и со князми и со всеми казаки, да и русскую рать; а въ воеводахъ есми отпустилъ съ русскою ратью князя Петра Микитича да князя Ивана Михайловичя Репню-Оболенскихъ; а людей есми послалъ съ ними не мало; да и братни воеводы пошли съ моими воеводами и сестричичевъ моихъ резанских обеихъ воеводы пошли. А въ Казань къ Ахметъ-Аминю царю посылалъ есми брата твоего князя Ивана, а велелъ ему есми идти съ казанскою ратью вместе наезжати Саталгана царевича»[132]. Второй вариант возможного развития событий предусматривал нападение «Ахматовых детей» на Русь и требовал решительных действий по пресечению этой угрозы. Допущение такого поворота в ходе кампании свидетельствует о более чем серьезном отношении Ивана III к предостережению Менгли-Гирея. Игнорировать угрозу своим владениям великий князь не собирался и готовился дать должный отпор неприятелю. Третий вариант предусматривал возможность совместного похода с войсками крымского хана в «иную сторону» – возможно, против Литвы[133].

Вопреки сложившемуся мнению об отсутствии во время кампании 1491 года непосредственного сопротивления с противником[134], государевым воеводам все-таки довелось

проверить свои силы в большом сражении. Поначалу боевых столкновений «на Поле» действительно не было. Связываться с вошедшей в Западный Дешт большой армией Ахматовичи не стали и отступили. Преследовать их оказалось невозможно – из-за падежа коней, о котором сообщил в марте 1492 года Менгли-Гирею Василий Ромодановский. Поэтому действия великокняжеского войска свелись к рейдам отдельных отрядов «подъ Орду, и они, господине, лето были на Поле, подъ Ордою улусы, господине, и нихъ имали и людей и кони отганивали, сколко имъ Богъ пособилъ, столко делали»[135]. Именно тогда был разорен Сарай, столицей Тахт-Эли стал Хаджи-Тархан (Астрахань) [136]. Еще одним значительным успехом походной рати Ивана III в 1491 году был разгром возвращающегося в Хаджи-Тархан войско Абд ал-Керима: «Обдылъ-Керимъ царь пошолъ былъ къ Азторокани, да наехалъ деи былъ, государь, на твоего царевича и на твою рать. И они деи его, государь, розгоняли, а что съ нимъ было и то поимали, а его самого застрелили (ранили стрелой – *В. В.*), и прибежалъ деи, государь, въ Орду раненъ, да поимавши царици, да опять пошолъ въ Хазторокань»[137].

Столь внушительная демонстрация на южном рубеже русских сил, сумевших разорить вражескую столицу и разбить астраханское войско, имела огромное значение. Русские воеводы сполна воспользовались возможностью опытным путем ознакомиться с особенностями боевых действий на «Поле», лучше узнать маршруты движения неприятельских войск, их стоянки, тактические приемы татарских военачальников.

О том, что предостережения Менгли-Гирея о намерениях «Ахматовых детей» напасть на земли великого князя не были голословными, свидетельствует произошедший уже летом следующего 1492 года первый после Угорщины набег намаганских татар на Русь. 10 июля на волость Вошань под Алексиным напали «ординские казаки» под командованием Темеша. С ним было «двесте и 20 казаковъ». Разорив и пограбив русские селения, они отправились назад, но на обратном пути врагов настигли воеводы великого князя, Федор Колтовский и Горяин Сидоров, с небольшим отрядом в 64 человека, «и учинися имъ бой въ Поли промежъ Трудовъ и Быстрые Сосны, и убиша погони великого князя 40 человекъ, а Татаръ на томъ бою убиша 60 человекъ, а иные идучи Татарове въ орду ранены на пути изомроша»[138].

Начавшиеся в Большой Орде междоусобицы усугубились бедствиями, связанными с изменениями климата в Поволжье. Степи стали засыхать, и ордынцы попытались прорваться к более

плодородным местам в Приднепровье. О начавшемся среди врагов голоде есть сведения в сообщениях русских послов[139].

Разразившаяся в 1500 году русско-литовская война надолго отвлекла Ивана III от участия в борьбе с Ахмедичами. Но те не забывали про врага. Старый союз Литвы и Большой Орды был подтвержден. В ноябре 1500 года великий князь литовский Александр, в ответ на приезд ордынских послов Абдулы, Акчара и Кулука-богатура, прислал к Шейх-Ахмеду своего посла Михаила Халецкого. Александр Казимирович просил союзника, чтобы тот «на конь всел еси», то есть поддержал Литву в борьбе с московским государем, вместе с ногайскими «прыятельми»[140]. Хан согласился принять участие в военных действиях, но сначала попытался обезопасить себя от удара в спину со стороны Менгли-Гирея. Его войска выступили к реке Тихой Сосне. Там ордынское войско было атаковано крымским, первоначально потеснившим противника, но через 5 дней, 18 июля, Менгли-Гирей увел свою 25-тысячную армию обратно в Крым. Среди названных им московскому государю через своих гонцов причин прекращения похода были отсутствие корма для коней и приход на помощь ордынцам большого ногайского войска[141].

Пользуясь отступлением крымцев, Шейх-Ахмед осенью следующего 1501 года напал на Северскую «украйну». Захвачены были Рыльск и Новгород-Северский, татары разорили окрестности Стародуба, продвинувшись затем до брянских мест. Добившись значительного успеха, хан с приближением зимы отвел свои отряды в степь, оставаясь недалеко от границ «meży Czernihowom y Kij ewom posredne Dnepru y po Desne…, powiedaiuczy welikomu kniaziu Alexandru, iako pryszoł k nemu na pomocz protyw Mendli-Kireja, cara perekopskoho, y welikoho kniazia moskowskoho, y wskazuiuczy do neho, sztoby s nim znemszysia poczynał deło swoje z nepryiatelmi swoimi» («между Черниговом и Киевом посредине Днепра и по Десне…, сообщая великому князю Александру, что пришел к нему на помощь против царя перекопского Менгли-Гирея и великого князя московского, и призывал великого князя соединиться с ним и начать войну со своими неприятелями»)[142].

Однако торжество ордынцев было недолгим. Воспользовавшись отвлечением главных сил Шейх-Ахмеда, Менгли-Гирей сумел восстановить боеспособность своей армии и перешел в решительное наступление. В июне 1502 года в районе левых притоков Днепра Самары и Сулы он «побилъ Шиахмата царя Болшиа орды и Орду взялъ», о чем незамедлительно сообщил московскому государю, своему союзнику[143]. Разгромив врага, крымское войско огнем и мечом прошло по ордынским

улусам, закончив поход в Сарае. Старая столица волжских татар была разграблена и показательно сожжена. Большая Орда прекратила свое существование.

Разбитый Шейх-Ахмед с немногими людьми бежал в Хаджи-Тархан, а затем, осенью 1503 года, ушел в Литву. Там он стал почетным пленником, своеобразным инструментом политики Вильно, используемым для влияния на беспокойный татарский мир.

Глава 4. Тверское взятие и Вятский поход Даниила Щени

На фоне таких эпохальных событий, как присоединение к Московскому государству Новгорода и Верховских княжеств, противостояние с Казанским ханством и Большой Ордой, вооруженными силами Ливонской конфедерации и Швеции, Тверское и Вятское взятие кажутся далеко не главными операциями, проведенными воеводами Ивана III. Однако без описания этих кампаний рассказ о боевой практике русского войска будет неполон.

К середине XV века широко известное прежде противостояние Москвы и Твери, «града Святого Спаса», казалось, кануло в Лету. При Василии II былые недруги с верховьев Волги стали чуть ли не самыми надежными его друзьями и союзниками, помощь которых, безусловно, ускорила победу великого князя в Династической войне. Без тверских полков и тверской артиллерии, лучшей в то время на Руси, борьба с галицким князем Дмитрием Шемякой могла затянуться надолго. В роковой для этого князя час Москва и Тверь объединились против него. В 1452 году правивший тогда в «граде Святого Спаса» князь Борис Александрович заключил при посредничестве митрополита Ионы соответствующий договор с Василием Васильевичем. Тверской князь «обещался с детьми своими быть во всем заодно с Москвою».

Союз двух русских княжеств скрепил брак наследника Василия II, совсем еще юного Ивана, и тверской княжны Марии Борисовны[144]. Расчет московского государя оказался очень точен. И в дальнейшем Тверь помогала Москве, поддерживая ее военные акции силой своих полков. Воеводы Михаила Борисовича, родного брата московской княгини и дяди наследника престола, Ивана Ивановича Молодого, водили тверские рати на Новгород в 1471 (князь Ю. А. Дорогобужский) и 1477/1478 году (князья М. Ф. Телятевский, М. Б. Микулинский), на встречу Ахмеду к Угре в 1480 году (князья М. Д. Холмский и И. А. Дорогобужский).

Но долго существовать равноправный союз двух государств не мог. С каждым присоединенным княжеством Московское государство становилась все больше и крепче, превращаясь в настоящую державу, владения которой окружали тверскую землю почти со всех сторон, за исключением западного рубежа, граничившего с Великим княжеством Литовским. Понимая, что

судьба «града Святого Спаса» может решиться в любую минуту, тверские бояре и даже князья начинают отъезжать в Москву. В числе первых оказался и дальний родственник правящего дома Данила Дмитриевич Холмский, в дальнейшем на службе у великого князя проявивший себя выдающимся полководцем, приводившим к покорности своему новому государю и новгородцев, и казанских татар.

В этой ситуации к охлаждению отношений мог привести любой, самый незначительный повод. Более серьезный конфликт с Москвой грозил полным разрывом с ней и войной с заранее предсказуемым результатом. Невзирая на это, Михаил Борисович Тверской стал создавать такие поводы один за другим.

Всерьез задумались о судьбе Тверского княжества сидевшие на Боровицком холме властители Руси уже после новой женитьбы овдовевшего к тому времени и бездетного Михаила. Невестой его стала одна из внучек короля Казимира IV Ягеллончика. Этот брак должен был сопровождаться заключением литовско-тверского союзного договора, согласно которому, подобно прежнему докончанию 1449 года, Михаил Тверской принимал на себя обязательство стоять «за один» с великим князем литовским против его недругов, в число которых вполне могла и попасть традиционно враждебная Литве Москва.

Для Ивана III любое, даже самое малое, движение союзных князей в пользу Литвы выглядело чрезвычайно подозрительным. Но тверской князь, окончательно определившись в своих симпатиях, в 1483 году допустил прямое оскорбление в отношении московских родственников, не приняв московского посла Владимира Гусева. Он прибыл к нему с сообщением о рождении у Ивана Ивановича Молодого сына, нареченного Дмитрием (новорожденный приходился племянником тверскому князю)[145]. Возможно, на Михаила Борисовича подействовало не только заключение союзного договора с Литвой, но и выдвижение к русским границам сильной литовской «заставы», стоявшей в Смоленске с осени 1482 по лето 1483 года.

В 1484 году Иван III «разверже мир» с Михаилом Борисовичем и двинул свои «тьмочисленные» полки на бывшего шурина. Московскими войсками были взяты и сожжены два тверских города, после чего «владыка тферскыи с бояры добиша чолом, и смиришася»[146]. В заключенном в октябре-декабре 1484 года договоре фиксировался факт установления московского протектората над Тверским княжеством, терявшим право вести внешнюю политику. Михаил Борисович переставал считаться «братом» Ивана III, а становился его «меньшим братом», т. е. переходил на положение удельного, зависимого князя. Более

того, он признал себя «младшим братом» и сына московского государя, Ивана Молодого.

Но в Твери, как оказалось, не собирались соблюдать это докончание, заключив его только для того, чтобы ввести в заблуждение Ивана III и выиграть время. Это стало ясно, когда один из московских дозоров перехватил отправленного к Казимиру IV гонца тверского князя. В Москву было доставлено обнаруженное у него послание Михаила Борисовича, в котором тот призывал короля начать войну с Иваном III[147]. Московский государь отреагировал немедленно. Несмотря на попытку объясниться, предпринятую срочно прибывшими из Твери послами – весьма почитаемым Иваном III епископом Вассианом, сыном знаменитого московского воеводы Ивана Стриги, и князем Михаилом Дмитриевичем Холмским (родным братом служившего державному государю Данилы Холмского), смягчить великокняжеский гнев не удалось. Михаила Холмского и сопровождавших его бояр, Василия Даниловича и Дмитрия Никитича Череду, Иван III даже не принял. Война Твери была объявлена. Начался сбор полков.

К августу 1485 года собранное в Москве великокняжеское войско было уже готово двинуться на Тверь. В этом походе Ивана III сопровождали его сын и наследник Иван Иванович Молодой, братья Андрей Углицкий и Борис Волоцкий. Как и в новгородских походах, московской артиллерией командовал болонец Аристотель Фиораванти. Собранные рати двинулись в поход 21 августа, а 8 сентября они уже были у стен Твери. С северо-запада на соединение с главными силами выступило сильное новгородское войско под командованием великокняжеского наместника, боярина Якова Захарьича Кошкина.

Обороняться было бессмысленно, и тверичи стали переходить на сторону Ивана III, не оказывая его войскам сопротивления. Несомненно, на это повлиял и строгий приказ великого князя, запретившего своим воинам грабить и разорять Тверскую землю. Оказавшись в безвыходном положении, Михаил Борисович в ночь на 12 сентября бежал к союзнику Казимиру[148]. Современник оставил о последнем тверском государе язвительный стишок:

> Борисович Михайло.
> Играл в дуду.
> И предал Тверь.
> Бежал в Литву

Наутро 12 сентября, после столь бесславного поступка своего

князя, «приехаша к великому князю Ивану Василиевичю владыка тверский Васиан, и князь Михаиле Холмской с братею своею и с сыном, и иные князи и бояре, и земскиа люди все, и город отворища»[149]. 15 сентября 1485 года Иван III въехал в покорившийся ему город, в тот же день пожаловав Тверским княжением своего сына и наследника Ивана Молодого. Наместником при нем великий князь оставил боярина Василия Федоровича Образца Добрынского[150].

Вскоре после Тверского взятия произошло окончательное подчинение и Вятского края, еще одной вечевой общины русского Севера. Она контролировала значительную территорию по реке Вятке – правому, самому большому притоку Камы. Находясь на значительном удалении от остальных русских земель и вне зоны княжеских владений, вятчане исстари пользовались значительной долей самостоятельности, действуя зачастую на свой страх и риск в решении политических вопросов. Во время династического конфликта второй четверти XV века в Московском княжестве они твердо стояли на стороне Юрия Дмитриевича Галицкого и его сыновей. После окончательного поражения Дмитрия Шемяки вятчане признали власть Василия II, но лишь формально. Они явно готовились отстоять свои старинные вольности. Примет тому много – в 1456–1457 годах на берегах реки Хлыновицы была спешно построена новая деревянная крепость, получившая название Хлынов. Были укреплены вятские «пригороды» – Котельнич, Никулицын и Орлов, крепость на месте будущего города Слободского. Такие действия не могли не вызвать опасений у Василия II, вынужденного учитывать близость к этим городам владений казанских ханов, давно уже заривщихся на земли в бассейне реки Вятки. С этим обстоятельством и следует связать предпринятые попытки Москвы утвердить свою власть на важном северо-восточном рубеже.

Назревал острый конфликт, разрешить который можно было лишь вооруженным путем. Силы сторон были уже далеко не равны. Московское государство располагало значительной армией, основу которой составляли полки мобильной поместной конницы, усиленные артиллерией и посохой, ополчениями северных городов. На Вятке, как и в Новгороде и Пскове, постоянного войска не было: в случае возникновения военной опасности под рукой выборных воевод собиралось ополчение из всех способных носить оружие мужчин, несомненно, обученных владению оружием, хотя и на не профессиональном уровне. Однако на стороне вятчан был географический фактор – их поселения находились на периферии Русской земли. Любой поход

туда превращался в многотрудный и длительный подвиг. И не всегда успешный. Это наглядно продемонстрировали события 1457/1458 года, когда «князь велики посла рать на Вятку». Командовал ею князь Иван Иванович Ряполовский. В устюжских летописях отмечено, что хотя московские полки и осадили Хлынов, но взять его не смогли. Объяснение неудачи – «занеже воеводы у вятчан посулы имали, им норовили»[151], – с нашей точки зрения, неправдоподобно. Взятие города сулит победителю гораздо больший доход, чем вымогание «посулов», тем более с очевидным риском прогневать великого князя вступлением фактически в сговор с врагом. Если в том году и был взят какой-то выкуп с вятчан, то, скорее всего, именем государя и в его казну.

В 1459 году на Вятку ходил с государевым Двором и устюжским ополчением Иван Юрьевич Патрикеев. Воеводы взяли Орлов и Котельнич, долго держали в осаде Хлынов, и вятчане на этот раз все-таки «добили челом на всей воле великого князя». И снова лукаво. Во всяком случае, набеги местных лихих людей, некого подобия новгородских ушкуйников, на русские земли не прекратились. В марте 1466 года, уже в правление Ивана III, вятские находники напали и разграбили богатую волость Кокшенгу, расположенную на одноименной реке. Идя в набег, они украдкой прошли на кораблях по Сухоне мимо Устюга, так что остались незамеченными стражей. О действиях находников устюжский наместник Василий Федорович Сабуров срочно сообщил великому князю, повелевшему их «переимати». Возможность для этого была. Обратно вятчане шли рекой «Вагою вниз, а по Двине вверх до Устюга». У горы Гледен при слиянии рек Сухона и Юг они были перехвачены ратью Сабурова, но спаслись, якобы дав «посул» наместнику, через три дня пропустившему противника к Вятке. В следующем 1467 году небольшой вятский отряд в 120 человек вместе с пермяками ходил в поход на вогуличей (манси), разграбив их землю и пленив «большого» князя Асыку[152].

Эти нападения, возможно, были связаны с новой ориентацией вятчан на Казань. В то же время, отложившись от великого князя и признав власть хана Ибрагима, они по старой памяти продолжали уклоняться от выполнения своих обязательств. Воспользовавшись этим, отряд московского воеводы Ивана Руно в 1468 году через Вятскую землю совершил нападение на Казанское ханство. Ответом стала временная оккупация Хлынова татарским войском. В самом городе был посажен казанский наместник, выведенный оттуда в 1469 году, после окончания войны с Москвой, проигранной Ибрагимом.

Через два года после этого вятчане уже действовали в интересах московского государя. В 1471 году их отряд под командованием Константина Юрьева, спустившись незаметно по Каме и Волге, внезапным ударом с реки захватил Сарай (столицу Большой Орды)[153]. Затем вятчане по приказу Ивана III с великокняжеским воеводой Борисом Тютчевым и устюжанами ходили воевать в новгородцами в Заволочье, приняв участие в Двинском сражении в устье Шиленги (27 июля 1471 года), когда было разбито выступившее против них войско Василия Гребенки Шуйского.

Через семь лет после этих событий, в 1478 году, казанские татары хана Ибрагима (Абреима) вновь нанесли удар по Вятскому краю. Летописец скупо отметил произошедшее нападение, особо подчеркнув его ничтожный результат: «Того же лета царь Абреим Казанский приходил ратью на Вятку и волости повоевал, а города ни единаго не взял». Тогда же татары атаковали и Устюг, но неблагоприятные погодные условия вынудили их отступить.

Неопределенная ситуация со статусом Вятской земли продолжала сохраняться и в дальнейшем. У Ивана III, занятого решением других проблем, просто не доходили до этого руки, пользуясь чем, вятчане продолжали своевольничать, нападая на соседние русские территории, то есть, совершая действия, на которые не отваживались даже самые упорные противники великого князя. В конце зимы или начале весны 1486 года они напали на Устюжскую землю «и стояли под Осиновцем городом день и прочь пошли, а три волости разграбили»[154]. Затем, в мае, нападение повторилось. Именно во время второго похода бежал от этого грабь-войска к великому князю лучший вятский воевода Константин Юрьев. Он, знавший расстановку сил в Хлынове, замыслы и намерения местных бояр, особенно главного московского недоброжелателя – Ивана Аникеева (Мышкина), несомненно, раскрыл их Ивану Васильевичу.

Немедленной реакции на враждебные действия вятчан не последовало. Москва втягивалась в новый конфликт с Казанским ханством. Только завершив войну с ним и посадив на трон своего подручного, хана Мухаммед-Эмина, Иван III обратил внимание на мятежную Вятку. Уже в 1488 году московские воеводы стояли в Устюге, охраняя его от нападения вятчан. Командовали этим войском князь Иван Владимирович Лыко Оболенский и окольничий Юрий Иванович Шестак-Кутузов. «А сила с ними была двиняне, важане, каргапольцы, а стояли до осени и прочь пошли»[155]. Видимо, в Москве получили сведения о возможности новых набегов и предпочли перестраховаться.

В следующем 1489 году по приказу великого князя Ивана III на Вятку было отправлено войско, которым командовали князь Данила Васильевич Щеня и Григорий Васильевич Поплева Морозов. Рать состояла из 4 полков: Большого, Передового, Полка правой руки и Полка левой руки. С русскими воеводами шел и казанский татарский отряд князя Урака, насчитывающий 700 воинов. Московские, владимирские и тверские отряды, а также углицкие и волоцкие полки под командованием воевод – княживших в этих уделах Андрея и Бориса Васильевичей – выступили в поход на конях. Ополчения северных городов (устюжане, двиняне, важане, каргопольцы, белозерцы, вологжане, вычегжане, вымичи и сысоличи) «шли в судах». Судовой ратью командовали воеводы Иван Иванович Салтык Травин, князь Иван Семенович Кубенской, Юрий Иванович Шестак, князь Иван Иванович Звенец Звенигородский и устюжский наместник Иван Иванович Злоба. Данные о численности великокняжеской рати разнятся. По Устюжской летописи (список Мациевича, Вторая редакция) и Летописцу Льва Вологдина, под командованием Данилы Щени и Григория Поплевы было 72 тысячи воинов и ополченцев[156]. В более подробном Архангелогородском летописце указана другая численность собранных полков – 64 тысячи человек[157]. Несмотря на существенную разницу в 8 тысяч ратных людей, следует признать, что перешедшее летом 1489 года границы Вятской земли войско было очень значительным. К тому же, на Каме стояла «для вятцкого же для дела» рать князя Бориса-Ивановича Горбатого-Шуйского[158].

Как и в прежние времена, вятчане, узнав о приближении великокняжеского войска, затворились в своих городах. 24 июля судовая рать Салтыка Травина подошла к Котельничу и, по-видимому, взяла его, затем, соединившись здесь с конной ратью и татарским отрядом Урака, войска двинулись дальше. 16 августа 1489 года государевы полки стали под Хлыновым. Осада главного города Вятской земли началась с переговоров. Из крепости выслали «с поминки Исупа (Юсупа) Есипова сын Глазатово». Государевы воеводы дали ему «опас» (охранную грамоту), после чего, на следующий день, в стан Щени и Поплевы прибыли уже более авторитетные переговорщики – «люди большие». Они объявили воеводам, что во всем покорны великому князю московскому и готовы дань давать и службу служить. Но Данила Щеня в ультимативной форме потребовал от осажденного города поголовной (от мала до велика) присяги на верность великому князю и выдачи ему головой трех руководителей города и земли, известных враждебным отношением к Москве – Ивана Аникиеева (Мышкина), Пахома Лазарева и Павла (Палку) Багадайщикова.

Попросив один день на раздумье, вятчане обсуждали ультиматум на вече два дня, а затем его отвергли. Получив ответ, воеводы «всеи силе велели приступ готовити и примет к городу». Этот примет оградили «плетнями» (плетенными двухсаженными щитами), каждый воин имел запас бересты и смолы, чтобы поджигать город. Устрашившись таких приготовлений, вятчане «видячи свою погибель, сами вышли болшие люди своими головами и добили челом воиводам на всей воле великаго князя». Иван Аникеев, Пахом Лазарев и Павел Багадайщиков были выданы, закованы в железа, доставлены в Москву и там казнены по приказу Ивана III[159]. После одержанной победы воеводы привели вятчан к крестному целованию, а «болших людей всех и с женами и с детми изведоша, да и арьских (удмуртских) князей, и тако возвратишася; и князь велики вятчан земских людей в Боровсце да в Кременьсце посади да и земли им подавал, а торговых людей вятчан в Дмитрове посади, а арьских князей князь велики пожаловал отпустил их в свою землю»[160]. С этого момента Вятская земля стала составной частью Русского государства.

Глава 5. Русско-литовский пограничный конфликт конца XV века. Первая порубежная война 1487–1494 годов

На первых порах в отношениях с Литвой великий князь Иван III действовал чрезвычайно осторожно, стараясь уговорами и обещаниями привлечь на свою сторону служивших Литовскому государству русских верховских князей, владения которых находились в верховьях реки Оки. Они сохраняли известные права и привилегии, выплачивая так называемое «полетнее» – ежегодную дань Вильно. За сохранением автономии верховских князей очень внимательно следили в Москве, постоянно оговаривая их в докончаниях (договорах) с Литвой[161]. Среди факторов, оказавших влияние на окончательный выбор ими сюзерена, определяющими стали русское происхождение (верховские князья были потомками князя Михаила Всеволодича Черниговского) и непоколебимая верность православию. Свою роль в окончательном выборе сыграла близость степных границ, откуда с удручающим постоянством на литовские земли совершали набеги войска союзного Ивану III крымского хана Менгли-Гирея.

В Москве до поры до времени считались с условиями договора 1449 года с Вильно, подтвердившего произошедшее в начале XV столетия присоединение княжеств в верховьях Оки к Великому княжеству Литовскому, но желали включить их в состав Русской Державы. Оставался и ряд неурегулированных вопросов – право князей Ягеллонов на ржевскую дань и владение городами Козельск, Серенск, Хлепень.

Отъезды верховских князей на московскую службу начались еще в начале 1470-х годов. Одним из первых перешел к Ивану III князь Семен Юрьевич Одоевский, погибший осенью 1473 года во время одного из пограничных конфликтов. Князь совершил нападение на соседний Любутск и был убит во время ответной атаки. Его сыновья – Иван Сухой, Василий Швих и Петр Семеновичи Одоевские, владевшие половиной родового города Одоева, уже верой и правдой служили московскому государю. Они участвовали в постоянных столкновениях на границе. Однако другие верховские князья не спешили следовать примеру Одоевских. И только потрясение от действий союзника Литвы, Ахмеда, во время похода к Угре разорившего верховские земли, толкнуло многих из них на московскую сторону и даже на участие в заговоре против Казимира IV.

Выезд в Москву в 1481/1482 году владельца города Белая Федора Ивановича Бельского, вряд ли можно считать обычным княжеским отъездом с сохранением своей «отчины». Он был вынужден бежать из Литвы, спасаясь после неудачного попытки убить Казимира IV Ягеллончика. Федор Бельский организовал заговор вместе со своими родственниками, князем Михаилом Олельковичем и Иваном Гольшанским. Мятежные князья собирались отторгнуть в пользу Московского государства всю восточную часть Великого княжества Литовского вплоть до реки Березины. В Москве Бельского благосклонно приняли и щедро пожаловали, но все его литовские владения были конфискованы Казимиром[162].

В канун Тверского взятия наблюдалась напряженность на границах ВКЛ и Русской Державы. Обе стороны держали сильные «заставы» на рубеже: литовская стояла в Смоленске, русская – в Новгороде и Пустой Ржеве. Затем уровень напряженности стал падать из-за отвлечения внимания Казимира IV на молдавские дела. Он попытался урегулировать отношения с Москвой и привлечь Ивана III к участию в военных действиях против турок. Такие действия короля были восприняты как проявление слабости, трудным положением ВКЛ было решено воспользоваться для изъятия у него восточных территорий, захваченных в прежние, тяжелые для Руси, времена. В мае 1486 года на Мценск напали рязанские войска. Они выжгли его посад и разграбили окрестности города[163]. Не совсем ясна степень участия в этом набеге Москвы, что не позволяет определить эту дату как начало начавшейся вскоре «малой» войны. Осенью 1486 года на литовское порубежье совершили нападения люди удельного князя Андрея Васильевича, брата Ивана III, разорившие ряд хлепенских и вяземских волостей, а некоторые из них – захватившие. Произошедшие события могли повлиять на решение части новосильских князей найти более надежного покровителя в лице великого князя Ивана III.

Массовый характер переход верховских князей на московскую службу приобрел начиная с 1487 года. Чрезвычайно важным представляется явно неслучайное совпадение этой даты с казанским взятием 9 июля 1487 года. Высвободив свои войска на востоке, Иван III усилил нажим на западе, создавая на границе с Литвой нужные ему прецеденты для вмешательства во внутренние дела этого государства. Именно тогда началась Первая порубежная война между Великим княжеством Литовским и Русским государством. Проходила она в два этапа, рубежом которых стал 1492 год – после смерти Казимира IV Ягеллончика, умершего 7 июня этого года, Иван III усилил нажим на Литву,

нанося удары по центрам наместничеств на востоке ВКЛ и находящимся там княжеским городам[164].

В начале конфликта одним из первых, разграбив город Мезецк, отъехал к Москве князь Иван Михайлович Воротынский. В начале октября 1487 года к Ивану III прибыло литовское посольство с жалобами на действия Воротынского и помогавших ему князей Одоевских. Исходя из этой даты, А. А. Зимин предполагал, что Иван Михайлович перешел на московскую службу осенью 1487 года, а М. М. Кром относит его отъезд к первой половине этого года[165]. Несомненно, литовское посольство князя Тимофея Владимировича Мосальского прибыло в Москву вскоре после отъезда князя Воротынского, но вряд ли осенью. Несмотря на чрезвычайный характер этой миссии, принятие решения об ее отправлении и дорога в Москву должны были занять не менее месяца. Вероятнее всего, мезецкие события произошли в августе 1487 года. Участие в них давно уже служивших Ивану III князей Ивана Сухого, Василия Швиха и Петра Одоевских указывает на явную заинтересованность в таком развитии событий великого князя, а между тем, он вряд ли мог решиться на эскалацию конфликта с Литвой до благополучного окончания войны с Казанью.

Давление Москвы на порубежных литовских владельцев возрастало и приобретало значительные размеры. Так, можайский князь Андрей Васильевич Большой в 1486–1487 годах занял принадлежавшую князю Михаилу Дмитриевичу Вяземскому волость Ореховну, наместники Ивана III захватили у князей Глинских волости Шательшу, Судилов, у князей Крошинских – волости Тешинов, Сукромну, Ольховец, Надславль, Лелу (Заолелье), Отъезд.

Весной 1488 года посаженный отцом наместничать в Твери Иван Иванович Молодой с войсками взял и разграбил город Хлепень, а также три вяземские волости. Великокняжеский воевода Борис Федорович Челищев из Калуги совершил нападение на город Любутск и пленил местного «воеводку» Василия Протасьева. В ответ князья Дмитрий и Семен Федоровичи Воротынские «з знамяны и с трубами войною» совершили нападение на медынские волости. Тогда русские воеводы разорили окрестности города Бышковичи на реке Безвель и другие волости, принадлежавшие этим князьям. Набеги происходили и на новгородско-литовской границе. Владевший землями на этом рубеже князь Федор Бельский совершал нападения на торопецкие волости, в ответ торопецкий наместник князь Семен Соколинский нападал на новгородские волости.

Весной 1489 года в отместку за очередной набег братьев

Воротынских их столицу Воротынск осадило московское войско под командованием одиннадцати воевод во главе с князем Василием Ивановичем Косым Патрикеевым. Город был взят и разграблен, но на обратном пути русскую рать разбили подоспевшие литовские отряды. На северном рубеже Федор Бельский продолжал разорять торопецкие волости, наместник городка Вселуг, находившегося на восточном берегу одноименного озера, Василий Давыдович занял часть торопецкой волости Дубны.

Усиление нажима со стороны Москвы сделало положение верховских князей безвыходным, и многие из них вынуждены были последовать примеру Ивана Михайловича Воротынского, еще в 1487 году перешедшего на сторону Ивана III. В конце 1489 года на службу к этому великому князю отъехали со своими «отчинами» многие верховские князья, в их числе – Иван, Андрей и Василий Белевские, Дмитрий Федорович Воротынский и его племянник Иван Михайлович Воротынский. При этом они захватили часть земель князей, еще хранивших верность Литве. Но протесты, заявленные тогда же польским королем и великим князем литовским Казимиром IV Ягеллончиком, были оставлены без внимания, и отношения между двумя государствами продолжали обостряться.

В 1490 году можайский князь Андрей Васильевич Большой занял две вяземские волости, Могилен и Мицонки. В 1491 году холмский наместник Андрей Андреевич Колычев захватил Казаринскую волость. Однако до кончины Казимира IV дело ограничивалось локальными пограничными столкновениями и взаимными упреками в нарушении существующих соглашений. Ситуация резко изменилась после смерти старого короля 7 июня 1492 года. Сыновья Казимира разделили державу отца, значительно ослабив свои силы. Старший сын покойного, Владислав II Ягеллон, стал королем Чехии, а с 1490 года – Венгрии, где правил под именем Уласло II. Еще один Казимирович, Ян I Ольбрахт, занял польский престол, а их брат Александр стал великим князем литовским.

Реакция Ивана III была почти мгновенной. Уже в августе 1492 года его войско («сила ратная») под командованием князя Федора Васильевича Телепня Оболенского вторглось на литовскую территорию и захватило города Мценск и Любутск. Жалуясь на это нападение, в сентябре 1492 года Александр Казимирович писал в Москву: «ино пришли к нам вести, што люди твои в головах княз Федор Оболенскии приходил со многими людми воиною безвестнои городы нашы Мценеск и Любтеск зжег и наместника нашего любуцкого и мценского Борыса Семеновича

звел, и бояр мценских и любуцких з жонами, з детми и иных многих людей в полон повели, и животы и статки побрали»[166]. Захватом Мценска и Любутска дело не ограничилось. Тогда же, в августе 1492 года, отряды князей Ивана Михайловича Воротынского и Одоевских выступили в поход на Мосальск и Серпейск, достаточно легко овладев ими. В августе-сентябре произошло вторжение и во владения вяземских князей. Отряд великокняжеских воевод Василия Лапина и Андрея Истомы захватил города Хлепень и Рогачев[167]. К этому времени надежного военного прикрытия восточных рубежей Великого княжества Литовского больше не существовало. Это стало следствием отъезда князей на московскую службу и перехода под власть Ивана III ряда пограничных крепостей: Одоева, Козельска, Перемышля, Серенска. Однако уступать свои города без борьбы новый великий князь литовский Александр Казимирович не собирался. Он категорически отказался признать переход на московскую сторону русских князей, о чем чуть позже и сообщил Ивану III в послании от 20 февраля 1493 года, доставленном в Москву Федором Гавриловичем[168]. К захваченным городам были посланы из Смоленска литовские войска под командованием наместника Юрия Глебовича, князя Семена Ивановича Можайского и князей Друцких, которым ненадолго удалось вновь овладеть Серпейском и выжженным Мценском. Но это был лишь временный успех. 21 января 1493 года против литовского войска выступила большая армия, включавшая не только великокняжеский полк воевод под командованием Михаила Ивановича Колышки Патрикеева и Александра Васильевича Оболенского, но и войска союзных Москве рязанских князей Ивана и Федора Васильевичей. Рязанскую «силу» привел воевода Инька (Иннокентий) Измайлов. Литовские отряды были вынуждены отступить к Смоленску, оставив в занятых ими «градех» сильные гарнизоны. Тем не менее, московско-рязанская армия добилась важных успехов. Она вернула Мезецк, который был сдан гарнизоном русским воеводам без боя, и Серпейск, взятый штурмом, несмотря на отчаянную защиту находившихся там «панов… двора великого князя Александра». В Мезецке победители «изымаша во граде Кривца, околничего Смоленского», в Серпейске был взят в плен воевода смольнянин Иван Федорович Плюсков. Развивая достигнутый успех, войско Колышки и Оболенского заняло город Опаков, гарнизон которого также оказал сопротивление и, подобно Серпейску был сожжен победителями. Та же судьба постигла взятый штурмом город Городечно.

Неудачные действия литовских войск вынудили отъехать к

Москве еще нескольких верховских князей – Семена Федоровича Воротынского, Михаила Романовича Мезецкого, Василия и Андрея Белевских и одного из вяземских князей, Андрея Юрьевича. Массовый переход князей на московскую сторону еще больше ослабил литовскую оборону. Зимой 1492/1493 года состоявшее из пяти полков московское войско, в состав которого входил и великокняжеский «Двор», «град Вязьму взяша и людей к целованию приведоша. Князей же вяземских и панов в Москву приведоша». Овладевшей Вязьмой ратью командовали воеводы Данила Васильевич Щеня и Василий Иванович Кривой Патрикеев[169].

Александр Казимирович пытался организовать отпор наступлению русских войск, получить помощь от Польского королевства или хотя бы нанять там небольшой пехотный отряд из 300 жолнеров, но никаких подкреплений не получил и вынужден был рассчитывать лишь на свои силы[170].

Военные действия шли по всей линии русско-литовской границы, но формально войны между Московским государством и Великим княжеством Литовским не было. Иван III объяснял происходившее отторжение восточных территорий Литвы свободным выбором западнорусских князей, издавна «служивших на обе стороны» и имевших право выбирать себе государя. Произошедшему в 1487–1494 годах вооруженному конфликту А. А. Зимин дал неудачное название «Странная война», которое тем не менее получило широкое распространение в исторической литературе[171]. Никаких особых «странностей» в имевшем место противостоянии не наблюдалось. Со стороны Москвы военные действия велись по тщательно продуманному плану, в соответствии с которым захват спорных территорий производился, как правило, местными князьями, отъехавшими ранее на службу к московскому великому князю. Его воеводы вступали в бой лишь тогда, когда происходило «ущемление» прав того или иного князя, пожелавшего отъехать в Москву. Такое военное вмешательство понадобилось, например, в случае с решившим перейти на московскую сторону Андреем Юрьевичем Вяземским, ограбленным старшим из вяземских князей, Михаилом Дмитриевичем, сохранившим верность Александру Казимировичу. Сообщая об отъезде Андрея Юрьевича, великий князь московский писал в Вильну, что «княз Михаило Вяземскии в ***нашом именьи*** (т. е. Вязьме. – *В. В.*) его пограбил, отчину его отнял на Днепре, село его з деревнями, а в городе дворы и пошлины его за себе взял, да и казну его взял, и люди его переимал»[172]. Конфликт между двумя князьями вызвал поход на Вязьму войска Щени и Кривого Патрикеева, закончившийся

насильственным присоединением города и уезда к Московскому государству. Иван III остался довольным исходом этой операции и всех плененных князей вяземских «пожаловал их же вотчиною, Вязмою, и повеле им служити себе». Обидчик Андрея Вяземского Михаил Дмитриевич в том же году был сослан на Двину, где содержался в великой строгости и вскоре умер. С нашей точки зрения, происходивший в 1492–1494 годах конфликт правильнее было бы именовать не «Странной», а скорее «Хитрой войной», принесшей московскому князю великие дивиденды. Сейчас в литературе, наряду с все еще бытующим обозначением «Странная война», используются термины Первая порубежная (помежная) или Первая пограничная война[173].

После неудачных действий на границе, разрушивших систему обороны на востоке страны, и потери находившихся там крепостей, Александр Казимирович в поисках выхода из сложившейся ситуации начал переговоры о заключении «вечного мира» с Москвой. Уже в то время литовских дипломатов тревожило изменение титула Ивана III, начавшего именоваться в дипломатической переписке о мире «государем всея Руси»[174]. Они справедливо считали, что в дальнейшем великий князь московский и владимирский будет добиваться передачи ему остальных земель, некогда входивших в состав Древнерусского государства.

Договор с Москвой должен был остановить опасную экспансию заметно усилившегося Московского государства на западнорусские земли. Неслучайно в текст нового соглашения литовская сторона планировала включить запись, запрещавшую Ивану III и Александру Казимировичу принимать отъезжающих от своих государей служилых князей. Чтобы снять возможные возражения великого князя московского, который в отношениях с Литвой неизменно выступал защитником княжеских прав и привилегий, послы Александра Казимировича – воевода троцкий Петр Янович Монтигирдович (Белой) и староста жомоитский Станислав Янович Кезгайло – привезли ему заманчивое предложение: мирное докончание должна была скрепить женитьба великого князя литовского на одной из дочерей Ивана III, Алене (Елене) Ивановне[175].

В ходе начавшихся переговоров московской стороной были сразу же отвергнуты литовские требования о возвращении верховских и вяземских земель, а литовской – встречные московские претензии на Смоленск и Брянск. В итоге было решено признать как состоявшийся факт переход на московскую службу со своими «отчинами» князей Одоевских, Воротынских, Белевских, Вяземских и части мезецких, однако некоторые из

занятых войсками Ивана III городов пришлось вернуть. Так, Литве были возвращены Любутск, Серпейск, Мосальск, Опаков и некоторые другие верховские городки, признанные вотчиной Александра Казимировича. Московский государь обязался также не вступать «ни в Смоленск, и во вся смоленская места», ни в Брянск («Добрянеск»), на которые первоначально претендовал. Отпущены были и «поиманные люди…, кои сидели въ заточении по городам»[176].

Несмотря на ряд уступок Ивана III своему будущему зятю, условия «вечного докончания», заключенного 5 февраля 1494 года, были для него выгодны. Русско-литовская граница отодвинулась далеко на запад, к верховьям рек Угры, Жиздры и Оки. В военно-стратегическом отношении новые территории представляли очень удобный плацдарм для быстрого наступления вглубь Великого княжества Литовского в случае неизбежного в будущем обострения отношений между Москвой и Вильной.

Воспользовавшись возникшей на восточных и западных рубежах страны мирной паузой, великий князь московский Иван Васильевич решил защитить свои интересы на северной, «свейской украине».

Глава 6. Русско-шведская война 1495–1497 годов

Присоединив к своему государству Новгород, московский князь унаследовал от рухнувшей вечевой республики достаточно протяженную границу со Швецией, установленную Ореховским (Нотебургским) мирным договором, заключенным еще в 1323 году. В соответствии с его статьями, граница между двумя государствами прошла по р. Сестре. Тем самым русской стороной было признано присоединение Западной Карелии к Швеции.

Во время новгородских походов Ивана III шведы (выборгские фогты) попытались упрочить свою власть над Карелией, постоянно провоцируя столкновения на границе. Напряженность в отношениях с Большой Ордой, Казанью и Литвой вынуждали великого князя до поры до времени ограничивать ответные действия. В течение трех лет, с 1479 по 1482 год, на русско-шведских рубежах шла необъявленная война, сменившаяся временным затишьем после упрочения позиций Москвы в Северо-Западном крае[177].

Взяв под свою руку Новгород, Иван III задумал вернуть карельские погосты Яскы (Яскис), Огреба (Эйрепя) и Севилакша (Саволакс), отошедшие в начале XIV века к Швеции. Однако планы его простирались гораздо дальше. Московский государь стремился захватить Выборг – мощную крепость, возведенную шведами в 1293 году в месте впадения старого русла реки Вуоксы в Финский залив. В середине XV века выборгский наместник Карл Кнутсон перестроил город, значительно усилив его укрепления[178].

Именно походом на Выборг началась русско-шведская война 1495–1497 годов. Кампания была хорошо подготовлена: и дипломатически – еще в 1493 году Иван III заключил союз с датским королем Хансом I (Иоанном I) Ольденбургским, острием своим направленный именно против Швеции1, и непосредственно в военном отношении – великий князь усилил московскую артиллерию и построил «на Девичьи горе противу города Ругодива Немецкого» крепость Ивангород. Новая русская цитадель была поставлена «на слуде» (крутом берегу) реки Наровы в кратчайшие сроки – всего за 7 недель. Впоследствии ее планировали усилить новыми линиями укреплений, но не успели. Стены и башни Большого Бояршего города были построены здесь уже после окончания русско-шведской войны[179].

Весной 1495 года московские дипломаты предъявили

правителю Швеции Стену Стуре (Старшему) требование о возвращении Западной Карелии, которое было отвергнуто Стокгольмом. Война стала неизбежной, и русское командование приступило к подготовке вторжения на неприятельскую территорию. Оперативное руководство всеми войсковыми операциями осуществлялось из Новгорода, куда прибыл сам великий князь Иван III и его военные советники[180].

В июне 1495 года первый русский отряд в количестве 400 человек перешел границу и вторгся на шведскую сторону. Это был разведывательный рейд, целью которого являлась проверка готовности противника к отражению готовящегося наступления. Действиям передового отряда сопутствовал успех, и в августе того же года начался поход к Выборгу большого русского войска.

Оборону Финляндии возглавил опытный военный специалист Кнут Поссе, в то время являвшийся членом Государственного совета Швеции. Одновременно с этим он стал комендантом Выборга, на который и был нацелен главный удар русского войска. По явно преувеличенным данным, оно насчитывало до 60 тыс. человек. В состав двинутой к границам армии вошли московские полки под командованием воеводы Данилы Васильевича Щени, новгородская «сила» под началом Якова Захарьича Кошкина и псковская посошная рать во главе с князем Василием Федоровичем Шуйским[181]. Осада шведской твердыни началась 8 сентября и длилась три месяца. Русские подвезли к Выборгу огромные пушки длиной до 24 футов, огнем которых были разрушены две крепостные башни и сильно повреждена третья. В ней образовался большой пролом. Утром 30 ноября 1495 года осаждающие пошли на штурм замка. Но комендант Выборга Кнут Поссе, ожидавший атаки, приказал насыпать позади бреши высокий земляной вал. Атакующим с помощью длинных лестниц удалось взойти на стены крепости, но продвинуться дальше они так и не смогли[182]. Остановив штурмующих, комендант Поссе распорядился закатить в подвалы захваченной противником полуразрушенной башни бочки со смолой и поджечь их[183]. Большинство русских воинов, прорвавшихся в замок, погибло. Уцелевшие вынуждены были отступить, и штурм, длившийся 7 часов, завершился неудачей. 4 декабря осада с крепости была снята. Понесшее значительные потери (до 16 тыс. человек – по, очевидно, сильно завышенным сведениям) русское войско отступило к Новгороду. Среди погибших оказался один из московских воевод – Иван Андреевич Суббота Плещеев.

Неудача этого похода вынудила московское командование изменить тактику. Отказавшись от безуспешных осад больших, хорошо укрепленных крепостей, русские войска приступили к

опустошительным набегам на территорию противника, все дальше проникая в глубь Шведского государства. 17 января 1496 года в новый поход выступило войско под командованием Василия Ивановича Косого Патрикеева и Андрея Федоровича Челяднина. На этот раз оно двинулось в Гамскую землю в Южной Финляндии. Уничтожив небольшой шведский отряд, прикрывавший границу, войско достигло побережья Ботнического залива и сожгло Тавастгусту («Гамецкий город»). Русские отряды наводнили окрестности Улуфсборга и отступили назад лишь после приближения в район военных действий 40-тысячного шведского войска Стена Стуре, оставив позади себя совершенно разоренный край: «И приидоша к великому князю в Новгород, марта 6, все здравы с полоном многим».

В августе 1496 году прорвавшимися за шведский рубеж войсками Д. В. Щени и Я. З. Кошкина был разбит 7-тысячный отряд противника и опустошена Финляндия. Но наиболее выдающимся предприятием этой кампании стал морской поход князей И. Ф. и П. Ф. Ушатых. Войско этих воевод было сформировано из отрядов опытных мореходов: устюжан, двинян, онежан и важан. Пройдя на кораблях по «акияну-морю» (Белому, а затем и Баренцеву морям), рать князей Ушатых обогнула «Мурманской нос» на Кольском полуострове и вторглась в земли, принадлежавшие Швеции. Русские воины захватили 3 шведских корабля и, пройдя через Лапландию, разорили «Каянскую землю» (Северную Финляндию). По словам летописца, они «извоевали Польну реку, да Торнову, да Снежну, добра поимали много, а полону безчисленно». Войско ушло из этих мест, лишь вынудив финнов, живших на реке Лиминге, послать в Москву своих старейшин – бить челом «за великого князя», который их милостиво «пожаловал», приняв в русское подданство. В октябре 1496 года полки братьев Ушатых благополучно вернулись назад[184].

Шведы оказались не в состоянии противостоять этим нападениям и ответили на них таким же рейдом на русскую территорию. 19 августа 1496 года 70 кораблей («бусов») противника подошли к Ивангороду и высадили под его стенами 6-тысячное войско, которым командовал Стен Стуре. Воины осадили русскую крепость и начали обстреливать цитадель из орудий. При постройке Ивангорода был допущен ряд просчетов – замок был возведен по абстрактной математической схеме в форме квадрата лишь на части возвышенности (Девичьей горы), что облегчало противнику ведение осадных работ. Фланкирующие бойницы, устроенные в нижних ярусах башен, обращенных к Нарове, отсутствовали с юго-восточной, напольной

стороны крепости, где планировалось возведение новых укреплений[185]. Этим обстоятельством не замедлил воспользоваться противник. Гарнизон крепости был немногочисленным и явно неготовым к обороне. Вскоре после начала обстрела замка шведами ивангородский наместник и воевода князь Юрий Бабич «убеже из града чрез стену». 26 августа осаждающие штурмом овладели Ивангород, перебив всех взятых в плен жителей.

Почти сразу же последовали ответные действия русских войск. Против занявших Ивангород шведов был направлен 3-тысячный отряд воевод князя Ивана Гундора и Михаила Кляпина, а затем – рать псковского наместника, князя А. В. Ростовского. При приближении русских войск шведы оставили разрушенный город и, не принимая боя, на своих кораблях ушли за море. Через 12 недель укрепления Ивангорода были восстановлены и усилены постройкой так называемого Большого Бояршего города, строительство которого завершилось в 1599 году.

Вскоре к Ивану III с просьбой о прекращении военных действий против Швеции обратился союзник Москвы, датский король Ханс I, решивший вступить в борьбу за шведский трон и вынужденный считаться с требованиями шведской знати, которая хотела видеть его во главе своего государства. Над Стеном Стуре нависла угроза вторжения датских войск и мятежа враждебной ему партии аристократов, ориентировавшихся на восстановление унии Скандинавских стран. Вынужденный спешить с окончанием военных действий на востоке, он прислал в Новгород своих представителей с предложением мира. Иван III также склонялся к заключению мирного докончания. Его тревожило обострение обстановки в Казани, где был свергнут его сторонник Мухаммед-Эмин и воцарился тюменский хан Мамук. Чтобы вернуть контроль над этим татарским ханством, русскому государю требовалось срочно освободить свои лучшие войска, сосредоточенные на северо-западном фронте. 3 марта 1497 года между Московским государством и Швецией было заключено перемирие, сохранившее старую границу. Несмотря на 6-летний срок этого соглашения, установившийся между двумя государствами мир оказался долговечным. Условия перемирия 1497 года впоследствии неоднократно продлялись (в 1524 и 1536 годах) и были нарушены лишь в 1554 году ничем не спровоцированным шведским нападением на Российское Царство.

Глава 7. Обострение русско-литовских и русско-ливонских отношений на рубеже XV–XVI веков. Вторая порубежная война 1500–1503 годов

Несмотря на явно неудовлетворительный с точки зрения Ивана III исход русско-шведской войны 1495–1497 годов, мир на северных рубежах оказался заключен как нельзя вовремя. Именно в эти годы раздосадованный стремлением обратить его дочь, великую княгиню литовскую Елену, в католичество, московский государь принимает решение, противоречащее условию «Вечного мира» 1494 года с Литвой, запрещавшему отъезд князей. Он снова начал принимать на службу удельных державцев, оставляющих литовскую службу. 12 апреля 1500 года под власть Москвы перешел Семен Иванович Бельский. «И князь великий Иван Василиевич всеа Руси князя Семена Ивановича тое для нужи пожаловал, взял его и со его отчиною, с отказом»[186]. Примеру Семена Бельского последовали Василий Иванович Шемячич и Семен Иванович Можайский, владевшие огромной территорией на восточных землях Великого княжества Литовского. Московскими становятся города Белая, Новгород-Северский, Рыльск, Радогощь, Стародуб, Гомель, Чернигов, Карачев, Хотимль. С этого момента новая война становится неизбежной. В преддверии ее Александр Казимирович предпринял ряд шагов по привлечению на свою сторону всех возможных союзников. 24 июля 1499 года состоялось заключение Городельской унии между Великим княжеством Литовским и Польским королевством. Также были упрочены связи Вильны с Ливонским орденом и ханом Большой (Заволжской) Орды Шейх-Ахмедом (Шиг-Ахмадом). Однако немедленную военную помощь Литве ни Польша, ни Ливония, ни татары из Большой Орды оказать не могли. Пользуясь этим обстоятельством, великий князь московский Иван Васильевич поспешил с началом военных действий. Вместе с дьяком Иваном Ивановичем Телешовым, посланным в Вильну с сообщением об «отказе» князей Семена Ивановича Можайского и Василия Ивановича Шемячича, туда поехал и Афанасий Шеенок, везший «складную» грамоту с объявлением войны Великому княжеству Литовскому.

Московский государь действовал по заранее продуманному и стратегически точному плану, основные положения которого раскрыл Герберштейн. Накануне войны были сформированы три

войска (у Герберштейна – «отряда»). «Первый отряд, – пишет имперский посол, – направляет он (Иван III – *В. В.*) к югу против Северской области, второй на запад против Торопца и Белой, третий помещает он посредине против Дорогобужа и Смоленска. Кроме того, он сохраняет еще в запасе часть войска, чтобы она могла скорее всего подать помощь тому отряду, против которого замечено будет боевое движение литовцев»[187]. О продуманном характере действий Ивана Васильевича свидетельствует и сообщение «Хроники Быховца» о тайной «посылке» московского государя к Семену Бельскому с обещанием ему многих городов и волостей. Отъезд этого князя в Москву и нарушил хрупкий русско-литовский мир[188].

Почти одновременно с гонцами Телешовым и Шеенком 3 мая 1500 года из Москвы к литовской границе выступило войско под командованием служившего тогда Ивану III изгнанного казанского хана Мухаммед-Эмина и Якова Кошкина. Русская рать овладела Мценском, Серпейском, Брянском и вместе с войсками Семена Можайского и Василия Шемячича заняла Путивль (6 августа 1500 года). Устрашившись московского нашествия, власть Ивана III поспешили признать князья Трубецкие и Мосальские.

Военные действия шли и на других направлениях, тоже успешно. Войско, которым командовал родной брат Якова Захарьича Кошкина Юрий Кошкин, в мае-июне 1500 года заняло Дорогобуж – город в верховьях Днепра, лежавший в двух днях пути от Смоленска по дороге к Москве. Овладевшее Дорогобужем войско было основной русской ратью, но литовская разведка, как показал еще А. А. Зимин, считала его очень немногочисленным, что и побудило гетмана Константина Острожского, не принявшего в расчет возможность прибытия на смоленское направление новых русских сил, атаковать сосредоточенные под Дорогобужем московские полки[189].

Победное наступление русских войск не могло не встревожить Александра Казимировича и его советников. В Москву поступали сведения о больших военных сборах в Литве. Ответный удар ожидался со стороны Смоленска на Дорогобуж. К этому городу из Твери была срочно переброшена рать под командованием Данилы Васильевича Щени, который, соединившись с отрядом Юрия Захарьича Кошкина, принял командование всем войском[190]. Численность его составляла, по сообщениям источников, 40 тыс. человек. Эти сведения представляются преувеличенными при учете того, что под Дорогобужем, как мы видели, были сосредоточены далеко не все русские войска, но другими данными историки не располагают. Последующие события показали, что решение усилить

находившееся под Дорогобужем войско резервными полками было верным. Из Смоленска через Ельню навстречу московской рати двигалось войско великого гетмана литовского князя Константина Ивановича Острожского. По оценкам Н. С. Борисова, опирающимся на данные летописей, оно насчитывало 40 тыс. воинов. А. Е. Тарас достаточно умозрительно полагает, что в подчинении у гетмана было 7–8 тыс. человек, у Щени и Кошкина – 10–12 тыс. воинов[191].

Обе армии встретились в районе рек Тросны, Ведроши и Селии. 14 июля 1500 года между ними произошло большое сражение. Ведрошская битва стала центральным событием второй русско-литовской войны.

Перед сражением московское войско находилось в своем лагере на Митьковом поле, расположенном в 5 км к западу от Дорогобужа, за реками Ведрошь (Ведрошка), Селия и Тросна[192]. Через Ведрошь был перекинут единственный в этих местах мост. Своевременно узнав о подходе литовской армии, русские воеводы, намеренно не уничтожая моста, выстроили для боя Большой полк под командованием Данилы Щени. Правый фланг русской рати был обращен к Днепру, недалеко от места впадения в него Тросны, левый – прикрыт большим труднопроходимым лесом, в котором, за флангом Большого полка, укрылся в засаде Сторожевой полк воеводы Юрия Захарьича Кошкина. На западный берег Ведроши выдвинулись передовые части, задачей которых было завязать бой и отойти затем на восточный берег реки, заманив туда литовцев.

В отличие от русских воевод князь Острожский шел к месту будущего сражения, имея самые приблизительные сведения о противнике, сообщенные ему то ли пленным, то ли перебежчиком – дьяком Германом[193]. Доверяя его показаниям, литовский гетман был уверен, что под Дорогобужем стоит лишь небольшое русское войско.

Помимо летописного рассказа об этой битве, одной из крупнейших в истории русского средневековья, ее подробно описал и Сигизмунд Герберштейн, сообщивший о Ведрошском сражении ряд ценных сведений. Он упоминает о том, что «литовцы… разузнали от некоторых пленных про число врагов, а также и их вождей, и возымели от этого крепкую надежду разбить врага». «Несколько московитов» (передовой отряд, находившийся на левом берегу Ведроши), «вызвали на бой литовцев; те без всякой боязни оказывают сопротивление, преследуют их, обращают в бегство и прогоняют за речку; вслед затем оба войска вступают в столкновение, и с той и другой стороны завязывается ожесточенное сражение. Во время этого сражения, ведшегося с

обеих сторон с одинаковым воодушевлением и силою, помещенное в засаде войско, про грядущую помощь которого знали весьма немногие из русских, ударяет с боку в средину врагов. Литовцы разбегаются…».

Битва продолжалась почти шесть часов. Исход ее, как показано выше, решил удар полка Юрия Кошкина. Русские вышли в тыл литовцам и разрушили мост через реку, отрезав противнику все пути к отступлению. После этого началось избиение окруженного врага. Только убитыми литовцы потеряли около 8 тыс. человек. Победителями были захвачены литовский обоз и артиллерия. В плен попали раненый в бою гетман Константин Острожский и другие именитые литовские военачальники. Среди них были воевода троцкий Григорий Остикович, маршалок «Лютавр» (Иван Литавор Богданович Хребтович), воеводы Николай Юрьевич Глебов, Николай Юрьевич Зиновьев, служившие Александру Казимировичу князья Друцкие, Мосальские и много «панов служивых»[194]. Спастись удалось воеводе Станиславу Кишке, четырем ротмистрам и нескольким сотням воинов.

Узнав о разгроме лучшего литовского войска (гонец прибыл в Москву 17 июля 1500 года), Иван III пышно отпраздновал победу и послал к Даниле Щене и другим отличившимся воеводам «спросить о здоровье», воздав им «честь и дары и жалованья».

Потерпев жестокое поражение, литовцы вынуждены были перейти к обороне. Не замедлив воспользоваться этим, русские войска одержали еще одну важную победу. 9 августа 1500 года они штурмом овладели старинным городом Торопцом, лежащем на реке Торопе, правом притоке Западной Двины. В Псковских летописях отмечено участие в этой операции полка псковского наместника, князя Александра Владимировича Ростовского. Однако в других источниках сообщается, что к Торопцу ходила рать, составленная не только из псковичей, но и из новгородцев под командованием великокняжеского наместника Андрея Федоровича Челяднина. Псковский и новгородский ополченские полки были усилены дворами удельных князей Федора и Ивана Борисовичей Волоцких[195].

Победы Москвы встревожили союзников Литвы. Больше всего возросшего русского могущества опасались власти Ливонской конфедерации, решившие в начавшемся конфликте встать на литовскую сторону[196]. Весной 1501 года в Дерпте было арестовано более 200 русских купцов, якобы повинных в краже[197]. Их товары оказались разграбленными. Направленных в

Ливонию псковских послов задержали. Отношения между странами стремительно ухудшались. 21 июня 1501 года в Вендене магистром Тевтонского ордена в Ливонии Вальтером фон Плеттенбергом и представителями Александра Казимировича был подписан договор о союзе с Литвой, направленный против Русской Державы. Власти Ордена попытались убедить римского папу Александра VI объявить крестовый поход на Русь, но неудачно. Тогда Плеттенберг и Александр Казимирович решили действовать самостоятельно. Ими был запланирован и совместный поход на Псков, начало которого назначили на 25 июля. Однако из-за смерти польского короля Яна Ольбрахта Ягеллона, умершего в Торуни 17 июня 1501 года, планы пришлось пересмотреть. Наследником покойного являлся его брат, великий князь литовский Александр Казимирович, который вынужден был отправиться на созванный для его избрания новым польским королем сейм в Петракове. Из-за этого выступление в поход литовцев отложили на конец августа, позже намеченного начали военные действия и главные силы Ордена. Без обозной прислуги и артиллеристов оно насчитывало 8 тысячи конных и 4 тыс. пеших воинов[198].

Благодаря этому обстоятельству о том, что северозападному русскому пограничью угрожает серьезная опасность, стало своевременно известно Ивану III. В Псков были направлены войска из Новгорода и Твери. Новгородскими полками командовал наместник, князь Василий Васильевич Немой Шуйский. Тверскую рать вел князь Данила Александрович Пенко Ярославский. Соединившись с псковской ратью князя Ивана Ивановича Горбатого Шуйского, русское войско под главным командованием князя Пенко 22 августа 1501 года выступило к ливонскому рубежу, где уже происходили стычки с немецкими отрядами. Орденское войско опередило русских. 26 августа 1501 года армия магистра фон Плеттенберга перешла границу и начала вторжение на псковскую землю. Навстречу ему из Пскова выступила рать Данилы Пенко, численность которой оценивают в 6 тысяч человек[199].

Встречное сражение между русскими и ливонскими войсками произошло 27 августа на реке Серице под Изборском, в 10 верстах от этого города. Передовой «стяг» (полк), состоявший из псковичей под командованием посадника Ивана Теншина, неожиданно обнаружив впереди себя немцев, атаковал их и, преследуя отходившего противника, подвергся обстрелу из полевых артиллерийских орудий. Псковичи, понеся большие потери, вынуждены были отступить. Другие русские полки также начали отходить, бросив обоз. В сражении на Серице погибли

московский воевода Иван Борисович Бороздин и псковский посадник Иван Теншин. Наличие у Плеттенберга многочисленной артиллерии и фактор неожиданности нападения ливонского войска на русскую рать на псковской территории решили исход этой битвы.

Потерпев поражение, русские полки поспешно отступили к Пскову. Плеттенберг отказался от преследования их, начав осаду Изборска, гарнизон которого, несмотря на сильный обстрел из пушек, сумел отразить нападение противника. Простояв день под Изборском и оценив прочность укреплений и мужество защитников, Плеттенберг снял осаду и двинулся к Пскову. 7 сентября на пути немецкой армии оказалась псковская крепость Остров, стоявшая на реке Великой. Окружив этот небольшой город, ливонцы обрушили на него огонь своих орудий, применив зажигательные снаряды: «начаша бити пушками городок Остров и огненные стрелы пущати». В ночь на 8 сентября начался штурм охваченной пожаром крепости. Отбить приступ не удалось, и город был захвачен ливонцами. Во время штурма погибло 4 тысячи местных жителей – почти все население Острова. По словам летописца, многие из местных жителей «згореша, а иные истопоша, овы мечу предаша, а иныа в плен поведоша»[200]. Но овладев крепостью, немецкое войско не смогло развить успех и поспешно отступило на свою территорию из-за начавшейся в орденской армии эпидемии. В числе заболевших оказался сам магистр. Некоторые исследователи связывают поспешное отступление ливонцев не столько с поразившими рыцарей болезнями, сколько с позицией союзника Плеттенберга Александра Казимировича, не оказавшего сколько-нибудь значительной поддержки. На помощь ливонцам он направил небольшой отряд пана Черняка, который вступил на псковскую землю уже после отступления войск Плеттенберга. После безуспешной осады крепости Опочки литовский отряд ушел обратно.

Несогласованностью действий своих противников воспользовался Иван III. В октябре 1501 года в ответ на нападение ливонцев на Изборск и Остров и литовский рейд на Опочку, к северо-западным рубежам страны была направлена большая московская армия во главе с воеводами Данилой Васильевичем Щеней и Александром Васильевичем Оболенским. В состав русской рати входил также татарский отряд хана Мухаммед-Эмина. Великокняжеские войска, в конце октября соединившись с псковичами в районе города Мариенбурга, перешли границу и вторглись в Ливонию. Восточные земли Ордена и особенно

владения Дерптского епископства подверглись страшному опустошению. Плеттенберг, узнав о разделении русского войска (псковская рать действовала в трех днях пути от главных сил армии Д. В. Щени), в ночь на 24 ноября 1501 года атаковал московские полки в их лагере под замком Гельмед. По-видимому, в результате внезапной атаки, которая произошла в 3 часа ночи, русские войска смешались, отступив назад. Только так можно объяснить гибель в самом начале сражения одного из великокняжеских воевод, князя Оболенского. Но затем московская и татарская конница опрокинула немцев, и сражение закончилось русской победой. Преследование бегущих продолжалось почти 10 верст. В бою и во время бегства погибло значительное число рыцарей и их слуг, но, конечно, не «40 тысяч орденских братьев», как отмечено в одной из последних коллективных монографий по военной истории[201]. Указывая, что Ливония лишилась 40 тысяч жителей убитыми и взятыми в плен русскими, Бальтазар Рюссов имел в виду не погибших под Гельмедом рыцарей, а общее число потерь в результате русского вторжения. Тогда опустошены были восточные земли Ливонской конфедерации, а многие жители этих мест уведены в плен[202].

Зимой 1501/1502 года войско Данилы Щени, переброшенное под Ивангород, совершило поход в Ливонию, на Ревель (русское название Колывань). Во время этой экспедиции московская рать «землю Немецкую учиниша пусту»[203].

Лишь весной 1502 года, оправившись от прежних поражений, ливонцы вновь перешли русскую границу. На этот раз они атаковали на двух направлениях. Большой немецкий отряд напал на Ивангород, а другой – на небольшую псковскую крепость Красный городок. В сражении «на заставе» под Ивангородом, произошедшем 9 марта 1502 года, погиб новгородский наместник Иван Андреевич Лобан Колычев и еще 20 русских воинов (по немецким данным – 200), однако нападение рыцарей было отбито[204].

В Псковской земле немцев также преследовали неудачи. 17 марта рыцари осадили Красный городок, но взять эту небольшую крепость так и не смогли. Узнав о приближении большого псковского войска, противник, не принимая сражения, поспешно снял осаду и отступил в свои замки.

В начале осени 1502 года, в разгар начатой русскими осады Смоленска, магистр Плеттенберг предпринял новое наступление на Псков, чтобы помочь своим литовским союзникам. 2 сентября его 15-тысячное войско подошло к Изборску и попыталось штурмом овладеть этой крепостью, но атака была отбита. В ту же ночь ливонцы сняли осаду и выступили на Псков, осада которого

началась 6 сентября. Хорошо укрепленный Псков упорно оборонялся. В двух местах – в Заволочье и «на Полонище» – немцы пытались сокрушить стены огнем орудий. Однако разрушить псковские укрепления им не удалось. Тем временем на помощь псковичам спешило из Новгорода войско под командованием воевод Д. В. Щени, И. В. и В. В. Шуйских. Немецкая армия стала отходить к своей границе, но 13 сентября 1502 года у озера Смолина, в 30 верстах от Пскова, она была настигнута русской ратью. Рыцарей спасла военная хитрость магистра Плеттенберга. Покинув лагерь, ливонцы дождались нападения противника и, когда русские воины увлеклись захватом трофеев, контратаковали их. С большим трудом воеводам удалось навести порядок в своих полках, отбить нападение немцев и заставить их уйти. Потери, понесенные русскими войсками, были значительными. Среди погибших оказалось несколько видных московских воевод: «И на том бою оубиша князя Федора Кропотича (по Воскресенской летописи Андрея Александровича Кропоткина – *В. В.*) да Григорья Дмитриева сына Давыдовича, да Юрья Тимофеева сына Юрлова и иных многих детей боярских»[205].

В борьбе с Московским государством существенную помощь Александру Казимировичу, помимо Ливонского ордена, оказал татарский хан Шейх-Ахмед (Шиг-Ахмет, Шайх-Ахмад). С просьбой о помощи против Русской Державы и Крыма к нему был направлен литовский посол Михаил Халецкий. В 1500 и первой половине 1501 года Шейх-Ахмед воевал с Крымским ханством, но осенью того же года его войска напали на Северскую землю и, разорив окрестности Стародуба, захватили Рыльск и Новгород-Северский. Отдельные татарские отряды во время этого похода достигли даже окрестностей Брянска.

Несмотря на вступление в войну на стороне Великого княжества Литовского Ливонской конфедерации и Большой Орды, воеводы Ивана III уже осенью 1501 года начали новое наступление вглубь литовской территории. Войско перешедших на его сторону северских князей Василия Ивановича Шемячича и Семена Ивановича Можайского с переданной им ратью московских воевод Семена Ивановича Воронцова и Григория Федоровича Давыдова выступило к Мстиславлю, хорошо укрепленной крепости на реке Вихре, притоке Сожа. Захватив этот город, русская армия могла продолжить наступление на Смоленск. 4 ноября 1501 года ее продвижение попыталось задержать литовское войско под командованием князя Михаила Ивановича Ижеславского и воеводы Евстафия Дашковича. Недалеко от Мстиславля произошло сражение, закончившееся

победой русского оружия. Литовцы бежали, по сведениям летописи, потеряв около 7 тыс. человек и все знамена. Однако овладеть Мстиславлем, где укрылись остатки войска князя Ижеславского, московским воеводам не удалось. Они были вынуждены отойти, ограничившись разорением Мстиславльского уезда.

По-видимому, это отступление было связано с произошедшими тогда татарскими нападениями на северские города – вотчины Василия Шемячича и Семена Можайского. В наказе, данном направленным в Крым послам и датированном 7 ноября 1501 года, Иван III писал: «Ших-Ахмет царь пришел на наших князей отчину к Рылску, и нынеча тот наш недруг Ших-Ахмет царь наших князей княж Семенову Ивановича и княж Васильеву Шемячича вотчину воюет, а с нашим недругом с литовским ссылается. А наши князи и наши воеводы стоят против их, и мы ныне к своим князем послали воевод своих со многими людми»[206]. Прибытие в северские города русских войск, переброшенных с западной границы, вынудило татар отступить. Остановившись «в Поле» между Черниговом и Киевом, Шейх-Ахмед (Шиг-Ахмад) ожидал соединения с литовскими войсками, чтобы возобновить нападения на русские земли. Однако его юрт подвергся атаке союзника Москвы, крымского хана Менгли-Гирея. В шедших зимой и летом 1502 года в степи сражениях крымцы нанесли ряд поражений войскам Шейх-Ахмеда. Особенно сокрушительным был июньский разгром Большой Орды, добивший это степное «царство» и надолго устранивший опасность новых татарских набегов на южнорусские города и уезды. Разбитый наголову Шейх-Ахмет бежал в Литву, где был схвачен своими вероломными союзниками. Поначалу он содержался как почетный пленник, но после смерти Александра Казимировича Сигизмунд I заточил его в замке Ковно, в ту самую темницу, где томился и умер Сайид-Ахмат-хан, внук Тохтамыша. Людей пленного хана по приказу короля продали в рабство.

Вынужденный действовать с оглядкой на происходившие в степи события, где завершалось противостояние Большой Орды и Крымского ханства, Иван III готовил новое наступление на западном рубеже. На этот раз целью русского похода должен был стать Смоленск. Военные действия начались летом 1502 года. Поставив во главе русской армии одного из сыновей, двадцатилетнего Дмитрия Ивановича Жилку, великий князь определил под его начало своих самых доверенных воевод – князя Василия Даниловича Холмского и Якова Захарьича Кошкина. Для действий на смоленском направлении были собраны значительные силы, включая посоху, но начатая в конце июля

осада Смоленска оказалась безрезультатной. Единственным успехом кампании 1502 года стал захват одним из русских отрядов города Орши. Но уже 14 сентября полки Дмитрия Жилки отступили от Смоленска. На выручку крепости спешило большое литовское войско под командованием трокского старосты Станислава Яновского, освободившего к тому времени Оршу[207].

После неудачного окончания первого смоленского похода характер военных действий изменился. Русские войска, не осаждая больше литовские крепости, совершали нападения на прифронтовые литовские волости и опустошали их. В результате этих вторжений ресурсы Великого княжества Литовского оказались подорванными, и Александр Казимирович, предварительно договорившись с магистром Плеттенбергом, при посредничестве венгерского короля Владислава Ягеллона и римского папы Александра VI, начал стремиться к мирному соглашению с Москвой. Уже 29 декабря 1502 года в Москву прибыл венгерский посол Сигизмунд Сантай, который привез великому князю грамоту от папы и обращение от кардинала Реджио. Послу удалось склонить Ивана III к началу переговоров с представителями неприятеля. 4 марта 1503 года в русскую столицу въехали литовское и ливонское посольство, которое с литовской стороны возглавляли воевода ланчицкий Петр Мишковский и наместник витебский Станислав Глебович, со стороны Ордена – Иоганн Гильдорп и Клаус Гольствевер. Договориться о мире послам не удалось, они ограничились перемирием, заключенным 25 марта 1503 года, в праздник Благовещенья, сроком на 6 лет. В результате этого соглашения к Москве отходили 19 городов, в том числе: Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгородок-Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белая, Торопец. Великое княжество Литовское теряло также 70 волостей, 22 городища и 13 сел – в общей сложности 1/3 часть своих прежних земель[208].

Условия Благовещенского перемирия свидетельствуют о замечательном успехе русского оружия и русской дипломатии. Помимо больших территориальных приобретений, Москва получила важное стратегическое преимущество над своим главным противником. Новая русско-литовская граница стала проходить в 45–50 км от Киева и в 100 км от Смоленска, создавая удобный плацдарм для вторжения в пределы Великого княжества Литовского в случае возобновления борьбы за возвращение западнорусских земель.

В то же время Иван III осознавал неизбежность нового столкновения с Литвой и готовился к нему. Об этом

свидетельствуют его наказы отправляющемуся в Крым послу Ивану Ивановичу Ощерину, который должен был воспрепятствовать возможному крымско-литовскому сближению, прямо объявив союзнику московского государя, хану Менгли-Гирею, об угрозе новой войны. Процитируем часть этого любопытного документа, раскрывающего далеко идущие планы Ивана Васильевича. «**А великому князю, господине, с ним** (Александром Казимировичем – *В. В.*) **прочного миру нет; он, господине, хочет у великого князя тех городов и земли, что у него взяты, а князь велики, господине, хочет у него своей отчины, всей Русские земли** (выделено нами – *В. В.*). А ныне взял с ним перемирье того деля, чтобы ему те городы окрепити, которые у него взял; кои городы были пожжены, и он те зарубил да иные детям своим подавал, а в иных воевод своих посажал, а кои люди там были недобры, и он тех оттоле вывел, да те городы все насадил своими людьми…». Чуть раньше, в другом наказе тому же И. И. Ощерину о заключеных «перемирных летах», говорилось еще более пренебрежительно: «Он (Александр Казимирович – *В. В.)*, господине, уж с горя взял перемирье с государем нашим <…> ино, господине, какой межи их мир? Он хочет те земли и городы у царя нашего взяти, кои у него взяты; **а государь наш хочет у него еще Киева и всей Русские земли своей отчины**» (выделено нами – *В. В.*)[209].

Сделанный Иваном III прогноз о недолговечности «с горя взятого» Благовещенского перемирия оказался очень точным. Мир между Москвой и Литвой продержался до смерти Александра Казимировича (20 августа 1506 года), лишь на год пережившего своего воинственного тестя. Впрочем, и Русская Держава, и Великое княжество Литовское едва ли не сразу же после заключения докончания 1503 года стали активно готовиться к будущей войне. Стороны копили войска и арсеналы, активно искали союзников, пытаясь добиться нейтрализации аналогичных замыслов противника. Новая война едва не грянула осенью 1505 года, когда польский король и великий князь литовский узнал о кончине московского государя (умершего 27 октября 1505 года), своего тестя. И только категоричный отказ магистра Плеттенберга напасть на Русскую Державу раньше истечения перемирных лет остановил уже готовую начаться военную кампанию[210].

Глава 8. Третья русско-литовская порубежная война 1507–1508 годов

Международное положение Московского государства резко изменилось после поражения русской армии под Казанью летом 1506 года и связанного с этим конфликтом ухудшения русско-крымских отношений. В том же году крымский хан Менгли-Гирей обратился к Александру Казимировичу с предложением начать совместные военные действия против Москвы. Его ярлык, присланный в Вильну с королевским послом Якубом Ивашенцевым гласил: «ино на московского, на Иванова сына, с вами заодно, неприятелем хочем быти ему» Это предложение обсуждалось панами Радой Коруны Польской, которые единодушно решили готовиться к войне, и лишь познанский воевода предлагал остаться в стороне, подняв против Москвы крымского «царя»[211].

Тогда же в Литву приехал казанский посол Аикимбердей, известивший Александра Казимировича о разгроме московской рати под стенами Казани и о желании своего хана Мухаммед-Эмина вести войну с Русской Державой в союзе с Крымским ханством и польским королем. Казанский хан писал в переданном Аикимбердеем послании: «Как весна будет, вы бы есте воиско свое на московского послали, а мы сами своею головою со всем своим воиском на него поидем, бо я люди свои вси в готове держу»[212].

Александр Казимирович не успел сам воспользоваться тяжелым положением нового московского государя Василия III. Реализовать планы реванша решил его брат и преемник Сигизмунд (Зыгмунт) I Старый, младший из пяти сыновей Казимира IV Ягеллончика. Он был коронован 24 января 1507 года. Заручившись обещанием помощи от крымского хана Менгли-Гирея и рассчитывая на поддержку рассорившегося тогда с Москвой казанского хана Мухаммед-Эмина[213], не дожидаясь окончания срока действия Благовещенского перемирия 1503 года, Сигизмунд добился от литовского сейма решения начать войну с Русской Державой. Оно было принято 2 февраля 1507 года. В Москву отправили посольство Яна Миколаевича Радзивилла и Богдана Сопежича, которое от имени своего короля потребовало возвращения отторгнутых ранее земель[214]. Однако литовский ультиматум не испугал русскую сторону. Василий III, начавший переговоры о мире с казанским ханом Мухаммед-Эмином, получил возможность перебросить освободившиеся войска с

восточных на западные рубежи. Литовский ультиматум был отвергнут, война стала неизбежной. Следует привести гордый ответ Василия III на прозвучавшие тогда из уст Сигизмундовых послов обвинения в захвате чужих территорий: «Ино мы городов и волостей, и земель, и вод его отчины за собою никоторих не держим, а з Божиею волею держим городы и волости, и земли, и воды, свою отчину, чем нас пожаловал и благословил наш отец наш князь великии и что нам Бог дал, а от прародителеи и вся русская земля наша отчина»[215].

Так началась эта война. О своем выступлении в поход Сигизмунд I поспешил сообщить крымскому хану Менгли-Гирею в послании от 20 июля 1507 года. Его повез в Крым толмач Ромодан. Изготовленные к нападению литовские войска были сосредоточены на 3 направлениях. В Смоленске собирались отряды гетмана Ольбрахта Мартыновича Гаштольда, в Полоцке сосредоточились полки гетмана пана Станислава Глебовича, а в Минске – великого гетмана Станислава Петровича Кишки.

Следует отметить, что на первом этапе войны войска Сигизмунда смогли добиться некоторого успеха. Они совершили ряд рейдов вглубь русской территории, сожгли Чернигов, разорили окрестности Брянска. В ответ на эти нападения летом 1507 года в поход против Литвы выступили две русских рати, действовавшие на разных направлениях, что мешало попыткам организовать им отпор. В июле 1507 года полки Федора Петровича Кривого Сицкого воевали южное литовское порубежье. Тогда же наступавшая со стороны Дорогобужа рать князя Ивана Михайловича Телятевского действовала на смоленском направлении.

Нападение на южнорусские уезды крымских татар, в июле 1507 года, пришедших под города Белев, Одоев, Козельск, Калугу, отвлекло значительную часть русских сил с литовского рубежа[216]. Встревоженный новой опасностью, Василий III немедленно направил против крымского войска своих воевод. Иван Иванович Каша Холмский двинулся к подвергшемуся нападению Белеву, а Константин Федорович Ушатый – к Калуге. В боях с татарами участвовали и местные ополчения во главе с Василием Семеновичем Швихом Одоевским, Иваном Михайловичем Воротынским, козельским наместником Александром Ивановичем Стригиным. Объединившись, воеводы 9 августа 1507 года настигли воюющих русские земли татар на р. Оке, разбили их и преследовали до р. Рыбницы, правого притока Оки, впадающего в эту реку южнее современного города Орла. Новых нападений не последовало, по-видимому, не только из-за осложнения крымско-ногайских отношений, как считал

А. А. Зимин, но главным образом – из-за удачных действий русских воевод[217]. Активность татар возобновилась только в 1512 году.

Отразив крымский набег 1507 года, русские войска вновь вторглись в Литву. Она оказалась в полной изоляции. Ни одно из соседних государств не поддержало авантюрных планов Сигизмунда Казимировича. Казанский хан Мухаммед-Эмин предпочел заключить мир с Русской Державой. Ливонская конфедерация, несмотря на многочисленные просьбы и обращения литовской стороны, решительно отказалась вступать в войну с Московским государством[218]. Направленные Менгли-Гиреем к русской границе войска под командованием его старшего сына Мухаммед-Гирея тогда же были повернуты против ногайцев. Вскоре крымский хан прислал к Сигизмунду I своего гонца с сообщением о прекращении военных действий. Забыв о прежних обещаниях, Менгли-Гирей сообщал королю о намерении направить в Москву посла и предлагал своему союзнику сделать то же самое.

Литва оказалась в трудном положении. Москва поспешила воспользоваться этим и нанесла быстрый ответный удар. 14 сентября 1507 года начался поход на Мстиславль русской рати под командованием Василия Даниловича Холмского и Якова Захарьича Кошкина. Овладеть этой крепостью московским воеводам вновь не удалось, выжженный посад Мстиславля был не очень впечатляющей победой. Единственным заметным событием этой кампании стала гибель брата видного русского военачальника Ивана Васильевича Хабара Симского – Михаила Образцова. Он был убит в бою с литовцами под Кричевом.

Резко обострил обстановку в Литве и изменил ситуацию на полях сражений русско-литовской войны мятеж князей Глинских. Самым видным представителем этого рода был князь Михаил Львович, прозванный «Дородным», – один из наиболее доверенных советников покойного Александра Казимировича. В молодые годы он служил в армии саксонского курфюрста Альбрехта, в войсках императора Максимилиана I, по возвращении в Литву стал маршалом двора Александра Казимировича. Князь прославился своими победами над татарами, особенно в сражении под Клецком на р. Лань в 1506 году. Хотя Михаил Глинский и принял католичество, но втайне вынашивал планы по созданию под своей властью отдельного Русского государства со столицей в Киеве, образование которого планировалось на восточных и южных землях Великого княжества Литовского. Для осуществления замысла он собирался жениться на княгине Анастасии Ивановне Слуцкой, вдове слуцкого и

копыльского князя Семена Михайловича, сына Михаила Олельковича имевшего законное право на киевский стол. Несмотря на взаимную симпатию, княгиня отказала посватавшемуся к ней Михаилу Глинскому (возможно, это было ей запрещено, из-за католичества сватавшегося князя). Произошедшее также могло повлиять на решение «Дородного» начать военные действия, во время которых его войска дважды неудачно пытались овладеть Слуцком.

Незадолго до мятежа Сигизмунд I, не без помощи недругов Михаила Глинского осознавший исходящую для своей власти угрозу, принял необходимые меры. В начале января 1507 года он отобрал у старшего из братьев, Ивана Львовича Мамая Глинского, Киевское воеводство, дав ему взамен воеводство в Новгороде Литовском. Поднявшие голову враги Михаила Львовича обвинили его в измене, первым – воевода троцкий и наместник полоцкий Ян Юрьевич Заберезинский (Заберезынский, Забржезинский). Попытки оправдаться, предпринятые Глинскими, не имели успеха, поэтому они взялись за оружие. Во главе отряда из 700 человек Михаил Львович напал на владения Я. Заберезинского и убил его[219]. Вслед за этим князь Глинский попытался захватить содержавшегося в Ковно хана Шейх-Ахмеда (Шиг-Ахмада), но нападение его отрядов было отбито[220]. Неудачей закончилась и осада Слуцка, атакованного одним из родственников Глинских Андреем Дрожджем.

В Москве внимательно следили за событиями в Литве, поэтому поспешили направить в Туров, где укрепились Глинские, своего гонца – коломенского сына боярского Дмитрия Губу Моклокова с предложением военной помощи. Глинские, обнаружив, что их выступление не будет поддержано другими князьями, согласились с предложением московского посланника и обратились к Василию III, «чтоб пожаловал их князь великий, взял их к себе на службу». Не дожидаясь подхода русских войск, армия Глинских выступила из Турова и начала занимать литовские города. Один из родственников Глинских, воевода Якуб Ивашенцев, сдал им Мозырь. Младший из братьев, Василий Львович Слепой Глинский, в конце марта осадил Житомир и Овруч, сам Михаил Львович в апреле 1508 года овладел Клетцком, жители которого еще не забыли спасительную для них победу Глинского над татарами, одержанную этим князем за полтора года до описываемых событий, летом 1506 года.

Стараясь с максимальной выгодой для себя использовать сложившуюся ситуацию, московские войска перешли в наступление по всему фронту. 10 марта 1508 года в поход в направлении Смоленска выступило войско воеводы Якова

Захарьича Кошкина. Из Великих Лук к Полоцку выступила новгородская рать во главе с Данилой Васильевичем Щеней и Григорием Федоровичем Давыдовым. Оба войска соединились под Оршей, заново укрепленной литовцами после войны 1500–1503 годов. По этой причине, в отличие от легкого взятия ее русскими войсками в 1502 году, осада города затянулась.

В мае 1508 года «из Северы» на помощь Михаилу Глинскому, осадившему Минск и Слуцк, выступили князья Василий Иванович Шемячич, Иван Семенович Сухорук Одоевский, Иван Михайлович Воротынский и Андрей Васильевич Сабуров. Несмотря на русскую помощь, овладеть этими городами Михаилу Львовичу не удалось. Более успешным был поход Глинского и Шемячича на Друцк. Гарнизон крепости капитулировал, а друцкие князья присягнули Василию III. Сообщая о своих успехах в Москву, Михаил Львович писал, что его отряды доходили почти до Вильны, действовали за Клецком и под Слонимом и везде «огонь пускали и шкоды чинили, и полону на колькодесят тысеч взяли»[221].

Успехи Глинского и продолжающаяся осада Орши вынудили Сигизмунда I предпринять ответные действия. Собрав большую армию, в которой помимо литовского ополчения находились отряды наемных жолнеров под командованием гетмана Фирлея из Яновца, король двинулся на помощь Орше. 13 июля она подошла к месту расположения русских полков. Не вступая в сражение с литовцами, Щеня с присоединившимися к его войску полками Глинского и Шемячича 22 июля отошел за Днепр к Дубровне. Рать Якова Кошкина стояла под Дубровной и не могла подкрепить главные силы. Посланные воеводами отряды начали опустошать окрестности Мстиславля и Кричева. Литовская армия, во главе с бежавшим из русского плена гетманом Константином Острожским, двинулась к границе и овладела городами Белая, Торопец и Дорогобуж. Но укрепиться здесь противнику не удалось. Щеня, получивший повеление Василия III вернуть захваченные города, в начале сентября 1508 года выбил литовцев из Торопца и занял превращенные в пепелище Белую и Дорогобуж[222].

Несмотря на несомненный успех, достигнутый войсками Сигизмунда I на смоленском направлении, положение в Великом княжестве Литовском оставалось крайне сложным. Во всех захваченных Глинским крепостях находились его гарнизоны. Союзник Литвы, крымский хан Менгли-Гирей, после неудачного нападения 1507 года так и не послал войска на русские «украйны».

В этих условиях король решил начать мирные переговоры с Москвой, и 19 сентября 1508 года в русскую столицу прибыло

посольство во главе с полоцким воеводой Станиславом Глебовичем и наместником новогрудским Иваном (Яном) Семеновичем Сапегой. Мир литовцам нужен был любой ценой, и они пошли на ряд важных уступок, признав все прежние завоевания Ивана III его «вечными владениями»[223]. Глинские, вынужденные отказаться от своих литовских владений, выехали в Москву, куда им и их сторонникам был гарантирован свободный проезд. Михаилу Львовичу и его братьям на Руси были пожалованы два города – Малый Ярославец и Боровск.

Глава 9. Десятилетняя русско-литовская война 1512–1522 годов. Присоединение к Московскому государству Смоленской земли

«Вечный мир», заключенный 8 октября 1508 года между Великим княжеством Литовским и Московским государством, стал лишь временной передышкой и продлился всего четыре года. Поводом к открытию военных действий стали полученные Василием III сведения об аресте его сестры Алены (Елены) Ивановны, вдовы литовского князя Александра Казимировича, взятой под стражу после неудачной попытки отъехать в Москву. Схваченную великую княгиню заточили сначала в Троках, а потом в Бирштанах. Там она и умерла от «лихого зелья» в начале 1513 года[224]. Оскорбительный арест Алены Ивановны, произошедший вопреки закону прямо в церкви, и послужил одним из поводов к войне. Другим стало известие о враждебных действиях нового литовского князя Сигизмунда I, подстрекавшего крымского хана напасть на южные русские земли. По «накупке» короля в мае 1512 года татарские отряды (командовали ими сыновья Менгли-Гирея «царевичи» Ахмет-Гирей и Бурнаш-Гирей «со многими людьми») пришли под города Белев, Одоев, Алексин, Коломну и, разорив земли за р. Окой, благополучно отступили в степь, уведя огромный полон. Сосредоточенные в порубежных городах и на Оке русские полки во главе с братьями великого князя, Андреем и Юрием Ивановичами, и лучшими московскими воеводами Даниилом Васильевичем Щеней, Александром Владимировичем Ростовским, Григорием Федоровичем Давыдовым, Андреем Васильевичем Сабуровым, Иваном Ивановичем Палецким, Дмитрием Ивановичем Яновым не смогли помешать татарам. Воеводы были связаны строгим наказом Василия III ограничиться обороной окского рубежа. Еще трижды в 1512 году (в июне, июле и октябре) татары вторгались в русские пределы. В июне они напали на Северщину, но были разбиты, в июле от рязанских рубежей был обращен в бегство «царевич» Мухаммед-Гирей, и только осеннее нападение крымцев на рязанские места оказалось для них успешным. Татары осаждали Переяславль-Рязанский, взять город не смогли, но захватили в окрестных селениях большой полон.

Осенью в Москве получили сведения о том, что татарские нападения этого года были следствием направленного против

Русской Державы крымско-литовского договора. Известие об этом до предела обострило обстановку, и без того напряженную из-за ареста Алены Ивановны и нежелания признать присоединения к Московскому государству верховских земель, Брянщины и Северщины.

С подьячим Васюком Всеславским Сигизмунду I была отправлена складная (разметная) грамота с объявлением войны, а 14 ноября 1512 года в поход к литовской границе выступила передовая рать вяземского наместника, князя Ивана Михайловича Репни Оболенского и конюшего Ивана Андреевича Челяднина. Перед этим войском поставили такую задачу: не задерживаясь под Смоленском, двигаться дальше, к Орше и Друцку. Там Оболенский и Челяднин должны были соединиться с войском князей Василия Семеновича Швиха Одоевского и Семена Федоровича Курбского, выступивших из Великих Лук к Бряславлю. 19 декабря вслед за этими полками в поход на Литву во главе большой армии двинулся сам Василий III. В январе 1513 года русские войска, насчитывающие 60 тыс. человек при 140 орудиях, подошли к Смоленску и начали осаду крепости[225]. Как и прежде, владея стратегической инициативой, московское командование действовало на нескольких направлениях. Одновременно с нападением на Смоленск из Северской земли в поход на Киев двинулась рать Василия Шемячича, которому удалось, пользуясь внезапностью нападения, сжечь киевские посады.

Тем временем на западном рубеже полки князя И. М. Репни Оболенского, И. А. Челяднина, князей В. С. Одоевского и С. Ф. Курбского, выполняя волю великого князя Василия Ивановича, огнем и мечом прошли по огромной территории, опустошив окрестности Орши, Друцка, Борисова, Бряславля, Витебска и Минска.

Однако Смоленск продолжал упорно обороняться. Осада крепости затянулась почти на 6 недель, но взять город не удалось. Смоленск, расположенный на левом берегу Днепра, высоком и сильно изрезанном, был хорошо укреплен. Его окружали дубовые стены-тарасы, срубленные за глубоким рвом на высоком валу или речных и овражных откосах. На многочисленных башнях стояли артиллерийские орудия. Волнистый рельеф, большое количество речек, речушек и оврагов вблизи города затрудняли действия русских войск.

В самом начале осады, в январе 1613 года, смоленскому гарнизону удалось отбить штурм, в котором участвовали выставленные городами пешие воины, в том числе и псковские пищальники. Во время приступа с русской стороны погибло до

2 тыс. человек. Не дал результатов и артиллерийский обстрел города. Положение осаждающих осложнилось, и тогда командование приняло трудное решение уйти из-под Смоленска. В начале марта 1513 года войска были уже в Москве, а 17 марта правительство начало подготовку нового похода к Смоленску, назначенного на лето текущего года[226]. Для участия в нем в Европе были найдены военные специалисты – пехотинцы и итальянские артиллеристы. Их нанял в Силезии и Чехии Христофор Шляйниц, близкий знакомец Михаила Львовича Глинского, в 1510 году приезжавший в Москву с посольством от Немецкого ордена[227]. Готовились и в Литве. Сигизмунд I даже обратился к римскому папе с просьбой объявить против русских крестовый поход и поддержать его в войне с ними.

Во второй поход к Смоленску русские войска выступили 14 июня 1513 года. В новом наступлении на Литву участвовали значительные силы. Великий князь остановился в Боровске, направив под литовские города своих воевод. 80-тысячное войско И. М. Репни Оболенского и А. В. Сабурова вновь осадило Смоленск. В составе этого войска, по-видимому, находилась и посошная рать, значительно увеличившая численность главных русских сил. Тогда же 24-тысячная рать князя М. Л. Глинского действовала под Полоцком, еще 8 тысяч воинов из его полков окружили Витебск, 14-тысячное войско было послано под Оршу. Неизвестный автор опубликованного И. С. Рябининым рассказа о втором походе Василия III, упоминая о вооружении русской армии, отметил, что «московит имел перед крепостью до двух тысяч штук пищалей, больших и малых»[228]. Эту цифру совершенно некритично воспринял А. А. Зимин, заявивший, что «у Василия III было огромное число орудий – до 2 тыс. пищалей»[229]. Здесь явное противоречие – огромное количество «орудий» (превышавшее численность русского «наряда» эпохи Ливонской войны) и поразительно малое число обнаруженных в Смоленске после окончания осады русских ядер – всего 700. Возможно, в тексте документа имелись в виду не только артиллерийские орудия, но и ручное огнестрельное оружие.

Как и прежде основные бои происходили под Смоленском. Сосредоточенное в городе литовское войско под командованием наместника Юрия Глебовича, незадолго до начала осады пополненное отрядами наемников-жолнеров, встретило московских воевод «за валами» (под стенами города). В самом начале разгоревшегося сражения противнику удалось потеснить полк Ивана Михайловича Репни Оболенского, но затем литовские отряды были разбиты подоспевшими к месту боя свежими русскими силами. Понеся значительные потери, они отступили в

крепость. В Смоленске, помимо разбитого литовского войска, укрылось 10 тысяч местных жителей. Начав осаду, московская армия подвергла укрепления города интенсивному орудийному обстрелу и начала подготовку к штурму. Однако крепкие дубовые стены крепости, засыпанные камнями и землей, выдержали бомбардировку. Разбитыми оказались лишь башни и передовые укрепления. Несколько раз русские полки атаковали Смоленск, но гарнизону и местным жителям удалось отразить все приступы, потеряв в боях и от артиллерийского огня более тысячи человек. Все же положение осажденных городов было крайне тяжелым, в основном из-за нехватки продовольствия (съеденными оказались все припасы и даже кони), и Сигизмунд I, собрав все имеющиеся у него войска, двинулся на выручку Витебску, Полоцку и Смоленску. По литовским, очевидно, преувеличенным сведениям, под его знаменами шла 40-тысячная армия. По русским данным, также завышенным, литовское войско насчитывало около 30 тыс. воинов[230].

Василий III, находившийся при войске, осаждавшем Смоленск, решил отойти, не принимая сражения с приближающимся литовским войском. Вслед за главной армией на свою территорию отступили и другие русские полки. Однако завоевательные планы московского государя в отношении западнорусских городов остались неизменными. 30 мая 1514 года он в третий раз двинул свои рати – сначала к Дорогобужу, а затем дальше, к Смоленску. Командовали Данила Васильевич Щеня и Иван Андреевич Челяднин (в Большом полку), Михаил Львович Глинский и Михаил Васильевич Горбатый-Шуйский (в Передовом полку). 8 июня 1514 года в поход выступил сам великий князь Василий Иванович. С ним к литовскому рубежу выехали и два младших брата – Юрий Дмитровский и Семен Калужский, еще один брат – Дмитрий Жилка – находился с войсками в Серпухове, прикрывая границу и фланг шедшей на Смоленск армии от внезапного нападения крымских татар.

Догадываясь о неизбежности новой русской атаки на Смоленск, Сигизмунд I поставил во главе гарнизона деятельного и опытного воеводу – Юрия Андреевича Сологуба. Но силы сторон были неравны, и город пал после трехмесячной осады. Подробный рассказ о Смоленском взятии, написанный, как считается, со слов разосланных по северным русским городам литовских пленных, содержится в обеих редакциях Устюжской летописи (списке Л. С. Мациевича и Архангелогородском летописце).

В начале летней кампании 1514 года, как и раньше, русские загоны (высланные вперед отряды) ходили под Оршу,

Мстиславль, Кричев и Полоцк, но главные силы (около 80 тыс. человек; 140 орудий) окружили Смоленск. Осада города началась 16 мая 1514 года и продолжалась 12 недель. Она сопровождалась невиданной доселе артиллерийской бомбардировкой крепости: «И начаша из всякого наряду по граду и огньными пушками в грады бити». Участники событий вспоминали о метких выстрелах лучшего русского пушкаря Стефана, имя которого донес до нас Архангелогородский летописец: «И повеле князь великии пушкарю Стефану пушками город бити июля в 29 день, в суботу (так в тексте – *В. В.*), на 3-м часу дни, из-за Днепра. И удари по городу болшею пушкою. И лучися на городе по их пушке по наряженои ударити, и их пушку разорвало, и много в городе в Смоленску людеи побило. Того же дни на 6-м часу дни тот же Степан ту же пушку пустил, и много ядер мелких собра, и окова свинцом, и удари в другои. И того боле в городе людеи побило. И бысть в городе скорбь велика, и начаша мыслити: битися нечем, а передатся не смеют короля деля. И князь великии повеле ударити в третьеи, и того боле людеи побило в городе».

О мощной бомбардировке Смоленска сообщают и другие источники. В Воскресенской летописи рассказывается, что русские воины «пушки и пищали болшие около города уставивши», а великий князь «повеле град бити с всех сторон, и приступы велики чинити без отдуха, и огненными пушками в град бити». Действие русской осадной артиллерии, когда, по сообщению того же источника, «земля колыбатися… и весь град в пламени курениа дыма мняшеся въздыматися ему», поколебало решимость литовского гарнизона[231]. Начались переговоры о сдаче города. Их взял на себя епископ смоленский Варсонофий. Подробный рассказ об обстоятельствах последовавшей затем капитуляции города содержится в Архангелогородском летописце: «И видя владыка, и воивода граднои, и пан Юрье Солоусовичь изнеможение градное и пагубу, и выиде владыка из Смоленска на мост и нача бити челом великому князю, прося срока до завтрея. Князь великии не даст срока и повеле бити пушками многими отвсюду. И возвратись владыка со слезами в город, и собра часа того весь причет церковныи – архимариты, и игумны, и попы, и облекошася вси, и взем кресты и иконы, и выиде против великого князя и воевода граднои, и пан Юрии Солоусовичь, и вси панове служебнии, и весь град черныя люди, бьюще челом великому князю со слезами: «Государь, князь великии, много крови христианския лили, а земля пуста, твоя отчина; не погуби града; прими град наш с тихостию». И приим князь великии благословение от владыки смоленъского и повеле владыке смоленскому, и воиводе пану Юрию Солоусовичю, и

многи князем смоленьским, и паном приметным к себе в шатер идти, а черным людем и игуменом и всему причту повеле в град итти. А се городу сторожу крепкую постави – князеи московских и бояр болших. А владыка и воивода со всеми паны и до утра за сторожи в шатре были. А назавтре в неделю послал князь великии в город Смоленеск воивод своих и князеи, и дьяков, и подьячих, а велел в городе вся люди переписати и к целованью привести, чтоб им за великим князем и добра хотеть, и за короля не думати и добра королю не думати»[232].

Этот достаточно подробный рассказ следует дополнить сообщением, что переговоры от имени епископа Варсонофия и воеводы Юрия Сологуба вел смоленский боярин Михаил Васильевич Пивов. С русской стороны с ним съезжались Иван Юрьевич Шигона Поджогин и дьяк Иван Иванович Телешов. От имени великого князя они обещали после капитуляции сохранить за смолянами вольности по привилею 1505 года и не проводить массовых выселений горожан вглубь страны. Смоленск сдался, но из-за заговора Варсонофия и части бояр вывод все же был произведен.

* * *

Взятие Смоленска потрясло современников. Почти сразу же покорность московскому князю изъявили ближайшие города – Мстиславль, Кричев и Дубровна[233]. Воодушевленный этими известиями Василий III требовал от своих воевод продолжения наступательных действий и новых побед. На Оршу двинулось войско Михаила Львовича Глинского, на Борисов, Минск и Друцк – отряды Ивана Андреевича Челяднина, Михаила Ивановича Голицы Булгакова и его брата Дмитрия Ивановича Булгакова. По сообщению Герберштейна, именно Челяднину «московит (Василий III) вверил главное начальство»[234]. Однако о планах русского командования стало известно противнику. Сообщил их Сигизмунду I сам князь Глинский, оставшийся недовольным отказом Василия III передать ему в наследственное владение Смоленское княжество. Об измене Михаила Львовича, готовившегося тайно отъехать в Литву, сообщил воеводе Голице Булгакову слуга Глинского. Изменник был схвачен, но, благодаря его сообщениям русские планы уже стали известны в Литве. Узнав о численности, дислокации и маршруте движения русского войска, Сигизмунд I решил действовать. При себе в Борисове на «великой реце» Березине он оставил лишь 4 тыс. человек, а остальные силы двинул навстречу рати Михаила Голицы.

Следует подчеркнуть, что отправленное в поход к Орше русское войско состояло только из конных полков. Численность его составляла около 12–15 тыс. воинов[235]. Это конное войско не имело артиллерии (ни в одной из победных литовских реляций, написанных после произошедшего сражения, не указаны захваченные русские пушки). Данное обстоятельство облегчало задачу командовавшего польско-литовской армией «великого воеводы и славного и великоумного» гетмана Константина Ивановича Острожского, знавшего о численности и замыслах русского командования. Под его начало королем было передано около 12–14 тыс. человек, но эта вполне соотносимая с русским войском армия была усилена артиллерией. В ходе внезапной атаки, сбив два передовых русских отряда, стоявших на реках Бобре и Дрови, литовцы вышли к Орше[236].

Накануне решающего сражения обе армии оказались по разные стороны Днепра. Не имея численного превосходства, московские воеводы вели себя достаточно уверенно и, по-видимому, попытались воспроизвести обстановку, повторяющую детали победного для русского оружия Ведрошского сражения. Они не стали мешать литовцам, наводящим мост через Днепр, и дали противнику возможность свободно переправиться на левый берег реки. Очевидно, русские воеводы уже в ходе сражения собирались обойти неприятеля, разрушить мосты, отрезать противнику путь к отступлению, а затем прижать армию Острожского к Днепру и уничтожить[237]. Но «славный и великоумный» гетман сумел извлечь хороший урок из опыта прошлого поражения на Ведроши. Готовясь к сражению, литовцы подготовили артиллерийскую засаду и использовали эту ловушку во время одной из русских атак. Справедливости ради следует отметить, что успеху замысла гетмана Острожского способствовала вражда и соперничество московских воевод.

Сражение произошло 8 сентября 1514 года между городами Орша и Дубровна, на реке Крапивне, притоке Березины. Первым атаковал литовскую армию полк Михаила Голицы, нанесший удар по левому флангу литовского войска. Противник устоял, вынудив нападавших отойти на исходные позиции. Тогда началась контратака литовской кавалерии и польской пехоты. Голице Булгакову срочно потребовалась помощь, «но Иван Андреевич (Челяднин – *В. В.*) в зависти не поможе князю Михаилу и не бися с литвою в ту пору. И бившеся много и разступившесь розно. И вдругие литва пришла на Ивана Андреивичя, и начать Иван Андреевичь своим полком битися с литвою, а князь Михаило Ивану Андреевичю не поможе. И бившеся много и разступившесь, а силы паде на обоих ступех обоих стран много. И в третие

наступиша литва на князя Михаила на Голицу, и бися князь Михаило с ними своим полком много. И Иван Андреевичь в ту пору князя Михаила выдал, а сам побеже, а литва начаша одолять князю Михаилу, и одолеша, и многих воивод и князеи и бояр поимаша, а иных на бою убиша…»[238]. Впрочем, бежавший Челяднин также был пойман и пленен. Позднее он умер в литовском заточении. Русскую конницу, в этот решающий момент сражения попытавшуюся атаковать правый фланг армии Острожского, противник встретил огнем расположенных в засаде артиллерийских орудий, стрелявших навесным огнем («Литовцы, отступив умышленно к тому месту, где они поместили воинские орудия, направляют их против преследующих врага московитов и поражают задний ряд их, расставленный для подания помощи, но слишком плотно друг к другу, приводят их в замешательство и разгоняют в разные стороны. Этот неожиданный способ войны наводит страх на московитов, которые считали, что в опасности находится только первый ряд, борющийся с врагом: придя от этого в смущение <…> они обращаются в бегство»). При обстреле ядром был убит один из воевод Передового полка – Иван Иванович Темка Ростовский. Понеся тяжелейшие потери, русская конница оказалась отброшена к реке Крапивне и почти вся была уничтожена на ее крутых берегах[239].

По литовским данным, многократно завышенным, под Оршей русские потеряли убитыми до 30 тысяч человек. Эти сведения, приведенные в послании Сигизмунда I магистру Ливонского ордена, призваны были произвести благоприятное впечатление на возможного союзника[240]. Ряд обстоятельств заставляет усомниться в точности данных королем сведений о русских потерях, и не только потому, что названное им число погибших вдвое превышало максимально возможную численность шедшей к Орше рати. Сомнительны, прежде всего, сведения о захваченных московитах. В сообщении Сигизмунда I говорилось о пленении 8 главных воевод, 37 других военачальников и 1500 дворян. Но в других литовских источниках приводятся иные сведения о взятых в плен во время Оршанской битвы русских командирах и служилых людях. Достаточно информированный автор Летописи Рачинского отмечает, что под Оршей было захвачено помимо 35 воевод 380 детей боярских, но добавляет, что «простых людей, которых живых поимали, нельзя и выписати множества для». В «Именной росписи московских пленников» названы 8 русских дворян, но при сопоставлении их со списком, приведенным в Летописи Рачинского (и Евреиновской летописи), совпадают лишь имена военачальников Федора Кобца, Филиппа Ивановича Киселева и Ивана Андреевича Еропкина. При этом не

упоминаются попавшие в плен главные русские воеводы: М. И. Голица Булгаков, Д. И. Булгаков и И. А. Челяднин. По-видимому, «Именная роспись» представляет собой лишь один из списков захваченных в плен русских воевод и голов дворянских сотен[241].

Факт произошедшего в сражении под Оршей разгрома одного из русских походных войск очевиден. Однако он имел тактическое, но никак не стратегическое значение[242]. Тем не менее, результаты поражения под Оршей не замедлили сказаться. Все три города, перешедшие под власть Василия III в начале августа 1514 года, после падения Смоленска, – Мстиславль, Кричев и Дубровна – вновь отложились от Москвы. Заколебались и смоляне. В городе возник заговор, во главе которого встал уже упоминавшийся выше епископ Варсонофий. Он послал к Сигизмунду письмо с обещанием сдать город. Но планы Варсонофия и его единомышленников были разрушены решительными действиями нового смоленского наместника и воеводы, князя Василия Васильевича Немого Шуйского. С помощью местных жителей он раскрыл заговор и, не дожидаясь решения государя, находящегося тогда в Дорогобуже, велел казнить изменников, пощадив лишь самого смоленского владыку (позднее тот был сослан в Каменский монастырь на Кубенском озере). Замешанные в заговоре «князи смоленские и паны» были повешены на крепостных стенах, на «ослядех», на виду подошедшего к городу литовского войска. К телам казненных привязали подарки, полученные от великого князя Василия III после взятия им Смоленска: «Которому князю смоленскому князь великии дал шубу соболью с камкою или з бархатом, того и в шубе повесил; а которому князю или пану дал ковш серебрянои или чарку серебряну, и он, ему на шею связав, да и того повесил; которово князя смоленскаго или пана пожаловал, того с тем и повесил»[243]. Остальные горожане и гарнизон, руководимые энергичным Шуйским, бились твердо, отразив все литовские приступы. Острожский вынужден был отступить, оставив Смоленск в русских руках. Его действиям мешала начавшаяся зима и принявший массовый характер отъезд воинов из армии.

Воспользовавшись отступлением гетмана, не сумевшего развить достигнутый в Оршанской битве успех, московские воеводы нанесли удар на другом направлении. На литовские города 28 января 1515 года с новгородскими и псковскими полками выступили воеводы князь Иван Михайлович Шамин, Юрий Иванович Замятнин и Андрей Васильевич Сабуров. Во время этого похода псковский наместник Сабуров с 3 тыс. воинов, назвавшись перебежчиком от Василия III к Сигизмунду I, захватил

и разграбил Рославль. Тогда же были сожжены посады Браслава и город Друя. После этого с большим «полоном» воеводы вернулись обратно через Опочку[244].

В течение следующих двух лет от широкомасштабных действий Москва и Литва воздерживались. Хотя в 1515 году русские полки ходили к Мстиславлю и Витебску, а в 1516 году из Белой – снова к Витебску, это были небольшие рейды, не принесшие особых результатов. Московскому государству требовалось время, чтобы оправиться от пусть и не фатального, но тяжелого оршинского поражения. Кроме того, русскому правительству необходимо было определиться в отношениях с Крымом, где после смерти хана Менгли-Гирея к власти пришел его сын, Мухаммед-Гирей, известный враждебным отношением к Москве. Внимание князя отвлекала и сложная ситуация в Казани, где тяжело заболел хан Мухаммед-Эмин. В свою очередь, нападение литовцев на Гомель в 1516 году, совершенное малыми силами, легко отбили прикрывавшие рубеж русские войска. Сигизмунду Старому в эти годы было не до большой войны с Москвой, так как войско одного из крымских «царевичей», Али-Арслана, несмотря на союзнические отношения, установившиеся между королем и Мухаммед-Гиреем, напало на литовское пограничье, сорвав готовившийся поход к Смоленску.

Спустя год Сигизмунд I решил перейти в решительное наступление, сосредоточив в Полоцке армию под командованием гетмана Константина Острожского. Действия литовцев и поляков поддержали крымские татары. Их согласие напасть на московские «украйны» было щедро оплачено прибывшим в Бахчисарай литовским послом Ольбрахтом Мартыновичем Гаштольдом. Летом 1517 года 20-тысячное крымское войско напало на тульские места, но русское командование, заранее извещенное о готовящемся вторжении, успело сосредоточить здесь многочисленные войска. Разошедшиеся по тульской земле татарские людоловные «загоны» были атакованы и разгромлены полками воевод Василия Семеновича Одоевского и Ивана Михайловича Воротынского. Пути отступления начавшему отходить в степь противнику перерезали «пешие люди украинные», которые «дороги засекли и многих татар побили». Неудачей закончился набег татар на Северскую землю, совершенный в ноябре 1517 года: отряд Михаила Дмитриевича Янова, одного из воевод Василия Шемячича, настиг и разгромил крымцев за рекой Сулой.

Стремясь использовать обострение обстановки на южной границе Московского государства, король в сентябре 1517 года двинул свою армию из Полоцка к Пскову. В состав ее входила

наемная пехота (жолнеры). Войском командовал гетман Константин Острожский. Отправляя его в поход, Сигизмунд Казимирович попытался усыпить бдительность Василия Ивановича, начав переговоры о мире. С этой целью в Москву были направлены маршалок могилевский Ян Щит и писарь Богуш Михаил Боговитинович, задержанные в Дорогомилове до конца литовского наступления. Очень скоро выяснилась ошибочность решения о наступлении на Псковщину. Под стенами первой же небольшой русской крепости Опочки польско-литовская армия вынуждена была надолго остановиться, не решаясь оставить этот обнесенный деревянными укреплениями псковский «пригород» в своем тылу. Оборонял Опочку небольшой гарнизон под командованием Василия Михайловича Салтыкова-Морозова. Осада города, презрительно названного литовцами «свиным хлевом», затянулась, сведя на нет главное преимущество литовского вторжения – внезапность. Опочка находилась в излучине реки Великой, за широким и глубоким рвом, что затрудняло действия неприятеля.

Острожский подошел к крепости 6 октября 1517 года и после бомбардировки двинул войска на штурм, рассчитывая легко овладеть городом. Однако защитники Опочки упорно оборонялись и отразили плохо подготовленную литовскую атаку. По-видимому, тогда и был убит «ляцкий большой воевода» Сокол. Понеся огромные потери, Острожский не решился на повторный штурм и приступил к осаде, ожидая прибытия подкреплений и проломных пушек. Войска гетмана попытались овладеть другими псковскими пригородами, но спешившие на помощь Опочке русские рати разбили несколько литовских отрядов. Князь Александр Владимирович Ростовский разгромил 4-тысячную неприятельскую заставу, Иван Андреевич Черный Колычев уничтожил 2-тысячный литовский полк, а Иван Васильевич Ляцкий разбил два еще более крупных отряда противника – 6-тысячную заставу, стоявшую в 5 верстах от главного лагеря Острожского, а затем войско воеводы Черкаса Хребтова, шедшего на соединение с гетманом под Опочку («на пособ королеву войску»). Русские захватили все бывшие у противника пушки и пищали, взяли в числе пленных самого воеводу Хребтова, его брата Мисюря, Ивана Зелепугу «и иных» литовских воинов[245].

Удачные действия русских воевод вынудили Острожского 18 октября 1517 года начать поспешное отступление к своему рубежу, оставив под Опочкой все «воинское устроение», в том числе осадную артиллерию. Раздосадованный Сигизмунд I, получив сообщение об отступлении своего войска, споткнувшегося о псковский «пригород», назвал его «бесовым

селом».

Провал завоевательных планов короля стал очевидным, однако переговоры, возобновившиеся между русскими и литовскими дипломатами (после победы под Опочкой 29 октября 1517 года миссия Яна Щита и Богуша Михаила Боговитиновича все же была принята великим князем), также зашли в тупик. Польских послов поддержал и имперский посланник Сигизмунд Герберштейн. 10 ноября он прислал Василию III обширный меморандум, в котором предлагал вернуть Литве Смоленск и пытался доказать необоснованность выдвинутых Москвой обвинений в адрес Сигизмунда I, прежде всего обвинений в клятвопреступлении и натравливании крымского хана на Русское государство. По представлению Герберштейна, выплаченное татарам литовское золото – это всего лишь отступное за безопасность своих владений, а не плата за нападение на земли Василия III. Великий князь должен, демонстрируя свое благородство, отдать Смоленск, и тогда христианский мир убедится, что он взял этот город не из-за корысти или охоты до чужого добра. Во втором меморандуме имперский дипломат высказывал сомнения в достоверности сведений, полученных от пленных татар о согласованности действий Крыма и Вильно.

Уступать требованиям Яна Щита и Богуша Боговитиновича и присоединившегося к ним в качестве посредника императорского посланника Сигизмунда Герберштейна и возвращать Литве Смоленск Василий III не собирался. Польским послам и Герберштейну пришлось покинуть Москву ни с чем. После провала переговоров возобновление военных действий стало неизбежным. К нему готовились обе стороны.

Первой нанесла свой удар русская сторона. В июне 1518 года новгородские и псковские полки во главе с Василием Васильевичем и Иваном Васильевичем Шуйскими выступили к рубежу из Великих Лук. Перейдя границу, они начали наступление на Полоцк – один из крупнейших городов Великого княжества Литовского, важнейший опорный пункт на его северо-восточном рубеже. Этот поход был предпринят в ответ на прошлогоднее литовское нападение на псковские пригороды. На других направлениях действовали войска Михаила Васильевича Горбатого-Шуйского, совершившие набег на Молодечно и окрестности Вильны, Семена Федоровича Курбского, ходившего с ратью к Минску, Слуцку и Могилеву, Андрея Дмитриевича Курбского и Александра Борисовича Горбатого-Шуйского, отряды которых опустошили окрестности Витебска.

Однако под Полоцком русскую рать ждала неудача. Осада и артиллерийский обстрел этой мощной крепости не дали

результата. Укрепления, усиленные в начале XVI века, устояли. Немаловажную роль в успешной обороне города сыграла построенная в 1501 году прочная бревенчатая стена. Она тянулась от правого берега Западной Двины до левого берега Полоты и прикрывала Великий посад с востока. Осада затягивалась, у стоявших под Полоцком новгородцев и псковичей закончились припасы. Кроме того, подоспевшее литовское войско воеводы Волынца (по-видимому, Яна Боратынского[246]) уничтожило переправившийся через реку Полоту на фуражировку большой русский отряд, вынудив Василия Шуйского снять осаду и уйти к своей границе.

В 1519 году русские развернули наступление вглубь Литвы – к Орше, Молодечно, Могилеву, Минску, дойдя до Вильны. Помешать этим действиям литовцы не могли. Почти одновременно в южные районы Великого княжества Литовского и Польши началось вторжение 40-тысячной татарской армии Богатыр-Салтана. 2 августа 1519 году в сражении под Соколом ею было разбито 20-тысячное войско гетмана Константина Острожского.

В полосе русского наступления крупных сил у литовцев не было, поэтому они довольствовались обороной хорошо укрепленных городов и замков. Штурмовать их московские воеводы не пытались, ограничившись разорением всей восточной части Литовского княжества. Нападения русских войск продолжались и в 1520 году. Эти успешные рейды, а также начавшаяся война Польши с союзником Москвы, Тевтонским орденом, длившаяся с 1519 по 1521 год, вынудили Сигизмунда I возобновить переговоры о мире и согласиться уступить Руси Смоленскую землю. В мирной передышке нуждалась и Русская держава, пережившая в 1521 году одно из самых страшных татарских нашествий. Присутствие войск требовалось на южных и восточных рубежах, которым продолжали угрожать новые крымские и казанские нападения, поэтому Василий III вынужден был заключить перемирие, отказавшись от части своих претензий к Литве. Это касалось, прежде всего вопроса о возвращении пленных и требования о присоединении к своему государству Киева, Полоцка и Витебска. Договор о пятилетнем перемирии между Московским государством и Великим княжеством Литовским был подписан 14 сентября 1522 года литовскими послами: полоцким воеводой Петром Станиславовичем Кишкой, подскарбием Богушем Боговитиновичем и писарем Иваном Горностаевым. Несомненным успехом русской дипломатии стало перечисление в перемирной грамоте среди московских городов Смоленска, отвоеванного в 1514 году. Литовские послы

вынуждены были согласиться с потерей территории в 23 тыс. км^2 и населением в 100 тыс. человек. Но вызволить московских воевод, большинство которых попало в плен к противнику после битвы под Оршей, не удалось. Литовская сторона лишь пообещала избавить пленных от оков. Большинство узников окончили свои дни на чужбине, не выдержав суровых условий содержания. Тяжелее всего приходилось пленным, находившимся в Новгороде-Литовском и Берестье. Сами литовцы писали о них: «А оброку им ничего не дают, только что сами про Бога выпросят» и «о страву[247] стоскнуют велми: не будет ли жалованья господарского? Не можем дей стрывати с голоду». Чуть лучше содержались пленные в Киеве и Слониме, но в последнем городе узники были «вси покованы». Содержавшиеся в оковах в Вильне Иван Челяднин и его товарищи вынуждены были просить денежной помощи у имперского посла Сигизмунда Герберштейна, посетившего пленных по дороге в Москву. Согласно «Реестру вязней московских» (список русских пленных), составленному в 1538 году, в различных литовских замках и дворах находилось 166 человек, из которых больше половины (84 человека) – участники «Великой битвы» (Оршинского сражения) 1514 года. К этому времени умерло 163 пленных, в их числе – именитые воеводы: И. А. Челяднин, И. Д. Пронский, Ф. М. Киселев, кн. Б. В. Ромодановский, Д. В. Китаев, Д. А. Плещеев, С. И. Годунов и многие другие[248]. На переговорах 1542 года Москва предлагала за возвращение своих пленных воевод уступить Литве город Дроков, однако королевские послы требовали более значительных территориальных уступок. Из перечисленных в «Реестре» узников на родину, помимо названных в документе 26 беглецов, посчастливилось вернуться лишь очень немногим. Одним из них был князь Михаил Иванович Голица Булгаков, командовавший русской ратью в Оршанской битве. Он был отпущен в Россию только в 1551 году. В литовском заточении этот воевода провел около 37 лет, пережив почти всех своих товарищей по плену. После возвращения на Родину он принял монашеский постриг в Троице-Сергиевом монастыре. Старец Иона (такое иноческое имя дано было Михаилу Голице при пострижении) умер в обители Святого Сергия не позднее 1558 года.

Глава 10. Борьба Московского государства с татарскими набегами в первой трети XVI века

После свержения Абдул-Латифа в Казань был возвращен его старший брат, Мухаммед-Эмин, который, несмотря на явные симпатии к Русской Державе, военным путем восстановил полную независимость своего государства, что и подтвердил договор, заключенный между Московским государством и Казанским ханством в марте 1507 года. Однако в нем подтверждалось восстановление мира «по старине и дружбе, как было с великим князем Иваном Васильевичем», что делало безопасным казанское порубежье. Были возвращены оказавшиеся в плену русские воины. Постепенно мирные отношения, ненадолго омрачившиеся войной 1505–1507 годов, были отлажены, хотя, конечно, уже не в том формате как при Иване III. Только после смерти бездетного Мухаммед-Эмина 18 декабря 1518 года была сделана попытка восстановить политическую зависимость Казани от Москвы. 29 декабря к великому князю Василию III прибыло посольство Кул-Дербыша, сообщившее о смерти хана и просившее пожаловать их новым государем. Ближайшими родственниками умершего «царя» являлись его сводные братья. Но Худай-Кул (Куйдакул) 21 декабря 1505 года принял православное крещение под именем Петра Ибрагимовича и потому потерял право на казанский престол. Других сводных братьев покойного из династии крымских Гиреев видеть на Волге не желали московские власти. Они небезосновательно боялись воплощения в жизнь мечты Мухаммед-Гирея об объединении всех татарских ханств под властью крымских «царей» и возникновения постоянной угрозы для Руси со стороны могучей степной державы. Выбор был сделан в пользу тринадцатилетнего касимовского царевича Шах-Али (Шегалея), внука Бахтиара, родного брата хана Большой Орды Ахмеда (Ахмата)[249]. Отношения Москвы с крымским ханом Мухаммед-Гиреем, настаивавшим на кандидатуре своего брата Сагиб-Гирея, были окончательно испорчены. Назревала большая война, грянувшая в 1521 году.

К этому времени обстановка на южных русских «украинах» стала накаленной. Крымские набеги начались здесь в 1507 году, в разгар очередной русско-литовской войны. Однако постигшая татар неудача, в результате которой их отряды бежали, преследуемые московскими воеводами до реки Рыбницы, вынудила крымцев на время отказаться от дальнейших действий.

Возобновились они только в 1512 году, хотя в Устюжском летописном своде упоминается нападение татарских отрядов на русские земли по реке Упе в 1511 году[250]. По-видимому, в данном случае произошел хронологический сбой – составитель летописи отметил событие, произошедшее в следующем году (в записи 1512 года оно не упоминается). К сожалению, Вадим Викторович Каргалов посчитал, что отмеченное в летописи под 1511 годом нападение действительно имело место[251]. Дополнительным аргументом, свидетельствующим об ошибочном характере этой летописной записи, является пребывание в Москве и Казани в 1510–1511 годах крымской «царицы» Нур-Султан, приезжавшей проведать своих сыновей, Абдул-Латифа и Мухаммед-Эмина. Только 5 декабря 1511 года в сопровождении московского посла Михаила Васильевича Тучкова она выехала обратно в Крым. В течение полутора лет пребывания ханши в пределах Русского государства и Казанского юрта между Москвой и Кырк-Ером еще сохранялись мирные отношения[252], хотя именно тогда наметилось сближение Крыма и Литвы. В глубокой тайне стал формироваться их оказавшийся чрезвычайно опасным для Московского государства союз. Первые переговоры прошли еще в 1510 году, когда в Вильно прибыли крымские послы – Августин Гарибальди и Ахмед-мурза. Литовская сторона предложила выплатить хану за организацию набега на Русь 30 тыс. золотых, и в следующем 1511 году в Кырк-Ер был отправлен своего рода аванс – 4,5 тыс. золотых. Однако, взяв деньги, Менгли-Гирей весной 1512 года нанес удар не по русским землям, а по Подолии. Пройдя Черным шляхом, татары стали продвигаться к Львову, Перемышлю, Красныставу, некоторые их загоны действовали в окрестностях Люблина и Хелма, другие прорвались за Днестр, дойдя до Коломыи. Положение спас гетман Константин Острожский, который соединился с польским коронным гетманом Николаем Каменецким. В их войске было 6 тыс. воинов, но они, не дожидаясь подкреплений, начали преследование уходящего с полоном противника. 28 апреля гетманы настигли и атаковали 10-тысячное татарское войско у села Лопушня, недалеко от Вишневца. В Вишневецком сражении татары были разбиты и, бросив 16 тыс. полоняников, бежали.

Узнав о поражении своих войск, Менгли-Гирей немедленно возобновил переговоры с Сигизмундом I и обещал выставить на войну с Москвой 30 тысяч всадников за ежегодную выплату поминок в размере 15 тысяч дукатов, в чем присягнул на Коране и выслал к королю двух заложников – внука Джалаладдина и сына, князя Девлет-бахтия, со свитой улан и слуг.

Еще до заключения этого соглашения, в мае 1512 года,

сыновья Менгли-Гирея – Ахмед-Гирей (Ахмат-Гирей) и Бурнаш-Гирей – «со многими людьми» предприняли первую настоящую попытку прорвать оборону южных границ и вторгнуться вглубь русской территории. 8 мая 1512 года из Стародуба от князя Василия Ивановича Шемячича в Москву пришло сообщение о подготовке татарами нападения на его «отчины». Василий III направил на Северу, к реке Брыни, на помощь Шемячичу войска под командованием князя Михаила Даниловича Щенятева. Однако по дороге им пришлось повернуть к реке Угре, так как отряды крымских царевичей, миновав стародубские земли, «пришли вборзе на украины, на белевские и на одоевские места». На помощь Михаилу Щенятеву был направлен с новыми войсками его отец, Данила Щеня. Пытаясь воспрепятствовать дальнейшему продвижению татар, русские полки выдвинулись не только на Угру, но и к Кашире и Серпухову. Однако конные отряды противника постоянно меняли дислокацию, уходя из-под удара великокняжеских войск. 15 мая 1512 года Щеня, подтверждая прежние сообщения, писал великому князю, что «татарове на украину, на одоевские места и на белевские пришли», уточняя: «иные татаровя, отделяся, пошли вниз на олексинские места и на Коломну, и на Волкону». Отдельные крымские отряды достигли тогда окрестностей Алексина и Воротынска[253]. Из Москвы к Тарусе были направлены новые полки во главе с удельным князем Андреем Ивановичем Старицким и окольничим Константином Григорьевичем Заболоцким. Войска князя Юрия Ивановича Дмитровского усилили оборону Серпухова, а князя Ивана Васильевича Шуйского послали на Рязань. Все эти меры запоздали. Командовавшим крымским войском «царевичам» Ахмед-Гирею и Бурнаш-Гирею удалось уйти в степь, уведя большой полон[254].

Урок не прошел даром. Отозвав в Москву Д. В. Щеню и М. Д. Щенятева, Василий III приказал организовать плотную оборону южной «украины», для чего на реке Угре сосредоточили войско князя М. И. Голицы Булгакова и конюшего И. А. Челяднина. Им был адресован наказ, интересный упоминанием пищальников и посошных людей, которых воеводы должны были «розделити по полком, сколько, где пригоже быти на Берегу». В случае нового нападения воеводы, «посмотря по делу», должны были контратаковать противника на тульском и зарайском направлениях.

Сосредоточение войск на Угре и некоторых других «украинных» местах оказалось достаточно своевременным: еще трижды в 1512 году татары вторгались в русские пределы.

В июне отряды «царевича» Ахмед-Гирея пытались совершить

набег на окрестности северских городов – Брянска, Путивля и Стародуба, но в произошедшем здесь столкновении с русскими войсками потерпели тяжелое поражение, отступив «в малых людях». В июле 1512 года к границам Рязанской земли подошло войско Мухаммед-Гирея. Однако, узнав, что на реке Осетр стоит с полками князь Александр Владимирович Ростовский, татары поспешили отступить. Русские преследовали их до реки «Сернавы» (р. Большая Чернава, левый приток р. Быстрая Сосна), а по другим сведениям, даже «за Дон до Тихой Сосны», и только затем возвратились к своим границам[255].

Еще одно нападение произошло осенью 1512 года, когда русские воеводы его уже не ждали. 6 октября войско крымского «царевича» Бурнаш-Гирея внезапно вышло к Рязани (Переяславлю-Рязанскому). Захватив острог и разграбив рязанский посад, татары осадили крепость, гарнизон которой, упорно сопротивляясь, все же не смог помешать врагу опустошать окрестные волости. Через три дня с большим полоном крымские отряды ушли в степь.

Некоторые подробности татарской войны этого года выясняются из жития Христа ради юродивого Лаврентия Калужского. Враги пришли к Калуге в мае 1512 года. Во время нападения подвижник вбежал в княжеский терем и потребовал топор, чтобы защитить попавшего в беду князя Семена Ивановича. В это время, находясь со своими воинами на Оке, тот бился на корабле с татарами, наседавшими отовсюду. Вдруг среди русских воинов появился праведный Лаврентий. В схватке произошел перелом: увидев святого подвижника, русские воины воспрянули духом и одолели врага. Калуга и калужские места были спасены от разорения, а князь Семен, один из братьев Василия III – от неминуемой гибели. Благодарный князь после этого основал к северо-западу от Калуги обитель Рождества Христова, где в 1515 году нашел место своего упокоения святой Лаврентий[256].

Как выяснилось позднее, все три татарских набега были совершены по тайным «наводам» литовской стороны. В числе других причин это обстоятельство привело к началу самой длительной в то время русско-литовской войны 1512–1522 годов. Вести эту тяжелую кампанию Москве приходилось с постоянной оглядкой на татарское порубежье. По-видимому, далеко не случайно первый поход на Смоленск состоялся зимой 1512/1513 года. Василий III пытался использовать затишье на крымской «украине» и добиться быстрой победы над Литвой. Его планы не оправдались, и в конце февраля московские рати отступили. 17 марта 1513 года великий князь и бояре приняли решение о подготовке нового похода к Смоленску, который должен был

состояться летом этого же года. На сей раз предстояло учесть фактор возможной татарской агрессии. Для «украинного береженья» на южной границе встали: в Туле (впервые в построенной здесь крепости) полки князя А. В. Ростовского, М. Ю. Захарьина и князя И. М. Воротынского, на Угре – князей М. И. Голицы Булгакова и И. Ф. Овчины Телепнева (из состава этой рати был выделен большой отряд под командованием князей И. Ф. Ушатого и С. Д. Серебряного, направленный под Стародуб для прикрытия Северской земли). Несмотря на принятые меры, татарам и присоединившемуся к ним литовскому войску все же удалось прорваться к черниговским, новгород-северским, путивльским, брянским и стародубским местам[257]. Это обстоятельство задержало Василия III в Боровске до 11 сентября 1513 года, когда им были получены достоверные сведения об отступлении крымцев в степь. Только после этого великий князь пошел под Смоленск, взять который опять не смог. Лишь во время третьего похода, 29 июля 1514 года, русские смогли овладеть городом. Однако и тогда произошло отвлечение части московских сил для организации обороны южной границы. Сосредоточенными на этом рубеже войсками командовал удельный князь Дмитрий Иванович Углицкий. Русские полки стояли в Туле и на Угре. Северскую «украину» прикрывали вотчинные армии князей В. И. Шемячича и В. С. Стародубского, осенью 1514 года отразившие нападение на свои земли царевича Мухаммед-Гирея, в войске которого были, кроме татарских воинов, «польского короля воеводы с людьми и пушками и пищалями»[258].

В марте 1515 года крымские и литовские войска повторили нападение на Северское порубежье. Вместе с татарами Мухаммед-Гирея здесь действовали отряды киевского воеводы Андрея Немировича и Евстафия (Остафия) Дашкевича. Крымско-литовская армия безуспешно осаждала города Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, а затем отступила, захватив большой полон. В условиях продолжающейся войны с Великим княжеством Литовским московское правительство попыталось урегулировать этот конфликт мирным путем. Однако смерть Менгли-Гирея, последовавшая 13 апреля 1515 года, еще более осложнила русско-крымские отношения. На ханский престол взошел Мухаммед-Гирей, хорошо известный своим враждебным отношением к Русской Державе, на «украины» которой он не раз ходил походами. В Москве о смерти старого хана и вступлении на престол «сына его болшего» стало известно только 29 мая 1515 года. Встревоженный полученными известиями Василий III уже через день выехал со своими главными воеводами в Боровск,

лежащий неподалеку от крымской «украины» и литовского рубежа. Там и нашел его крымский посол Янчура Дуван[259]. 1 сентября 1515 года он вручил великому князю ультиматум, в котором обещание «дружбы и братства» сопровождалось требованием передать крымскому «царю» северские города: Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Почеп, Карачев и Радогощ. Кроме этого, московской стороне надлежало отпустить в Крым казанского царевича Абдул-Латифа и возвратить Литве Смоленск. Условия ханского «запроса» были неприемлемыми, поэтому Василий Иванович тянул с ответом на него. Только 14 ноября 1515 года в Крым поехал русский посол Иван Григорьевич Меньшой Мамонов. Почти все требования Мухаммед-Гирея были отвергнуты. Посол Василия III соглашался лишь на пожалование Абдул-Латифа одним из московских городов и предлагал хану совместные действия против Литвы[260].

Несмотря на достаточно твердо заявленный отказ подчиниться крымским требованиям, немедленного начала войны с Москвой не последовало. Мухаммед-Гирей попытался использовать русскую помощь в борьбе с Ногайской ордой, но и в этом случае Василий Иванович сумел уклониться от выполнения ханского требования. Отношения двух государств продолжали ухудшаться.

В этот период умножилось число «беш-башей» – мелких татарских набегов; на приграничные русские уезды нападали небольшие крымские отряды, спешившие поскорее захватить «полон» и уйти в степь. Приближение большой войны с Крымом чувствовалось во всем. Отстрочить нападение могла лишь постоянная демонстрация силы и воинского умения ратных сил, сосредоточенных на границе «Поля». С этой задачей до поры до времени русские воеводы справлялись успешно, преследуя и уничтожая небольшие татарские отряды, отгоняя более крупные из них. 13 сентября 1515 года азовский отряд под предводительством Аидышки-мурзы и Айги-мурзы напал на мордовские места, в конце осени – начале зимы следующего года эти же татары снова объявились здесь, охотясь за «полоном» и добычей. Вслед за ними готовился выступить в поход к русским границам «бий Исуп» (Юсуф) с 5-тысячным отрядом. В июне 1516 года на рязанские и мещерские места обрушился сын Мухаммед-Гирея, Богатырь-салтан, на действия которого Москва в резкой форме жаловалась его отцу. Все эти нападения осуществлялись небольшими силами и без официальной санкции хана.

Более масштабным стал поход 1517 года, оплаченный литовским золотом. Впрочем, оказать давление на Москву Крым

вынуждали события в Казани, где умирал хан Мухаммед-Эмин, наследовать которому, по мнению властителей Кырк-Ера, должен был брат, Абдул-Латиф, живший в русской столице под бдительным присмотром многочисленной «почетной» стражи. Выпустить царевича в Крым или Казань московские власти не соглашались, поэтому Мухаммед-Гирей, помимо малоэффективных дипломатических мер, решил оказать на несговорчивого Василия III военное давление. Однако в любом случае Москва не собиралась возвращать Абдул-Латифа живым[261]. Крымское нападение лишь приблизило трагическую развязку этого дела.

О готовящемся вторжении русские власти знали заранее и сумели подготовиться к встрече татарского войска. В набег татар повел Токузак-мурза (в летописи – Токузан-мурза – *В. В.*). С ним были и другие мурзы из влиятельных родов Ширин и Мангыт. Под их командованием находилось до 20 тыс. конных воинов. Ожидая прихода врага, русские полки во главе с воеводами – князьями В. С. Одоевским, И. М. Воротынским и И. В. Телепневым, а также М. Ю. Захарьиным – стояли за Окой в Вошанской области («на Вошани»), под Алексиным. Позже Михаил Юрьевич Захарьин и несколько младших воевод были отозваны с Вошани в Вязьму и Москву. Вероятно, сосредоточенные на границе силы посчитали достаточными и без этих командиров.

Только в августе 1517 года войско Токузак-мурзы перешло русскую границу и «около Тулы и Беспуты начаша въевати». Узнав о нападении татар, воеводы Одоевский и Воротынский направили против них отряд Ивана Тутыхина и князей Волконских «и велели им с всех сторон мешати татаром, да быша не въевали, а сами въеводы поидоша за ними на татар». Даже небольшой русский отряд представлял серьезную опасность для татарского войска, разделившегося на «загоны». Мурзы стали отходить в степь, но «наперед их зайдоша по лесом пешие многие люди украйные да им дороги засекоша и многых татар побиша; а передние люди от воевод (отряд И. Тутыхина – *В. В.*) приспевше конные начаша татар топтати, а пешие люди украйные по лесом их бити, и Божиим поможением татар многых побиша, а иные многие татарове по рекам истопоша., а иных живых поимаша». В этом летописном сообщении чрезвычайно любопытным представляется участие в вооруженной борьбе местного населения («пеших людей украйных»), организованного в отряды, способные нанести серьезный урон многочисленному противнику и оказать тем самым существенную помощь великокняжеским воеводам. Русские полки настигли татар «на Глутне на лесу и по

селом, и по крепостем, и на бродех» и атаковали их. Понеся тяжелые потери, крымцы все же смогли прорваться в степь. В этих боях русским отрядам удалось отбить весь алексинский «полон». Из 20-тысячного татарского войска в Крым вернулось около 5 тыс. воинов: «и те пеши и наги и боси»[262].

Поражение войска Токузак-мурзы вынудило Мухаммед-Гирея временно отказаться от планов подготовки большого похода на Русь. Хан объявил, что мурзы ходили в набег без его ведома, хотя сам недавно грозил Москве. Начать большую войну с Русским государством Мухаммед-Гирею мешали начавшиеся в ханстве усобицы. Против крымского «царя» выступил младший брат – калга (наследник престола) Ахмед-Гирей Кривой, владевший Очаковым. Помимо прочего, он попытался заключить союз с Василием III, обещая ударить по Литве и взять Киев. Ведя с ним переговоры, московский государь в 1516 году предложил передать Ахмед-Гирею Касимов, если тот выедет на Русь. Положение в Крыму стабилизировалось лишь в марте 1519 года, когда мятежный калга погиб, о чем Мухаммед-Гирей не замедлил известить Василия III[263].

Ослабление крымской угрозы позволило Москве провести серию удачных операций в Литве, однако в 1521 году на Русь обрушилось одно из самых страшных татарских нашествий XVI века. Причиной очередного осложнения отношений с Крымом вновь стала ситуация в Казанском ханстве.

После смерти Мухаммед-Эмина русскому правительству удалось посадить на казанский престол касимовского «царевича» Шах-Али. 6 января 1519 года в Казани побывали дворецкий Михаил Юрьевич Захарьин и дьяк Иван Телешов, добившиеся согласия мурз принять из рук Москвы нового хана. Обратно посольство вернулось в сопровождении мурзы Абибазея, князя Булата из рода Ширин, «князя земского» Шайсупа и бакшея Базюки. 1 марта 1519 года Шах-Али и послы дали Василию III клятву верности «за всех людей Казанские земли», а 8 марта отправились в Казань в сопровождении князя Д. Ф. Бельского, М. Ю. Захарьина и И. Телешова. В апреле этого же года тринадцатилетний Шах-Али взошел на престол. Город и все ханство согласились принять избранника Москвы без войны. Следует отметить, что новый хан стал править Казанской землей, во всем слушаясь находившегося при нем русского посла, сына боярского Василия Юрьевича Бушму Поджогина.

Восстановление русского протектората вызвало резкое неприятие у огланов и мурз, стремившихся к союзу с Крымом, власти которого законным наследником Казанского юрта считали Сагиб-Гирея (Сахиб-Герая), сводного брата умерших к тому

времени Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа. На руку им сыграла явная непопулярность Шах-Али среди простого народа, отмеченная еще Сигизмундом Герберштейном. Имперский дипломат отметил, что на престоле Шах-Али пробыл лишь 4 года (в действительности – 3 года), «встречая в своих подданных сильную ненависть и отвращение к себе. Это усиливалось еще от безобразного и слабого телосложения, ибо он был человек с выдающимся брюхом, с редкой бородою и почти женским лицом; все это показывало, что он отнюдь не пригоден к войне. Вдобавок к тому же, он презрел и пренебрег расположением своих подданных, был более надлежащего предан государю Московскому и полагался на иноземцев более чем на своих». Таким образом, в Казани возник заговор, во главе которого встал оглан Сиди, отправивший царевичу Сагиб-Гирею в Бахчисарай приглашение занять казанский трон, выступив против Шах-Али и русских. В апреле 1521 года Сагиб-Гирей подошел к Казани с небольшим отрядом Мертек-мурзы, насчитывавшим всего 300 воинов. Но при его приближении в городе вспыхнуло подготовленное «князями коромольниками» восстание. Находившийся в Казани русский отряд (ок. 1000 чел.) и касимовская гвардия хана (5000 чел) были перебиты, великокняжеский посол В. И. Бушма Поджогин и русские купцы задержаны, Шах-Али с гаремом и немногими слугами изгнан. В мае 1521 года Шах-Али оказался в Москве, где ему устроили торжественную встречу. В кормление хан-изгнанник получил Каширу и Серпухов Сагиб-Гирей являлся полной противоположностью Шах-Али, воплощая идеал казанцев о мужественном и воинственном правителе, непоколебимом враге «гяуров». Оказавшись на престоле, он объявил войну Московскому государству. Новый хан договорился о совместных действиях со старшим братом, крымским «царем» Мухаммед-Гиреем, поднявшим свои войска в поход на Русь. К участию в военных действиях Гиреи попытались привлечь и Хаджи-Тархан (Астраханское ханство), однако правивший там хан Джанибек отверг это предложение.

О приближении большой войны в Москве знали и срочно выдвинули к южным границам войска[264]. Во главе полков, вставших в Серпухове, находились князья Дмитрий Федорович Бельский и Василий Васильевич Шуйский, Иван Григорьевич Морозов-Поплевин. Каширской ратью командовали князья Иван Данилович Хомяк Пенков и Федор Васильевич Лопата Оболенский. Тарусу прикрывало войско князей Михаила Даниловича Щенятева и Ивана Михайловича Воротынского. В Коломне стояли отряды князя Юрия Андреевича Хохолкова и

Никиты Михайловича Кутузова-Клеопина. На Угре должны были обороняться полки кн. Василия Семеновича Одоевского, князя Семена Дмитриевича Щепина Оболенского и Андрея Никитича Бутурлина. На восточном рубеже войска под командованием князя Петра Дмитриевича Ростовского и Михаила Семеновича Воронцова встали в Мещере. Неподалеку от них, на реке Мокше, находились с полками князья Иван Михайлович Троекуров и Василий Александрович Ковер Кривоборский, в Муроме – князья Юрий Дмитриевич Пронский, Иван Иванович Щетина Оболенский, окольничий Андрей Васильевич Сабуров, в Нижнем Новгороде – князь Андрей Дмитриевич Курбский и Федор Юрьевич Щука Кутузов. Войска, сосредоточенные в Рязани, подчинялись рязанскому наместнику Ивану Васильевичу Хабару Симскому. Отряд князя Ивана Шамина был выдвинут к Стародубу[265].

Однако выбранная русскими воеводами тактика пассивной обороны на рубежах не помогла – слишком значительными были силы врагов. Наиболее уязвимым стало Московское направление, где наступал крымский хан Мухаммед-Гирей, к которому присоединились многие ногайские мурзы и литовский воевода Евстафий Дашкевич, староста Черкасский и Каневский со своими казаками[266]. Пройдя Муравским шляхом между верховьями Ворсклы и Северского Донца, 100-тысячное крымско-литовско-казацкое войско достигло Быстрой Сосны. Затем, обходя Тулу, где уже был поставлен каменный кремль, оно повернуло к границам Рязанской земли. Именно здесь неприятельская армия вторглась в русские пределы и, не останавливаясь, двинулась дальше. 28 июля 1521 года главные силы врага подошли к реке Оке в окрестностях Коломны, где никто не ожидал их появления. Татары «перелезли» Оку, вынудив находившийся в Коломне небольшой русский гарнизон под командованием князя Ю. А. Хохолкова укрыться в крепости. Подоспевшие с большим опозданием к месту переправы от Серпухова и Каширы великокняжеские полки были – по-видимому, поодиночке – разбиты находившейся уже на московской стороне Оки огромной татарской армией. О тяжелых потерях, понесенных русскими войсками в этих боях, свидетельствует гибель воевод Ивана Андреевича Шереметева, кн. Владимира Михайловича Карамышева Курбского, Якова Михайловича и Юрия Михайловича Замятниных и пленение князя Федора Лопаты Оболенского[267]. Командующим выдвинутой в южные города армией был молодой князь Дмитрий Бельский, который не прислушивался к советам находившихся у него в подчинении старых опытных воевод и бросал полки в бой на переправах без

всякой надежды на успех.

После поражения русские войска отошли и укрепились в ближайших городах, а победители принялись разорять коломенские места, не торопясь двигаться дальше. Мухаммед-Гирей дожидался подхода казанского войска Сагиб-Гирея, также сумевшего прорваться через границу, разорившего Нижний Новгород и окрестности Владимира и шедшего к назначенному месту встречи – Коломне.

Соединившись, татарские войска стали выдвигаться в направлении Москвы. В этот грозный час Василий III поспешил покинуть столицу и ушел в Волоколамск (возможно, через село Микулино), оставив вместо себя зятя, Петра Ибрагимовича, крещенного татарского царевича Худай-Кула, получившего полномочия начать переговоры с крымским ханом[268].

Войска противника появились в окрестностях Москвы 1 августа. Они не спешили начинать осаду хорошо укрепленного города. Ставка Мухаммед-Гирея находилась на реке Северке, в 60 верстах от русской столицы. Сам хан не приближался к ней, однако вражеские отряды широко разошлись по окрестным местам. Военными действиями в непосредственной близости от Москвы командовал «царевич» Бахадыр-Гирей (Богатырь-Салтан), ставший лагерем в княжеском селе Острове. Татарские отряды захватили Николо-Угрешский монастырь «и много сел и деревнь пожгли, и коширский посад пожгли. И людей много и скоту в полон поведошя безчисленно»[269]. Просьба московских бояр начать мирные переговоры была воспринята ханом как капитуляция. Поэтому и главное требование, предъявленное русской стороне, заключалось в даче Василием III грамоты с обязательством быть вечным данником крымского «царя». По сути, речь шла о возрождении системы внешнеполитической зависимости по «уставу древних времен», то есть по золотоордынскому образцу. Тем не менее, московские власти вынуждены были удовлетворить требования крымского хана и отослать к нему заверенный Василием III документ.

Получив грамоту, Мухаммед-Гирей, находившийся все дни, пока шли переговоры, в лагере между реками Северкой и Лопасней, 12 августа 1521 года «пошел из земли назад». На обратном пути татарское войско подошло к Переяславлю-Рязанскому (Рязани). Хан по совету литовского воеводы и казачьего командира Евстафия Дашкевича решил хитростью овладеть городом. Став в окрестностях Переяславля лагерем, крымский «царь» предложил горожанам выкупить часть полоняников[270]. Рязанскому наместнику Ивану Васильевичу Хабару Симскому был послан приказ явиться к хану с

выражением покорности, как того требуют даннические обязательства его государя, московского князя Василия III, признавшего зависимость от крымского «царя». Отказавшись покинуть крепость, Хабар Симский потребовал показать грамоту и действительно получил ее. Тем временем, татары и литовцы, решившие овладеть Переяславлем-Рязанским во время очередного выкупа пленных, бросились к оставшимся открытыми городским воротам. К счастью, командовавший рязанской артиллерией немец Иоганн Иордан не потерял бдительности. Залп из поставленных за воротами орудий остановил атакующих и обратил их в бегство. После этой неудачи хан был вынужден отойти от Рязани, оставив в руках наместника выданную ему прежде великокняжескую грамоту.

Отступление крымцев объяснялось не только неудачей приступа к Рязани. Мухаммед-Гиреем были получены сведения о нападении трех астраханских отрядов («станиц») на его юрт. И хотя численность нападавших была невелика – всего 580 человек, они устроили за Перекопом настоящий погром, «поимав» и скот и «ясырь». Уцелевшие татары вынуждены были искать спасения в Кафе и других городах полуострова[271].

Несмотря на отступление врага и возвращение даннического обязательства, Московское государство находилось в крайне тяжелом положении. Земли к югу и востоку от Москвы были разорены, девятый год длилась трудная война с Литвой. В этих условиях повторение крымского и казанского нападения могло иметь катастрофические последствия для Руси. Необходимо было как можно быстрее завершить войну на западе и усилить оборону на юге и востоке страны. Одной из первых мер, призванных укрепить вооруженные силы, стало наказание допустивших «оплошку» воевод. При этом истинная степень вины, по-видимому, никого не интересовала. Опала, правда, достаточно легкая и непродолжительная, постигла наиболее опытных и заслуженных воевод. Более важной задачей стала организация надежной обороны южного рубежа. Ею занялся сам Василий III, в мае 1522 года выступивший к расположенным в Коломне войскам. Ошибки прошлого были проанализированы и учтены. Великий князь увеличил количество войск, привлекаемых к защите южных «украин». Полки стали ставить не только по «Берегу», а по всей южной границе, прикрывая самые опасные участки: Большой полк расположился под Коломной, у знаменитого Девичьего поля, где некогда Дмитрий Донской собирал рати, идя на Мамая. Передовой полк встал в устье реки Осетр, Полк правой руки – под хорошо укрепленным

Богоявленским Голутвиным монастырем, Полк левой руки – напротив Ростиславля[272], Сторожевой полк – на Кашире. Тогда же начаты были организация сторожевых застав, выдвинутых в степь в направлении Азова и по южным границам Северской «украины», и строительство укреплений по линии будущей Большой засечной черты.

Присутствие на границе большой армии, усиленной переброшенными из-под Вязьмы полками, призвано было если не остановить, то задержать противника, сковать его боем у южных и приокских городов. Впрочем, Мухаммед-Гирей не собирался повторять удачный прошлогодний поход. Тем более, что его гарантированно готова была встретить вся русская армия, не связанная теперь войной на западных рубежах – 14 сентября 1522 года было подписано перемирие между Москвой и Литвой. Для крымского хана вновь на первый план вышло стремление окончательно решить астраханский вопрос. Собрав войска, Мухаммед-Гирей в декабре 1522 года двинул их на Хаджи-Тархан (Астрахань), где после смерти хана Джанибека установился период безвластия. С властителем Перекопского юрта шли и ногаи, которыми предводительствовал Мамай-мурза (мирза Мамай). Мухаммед-Гирей спешил воспользоваться удачной ситуацией и овладеть Нижним Поволжьем. Весной 1523 года его войска без боя захватили город, изгнав нового хана Хусейна, еще не утвердившегося в Хаджи-Тархане[273]. Но на сторону астраханцев перешли ногаи (мангыты), подозревавшие Мухаммед-Гирея в желании подчинить своей власти все степные народы. В том же 1523 году ногайское войско Мамай-мурзы и Агиш-мурзы напало на лагерь крымского хана, с которым оставалось 3 тыс. воинов[274]. Во время сражения перекопский «царь» и его сын, «царевич» Бахадыр-Гирей, погибли. Неожиданное нападение союзников и гибель предводителей вызвали беспорядочное и паническое бегство уцелевших татар. Затем уже опустошительному набегу Ногайской орды подвергся и Крымский полуостров. Там после ухода войск Мамая и Агиша уцелели только города и крепости, которых мангыты брать не умели. В плен к ногаям попали четыре крымских царевича. Обстановка стабилизировалась лишь летом-осенью 1523 года, когда новым ханом при поддержке турецкого султана Сулеймана I стал Саадет-Гирей (прибыл из Стамбула в Кафу в начале июня 1523 года). Новому владыке Кырк-Ера пришлось восстанавливать разрушенное врагом государство, строить новые укрепления на Перекопе, на время забыв о походах на Русь[275].

У Московского государства остался один противник, очень упорный и опасный, – казанский хан Сагиб-Гирей. В начале осени

1522 года он направил отряды подвластных татар и луговых марийцев на Галицкую землю. 15 сентября войска противника напали на стоявшую в городке Парфеньеве на реке Неи русскую заставу и перебили ее, а 28 сентября другой неприятельский отряд захватил обитель в Унже (Желтоводский Макарьево-Унженский монастырь). Начавшиеся после этого московско-казанские переговоры закончились неудачей. Раздосадованный Сагиб-Гирей весной 1523 года приказал казнить захваченных во время переворота 1521 года русских купцов и великокняжеского посланника – В. Ю. Бушму Поджогина. Однако время для показательных расправ было выбрано явно неудачно. Вскоре после казни русских пленников хан узнал о разгроме и гибели своего брата Мухаммед-Гирея, разорении Крыма ногайцами. Казанское ханство оказалось один на один с двумя сильными врагами – Московским государством и Ногайской Ордой.

Опыт неудачных казанских походов первых лет правления Василия III вынуждал его действовать наверняка. В августе 1523 года в Нижнем Новгороде собрали большое войско, но прибывший туда великий князь не собирался рисковать и ограничился отправлением на Казань лишь части собранных полков под командой Шах-Али. По-видимому, поход призван был отвлечь силы татар от главного замысла русских воевод, заключавшегося в возведении на неприятельской территории нового опорного пункта, призванного обезопасить Нижегородский край от татарских вторжений.

Обе части великокняжеской армии действовали достаточно оперативно и согласованно. В сентябре 1523 года русские войска, перейдя пограничную реку Суру, вторглись на территорию Казанского ханства. Судовая рать, при которой находился Шах-Али, разорила черемисские и чувашские селения по обеим берегам Волги и дошла до предместий Казани. Затем, выполняя наказ великого князя, воеводы сразу же повернули назад. Конная рать, дойдя до реки Свияги, встретилась на Итяковом поле с вражеским войском и атаковала его. Татары, не выдержав удара поместной конницы, бежали; многие из них утонули в реке. Обезопасив себя от внезапного нападения, победители 1 сентября 1523 года начали возведение новой русской крепости. Строили ее на правом, казанском, берегу Суры, в месте впадения в Волгу. Согласно преданиям, крепость была построена на месте марийского поселения Цепель. Одновременно к присяге великому князю Василию III привели местных жителей – марийцев, мордву, чувашей; тысячи из них отправили на Русь в качестве заложников и пленных. Новую крепость назвали в честь правящего великого князя Васильгородом (современный поселок Васильсурск)[276].

Там был оставлен сильный гарнизон. Тем временем, хан Сагиб-Гирей лихорадочно пытался перехватить инициативу. 17 октября 1523 года он совершил новый большой поход на Галич. После неудачного штурма города и непродолжительной осады войско татар и подвластных им марийцев отступило, уводя множество пленных и разорив окрестные селения. Опасаясь ответного удара, Сагиб-Гирей направил в Крым к брату Саадет-Гирею посла, просившего прислать в Казань пушек, пищалей и янычар.

Предположение казанского «царя» о должном последовать возмездии оказались верными. В ответ на дерзкое нападение на Галич московские власти стали готовить поход русских войск на Казань. Во главе армии был поставлен «царь Шиголей». При нем находились воеводы Иван Федорович Бельский, Михаил Васильевич Горбатый-Шуйский и Михаил Юрьевич Захарьин, которые возглавляли Большой полк судовой рати и командовали всем русским войском. Действовавшей самостоятельно конной ратью командовали воеводы Иван Васильевич Хабар Симский и Михаил Семенович Воронцов. Вместе с ними в поход должны были идти особо доверенные лица великого князя – Иван Юрьевич Шигона Поджогин, дьяк Афанасий Курицын[277]. Первый из них имел скромный чин «сына боярского», но с весомым добавлением «который у государя в думе живет». Это был брат казненного в Казани посланника Василия Бушмы Поджогина, при этом – один из самых близких к Василию III его слуг.

В поход судовая рать выступила 8 мая 1524 года (за неделю до Троицына дня)[278], конная рать – 15 мая (на Троицын день). Международная обстановка складывалась очень удачно для задуманного нападения на Казанский юрт. В это время уже началось наступление на Крым 80-тысячной польско-литовской армии, захватившей Очаков. Узнав о затруднительном положении крымского хана Саадет-Гирея и начавшемся русском походе, Сагиб-Гирей покинул Казань и бежал в Крым, чтобы, пробравшись в Турцию, просить помощи у султана. Но Саадет-Гирей приказал арестовать бежавшего перед врагом брата, назначив на его место своего 13-летнего племянника Сафа-Гирея.

Русская судовая рать высадилась под Казанью 3 июля 1524 года. Полки «стали на Цареве лугу обострожився» и, не начиная осады, принялись ждать подхода конной рати. Казанцы, опасавшиеся соединения двух армий, 19 июля атаковали укрепившееся в остроге московское войско. Получив жестокий отпор, они продолжали блокировать не имевших конницы русских воинов в их лагере, время от времени, повторяя нападение. Обстановка осложнилась, так как в войске Шах-Али и князя Ивана Федоровича Бельского стали заканчиваться

продовольственные запасы. На помощь им из Нижнего Новгорода выступила вторая судовая рать князя Ивана Федоровича Щереды (Череды) Палецкого, имевшего под своим командованием 90 речных кораблей. На каждом струге находилось по 30 русских воинов. По-видимому, резервная флотилия была приготовлена заранее с целью доставки продовольствия для стоявшей под Казанью армии – на случай, если осада города затянется. По берегу судовую рать сопровождал конный отряд из 500 воинов. Узнав о движении русских кораблей, черемисы подготовили засаду. Первым был уничтожен конный отряд, из состава которого спаслось лишь 9 человек. Затем, во время ночной остановки, противник атаковал флотилию князя Палецкого. Большинство русских воинов погибло или попало в плен. Лишь немногие корабли, среди них – струг воеводы Палецкого, ушли и смогли добраться до лагеря Шах-Али и Бельского под Казанью[279].

Положение спасли полки Ивана Хабара Симского и Михаила Воронцова, прорвавшиеся к Казани в конце лета. 24 августа во главе идущей сухим путем конной рати на том же Итяковом поле у реки Свияги они вступили в сражение с татарской армией. В жестокой сече русские воины «многых князей, и мурз, и татар, и черемису, и чювашу избиша, а иных князей и мурз многых живых поимаша»[280].

После победы на Итяковом поле все русские полки соединились и продолжили осаду Казани. Однако сколько-нибудь заметных успехов воеводам добиться не удалось. Оставшиеся вне крепости татарские отряды совершали частые и неожиданные нападения на расположение русских войск. Московская армия находилась в постоянной, изматывающей простых воинов готовности к отражению новых атак. Вскоре, осознав бесплодность своих усилий, воеводы начали переговоры с татарами, согласившись снять осаду в обмен на обещание прислать казанских послов в Москву для заключения мира[281].

Поспешное отступление русских войск стало спасительным для Казанского ханства. Вскоре после их отхода на территорию этого государства вторглись ногайские отряды, разорившие южные пределы. Правительство юного хана Сафа-Гирея было остро заинтересовано в установлении мира с Русской Державой. В ноябре 1524 года в Москву прибыли казанские послы Аппай-улан и князь Бахты-Кият. Перего воры закончились успешно, и стороны заключили договор, единственным условием которого стал перевод на русскую территорию Казанской ярмарки, проводившейся ежегодно 24 июня. В 1525 году она открылась уже в Нижнем Новгороде. Торговый оборот волжской ярмарки

значительно упал, что сказалось на прибылях русских и восточных купцов, однако еще больший урон понесло Казанское ханство, богатевшее на транзитной волжской торговле.

Отношения Москвы с Крымом оставались напряженными, но больших походов на Русь хан организовать не мог из-за постоянных усобиц в роду Гиреев. Сорванным оказался уже подготовленный поход 1525 года, когда Саадет-Гирей, двинувшийся к московским рубежам с 50-тысячной армией «царь», уже за Перекопом узнал о мятеже, вновь поднятом одним из его братьев, Ислам-Гиреем, поэтому принужден был прекратить поход и вернуться назад. Та же история повторилась в 1526 году[282]. В Москве постарались воспользоваться усобицами в стане врага и продолжали укреплять южную границу. Сначала в Коломне, а затем в Зарайске начинается строительство каменных крепостей, призванных стать надежным щитом против будущих татарских вторжений.

Первое после трагического 1521 года испытание на прочность русской обороне предстояло осенью 1527 года, когда на Русь двинулся «царевич» Ислам-Гирей. К его войску со своими отрядами присоединились «Магмед-Киреев сын, да Юсюп царевич Епанчин сын, да два царевичи Ахмата Хромого дети, да Бахтиязыр мурза, Кайдекеш мырза и иные многие мырзы». Всего в поход выступило 40 тыс. крымских татар. В Москве о начавшемся походе узнали 4 сентября из полученного достоверного донесения: «пришла весть прямая», что «Ислам идет к Ростиславлю и Оку реку хочет лести под Ростиславлем»[283]. На следующий день великий князь Василий III «отпустил» на Коломну передовые войска во главе с воеводами Федором Васильевичем Лопатой Телепневым и Иваном Федоровичем Овчиной Телепневым. Вслед за ними выступили другие военачальники со своими полками. На этот раз русские воеводы не «оплошали» и в «Ысламов приход» под Ростиславлем уже стояли полки кн. В. С. Одоевского, Ивана Ивановича Щетины Оболенского, уже упомянутых князей Ф. В. Лопаты Телепнева и И. Ф. Овчины Телепнева, князей Василия Ивановича Репнина-Оболенского и Никиты Дмитриевича Щепина. В сход к этим воеводам пришли с Каширы полки князей Федора Михайловича Мстиславского, Федора Васильевича Овчины Телепнева и Петра Федоровича Охлябинина. Сверхнадежно от возможного нападения была прикрыта казанская «украйна» – войска стояли в Муроме (князь В. В. Шуйский), Нижнем Новгороде (князь С. Ф. Курбский), Костроме (князь М. Д. Щенятев) и Чухломе (князь Д. В. Марамук Несвицкий). Население, жившее в окрестностях русских городов, расположенных на пути

следования вражеских войск, было собрано в осаду. Спешно укреплялась Москва.

Великий князь с резервными войсками стал лагерем в селе Коломенском, затем также выступил к Оке. Впрочем, подкрепление не понадобились – «перелезть» Оку Ислам-Гирею не дали. 9 сентября татары подошли к реке и попытались переправиться через нее. Однако русские войска «с Ысламом с царевичем билися и стрелялися об реку от утра и до вечера. И от Берега татар отбили и многих татар в реце побили». Вслед начавшим отход крымцам были высланы конные полки, у Зарайска настигшие противника. В произошедшем на реке Осетр сражении татары были разбиты. В числе пленных оказался крымский «великий человек» – мурза Янглич. 8 октября 1527 года войска Ислам-Гирея, преследуемые русскими и деморализованные поражением, стали поспешно уходить за Дон. Следствием победы над татарами стала показательная казнь находившегося в Москве посла Саадет-Гирея Чабыка, утопленного в реке по приказу Василия III[284].

Положительный опыт кампании 1527 года был использован в дальнейшем. Полки продолжали ставить в Коломне, Кашире, Серпухове, Рязани, Туле, на опасном «Сенкином броде» напротив устья Лопасни выше Серпухова, усиливая их в момент наибольшей угрозы. В июле 1529 года, помимо указанных городов, крепкие заставы поставили «против устья Осетрьскаго» (Иван Федорович и Семен Федорович Бельские), «против Ростиславля» (князь Михаил Иванович Кубенский Заозерский), «под Бачмановым на Московском устье» в окрестностях Коломны (Василий Андреевич Шереметев). В 1530 году к перечисленным местам дислокации русских войск прибавились военные лагеря «против Люблина», где стоял воевода Федор Семенович Воронцов, «под Окатовым» (князь Роман Иванович Одоевский), «против Колычевского острова» (князь Иван Федорович Тать Хрипунов-Ряполовский). В 1530–1531 годах были построены новые деревянные крепости в Чернигове и Кашире, завершено строительство каменных цитаделей в Коломне и Зарайске. Столь надежного рубежа на южной границе Русское государство прежде не имело. Укрепив оборону на крымской «украйне», Василий III вновь попытался разрешить продолжавший беспокоить его казанский вопрос.

Войны московского государства с Казанью и Крымом в 30 – 40-х годах XVI века

Причиной нового обострения русско-казанских отношений

стали «нечесть и срамота», учиненные ханом Сафа-Гиреем русскому послу Андрею Федоровичу Пильемову весной 1530 года. Нанесенное оскорбление (в чем оно состояло, летописец не уточнил) окончательно переполнило чашу терпения московских властей, решивших предпринять еще одну попытку возвращения Казани под свою власть. Надежно прикрыв южную границу, Василий III в мае 1530 года, действуя по уже не раз использованному сценарию, двинул на Волгу две рати – судовую и конную. Судовой ратью командовали воеводы Иван Федорович Бельский и Михаил Васильевич. Горбатый-Шуйский. Конную рать на Казань повели Михаил Львович Глинский и Василий Андреевич Шереметев.

По-видимому, оскорбление русского посла было тщательно спланировано, так как казанцы хорошо подготовились к войне. На помощь им пришли ногайское войско Мамай-мурзы и астраханские отряды князя Яглыча (Аглыша). Под Казанью, на реке Булак, был построен острог, призванный затруднить действия московских воинов в случае осады и возможного штурма города.

Судовая рать проделала путь до Казани без особых затруднений. Конные полки, разбив пытавшихся помешать им татар в нескольких небольших стычках, также благополучно «перевезлися» через Волгу. 10 июля они соединились на казанской стороне реки с войском И. Ф. Бельского и М. В. Горбатого. В ночь на 14 июля полк Ивана Федоровича Овчины Оболенского штурмом овладел построенным «на Булаке» острогом, где погибла большая часть его защитников, в том числе ханский аталык (воспитатель) Талыш.

Первый успех русских и начавшаяся бомбардировка города встревожила горожан. Многие из них стали требовать прекращения борьбы и начала переговоров с Москвой. В этой обстановке хан Сафа-Гирей предпочел бежать из Казани. Но русские воеводы не спешили начинать решительный штурм крепости, где почти не осталось защитников, выясняя между собой, кому первому надлежит вступать в город. Неожиданно разразившаяся буря спутала их планы. Воспользовавшись замешательством в неприятельском стане, казанцы устроили внезапную вылазку и нанесли поражение русскому войску. Летописец записал: «В те поры туча пришла грозна и дождь был необычен велик, и который был наряд пищали <…> привезен на телегах на обозных к граду, а из них было стрелять по городу, и посошные и стрельцы (в данном случае, пушкари – *В. В.*) те пищали в тот дождь пометали, и казанцы, вышед из города, и поимали тот весь наряд»[285]. Была захвачена часть артиллерии

московской армии – 70 пушек-пищалей и «гуляй-город», где должны были установить эти орудия. В бою погибли 5 русских воевод, в их числе князь Федор Васильевич Лопата Оболенский[286].

Опомнившиеся русские воины под командованием князя Ивана Федоровича Бельского возобновили обстрел города, но уже без особого успеха. 30 июля 1530 года осада была снята. Московское войско отступило за Волгу и 15 августа ушло к своим границам. Виновным в неудачном исходе этого похода признали Ивана Федоровича Бельского. Он был приговорен к смертной казни, но затем помилован благодаря заступничеству митрополита Даниила. Провинившийся воевода попал в тюрьму, где находился до смерти Василия III.

Еще до возвращения бежавшего в Хаджи-Тархан (Астрахань) Сафа-Гирея казанские князья и мурзы были вынуждены начать переговоры с Русской Державой о принесении ими шертной присяги Василию III. Осенью 1530 года в Москву прибыло татарское посольство во главе с князьями Табаем и Тевекелем и бакшей Ибрагимом. От имени хана они просили, чтобы великий князь «пожаловал <…> Сафа Киреа царя братом и сыном его себе учинил, а царь хочет быти в государьской воле, и князи и всей земли Казанской люди <…> служити вперед хотят прямо и неотступными быти всею землею Казанскою до своих животов и их дети»[287]. Послы дали Василию Ивановичу шертную запись, пообещав, что она будет подтверждена Сафа-Гиреем и всеми казанскими князьями и мурзами.

В Казань срочно отправился русский посол Иван Васильевич Полев, который должен был привести власти ханства к шертной присяге и потребовать возвращения пленных и захваченного во время последнего похода «наряда». Однако 26 марта в Москву прибыл сын боярский Сура Нехаев, сообщивший об отказе Сафа-Гирея утвердить данную Табаем и Тевекелем присягу. Переговоры возобновились. Не прекращая их, Сафа-Гирей затягивал время и выдвигал все новые требования к Москве. В то же время его послы в Крыму упорно добивались от Саадет-Гирея поддержки в борьбе с Московским государством. Оказать действенную помощь племяннику перекопский «царь» не мог, но атмосфера на южной «украине» стала накаляться. В феврале 1531 года по прямому указанию Саадет-Гирея произошло нападение «крымских людей» на одоевские и тульские места[288].

В ходе продолжавшихся переговоров московские дипломаты сумели привлечь на свою сторону послов Табая и Тевекеля, с помощью которых русские власти наладили контакты с самыми влиятельными в Казани князьями – Кичи-Али (Качигалеем) и

Булатом. Осознавая бедственное положение Казанского ханства, разоренного десятилетием непрерывных войн с Москвой, они видели, что непримиримая и лукавая политика Сафа-Гирея, окружившего себя крымскими и ногайскими советниками, неизбежно влечет за собой новые русские вторжения. Чашу терпения партии сторонников мира с Русской Державой переполнила задуманная ханом расправа с русскими посланниками. Узнав о готовящемся аресте и казни всего состава посольства во главе с Иваном Васильевичем Полевым, ряд мурз и уланов воспротивился решению Сафа-Гирея. Они не дали арестовать и казнить И. В. Полева, понимая, что это чревато новой истребительной войной с Москвой. По сообщению Воскресенской летописи, «Качигалей мурза, и Булат князь в головах, и уланы, и князи, и сеиты, и мурзы и всей земли Казанские люди съвокупишася в едино место и убити [московского посла] не дали, а Сафа Киреа царя по великого князя наказу ис Казани выслали, и царевых советников крымцов и нагай, а иных побили»[289]. В мае 1531 года весть об этом событии уже пришла в Москву.

Василий III планировал поставить на освободившийся престол хана Шах-Али. Однако новое казанское правительство во главе с сестрой умершего хана Мухаммед-Эмина, царевной Ковгар-Шад (по русским летописям – Горшедна), и князьями Кичи-Али и Булатом, отказалось принять непопулярного в татарской среде правителя, испросив себе ханом младшего брата Шах-Али, пятнадцатилетнего Джан-Али (Яналея). 29 июня 1531 года он был возведен на престол и принес клятву на верность русскому государю. Таким образом между Московским государством и Казанским ханством был установлен прочный мир и тесный союз, продержавшийся до смерти Василия III.

* * *

На крымской границе в начале XVI века сохранялось относительное спокойствие, изредка нарушавшееся нападениями небольших татарских отрядов. Однако охране южной «украйны» продолжало уделяться особое внимание. Малейшая тревога на границе вызывала быстрые ответные действия русских войск. Так случилось в 1532 году, когда «февраля в 20 день приходили крымские люди на одоевские места и на тульские». Набег возглавил «царевич» Бучак, он был направлен на Русь Саадет-Гиреем после обращения за помощью казанского хана Сафа-Гирея. Неожиданным это нападение не стало – в Туле была

сосредоточена мощная группировка из 5 полков во главе с воеводами: князем Иваном Михайловичем Воротынским и Иваном Васильевичем Ляцким, а затем князьями Василием Андреевичем Микулинским и Александром Васильевичем Кашиным[290]. Татары напали небольшими силами и, разорив несколько селений на границе, сразу же ушли обратно, не вступая в бой с московскими полками.

В мае 1532 года были получены сведения о подготовке нового нападения: «прииде к великому князю Василью весть ис Крыму, что крымской царь копитця со многими людьми с похвалою, хочет идти на великого князя украину». На защиту южного рубежа, в дополнение к стоящим там полкам, выслали новые войска – в Коломну на «Берег» – князей Ивана Федоровича и Семена Федоровича Бельских, князя Михаила Васильевича Горбатого-Шуйского и Михаила Семеновича Воронцова, «а с ними княжат и дворян своего двора и детей боярских из многих городов безчислено много. А наряд был великой: пушки и пищали изставляны по Берегу на вылазе от Коломны до Каширы, и до Сенкина, и до Серпухова, и до Колуги, и до Угры, добре было много, столько и не бывало»[291]. Однако в 1532 году большого нападения на русские «украйны» так и не произошло.

Ситуация осложнилась спустя год. Вражда двух братьев, Саадет-Гирея и Ислам-Гирея, неожиданно завершилась победой Сагиб-Гирея, который при поддержке турецкого султана стал новым крымским «царем»[292]. 12 или 14 августа 1533 года в Москве было получено известие о начале похода на Русь 40-тысячного крымского войска. Вели его «царевичи» – Ислам-Гирей и Сафа-Гирей, бывший казанский «царь», живший в изгнании в Крыму. Московские власти, сознавая опасность близящегося вторжения, начали принимать экстренные меры по защите своих приграничных владений.

Сам Василий III встал с резервными войсками в селе Коломенском, направив к Коломне рать под командованием князей Дмитрия Федоровича Бельского и Василия Васильевича Шуйского и других воевод. 18 августа 1533 года туда же выступили полки князей Федора Михайловича Мстиславского, Петра Ивановича Репнина и Петра Федоровича Охлябинина. Из Коломны против татар, бывших в «разгонех», послали отряды «лехких воевод» – князей Ивана Федоровича Овчины Телепнева, Дмитрия Федоровича Щереды Палецкого, Дмитрия Юрьевича Друцкого.

Опыт прошлого поражения и полученные от пленных сведения об укреплении «Берега» вынудили крымских царевичей нанести удар в другом направлении. 15 августа 1533 года

великий князь получил известие о приходе татар под Рязань. Крымцы выжгли посады, «приступали» к крепости, но «града не взяли». Рязанская земля подверглась опустошению: татарские загоны прошли по окрестностям города, пленив не успевших скрыться жителей.

Первым в район действий татарских загонов вышел полк «лехкого воеводы» князя Дмитрия Щереды Палецкого. У села Беззубово, в 10 верстах от Коломны, он «потоптал» разбойничавший там татарский отряд, а пойманных «языков» отослал к великому князю. Затем к месту боев вышли другие легкоконные полки, также атаковавшие крымские отряды. Встретив серьезный отпор, татарские загоны отошли к своим главным силам и, соединившись, нанесли ответный удар по русским полкам, командование над которыми принял князь Иван Федорович Овчина Телепнев. После тяжелого боя русские воины вынуждены были отступить. Предводители крымчан, опасавшиеся подхода главного русского войска, не преследовали «лехких воевод» и начали поспешное отступление к границе, уводя захваченный в рязанской земле полон[293]. Один из татарских отрядов, отрезанный от своих сил, стал отступать обходным путем, через засеченные рязанские леса, бросив коней и доспехи. «И резаньци мужикы многих тотар побили на лесе»[294]. В Поле ушли лишь остатки этого отряда.

Изучение русских войн второй половины XV – начала XVI веков с Большой Ордой (Улуг Улусом), Казанским и Крымским ханствами, Швецией, Ливонской конфедерацией и Литвой, присоединение властной рукой русских земель, сопротивляющихся еще воле великих князей, показало, что в ходе имевших место вооруженных конфликтов Московское государство добилось значительных успехов и укрепило свои международные позиции. Первоначальным успехам Москвы способствовало сближение с Крымом. В союзе с ханом Менгли-Гиреем великому князю Ивану III удалось разгромить враждебную им Большую Орду, в 1487 году с помощью русских полков на казанский престол взошел союзник московского государя Мухаммед-Эмин. В состав Русской державы были включены Новгородская, Тверская, Вятская земли. Все это позволило Ивану III развернуть настоящее наступление на западном и юго-западном направлениях, присоединить к своему государству не только спорные владения князей Новосильских, но и верховские, черниговские, новгород-северские и некоторые другие порубежные волости и города (Вязьму, Белую, Торопец, Дорогобуж). Аннулированными оказались старые права литовских князей на Новгород, Великие

Луки и Ржевские волости. На сторону усиливающейся Москвы, несмотря на подтвержденный обеими сторонами соответствующий запрет 1494 года, переходили со своими земельными владениями все новые представители литовско-русской знати. Василий III продолжил политику отца и открыто объявил, что Вильна «неправдою» держит его «отчину» – Киев, Полоцк и другие города Русской земли. Требование о возвращении этих территорий стало непременным условием в «запросах» московских послов, парализующим встречные претензии литовской дипломатии.

Подкрепляя свои декларации военной силой, московские государи во время частых столкновений этого периода отвоевали у Великого княжества Литовского почти все левобережье Днепра. Отряды русских воевод достигали окрестностей Орши, Витебска, Полоцка, Минска, в 1507–1508 годах, во время мятежа Глинских, войска этих князей, усиленные московскими полками, доходили почти до Вильны, действовали за Клецком и под Слонимом. Разорение значительной части территории подрывало военный и экономический потенциал Великого княжества Литовского, вынуждая перепуганных Ягеллонов искать любых союзников в непрекращающейся борьбе с Московским государством. Несомненным успехом их дипломатии стало вовлечение в это противостояние военных сил татарских ханств, прежде всего – Перекопского юрта. Однако, разрывая старый русско-крымский союз, власти Кирк-Ера руководствовались не литовскими, а своими собственными интересами, действовали в соответствии с ними.

В 1502 году перестала существовать соперница Крымского ханства, Большая Орда, в войне с которой хан Менгли-Гирей постоянно опирался на русскую помощь. Так исчезла главная объективная предпосылка к сохранению равноправного союза Москвы и Крыма. Более того, улусы Большой Орды, включенные в состав Крымского юрта, почти удвоили численность народонаселения ханства и неизмеримо усилили боевые возможности перекопского «царя». Менгли-Гирей почувствовал себя властителем всей Татарии, а не только степей Причерноморья. Его не могло не тревожить почти одновременное быстрое и зримое увеличение военного могущества Русской Державы, проявившееся на рубеже XV и XVI веков. В остром противоборстве с Великим княжеством Литовским за западнорусские земли чаша весов явно клонилась на сторону Москвы, что вызывало сильные опасения в Киркоре (Кырк-Ере), а потом и в Бахчисарае, старой и новой столицах Крымского ханства. Еще более осложнило отношения двух государств

установление мягкой, но оскорбительной для других татарских юртов зависимости от Русской Державы Казанского юрта. Особенно негодовали в Крыму из-за организованного Москвой устранение с казанского престола хана Абдул-Латифа, мать которого, Нур-Султан, в третьем браке была замужем за Менгли-Гиреем. В отличие от Мухаммед-Эмина, выросшего в Москве, его брат Абдул-Латиф, воспитанный в Крыму, оставался тесно связан с его правителями и пытался вернуть независимость своему государству. Устранение русской стороной Абдул-Латифа лишь ненадолго стабилизировало обстановку в Казанском ханстве. Здесь сохранялись достаточно влиятельные силы, заинтересованные в разрыве отношений с Москвой и переориентации Казани на тесный союз с крымскими ханами.

Начало открытой конфронтации Русского государства с Крымским ханством и возобновление казанских и ногайских набегов существенно ослабили движение Москвы на западно-русские земли. В этих условиях русское командование вынуждено было усилить оборону южных границ, свернуть наступательные операции на литовском рубеже.

Смерть Василия III (4 декабря 1533 года) заметно осложнила внешнеполитическое положение Московского государства. Перед вдовой покойного государя, Еленой Васильевной Глинской, перед их совсем еще юным сыном и наследником Иваном встала сложная задача не только сохранить приобретения великих предшественников, но и по возможности приумножить их. Впрочем, рассказ об этом – тема следующей книги.

Часть вторая. Войско великих государей Ивана III и Василия III

История Русского государства, созданного и сохраненного потомками Ивана Калиты, наглядно демонстрирует нам, что со дня своего образования оно либо воевало с кем-либо из соседей, атакующих границы, либо готовилось к войнам с ними. При этом всегда выбирался удобный момент для нанесения удара по угрожавшему интересам страны противнику. Военные действия часто ограничивались локальными столкновениями, но иногда перерастали в настоящую войну.

Особенно напряженными оставались отношения у Москвы с Великим княжеством Литовским и союзной ему Польшей. Их осложняли старые территориальные и, отчасти, конфессиональные конфликты. Другая опасность грозила с юга и юго-востока, где находились татарские ханства, осколки Золотой Орды – Улуг-Улус (Большая Орда), Казанское ханство и Перекопский юрт (Крымское ханство). Необходимость обороны страны от частых грабительских набегов и нашествий татар и ногаев оказывали влияние на действия русского правительства на всем протяжении изучаемого периода. Напряженными оставались и отношения с Ливонией и Швецией, в то время успешно сдерживающими естественное движение Руси к Балтийскому морю. Постоянная борьба с внешними врагами на нескольких фронтах, зачастую смыкавшихся в единую дугу, тянувшуюся от северо-западных рубежей до Волги, требовала создания многочисленных мобильных, хорошо вооруженных и обученных вооруженных сил, организации надежной обороны границ, возведения на них крепостей и укрепленных линий, способных если не остановить, то задержать продвижение врага, затруднить его действия.

Одна из задач данного исследования предполагает всестороннее рассмотрение организации русской армии, ее отдельных частей, изучение складывающейся в вооруженных силах системы эффективного военного управления, порядка комплектования, обучения, снабжения и вооружения войск, характера осуществлявшихся на границах страны оборонительных мероприятий. Комплексное исследование этих вопросов позволит объективно оценить военный потенциал Московского государства, который обеспечивал безопасность и развитие страны на протяжении всего изучаемого периода.

Анализ особенностей организации вооруженных сил Русской

Державы и осуществлявшихся с конца XV века и до 30-х годов XVI века оборонительных мероприятий предусматривает разделение второй части книги на 4 главы:

1-я глава – «Состав и внутреннее устройство вооруженных сил Русского государства в конце XV – первой трети XVI века» – посвящена изучению различных разрядов ратных людей, новых военных структур, появившихся в русской армии в середине XV и начале XVI века, практики использования в боевых действиях тяглого населения. В этой главе планируется определить примерную численность русского войска.

2-я глава – «Военное управление. Комплектование, вооружение и снабжение русского войска. Обучение ратных людей» – предусматривает исследование сложившейся в Московском государстве системы руководства вооруженными силами, особенностей их подготовки и обеспечения. Одним из важнейших направлений работы является разбор сведений, касающихся вооружения русского войска, прежде всего – развития артиллерии и ручного огнестрельного оружия.

3-я глава – «Организация охраны и обороны русских границ» – предусматривает изучение правительственных мероприятий по фортификационной защите рубежей страны.

4-я глава – «Московские воеводы» – содержит очерки о наиболее видных русских полководцах XV – начала XVI века: Иване Васильевиче Стриге Оболенском, Даниле Дмитриевиче Холмском, Даниле Васильевиче Щене, Иване Васильевиче Хабаре Симском, Иване Михайловиче Воротынском, Василии Васильевиче Немом Шуйском.

Глава 1. Состав и внутреннее устройство вооруженных сил Русского государства в конце XV – первой трети XVI века

Военные задачи, выдвинутые руководителями страны в XV – начале XVI веков, определили внутреннюю структуру вооруженных сил Русского государства, которая прошла проверку и коррекцию непосредственно в ходе боевых действий. Их история освещается во второй части этой книги. Новая организация вооруженных сил пришла на смену прежнему военному устройству, представляющему собой сложную комбинацию дружинного (дворового) войска и городовых ополченских полков, которые могли быть и конными, и пешими.

Организация обычного для прежней эпохи городового ополченского войска была прослежена Ю. Г. Алексеевым на примере существовавшего в Псковском государстве. Походное войско называлось «силой». Состояло оно из «рубленной рати» (знатных и состоятельных псковичей, мобилизованных по определенному раскладу – «разрубу») и аналогичных подразделений, сформированных из «пригорожан», высланных псковскими «пригородами». В пограничных городах были небольшие гарнизоны, возглавляемые воеводами (иногда – князьями-воеводами), выбираемыми на вече.

Совокупные вооруженные силы усиливались за счет отрядов «охвочих людей» – добровольцев, не подпадавших под мобилизацию, но готовых идти в поход на свой страх и риск. В обязательном порядке те представители беднейшего населения, из которого и выкрикивали «охвочих людей», привлекались на военную службу лишь в исключительных случаях – когда происходило вторжение вражеских войск, представлявшее реальную угрозу Пскову и его «пригородам». При других обстоятельствах их служба была добровольной.

Мобилизации – «разрубы» – проводись среди той части горожан, которая могла выставить в поле конных воинов, хорошо вооруженных и имеющих возможность снарядиться для участия в боевых действиях.

Иными были возможности и, соответственно, задачи «охвочих человек». Их отряды (что особенно подчеркивалось, составленные из «нерубленных людей») действовали на отдельном направлении, преследуя достаточно узкие цели – захват добычи и пленных. Однако они были способны отвлечь внимание неприятеля, вынужденного дробить свои силы, прикрывая

разоряемые территории. Как правило, «охвочими людьми» становились бедняки, не имеющие возможности приобрести качественное оружие и доспехи, другую необходимую воину справу (снаряжение). Иногда отряды «нерубленных человек» могли объединяться в самостоятельное войско (со своим воеводой), но оно использовалось на направлении, где встреча с боевыми частями противника была маловероятна. В большинстве случаев, когда такое войско привлекалось к боевым операциям, это происходило на озерах и реках. Таким образом «охвочие люди» становились воинами судовой рати[295]. Со временем «рубленная рать» трансформировалась в «посошную», также комплектуемую по определенному раскладу, но для выполнения менее значимых задач, в основном связанных с инженерными работами и снабжением главных сил русского войска.

На первых порах реорганизация московского войска осуществлялась двумя способами. Во-первых, путем использования многочисленных служилых людей «Государева двора», которым стал запрещаться отъезд от московских князей к литовскому и к другим владетельным венценосцам. Расширились варианты привлечения землевладельцев к несению военной службы со своих вотчин. Во-вторых, путем пополнения состава русского войска за счет постоянных военных отрядов (полков) тех удельных князей, владения которых включались в состав Московского государства. Часть из них (преимущественно верховские князья, владения которых лежали в верховьях реки Оки и граничили с претендовавшим на них Великим княжеством Литовским), получая звание «слуги», сохраняла право иметь свой полк и в дальнейшем. Уже тогда остро встал вопрос материального обеспечения воинов, состоявших на государевой службе. Для решения этой проблемы правительство Ивана III, получившее в ходе подчинения Новгородской вечевой республики и Тверского княжества большой фонд населенных земель, приступило к массовой раздаче значительной части их служилым людям. Таким образом были заложены основы организации поместного войска, являвшегося ядром московской армии, его главной ударной силой на протяжении всего изучаемого периода.

Все остальные ратные люди, в том числе и мобилизуемые в помощь им посошные люди, в походах и сражениях распределялись по полкам дворянской рати, усиливая ее боевые возможности. Чтобы правильно оценить их, необходимо изучить не только состав и структуру московского войска, его вооружение, но и организацию прохождения службы (походной, городовой, засечной, дозорной) различными категориями ратных

людей.

Поместное войско

В первые годы княжения Ивана III ядром московского войска оставался великокняжеский «двор», а также «дворы» удельных князей и бояр, состоявшие из «слуг вольных», «слуг под дворским» и боярских «послужильцев». По мере присоединения к Московскому государству новых территорий росло число дружин, переходивших на службу великому князю и пополнявших ряды его конного войска. Необходимость упорядочения этой массы военного люда, установления единых правил службы и материального обеспечения вынудила власти начать реорганизацию вооруженных сил, в ходе которой мелкий княжеский и боярский вассалитет превратился в государевых служилых людей – помещиков, получавших за свою службу в условное держание земельные дачи.

Так было создано конное поместное войско – ядро и главная ударная сила вооруженных сил Московского государства. Основную массу нового войска составляли дворяне и дети боярские. Только некоторым из них выпадало счастье служить при великом князе в составе «Государева двора», воины которого получали более щедрое земельное и денежное жалованье. Большая часть детей боярских, переходя на московскую службу, оставалась на прежнем месте жительства или переселялась правительством в другие города. Будучи причисленными к служилым людям какого-либо города, воины-помещики именовались городовыми детьми боярскими, организуясь в уездные корпорации: новгородские, костромские, тверские, ярославские, коломенские, калужские, кашинские, ростовские, переяславские, рязанские и другие. Впервые «дворовые» и «городовые» дети боярские по отдельности упоминались составителем Московского летописного свода при воспроизведении событий 1469 года – похода рати воеводы Константина Александровича Беззубцева на Казань[296].

Основная служба ратных людей проходила в территориальных полках, на время войны сводившихся в традиционные боевые части – Большой полк, Передовой полк, Полк правой руки, Полк левой руки, Сторожевой полк, с 1524 года – Ертаульный полк (впервые сформирован в этом году, во время похода на Казань). Формального деления на сотни в полках тогда не было. Такие подразделения, как низшая структурная единица поместной конницы, фиксируются источниками только с лета 1552 года[297]. Во второй половине XV – первой половине

XVI века в боевых действиях – в составе полков или вне их – действовали воеводские отряды, в которых могло быть 100 детей боярских или же 60. Ими руководили командиры, называвшиеся воеводами, и не иначе[298]. Так, при формировании в 1469 году в Великом Устюге походного войска Данилы Васильевича Ярославского, состоявшего из устюжских и вологодских отрядов численностью около 1000 ратников, в качестве младших воевод, по сути, сотенных командиров, в Устюг были отправлены 9 детей боярских из «Двора» великого князя[299].

Историки, изучавшие проблему формирования поместной конницы, разошлись во мнении, обсуждая проблему происхождения страты «дети боярские». Часть считала их изначально худородными слугами бояр, сопровождавшими господ в походах и сражениях (И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин, Р. М. Зотов, Н. С. Голицын, Д. И. Багалей и Н. П. Павлов-Сильванский). Другие, вслед за М. М. Щербатовым, видели в них знатных молодых людей из боярских родов (А. Рейц, Н. Г. Устрялов, И. Д. Беляев, И. А. Порай-Кошиц, М. Т. Яблочков, М. Ф. Владимирский-Буданов, П. Н. Мрочек-Дроздовский, Д. Я. Самоквасов, Д. И. Иловайский, В. И. Сергеевич, М. А. Дьяконов, А. Е. Пресняков). Ситуация изменилась, по Щербатову, только при Иване Грозном, который стал жаловать чином сын боярский «многих из низкого состояния людей»[300].

С. М. Соловьев полагал, что в XIV–XV веках первоначально состоявшая из «слуг или дворян» младшая дружина расслоилась на детей боярских, слуг вольных (или людей дворных), слуг под дворским и холопов. Дети боярские отличались от старших дружинников тем, что не имели права заседать в княжеской Думе, от низших разрядов служилых людей – происхождением и привилегией, разрешавшей в любое время отъезжать от князя[301].

Н. П. Загоскин считал, что термин «дети боярские» стал заменой понятию «детские», обозначавшему один из разрядов младших дружинников. Эту точку зрения разделяли К. В. Базилевич и, отчасти, В. В. Мавродин[302].

Н. Е. Носов и А. А. Зимин отметили наличие среди служилых людей двух категорий детей боярских – дворовых, входящих в состав государева двора, на которых составлялся особый дворовый список в каждом городе, и городовых, состоящих из бывших «слуг по дворским», боярских послужильцев и потомков «захудалых княжеских родов» (Носов), то есть «рядовая масса русского дворянства» (Зимин)[303]. В этой связи неудачно лишь введение для этого периода обобщающего понятия русского

дворянства, относившегося в то время лишь к первой категории служилых людей.

Ближе всех к определению изначального значения термина «дети боярские» подошел В. Б. Кобрин, увидевший в них «младших бояр»[304]. С нашей точки зрения, на первом этапе формирования данного разряда служилых людей он действительно находился по положению ниже боярского, что и отразилось в названии (в этом отношении прослеживается аналогия с Новгородской землей, где существовал подобный разряд, обозначавшийся «житьи люди»). Уже впоследствии ряды детей боярских активно пополнялись за счет выходцев из других категорий служилого населения – процесс, который был прослежен И. Б. Михайловой[305].

Важное уточнение к выводу о существовании двух разрядов детей боярских – дворовых и городовых – сделал недавно В. Н. Козляков. Он подчеркнул, что до середины XVI века дети боярские из городов могли «перейти в дворовый список и приобщиться к службе в Государеве дворе»[306]. Несмотря на это формальное право, в служебном и материальном положении двух основных подразделений самого многочисленного разряда служилых людей – дворовых и городовых детей боярских – уже в XV веке наметилось существенное различие. Оно сохранялось и в дальнейшем.

Ю. Г. Алексеев увидел в «детях боярских» прежних «слуг вольных» – служилых землевладельцев низшего ранга[307], но не объяснил, изменилось ли их положение в новом статусе.

* * *

При организации поместного войска, кроме великокняжеских слуг, были приняты послужильцы из распущенных по разным причинам московских боярских дворов (в том числе холопы и дворня). Их наделили землей, перешедшей на правах условного держания. Со временем раздача поместных дач служилым людям приобрела массовый характер. Но до середины XVI века обеспечение их земельными наделами происходило в основном за счет внутренних ресурсов[308]. Затем – благодаря освоению завоеванных территорий, в основном на востоке и юге страны.

Первые испомещения начались вскоре после присоединения к Московскому государству Новгородской земли и вывода оттуда местных землевладельцев. Они получили поместья во Владимире, Муроме, Нижнем Новгороде, Переяславле, Юрьеве-Польском, Ростове, Костроме «и в иных городех»[309]. По подсчетам

К. В. Базилевича, из 1310 человек, получивших поместья в новгородских пятинах, не менее 280 принадлежали к боярским послужильцам[310]. По-видимому, правительство осталось довольно результатами этой акции, в дальнейшем повторяя ее при завоевании уездов, принадлежавших ранее Великому княжеству Литовскому. Из центральных районов страны туда переводились служилые люди, получавшие поместья на землях, конфискованных у местной знати, высылавшейся, как правило, из своих владений в другие уезды Московского государства.

В Новгороде в конце 1470-х – начале 1480-х годов включили в поместную раздачу фонд земель, составленный из обеж, конфискованных у Софийского дома, монастырей и арестованных новгородских бояр. Еще большее количество новгородской земли отошло к великому князю после новой волны репрессий, пришедшейся на зиму 1483/1484 года, когда «поимал князь велики б[о]льших бояр новогородцкых и боярынь, а казны их и села все велел отписать на себя, а им подавал поместья на Москве по городом, а иных бояр, которые коромолю дръжали от него, тех велел заточити в тюрьмы по городом»[311]. Выселения новгородцев продолжались и впоследствии. Имения их в обязательном порядке отписывались на государя. Завершились конфискационные мероприятия властей изъятием в 1499 году значительной части владычных и монастырских вотчин, поступивших в поместную раздачу. К середине XVI века в новгородских пятинах более 90 % всех пахотных земель находилось уже в поместном держании.

С. Б. Веселовский, изучая проводившиеся в Новгороде в начале 80-х годов XV века испомещения служилых людей, пришел к выводу, что уже на первом этапе ведавшие отводом земли лица придерживались определенных норм и правил. В то время поместные дачи «колебались в пределах от 20 до 60 «обеж», что в более позднее время составляло 200–600 четвертей (четей) пахотной земли[312]. Соответственно, в поход дети боярские выступали с несколькими боевыми холопами. Аналогичные нормы, по-видимому, действовали и в других уездах, где также началась раздача земли в поместья. Позднее, по мере увеличения численности служилых людей, поместные оклады сократились.

* * *

Образование поместного ополчения стало важной вехой в развитии вооруженных сил Московского государства. Их численность значительно возросла, а военное устройство

государства получило, наконец, четкую организацию.

А. В. Чернов, один из самых авторитетных в отечественной науке специалистов по истории вооруженных сил России, был тем не менее склонен к преувеличению недостатков поместного ополчения, которые, по его мнению, были присущи дворянскому войску с момента возникновения. В частности ученый отмечал, что поместная рать, как и всякое ополчение, собиралась только при возникновении военной опасности. Сбор войска, которым занимался весь центральный и местный государственный аппарат, проходил крайне медленно, а к военным действиям ополчение успевало подготовиться лишь за несколько месяцев. С устранением военной опасности дворянские полки распускались по домам, прекращая службу до нового сбора. Ополчение не подвергалось систематическому военному обучению. Практиковалась самостоятельная подготовка каждого служилого человека к выступлению в поход, вооружение и снаряжение воинов дворянского ополчения отличалось большим разнообразием, не всегда соответствуя требованиям командования[313]. В приведенном перечне недостатков в организации поместной конницы много справедливого. Однако исследователь не проецирует их на условия построения новой (поместной) военной системы, при которых правительству необходимо было как можно быстрей заменить существовавшее сборное войско, представлявшее собой плохо организованное соединение княжеских дружин, боярских отрядов и городовых полков, более действенной военной силой. В связи с этим следует отчасти согласиться с выводом Н. С. Борисова, отмечавшего, что «наряду с широким использованием отрядов служилых татарских «царевичей», создание дворянской конницы открывало путь к немыслимым доселе военным предприятиям»[314]. В полной мере боевые возможности поместного войска раскрылись в войнах XVI века. Это позволило А. А. Строкову, знакомому с выводами А. В. Чернова, не принять их. «Дворяне, служившие в коннице, – писал он, – были заинтересованы в военной службе и с детства готовились к ней. Русская конница в XVI в. имела хорошее вооружение, отличалась быстрыми действиями и стремительными атаками на поле боя».

Говоря о достоинствах и недостатках дворянского ополчения, нельзя не упомянуть, что схожую систему организации войска имел в то время и главный противник Московского государства – Великое княжество Литовское. Почти на полстолетия позже рубежа рассматриваемого нами периода, в 1561 году, польский король и великий князь литовский Сигизмунд II Август вынужден был при сборе войска требовать, чтобы «князи, панове, бояре,

шляхта во всех местах и именьях мают то брати на себе, абы тым можнен и способнен на службу Речи Посполитое выправовали ся и абы каждыи на воину ехал в одинаковои барве слуги маючи и кони рослые. А на каждом пахолку зброя, тарч, древо с прапорцом водле Статуту». Показательно, что перечень вооружения военных слуг не содержит огнестрельного оружия. «Нетство» (неявка на службу) стало сколько-нибудь значимым явлением лишь в более позднее время.

В частых войнах и походах второй половины XV – начала XVI века поместная конница, несмотря на существенные недостатки, в целом демонстрировала неплохую выучку и умение побеждать в самых сложных обстоятельствах. Поражения были вызваны, как правило, ошибками и некомпетентностью воевод – например, князя М. И. Голицы Булгакова и И. А. Челяднина в Оршинской битве 8 сентября 1514 года, князя Дмитрия Федоровича Бельского в сражении на реке Оке 28 июля 1521 года.

* * *

В составе русского поместного войска действовали и сохранявшие относительную самостоятельность дворы (полки) уездных князей, близких родственников государя (в том числе полк матери Ивана III, Марии Ярославны, под командованием ее собственного воеводы – Семена Федоровича Пешека Сабурова) [315] и полки служилых князей, в основном верховских (Мстиславских, Бельских, Воротынских, Одоевских, С. И. Можайского и В. И. Шемячича) и других. Значительную автономию сохраняли и перешедшие на сторону Москвы отряды служилых татар – касимовских, кадомских, позднее темниковских. Подчинялись они своим «царям» и «царевичам» и были задействованы в боях и походах московских ратей уже с середины XV века.

Касимовское ханство возникло в 1452 году на реке Оке, на принадлежавших Москве с 1392–1393 годов землях татар-мещеряков (мишарей)[316]. Здесь и раньше предпочитали селиться переходившие на русскую службу ордынские татары. Когда к великому князю Василию II выехал «царевич» Касим, один из сыновей хана Улуг-Мухаммеда, московский государь передал ему часть этой территории в удельное владение. Центром нового татарского анклава стал Городец-Мещерский, вскоре переименованный в Касимов. В состав ханства вошли некоторые мещерские беляки (бейлики), сохранившие при этом некоторую самостоятельность – Тялдемский (Кадом), Чепчерский (Старый

Кадом), Темниковский (Темников), Коньяльский (Шацк), Керешинский, Кирдяновский. Их число со временем росло. К началу XVII века в Мещерской земле было уже 15 бейликов[317].

Удельное ханство на Оке стало местом поселения представителей знатных татарских родов, по тем или иным причинам покинувших свои родные улусы[318]. «Царями» и «царевичами» Касимовского ханства назначались, как правило, лояльные Москве члены династий, правящих в Крыму, Казани, Астрахани или Сибири. В случае благоприятного развития событий они становились там ханами, связанными прочными узами с Русской Державой, но при изменении обстановки вновь возвращались в Касимов. Так, известный казанский хан Шах-Али, трижды изгонявшийся своими подданными, был касимовским «царем» в 1516–1519, 1537–1551 и 1552–1567 годах.

Численность вооруженных сил Касимовского ханства определить сложно из-за постоянной ротации отдельных воинов и целых отрядов, то бежавших на Русь из многих ханств и орд, то уходивших обратно в степи. В рассматриваемый период она могла достигать 3–4 тысяч конных воинов и вряд ли опускалась ниже 1500 всадников «без учета мордвы и бортников»[319]. Следует согласиться с выводом А. Г. Бахтина о том, что увеличивать численность служилых татар было не в интересах московского государя, опасавшегося утратить контроль над ними[320].

Пушкари и пищальники, другие ратные люди

В этот период все большую роль в сражениях начинает играть артиллерия и ее обслуга – пушкари. Поначалу ими служили сами мастера, изготовлявшие «арматы» и досконально изучавшие свои поделки. Это подтверждает личное участие в походах на Новгород и Тверь Аристотеля Фиораванти, лившего пушки на Московском пушечном дворе, по некоторым данным, и созданном им. Со временем в крупных городах появляются пушкари и затинщики, обслуживающие крепостной «наряд», к времени правления Василия III относятся первые упоминания и о воротниках – людях того же «пушкарского чина», несших службу в крепостных башнях при проезжих воротах.

Именно крепостным пушкарем был первый русский артиллерист, имя которого появляется в летописи, – новгородец Упадыш. Причем появляется оно при весьма своеобразных обстоятельствах. Во время войны Новгорода с московским князем в 1471 году он, сочувствуя делу великого князя, за одну ночь вывел из строя на стенах осажденного города 5 новгородских

пушек, забив их дула клиньями.

Дошло до нас известие и о мастерской стрельбе другого артиллериста, уже московского – Стефана. При осаде Смоленска в 1514 году он метким выстрелом уничтожил литовское крепостное орудие и всех, кто находился рядом с ней. После третьего выстрела огромной пушки Стефана командование смоленского гарнизона начало переговоры о сдаче. В 1521 году, во время нашествия на Русь войска крымского хана Мухаммед-Гирея, немецкий пушкарь Николай, «родившийся на Рейне недалеко от немецкого имперского города Шпайера», помогал установить к воротам одной из проезжих башен Кремля огромную пушку, и, по мнению Сигизмунда Герберштейна, благодаря его действиям «была спасена крепость». В том же году в Рязани отличился другой немецкий пушкарь, командовавший тогда рязанской артиллерией – Иоанн Иордан. Его подчиненные дружным залпом из многих орудий заставили рвущихся к открытым воротам татар отойти от городских стен.

Артиллерийскую прислугу орудий в то время называли и «стрельцами». Во всяком случае, так именовались пушкари в русской рати, осаждавшей в 1530 году Казань[321].

Неоднократно отмеченные в источниках успешные действия русской артиллерии во время частых походов и осад явились результатом не только умелого руководства воевод нарядом, но и высокого мастерства пушкарей. Однако к концу правления Василия III уже остро ощущалась необходимость упорядочения службы пушкарей. Необходимые мероприятия, требующие прежде всего грамотного учета служилых людей этого воинского разряда, были начаты уже в то время (появился Пушечный стол в Разрядном приказе), а завершены в годы правления царя Ивана Грозного, когда возник Пушечный приказ (не позднее 1577 года).

* * *

При Василии III в русском войске уже существовали подразделения воинов, владеющих ручным огнестрельным оружием. Первое упоминание о существовании в русских ратях отрядов пищальников (стрелков из пищалей) относятся к началу XVI века. В писцовых книгах термин «пищальник» встречается в записях 1505–1506 годов[322]. В разрядных книгах под 1508 годом отмечен факт отправки к воеводе, князю Семену Дмитриевичу Серебряному, в Дорогобуж «з городов пищалников и посошных»[323]. Более подробные сведения о них относятся к 1510 году, когда было осуществлено подчинение Москвой Пскова. По

свидетельству псковских летописцев, подразделения пищальников были достаточно большими отрядами, сформированными из воинов, вооруженных ручным огнестрельным оружием за государственный счет. В составе прибывшего тогда с великим князем в Псков войска находились 1000 «пищальников казенных и воротников». Покидая город, Василий III оставил в нем гарнизон из 1000 детей боярских и 500 новгородских пищальников[324].

После присоединения к Москве Псков должен был высылать на службу к великому князю своих земских даточных (сошных) людей, в их числе пищальников. Они принимали участие в многочисленных войнах Москвы с Великим княжеством Литовским. Зимой 1512/1513 года, выступая в поход на Смоленск, Василий III взял из Пскова 1000 стрелков, сыгравших заметную роль во время этой неудачной осады. Именно псковские пишальники были посланы на штурм Смоленска, но не смогли овладеть городом и отступили с большими потерями[325].

Пищальники в составе отрядов даточных людей принимали участие в военных действиях не только на западных, но и на восточных и южных рубежах Московского государства. Начиная с 1512 года они участвуют в обороне «Берега» – укреплений на реке Оке. Воеводы, командовавшие сосредоточенной там армией, должны были присланных к ним посошных людей и пищальников «розделити по полком, сколько, где пригоже быти на Берегу». Сохранились свидетельства об участии пищальников в частых походах русского войска против Казанского ханства. Небольшие гарнизоны пищальников появились и во внутренних городах страны. Так, в Ярославле в 1517 году насчитывалось 97 причисленных к этому разряду служилых людей[326].

В настоящее время полностью опровергнуто ошибочное утверждение А. А. Зимина о существовании войска пищальников: якобы из них «образовали войско, составлявшееся главным образом из людей по прибору, посадских по своему происхождению»[327]. Отсутствие единого командования (отряды пищальников подчинялись городовым приказчикам), централизованного снабжения (стрелки из городов вооружались за свой счет, исключение составляли казенные пищальники, вооружавшиеся за счет собиравшегося с монастырей «пищального наряда»[328]), обеспечение их службы в военное время путем расклада соответствующей земской повинности на определенное число посадских дворов, не позволяет согласиться с выводами Зимина. Несмотря на наличие огнестрельного вооружения и, несомненно, более высокое боевое значение по сравнению с посошными людьми, даже очень крупные отряды пищальников

оставались вспомогательными подразделениями.

Сложность изучения времени и обстоятельств появления в составе русского войска пищальников связана не только с поразительно малым количеством источников, в которых упоминаются воины, вооруженные ручным огнестрельным оружием, но и с тем, что в документах того времени термином «пищальники» зачастую обозначались и артиллеристы – пушкари и затинщики.

Пищальники набирались преимущественно из городского населения. В отличие от «посохи», они выставлялись на службу не с сохи, а с посадского двора. Население обязано было снабжать стрелков оружием, боевыми запасами, одеждой и продовольствием. Существовали и «казенные» пищальники, получавшие огнестрельное оружие от правительства. Вряд ли им доставалось денежное или продовольственное содержание из казны, хотя Павел Иовий (правильнее – Паоло Джовио, он же Павел Новокомский) записал в свое время, что Василий III «учредил отряд конных стрельцов», однако никаких других свидетельств существования такого подразделения не обнаружено. Между тем этот фрагмент «Книги о московитском посольстве» Иовия содержит много погрешностей в описании русского войска. Так, по его ошибочному мнению, русские продолжали использовать в то время щиты, лишь немногие из них имели сабли, сражаясь обычно копьями, булавами и стрелами[329].

Включавшиеся в состав походного войска пищальники, как и другие отряды даточных людей, предназначались для непосредственного участия в военных действиях, заметно отличаясь от «посохи», выполнявшей по преимуществу инженерные работы и лишь изредка вводившейся в сражение или посылавшейся на штурм. В боевых действиях пищальники участвовали в конном и пешем строю, в последнем случае их доставляли на войну на телегах или судах.

Появление отрядов пищальников позволило правительству впервые широко применить на поле боя ручное огнестрельное оружие, усилив конницу, преимущественно вооруженную луками со стрелами и сулицами (дротиками). Главным недостатком ополченской организации службы пищальников был ее временный характер, необходимость подниматься в поход со своим оружием и за свой счет. Ситуация изменилась лишь с образованием в царствование Ивана Грозного стрелецкого войска.

Первые сведения о комплектовании русского войска наемниками относятся к 1513 году, когда, готовясь продолжить

борьбу за Смоленск, Василий III при помощи Михаила Глинского завербовал в Европе отряд пехотинцев. Их нанял в Силезии и Чехии по просьбе Глинского саксонец Христофор Шляйниц. Тогда же на Русь были приглашены и итальянские артиллеристы[330].

После крымского нашествия 1521 года на окском «Берегу» нес охранную службу отряд наемников, насчитывавший 1500 человек («литовцев и всякого сброда»). Но неизвестно, были ли они пехотинцами, нанятыми в 1513 году Шляйницем, или другими солдатами. Этот же отряд, по-видимому, участвовал и в походе 1524 года на Казань[331].

* * *

В случае надобности к ратной службе привлекалось тяглое городское и сельское население, зачастую – вполне добровольно. В летописях сохранилось упоминание о примечательном случае, произошедшем в 1517 году на южном порубежье. В тот год 20-тысячное крымское войско Токузак-мурзы перешло русскую границу и «около Тулы и Беспуты начаша въевати». Воеводы великого князя выслали вперед небольшие отряды «людей» под командой детей боярских – Ивана Тутыхина и князей Волконских. В мелких стычках эти отряды уничтожили много татар. Узнав о приближении воевод с основными силами, Токузак-мурза повернул обратно, но путь к отступлению был закрыт. Летописец сообщает, что «наперед их зайдоша по лесом пешие многие люди украйные да им дороги засекоша и многых татар побиша». Судя по рассказу летописца, упомянутые «пешие люди украйные» были местными жителями, выступившими против врага по собственной инициативе. Ожесточенные бои с татарами шли «на Глутне (река, приток Упы – *В. В.*) на лесу и по селом, и по крепостем, и на бродех». Вскоре на помощь тулянам подоспели великокняжеские войска и вместе с «украйными людьми» довершили разгром противника: «а передние люди от воевод приспевше конные начаша татар топтати, а пешие люди украйные по лесом их бити, и Божиим поможением татар многых побиша, а иные многие татарове по рекам истопоша, а иных живых поимаша». Из устроенной порубежными людьми ловушки в засечных лесах смогли вырваться и вернуться в Крым около 5 тыс. воинов[332].

* * *

Отдельно следует рассмотреть действия казаков, которые в

рассматриваемый период еще не вошли в состав вооруженных сил страны, но использовались русскими государями в своих целях – как сила, способная сдерживать или затруднять действия врагов на южном порубежье. Только с середины XV века при описании боевых действий русских войск начинают упоминаться служилые казаки, составлявшие отряды пограничной стражи, преимущественно из местного населения.

В XV – начале XVI веков на Руси казаками именовали всех вольных людей; ряды казачества пополняли русские беглые крестьяне и холопы, селившиеся на дальних «украйнах», зачастую за пределами земель, подвластных московским государям. Предшественниками самых известных из них – донских казаков – некоторые исследователи склонны считать упоминавшихся в летописях «бродников» Приазовья, иногда принимавших участие в междоусобных войнах и походах русских князей, подчас вместе с половцами и монголами. Однако подтвердить гипотезу убедительными доказательствами ее сторонники так и не смогли[333]. Подобно болгарам и половцам, большей части черных клобуков, «бродники» были ассимилированы народами, пришедшими в XIII веке с монголами в приазовские и причерноморские степи, войдя в состав татарской народности.

Слово «казак» тюркского происхождения и означает «вольный человек», «удалец». Несомненно, первыми казаками были выходцы из степных орд, объединявшиеся в отряды, подчинявшиеся собственным вожакам, которые выдвинулись за счет своих военных талантов и храбрости. Во время больших походов ордынских ханов казаки присоединялись к их армиям, в мирное время промышляли разбоем и угоном скота. Постепенно в ряды казаков начали вливаться русские удальцы, так называемые «заполяне», уходившие на степные («запольные») реки «в молодечество». Они перенимали образ жизни «ордынских» казаков, их хозяйственные занятия, а главное – способы ведения степной войны[334]. Следы совместной жизни сохранялись достаточно долго. Еще Сергей Михайлович Соловьев приводил в подтверждение этого интересный пример – в XVI веке одним из главных донских атаманов был Сары-Азман, а предводителем азовских казаков – Семен Ложник, преследовавший русского посланника Новосильцева[335]. Контакты рязанцев со степными разбойниками вызывали опасение у московского великого князя. Об этом свидетельствует интересный документ – послание Ивана III вдовствующей рязанской княгине Аграфене Васильевне, датированное 1502 годом. Обращаясь к ней, московский государь требовал принять самые решительные меры против донских казаков и тех русских людей, кто «пойдет самодурью на Дон в

молодечество»[336]. Рязанская земля, находившаяся на границе Руси и «Поля», стала колыбелью русского казачества. Первое упоминание о рязанских казаках относится ко времени битвы на речке Листани в 1443 году. Пришедшие тогда в Рязанскую землю отряды татарского «царевича» Мустафы были атакованы не только войском московских воевод Василия Ивановича Оболенского и Андрея Федоровича Голтяева, но и мордовскими лыжниками и казаками, пришедшими «на ртах (лыжах. – *В. В.*) с сулицами и с рогатинами, и с саблями»[337]. Совместными усилиями противник был разбит. Исключительно важная роль, сыгранная жителями рязанского порубежья в формировании казачества, подтверждается и другими дошедшими до нас документами. В 1501 году прибывший из Кафы посол Алакозь просил у Ивана III нанять «казаков рязанских десять человек, которые бы на Дону [дороги] знали». Великий князь с пониманием отнесся к просьбе посла и обратился с соответствующим распоряжением к княгине Аграфене Васильевне. И в данном случае Иван III не преминул подтвердить «заповедь» русским людям уходить «в молодечество» на Дон. Семьи ослушников подлежали казни или продаже в холопство[338].

В те же годы казачество зарождалось и на русских землях, входивших в состав Великого княжества Литовского. Уходя от тяжелого панского гнета, многие жители Приднепровского края бежали «за пороги», на впадающие в Днепр и Южный Буг степные реки. Первые достоверные известия о поселениях казаков в низовьях Днепра относятся к 1489 (в Подолии) и 1492 (на Киевщине) годам[339]. Центром возникшего в нижнем течении Днепра казачьего района стал о. Томаковка (Буцкий остров), затем, во времена Д. И. Вишневецкого – о. Хортица, с сохранением Сечи на Томаковке. После уничтожения татарами в 1593 году Томаковской Сечи (во время похода запорожцев на Киев), казаки перенесли свое главное поселение на о. Базавлук. Как и в Рязанском княжестве, многие днепровские казаки поступали на службу к литовским вельможам, таким как Евстафий Дашкевич, староста Черкасский и Каневский.

Со временем русский элемент среди селившихся на Днепре и Дону казаков стал преобладающим. Тем не менее, даже в конце XV – начале XVI века в «Поле» оставались и «ордынские казаки», продолжавшие совершать дерзкие нападения на русские «украины». Постепенно они были оттеснены к Азову. По-видимому, остатки этих «лихих казаков» (200 чел.) в 1503 году пытался набрать на службу крымский «царевич» Бурнаш-Гирей[340]. Дальнейшая судьба их неизвестна, но вполне

возможно, что эти воины вошли в состав донского казачества или были уничтожены им.

Интересы казачества постоянно пересекались с намерениями противников Русского государства – Турции, Крымского ханства, Ногайской орды. Немногочисленные, но хорошо организованные, казачьи отряды наносили неприятелю серьезный урон, вынуждая его считаться с собой.

Появление враждебного татарам вольного казачества не могло не встревожить властителей Крымского юрта. Борьба русских казаков с татарами и ногаями приняла наиболее ожесточенный характер на рубеже XV и XVI веков. В 1515 году диздар (комендант) Азова, Бурган, жаловался Василию III на мещерских казаков, в непосредственной близости от турецкой крепости плениших трех местных жителей[341]. В это время рязанские и мещерские казаки уже чувствовали себя хозяевами на Дону. Чтобы обезопасить подступы к Азову, турецкое правительство решило сбить казаков с этой реки. В 1519 году против них были отправлены три каюка (многовесельных речных корабля) с янычарами, получившими приказ занять устье реки Воронеж[342]. Московское правительство, встревоженное приближением турецких войск к русским владениям, предложило Стамбулу установить на Хопре точно обозначенную границу, однако крымское вторжение 1521 года перечеркнуло эти планы. Впрочем, утвердиться на Дону и Воронеже турки не смогли. «Заполяне» из рязанских и северских мест продолжали освоение Подонья в более благоприятных условиях – после нашествия Мухаммед-Гирея московские власти прекратили преследовать казаков, татарам после гибели крымского хана под Хаджи-Тарханом также стало не до них. Более того, после крымского погрома русские «украинные наместники», несомненно, с ведома правительства, стали поручать «заполянам» «отведывати людей на Поле, нечто которые люди нашего недруга хотят прити на наши украинные места и лихо похотят учинить, и они б безвестно не прошли»[343]. Выполняли казаки и другие поручения Москвы, в том числе и по сопровождению дипломатических миссий. Так, в 1523 году отправившихся вниз по Дону русских и турецких послов сопровождали 5 станиц рязанских казаков. В те годы шел интенсивный процесс объединения тюркского и русского казачества, нашедший отражение в документах.

Именно тогда на Дону возникали временные казачьи поселения, «зимовища и юрты», в которых они могли поселить свои семьи. Постепенно на месте некоторых из них возникли огороженные простейшими укреплениями (рвом, валом с тыном) «городки». В них казаки укрывались во время внезапного

нападения татар, хранили припасы и вооружение. Первые достоверные сведения о казачьих городках относятся уже к 40-м годам XVI века, но весьма вероятно, что некоторые из них были основаны и раньше.

Московские власти не контролировали «польских» казаков, признавая как факт, что «те разбойники живут на Дону без нашего ведома, а от нас бегают»[344]. Численность вольных людей на Дону росла. Туда шли не только рязанские «заполяне», но и вольница из Северской земли и даже западнорусских земель. Со временем казачество на «запольных» реках превратилось в серьезную проблему для соседей, в том числе и для Русского государства.

Определение численности русского войска. Споры и мнения

К концу рассматриваемого периода русское войско состояло из полков поместного ополчения, полков удельных и служилых князей и татарских «царевичей», пушкарей. Помимо войсковых контингентов, к решению ряда военных задач могли привлекаться казаки и «украйные люди», чьи отряды были способны затруднить действия неприятеля. В случае необходимости, как правило, при организации больших походов, русские рати усиливались отрядами посошных людей, которых многие современные исследователи – как нам кажется, не всегда убедительно – исключают из состава вооруженных сил Русского государства[345]. Действительно, посошные люди, собранные с определенного числа «сох», позже – дворов, привлекались в основном к инженерным работам. Но и эти работы – строительство или разрушение дорог, мостов, гатей, разного рода укреплений, являются важной стороной военного дела. Кроме того, нельзя забывать, что, как правило, в посошные отбирались люди, отличающиеся крепким здоровьем, умеющие стрелять из луков и пищалей, ходить на лыжах. В экстренных случаях они могли быть привлечены и к участию в боевых действиях. Несмотря на это, А. Н. Лобин и поддержавшие его участники дискуссии (О. А. Курбатов, Н. В. Смирнов. Б. Дэвис) предложили исключить некомбатантов (посошных людей) из состава войска. Главным аргументом стала невозможность учета в таком случае численности вооруженных сил. Но в тоже время вопрос, считать ли кошевых (обозных) холопов, численность которых также не поддается учету, боевым элементом, был признан спорным. Нам кажется, что следует прислушаться к доводам еще одного участника дискуссии, А. И. Филюшкина, предложившего

выделить в составе вооруженных сил «войска постоянной готовности» и «войска сезонной готовности» (точнее было бы обозначить их как «вспомогательные войска» – для данного периода к ним нужно отнести и пушкарей). При этом, признав невозможным определить точную численность последних, автор считает вполне выполнимым подсчет числа воинов «войск постоянной готовности», осторожно определяя его в «несколько десятков тысяч человек в целом» и заявляя, что «говорить о 50 – 60-тысячных армиях в дальних походах не приходится[346].

С нашей точки зрения приходится, иначе неясно, с кем, а главное – как были остановлены войска хана Ахмеда в 1480 году, когда русские рати пришлось оперативно перебрасывать с Оки к бродам на Угре. Вряд ли с малым числом войск можно было принудить к капитуляции Казань в 1487 году и Смоленск в 1514-м. При этом, выдвигая часть полков с Дмитрием Жилкой к южному рубежу, князь оберегал его от крымского нападения. «Войска постоянной готовности» Русской Державы к концу XV века насчитывали ориентировочно до 60 тысяч, а к началу 1530-х годов – уже 80–85 тысяч служилых людей и их боевых холопов. Эти расчеты подкрепляются и сведениями Альберто Кампенезе, в 1528 году утверждавшего, что русские рати комплектовались 15 тысячами всадников из Рязанского княжества, 30 тысячами московских и 40 тысячами тверских[347]. Даже учитывая возможное преувеличение автором численности русского войска (Касимовское ханство не могло выставить 30 тысяч всадников), отметим, что Кампенезе не привел численности ратников, предоставленных другими уездами страны. В случае необходимости 80-тысячное конное походное войско усиливалось отрядами посошных людей, превращая его в глазах современников в «тьмочисленную рать».

Вооруженные силы соседних государств

Вооруженным силам Русского государства противостояли армии сопредельных государств, прежде всего Великого княжества Литовского, Ливонской конфедерации[348], Швеции, Казанского и Крымского ханств. Исход ожесточенных войн, шедших во второй половине XV – начале XVI столетии на территории Восточной Европы, во многом определялся военным потенциалом стран и его соотношением с ратными силами Московского государства. Следует отметить, что уровень мобилизационной готовности этих государств не оставался неизменным. Самым высоким он был в Крымском ханстве. Традиционно в военных операциях «перекопского царя»

принимало участие почти все мужское татарское население, обогащавшееся военной добычей и полоняниками – живым товаром. Зачастую крымская армия усиливалась ногайскими отрядами, впоследствии – турецкими войсками. В таких случаях численность шедшей на войну армии могла достигать 100 и более тысяч человек, при том, что самих крымцев в ней было 30–60 тыс. Войско Казанского ханства насчитывало от 12 до 30 тыс. воинов, но при общей мобилизации оно могло увеличиться до 60 тыс. человек[349]. Вооруженные силы Великого княжества Литовского состояли из 20–25 тыс. воинов (5 тыс. из них – воины регулярных отрядов, стоявших по городам и замкам)[350]. В вызывающих доверие источниках максимальная численность литовского ополчения указывается в 24446 человек (1529 год)[351]. Оно могло несколько увеличиться во время больших войн, в основном за счет привлечения волонтеров, наемных подразделений и союзных польских войск – с 1385 года ВКЛ находилось в династической унии с Короной Польской. Ливонский орден в критический момент мог собрать под свои знамена до 10 тыс. воинов, не считая воинов замковых гарнизонов.

Следует иметь в виду не только численность вооруженных сил возможного противника или противников, но и заметно разнившуюся организацию военного дела в Москве, Кырк-Ере/Бахчисарае, Казани и Вильно. Известно, что в Крымском ханстве, как и в Золотой Орде, не было регулярного войска. Из лучших воинов набирались сеймены (сейманы) – ханские гвардейцы. В больших военных походах фактически принимали участие все мужчины, способные носить оружие. Татары не обучались специальным правилам ведения войны, тактике и стратегии военного искусства. Но уже с младенчества они готовили своих детей к тяготам походной жизни: малышей купали в рассоле, чтобы закалить их от холода, жары и простуды. С семи лет дети спали под открытым небом, а в 12 лет их начинали обучать военному делу, и многие мальчики уже с этого возраста выступали в военные походы вместе с отцами. Захваченных на войне стариков и немощных людей, по свидетельству Герберштейна отдавали молодежи, «для первых военных опытов; их либо побивают камнями, либо сбрасывают в море), либо убивают каким-либо иным способом»[352]. Ханских наследников мужского пола отправляли обучаться военному искусству на Кавказ, и они возвращались в родительский дом уже взрослыми возмужавшими воинами.

Так как регулярной армии в Крымском ханстве не было, то и вооружение было самым обычным: по утверждению

современников, в распоряжении воина находились сабля и лук со стрелами, которые на расстоянии ста шагов всегда попадали в цель. Татары могли стрелять двумя и тремя стрелами одновременно. Лишь у сейменов и уланов были надежные защитные доспехи.

Авторитетные современники не раз отмечали маневренность и мобильность татарского войска. Именно за крымскими, казанскими и ногайскими походами в русском языке того времени закрепилось название «война». Цель ее – захват «полона» – предопределила характер боевых операций татар. Даже во время больших походов от главного войска, вступившего на русскую землю, отделялись небольшие отряды – «загоны» («разгоны»), которые прочесывали близлежащие места, угоняя в плен не успевших укрыться людей. Сигизмунд Герберштейн подчеркивал, что татары – «это люди весьма хищные и, конечно, очень бедные, так как всегда зарятся на чужое, угоняют чужой скот, грабят и уводят (в плен) людей, которых или продают туркам [и любому другому], или возвращают за выкуп, оставляя у себя только девушек»[353]. Крымские походные войска редко осаждали крепости и города, предпочитая уничтожать, сжигать дотла окрестные селения и деревни.

И в Крыму, и в Казани ядро войска составляла ханская гвардия из уланов (огланов) и казаков. В разные периоды ее численность колебалась от нескольких сотен до нескольких тысяч элитных бойцов. Главной ударной силой являлась конница. Но в Казанском ханстве в боях задействовались и пехотные подразделения, состоявшие из марийских, мордовских, чувашских и удмуртских ополченцев. Артиллерийских орудий и в Крыму, и в Казани было мало, но в Казани еще и не хватало специалистов. Когда в 1524 году, при осаде города, метко пущенным русским ядром был убит единственный пушкарь, то казанские орудия замолчали – помощники мастера самостоятельно вести огонь не могли[354].

Готовясь к набегу на русское пограничье, татары стремились отвлечь внимание воевод, войска которых находились на рубеже. Для этого они старались ввести в заблуждение стоявшие в опасных местах дозоры. Часть неприятельских отрядов начинала действовать на максимально удаленном от выбранного для «войны» участке границы, отвлекая туда войска прикрытия, а главные силы врага прорывались там, где их уже не ждали[355]. Способ ведения боя у татар назывался «пляска». Это была череда атак и ложных ретирад, когда сотня за сотней нападали на строй врага, затем, встретив отпор или расстреляв запас стрел, уходили за другие сотни, сменяющие их на поле брани. Схожая тактика у

казаков получила название атака «лавой», у русских воевод – «травля». «Пляска» была призвана измотать врага, уничтожить или измотать его авангардное или фланговое прикрытие, смешать полки основной линии, окружить или обратить их в бегство.

Важным боевым преимуществом татарской рати была ее мобильность. Наличие у каждого воина нескольких заводных коней породы пахмат (бахмат), низкорослых, но выносливых и неприхотливых к пище, позволяло выступившим в поход воинам держать высокий темп движения, преодолевая до 100 верст в день в течение трех-четырех месяцев – обычного для набега на Русь или Литву срока.

В Великом княжестве Литовском (ВКЛ) к XVI столетию уже существовала поветовая военная организация. Каждый литовский боярин-шляхтич нес службу по тому повету, где находились его владения. Возглавлял поветовое ополчение пан хоругвный (стяговник), избиравшийся местным сеймом. Шляхтич должен сам был нести службу в поход в полном вооружении и выставить определенное количество конных воинов (коней) и пехотинцев (драбов) со всех своих владений, даже если они находились в разных поветах. Собранная для участия в военных действиях армия делилась «гуфы» (полки), а те – на «хоругви». Такая организация войска получила название «посполитое рушание»

Хорошо вооруженными и подготовленными были магнатские надворные войска, особенно на Волыни, Подолии и Бельзской земле, часто подвергавшихся татарским набегам. Эти войска комплектовались из вершников, мелких шляхтичей и других послужильцев. В начале XVI века в составе вооруженных сил Великого княжества Литовского появились подразделения гусар и казаков.

Ведя военные действия против врагов, литовские власти, как правило, действовали от обороны, надеясь на крепость своих городов и замков, в защите которых участвовало и их население. Ошибочность такой стратегии стала ясна после серии неудачных войн с Русским государством, отвоевавшим у Вильно на рубеже XV–XVI веков до трети территории ВКЛ, в том числе и один крупнейших городов страны – Смоленск.

Военными делами Ливонской конфедерации занимался Немецкий орден, магистр которого в 1530 году был официально пожалован императором Карлом V провинцией Ливонией и стал считаться имперским князем.

Армия Ордена представляла собой тяжеловооруженную рыцарскую конницу, усиленную отрядами пехотинцев –

«кнехтов». Во время войн и военных конфликтов эта армия широко и успешно использовала артиллерию. Отряды рыцарей действовали, опираясь на сеть хорошо укрепленных замков, затруднявших боевые операции противника.

В Швеции в конце XV – начале XVI веков армия военного времени состояла из ополчения дворян и крестьян-собственников, выставлявшихся ленами. Постоянная армия была сформирована только в 1523 году королем Густавом I Вазой, нанявшим в германских княжествах ландскнехтов. Из них тогда же составили несколько пехотных полков. Этот король ввел рекрутский набор, позволивший к середине XVI века увеличить численность шведских солдат-кнехтов до 17 тысяч человек. Данная цифра была очень высока для небольшой скандинавской страны. При Густаве I усилился и военный флот. К концу правления короля он насчитывал 4 крупных, 17 средних и 27 малых корабля[356].

Продолжилось укрепление Выборгского замка – главной шведской цитадели на русском рубеже. Предусмотрительность Густава Вазы пригодилась его преемникам. Шведская армия и флот стали серьезным противником для русского войска в царствование Ивана Грозного.

Совершенно разная организация сил неприятеля, совершенствуемая изощренность его действий вынуждали военное руководство страны учитывать это, планируя свои шаги при комплектовании, вооружении и использовании собственных сил в боевых операциях на территории врага и при защите собственных границ.

Глава 2. Военное управление. Комплектование, вооружение и снабжение русского войска. Обучение ратных людей

На рубеже XV–XVI веков значительно изменился не только состав вооруженных сил Московского государства, но и само военное управление, принципы комплектования русской армии и вспомогательных частей. Иными стали имеющиеся в распоряжении воинов средства борьбы, многие образцы вооружения и военной техники были усовершенствованы, их характеристики значительно улучшились.

Существенной частью военного строительства является система комплектования вооруженных сил – обеспечения потребностей армии в личном составе как в мирное, так и в военное время. В XV–XVI веках в странах Западной Европы на смену старому способу комплектования войск из рыцарских и городских ополчений пришло наемничество, приведшее к возникновению постоянных наемных армий. Власти Московского государства, заимствовали многие элементы европейской военной организации, но наемников использовали только в самых необходимых случаях, в основном в артиллерийском деле и крепостном строительстве. При Василии III, около 1521 года, был нанят отряд пехотинцев, состоявший из 1500 немцев и литовцев, однако сведений о существовании этого подразделения после 1524 года нет[357].

Центральным военным ведомством становится Разряд. И хотя первое достоверное сведение о существовании такого приказа относится только к 1535 году, сомневаться в существовании прообраза этого органа в последней трети XV века не приходится. Вопрос лишь в том, был ли он структурным подразделением Дворцовой избы или самостоятельным учреждением.

Первая известная запись разрядного типа сохранилась в Московском летописном своде конца XV века, в рассказе о походе великого князя Ивана III на Новгород в октябре 1477 года. Летописец, воспользовавшись не дошедшими до нас документами (в разрядных книгах эта запись отсутствует), подробно, по полкам, перечислил выступающих на войну московских воевод. Роспись военачальников была сделана и для Вятского похода 1489 года, в официальных разрядных книгах она также не сохранилась. В. И. Буганов полагал, что разрядные записи стали вестись с 1460-х годов, то есть в начале правления Ивана III, так как это время стало важным рубежом в местнических спорах – о

событиях предшествующего периода сообщалось со ссылкой на авторитетных лиц, о позднейших случаях писали, ссылаясь на документы великокняжеской канцелярии[358].

Создание Разряда было продиктовано требованием времени. В ходе войн второй половины XV века русским войскам приходилось биться на разных направлениях, в поход зачастую выступало несколько ратей, обязанных действовать согласованно, поэтому рано или поздно должно было возникнуть ведомство, занимавшееся планированием и осуществлением военных операций[359]. В. В. Пенской предположил, что необходимость учреждения Разряда диктовали три причины: «Во-первых, русские достаточно рано ощутили необходимость тщательной разработки планов ведения кампаний с учетом особенностей восточноевропейского ТВД (обширность, неразвитость инфраструктуры, малонаселенность, скудость ресурсов и пр.). Во-вторых, бедность государства и общества настоятельно диктовала необходимость создания специального органа, который мог бы взять на себя тяжелую работу по мобилизации и распределению наличных ресурсов. В-третьих, в Русской Державе так и не сложилась характерная для Западной Европы того времени система «временно-контрактных армий», и волей-неволей государству пришлось значительно раньше, чем, к примеру, в той же Франции, взять на себя обязанности по обеспечению армии всем необходимым для ведения боевых действий»[360]. Возражения вызывает лишь убеждение автора в обеспокоенности русских властей отсутствием возможностей рекрутировать «временно-контрактные армии».

На деятельность Разряда проливает свет сохранившийся в разрядных книгах фрагмент наказа, посланного в 1482 году из Москвы стоявшим в Нижнем Новгороде воеводам Ивану Василевичу Булгаку, Семену Ивановичу Молодому Ряполовскому и Ивану Юрьевичу Шаховскому. Он представляет собой указание (по не очень удачному определению Ю. Г. Алексеева, «директиву главного командования») идти на Казань и действовать против противника в «лехких судах», видимо, для устрашения его. Какой именно орган координировал тогда действия русских воевод неясно, однако функции его соответствовали функциям будущего Разряда; возможно, именно так возникшее ведомство и называлось.

В первой половине XVI века, не позднее 1527 года, Разряд превратился в самостоятельное ведомство с постоянным штатом сотрудников – разрядными дьяками и подьячими. Первыми известными нам разрядными дьяками были Елеазар Иванович Цыплятев, Афанасий Федорович Курицын и Григорий Иванович

Загряжский. И. И. Вернер связывал окончательную трансформацию Разряда в учреждение приказного типа с русско-литовской войной 1512–1522 годов. Историк полагал, что относить существование Разрядного приказа к более раннему времени рискованно из-за полного молчания разрядных росписей и отсутствия «воеводских наказов об этом учреждении»[361].

Разрядный приказ ведал всем кругом вопросов, относящихся к организации обороны страны, руководил подготовкой военных операций. Он распределял служилых людей по отечеству – дворян и детей боярских на службу по военному, гражданскому и дворцовому ведомствам, вел списки всех дворян по городам с уездами, так называемые «десятни».

Из своих городов дворяне и дети боярские выступали с присланным из Москвы «сборщиком», имевшим на руках полученный в Разряде список подлежащих мобилизации служилых людей. Отобранные для участия в походе служилые люди сразу же должны были сообщить сборщику, сколько они берут боевых холопов и обозной («кошевой») прислуги. Точно так же через городовых воевод или особых сборщиков, посылаемых Разрядом, происходил сбор посошных людей с указанием, где и когда посошные должны «стати» на службу.

В конце XV столетия, по сообщению московского посла в Милане Георгия Перкамоты, время сбора войска в поход не превышало 15 дней. В процессе мобилизации к армии присоединялись «в каждом городе и деревне намеченные и выделенные для него люди, по каждой провинции, так что всего вместе собираются двести и триста тысяч коней и что оплачиваются они общинами, городами и деревнями в течение всего времени, на которое названный их господин хочет их занять и что в отдельных случаях может быть выставлено еще большее количество пеших, которых употребляет для защиты и охраны городов и важных мест и проходов, где должны проходить пехота и конница его, и для сопровождения обозов с продовольствием»[362].

Вместе с назначением большой воевода получал из Разрядного приказа царский наказ. В нем содержалась важнейшая информация, необходимая при проведении объявленной мобилизации. Помимо прочего, командующему сообщалось, с кем предстоит вести войну, служилым людям из каких городов и уездов назначено участвовать в походе, когда и где собираться отдельным полкам и всему войску, когда начинать наступление или где ожидать подхода неприятельской армии, кто должен командовать отдельными полками, «нарядом» и «гуляй-городом» («обозом»), заведовать раздачей жалования и всяких запасов. В

наказе содержался маршрут движения отдельных полков и всего войска, сообщался примерный план военных действий.

Из документов более позднего времени известно, что помимо наказа главному военачальнику (большому воеводе) вручался и «разряд» (войсковая роспись ратных людей и воевод по полкам); для разбора сведений, поступающих командующему из Москвы и от других воевод, от разведывательных отрядов в армию назначались дьяки «с разрядом» или «у разряда».

Во главе дворянских отрядов разной численности стояли младшие воеводы, по сути бывшие в то время сотенными или даже полусотенными командирами. Они либо назначались вышестоящим командованием, либо избирались служилыми людьми или городом, где формировался полк.

Русская артиллерия

Первые огнестрельные орудия (тюфяки и пушки) появились на Руси в конце XIV века. Определяя более точную дату этого события, историки дореволюционной России придавали исключительное значение записи Тверской летописи, в которой под 1389 годом было отмечено: «Того же лета из немец вынесоша пушкы»[363]. В советское время сложилась традиция связывающая начало русской артиллерии с более ранней датой. Приверженцы ее указывают на наличие неких огнестрельных орудий в Москве во время осады ее Тохтамышем (1382 г.)[364]. Однако при этом не учитывался не только факт последующего захвата Москвы, а значит, и этих пушек татарами, но и того, что первые на Руси орудия, скорее всего, были трофейными – захваченными во время похода 1376 года московской рати князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского на Волжскую Болгарию[365]. Сообщение о появлении в 1389 году в Твери пушек имеет действительно первостепенное значение. На это указывает следующий, хорошо известный военным историкам факт: в 1408 году осадивший Москву эмир Едигей, зная о наличии в Твери первоклассной артиллерии, послал за ней «царевича» Булата[366]. Вопреки достаточно ясным указанием летописцев, П. А. Раппопорт утверждал, что Едигей, осаждая в 1408 году Москву, ожидал прибытия из Твери не артиллерийских орудий, а камнеметов[367]. Чтобы опровергнуть это голословное заявление, процитируем сообщение о данном событии в Московском летописном своде: «Стоя же Едигеи у Москвы в селе Коломеньском и тогда посылает послы своя, Булата цесаревича да князя Ериклибердея, на Тферь ко князю великому Ивану Михайловичю Тферьскому, веля ему бытии у Москвы часа того со всею ратью тферьскою и с пушками

и с тюфяки и с самострелы и с всеми сосуды градобинными…»[368]. Лишь откровенный саботаж тверского князя Ивана Михайловича, чрезвычайно медленно готовившего «наряд» к походу, вынудили Едигея изменить планы: взяв с москвичей денежный выкуп (3 тыс. рублей), он ушел в Орду, так и не дождавшись прибытия необходимых ему пушек.

О московской артиллерии того периода известно только то, что великий князь литовский Витовт после Грюнвальдской победы прислал своему зятю Василию I два медных трофейных немецких орудия[369].

Спустя полвека после нашествия Едигея тверская артиллерия оставалась первой на Руси. Заведовал ею знаменитый пушкарь Микула Кречетников, о котором инок Фома, автор «Слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче», писал: «Таков беаше мастер, но яко и среди немець не обрести такова». Он не только ковал пушки, не уступающие европейским, но и командовал тверским «нарядом» в походе на Углич и Ржев в 1447 году под знаменами великого князя московского Василия II. При осаде Углича, «когда привезли пушки, тогда воеводы великого князя Бориса Александровича, Борис и Семен, служащие как добрые и храбрые воины государю своему, великому князю Борису Александровичу, стали готовиться к предстоящей брани, а пушки поставили у самой городской стены и приказали стрелять; сами же двинулись на приступ, и все москвичи дивились их отваге, и дерзости, и великому их ратному искусству»[370].

Первые русские орудия были железными. Их ковали из полос металла толщиной 7—10 мм, после чего сгибали, придавая форму ствола, и сваривали. На такой ствол надевали следующий изогнутый лист железа и опять сваривали. Потом процедуру повторяли. Получались фрагменты ствола из трех слоев железа длиной от 200 до 230 мм. Секции приваривали друг к другу, получая металлическую трубу-заготовку нужной длины. Другой способ изготовления пушечных стволов предполагал обмотку цельнотянутой железной проволоки стержня с последующей ее проковкой. В этом случае казенную часть получали, забивая в будущий ствол конусообразную металлическую заглушку в нагретом состоянии.

Сохранилось несколько кованых пушек, поэтому мы знаем, что на изготовление средних размеров пищали калибра 50 мм и длиной 1590 мм шло 7 секций трубы. Интересно, что поперечные и продольные швы, получавшиеся при сварке стволов орудий, были очень хорошего качества, что свидетельствует о высоком

мастерстве русских оружейников. Известны железные кованые русские пушки из цельной заготовки. Так образом была изготовлена мортира (верховая пушка), хранящаяся в Тверском историческом музее[371].

Кованые орудия находились на вооружении русской армии в течение всего XV века. Их изготавливали калибром 24—110 мм, массой 60—170 кг. Первые тюфяки, пушки и пищали не имели прицельных приспособлений, но необходимость корректировки стрельбы очень скоро вызвала появление простейших прицелов – мушек и прорезей, а затем трубчатых и рамочных прицелов. Для придания угла возвышения орудию, находившемуся в дубовой колоде, использовали систему клинообразных вкладышей, при помощи которых приподнимали пушечный ствол на необходимую высоту.

Новый этап в развитии русской артиллерии был связан с началом литья медных орудий. Внедрение этой технологии улучшило качество «наряда» и позволило перейти к изготовлению пушек-пищалей и мортир крупного калибра. Литые орудия стоили дороже, но стреляли дальше и более метко, чем кованые. Для их отливки в 1475 году у Спасских ворот была основана Пушечная изба, которую позднее перенесли на берег Неглинной. Здесь изготовляли пушки мастер Яков с учениками Ваней и Васютой, а позднее – с неким Федькой[372]. В апреле 1483 года Яковом было изготовлено первое на Руси литое медное орудие (шестнадцатипудовая пищаль). К сожалению, она не сохранилась. Но он же отлил в 1492 году и самую древнюю из дошедших до наших дней литых пушек. Длина этой пищали составила 137,6 см (54,2 дюйма), вес – 76,12 кг (4 пуда. 26 фунтов), калибр – 6,6 см (2,6 дюйма). В настоящее время она пищаль хранится в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге. Это орудие отличает отсутствие цапф, дельфинов и торели. В то же самое время на дульном возвышении была сделана небольшая медная мушка, а на казенной части – специальная прорезь, в которую устанавливался прицел[373]. Позже для отливки артиллерийских орудий стали изготовлять специальные формы. Приступая к работе, из воска лепили будущую пищаль или пушку со всеми деталями – вертлюгами (цапфами), дельфинами, торелью, виноградом – и покрывали воск формовочной глиной. Когда она просыхала, вокруг образовавшейся глыбы складывали дрова и зажигали костер. Воск вытапливался, а обожженный глиняный монолит становился крепким, как камень. Затем в форму через железный сердечник заливали расплавленный метал, когда он затвердевал, форму разбивали, освобождая заготовку, снаружи уже напоминавшую

орудие, но еще без дульного отверстия. Его еще предстояло высверлить. Изготовив такую форму, можно было отлить одну-единственную пушку, на изготовление которой уходило от года до полутора лет. Так как для отливки каждого орудия делали новую форму, а полученную заготовку еще следовало дорабатывать, то двух одинаковых пушек не существовало.

Определенную роль в улучшении качества русских артиллерийских орудий сыграли итальянские и немецкие мастера, работавшие в конце XV – начале XVI веков в московской Пушечной избе, позже получившей название Большой Пушечный двор. Это предприятие, обнесенное надежной крепостной стеной, было организовано в Москве на реке Неглинной, как было сказано выше, еще в 1475 году. Но крупное литейное производство мануфактурного типа наладил здесь Аристотель Фиораванти[374]. Хорошо известный строитель Успенского собора, «муроль» (архитектор) прославился также искусством лить пушки и стрелять из них. О признании артиллерийских способностей знаменитого болонца свидетельствует его участие в походах на Новгород (1477 год), на Тверь (1485 год), во время которого старый мастер состоял при полковом «наряде». В 1488 году Пушечная изба сгорела, но вскоре, после уничтожившего ее пожара, на старом месте появилось несколько новых пушечных изб, в которых возобновилось производство артиллерийских орудий. Так возник Пушечный двор, где, помимо Аристотеля Фиораванти, создавшего в Москве эту первую крупную литейную пушечную мануфактуру, работали и другие известные итальянские мастера пушечного дела. В источниках упоминаются Павел Дебосис, в 1488 году отливший в Москве первое медное орудие большого калибра «в тысящу пуд меди»[375], Петр Фрязин, приехавший на Русь в 1494 году вместе с архитектором Алевизом и артиллеристом Джиакомо. Иоганн Иордан, командовавший рязанской артиллерией во время татарского вторжения 1521 года, в сообщениях источников предстает как опытный и искусный артиллерийский специалист. В XVI веке московский Пушечный двор превратился в большое литейное производство, где изготовляли медные и железные орудия различных типов и снаряды к ним. Однако пушки и ядра делали и в других русских городах: Владимире, Устюжне, Великом Новгороде, Пскове[376].

В начале XVI века, при Василии III, в Москве продолжали работать пушечные мастера-литейщики из Германии, Италии и Шотландии. В 1517 году на Пушечном дворе была отлита партия 16-пудовых «вальконеек» (фальконетов), артиллерийских орудий малого калибра, изобретенных в Италии всего 9 годами ранее. В то время полковые фальконеты находились на вооружении лишь

в Италии и Русской Державе[377].

По своим характеристикам русские орудия XV – начала XVII века можно разделить на 4 основных типов:

1. Пищали – обобщенное название артиллерийских орудий, предназначенных для настильной стрельбы по живой силе и оборонительным укреплениям противника. Среди пищалей были большие орудия и малокалиберные «волконеи» или «вальконейки» (фальконеты).

2. Верховые пушки (мортиры) – короткоствольные артиллерийские орудия крупного калибра с навесной траекторией стрельбы, предназначавшиеся для разрушения крепостных сооружений и зданий, находящихся за городской стеной. В качестве снарядов к ним использовались каменные ядра. Одна из древнейших русских железных верховых пушек хранится в Тверском историческом музее. Длина этого орудия составляет 41 см, калибр – 140 мм[378].

3. Тюфяки – небольшие артиллерийские орудия, предназначенные для стрельбы металлическим и каменным дробом по живой силе противника.

4. Затинные пищали – крепостное дульнозарядное ружье большого калибра (от 20 до 40 мм, длина ствола могла составлять 800 – 1450 мм). В Европе и Западной Руси крепостное ружье с «гаком» (крюком) под стволом, которым зацеплялись за крепостную стену с целью уменьшения отдачи при выстреле, известно под названием «гаковница». Первые ружья-пушки такого типа появились в Германии в первой четверти XV века. На Руси затинные пищали начали использовать к концу этого столетия. Оно оставалось на вооружении гарнизонных артиллеристов вплоть до окончания XVII века.

Следует подчеркнуть, что колесных лафетов в то время еще не было (их изобрели середине XVI века), поэтому к месту сражения «великие пушки» и мортиры доставлялись на подводах либо на речных судах.

Первый пороховой завод («зелейная мельница») был построен в Москве в 1494 году. Однако на протяжении многих десятилетий изготовление пороха также являлось обязанностью тяглого населения. Московский Пороховой двор находился неподалеку от Пушечного двора, на реке Неглинной, около Успенского оврага, в «Алевизовском дворе». В то время это был крупнейший в стране центр «зелейного» производства с большим числом работающих. Свидетельством служит летописный рассказ о произошедшем здесь в 1531 году большом пожаре, во время которого погибло

«болею дву сот человек» мастеров и работников[379].

Первоначально «зелье» (порох) изготовлялся в виде порошка («мякоти»). Исходными материалами для него служили измельченная селитра, сера и уголь. Применение порошкообразного пороха представляло немалое затруднение, так как при зачерпывании заряда шуфлою и подноске его к орудию часть пороха терялась. При перевозке и без того недостаточная однородность состава нарушалась, так как вещества, входившие в состав пороховой смеси, из-за тряски разделялись по удельному весу. Препятствовать этому призвано было использование отдельных камор заряжания.

Важным новшеством в деле изготовления пороха стало придание ему в начале XV века комковатого строения. Благодаря этому появилась возможность при производстве придавать зарядам и качеству пороха большее однообразие, что вело к уменьшению его потери.

Взрывчатая сила пороха в то время была мала, прежде всего, из-за малого содержания селитры и сравнительно большого количества серы. Только для орудий небольшого калибра и для заполнения запальных (затравочных) каналов готовили порох с большим содержанием селитры. Затравочный порох применялся в виде мякоти, а впоследствии – мелких зерен.

В качестве боевых снарядов русские пушкари использовали каменные и железные ядра, а также предназначенный для поражения живой силы противника «дроб», прообраз будущей картечи – рубленные куски металла («дроб железный сеченный»), камни, куски кирпича («с яблоко», «с куриное яйцо»), но чаще всего – кузнечный шлак. Долгое время выстрел дробом назывался «ежевым» («ежевый бой», «ежевый выстрел»). Для уменьшения угла разлета поражающих элементов и предохранения ствола от быстрого износа дроб стали насыпать в плетеную корзину, помещенную в ствол сразу за боевым зарядом, или в мешки с деревянным поддоном, оплетенные веревками.

Ручное огнестрельное и холодное оружие

История русского ручного огнестрельного оружия началась в конце последней четверти XV века. Об этом свидетельствуют сообщение русского посла в Милане Г. Перкамоты, датированное 1486 годом, и находка относящихся к концу XV столетия двух древнейших образцов «ручниц». Одно из ружей хранилось в Ивановском краеведческом музее (длина ствола – 23 см, калибр – 3,1 см), второе было найдено в 1598 году В. Т. Воронковым на дне

реки Лух (длина ствола – 24 см, калибр 2,2 см)[380]. Предположение М. М. Денисовой или кого то из ее соавторов о том, что первые образцы русского ручного огнестрельного оружия появились вместе с ранними артиллерийскими орудиями и мало чем отличались от последних[381], ничем не подтверждается. В настоящее время известны образцы ручного огнестрельного оружия, изготовленные лишь через 100 лет после появления на Руси «армат» – артиллерийских орудий.

Следует отметить, что внешний вид первых «ручниц» полностью опровергает высказанное Н. И. Гнатовским и П. А. Шориным предположение, что к казенной части ствола первых экземпляров такого оружия крепился «металлический стержень, имевший то же назначение, что и современная ложа», который «при стрельбе брался под мышку». По-видимому, в данном случае авторы пытались домыслить историю возникновения хвостовика для скрепления с ложей, который отковывался при изготовлении задней части ствола в более поздних изделиях такого рода[382].

Первые образцы ручного огнестрельного оружия являлись некоторым подобием использовавшихся при обороне крепостей затинных пищалей, послуживших прообразом ружей с фитильным запалом. Тогда все они назывались «ручницами», и только позднее – самопалами и пищалями (наиболее распространенное обозначение такого рода оружия, предназначенного для стрельбы с рук и имевшего уже замковые устройства), хотя термин «ручница» встречается в документах и XVI, и даже XVII веков.

Поскольку стволы первоначальных «ручниц» были коваными, изготовление их было доступно любому опытному кузнецу. Этим объясняется достаточно широкое распространение ручных пищалей в начале XVI века. Ими вооружались отряды пищальников. «Вогненный бой» имели многие горожане и даже крестьяне, особенно на опасном южном порубежье.

* * *

Первые образцы ружей представляли собой железный гладкостенный ствол с деревянной ложей и широким прикладом, иногда дуло ружья имело раструб. Калибр первых ручниц был очень большим из-за трудностей изготовления металлических трубок (стволов) небольшого размера – он достигал 30 мм и больше. Как правило, стволы пищалей были железными. Лишь одна из дошедших до нас «ручниц» имела уникальный медный ствол с затравочным отверстием в виде раковины в верхней части

казны. Оно закрывалось овальной крышкой на шарнире. Под дульной частью пищаль имела «гак» (упорный железный стержень), применявшийся в устройстве затинных пищалей – прообразе ручного огнестрельного оружия.

Ружья с затравкой в верхней части ствола вскоре заменили ручные пищали, у которых отверстие для воспламенения пороха делалось на боковой стороне ствола, а под ним приваривалась полка для затравочного пороха, что было удобнее и безопаснее для стрелка. Уменьшился калибр пищалей – в среднем до 15–18 мм. На ручницах устанавливались прицелы, как правило, в виде щитка с небольшой прорезью. Однако существовали прицельные приспособления в виде двух щитков, установленных на расстоянии 25,4 мм (в современном исчислении) друг от друга, прицелы в виде четырехгранной трубки и другие варианты.

Первоначально пороховой заряд воспламеняли раскаленным железным прутом, затем пропитанной селитрой деревянной палочкой и только потом с помощью фитиля, пропитанного селитрой и медленно тлевшего. Зажженный фитиль укрывали от противника и от сырости в специальных «фитильных трубках», изготовляемых из тонкой жести или железа с небольшими отверстиями для притока воздуха. Порох для заряда и затравки держали в костяных или деревянных «порошницах», сделанных из большого рога.

В XVI веке на Руси появились ружья и пистолеты, снабженные замком новой конструкции, так называемым «колесцовым» или искровым, изобретенным в Нюрнберге (Германия) в 1515 году. На замочной доске на оси располагалось заводившееся ключом стальное «колесцо» (небольшое колесо), при заводе сжимавшее пружину, закрепленную фиксатором. Механизм заводился специальным ключом, который вставлялся в выступающий конец оси колесика. Во взведенном положении пружину удерживало шептало, западавшее своим концом в отверстие колесика. При нажатии на спуск шептало освобождало пружину, которая начинала вращать колесцо, оно терлось о кремень, высекая сноп искр, воспламенявших порох на полке. Полка с порохом закрывалась специальной крышкой, и в случае дождя действие колесных замков не прекращалось. Колесцовый искровый замок заменил фитиль кремнем, положив начало системе кремневого огнестрельного оружия.

Однако новая конструкция замка не была совершенна: устройство его отличалось сложностью, стрелку требовался особый ключ для завода пружины, он быстро загрязнялся от порохового нагара, давал частые осечки. Но главным недостатком такого замка являлась высокая стоимость. Именно по этой

причине пехотные ружья с искровым колесцовым замком не получили в русской армии широкого распространения. Чаще использовались снабженные подобным механизмом карабины и пистолеты, которыми охотно вооружались кавалеристы (прежде всего несшие полковую службу дворяне и дети боярские), оценившие главное достоинство оружия, не требовавшего заботы о фитиле. В дальнейшем, с изобретением самооткрывающейся крышки полки, которая взводилась с началом вращения колесца, искровый замок был усовершенствован, что повысило удобство в обращении с ним, степень быстроты и надежности этого оружия.

* * *

Изменилось и холодное оружие, так как развитие военной техники и появление новых тактических приемов вынуждало мастеров-оружейников учитывать эти обстоятельства в своей работе. Было усовершенствовано ставшее более единообразным вооружение не только пехоты, но и конницы.

На протяжении всего изучаемого периода широкое распространение в русском войске имел лук с налучником и колчан со стрелами – саадак, остававшийся общепринятым оружием поместной конницы XV–XVI веков.

В бою русские стрелки из лука использовали чаще всего бронебойные наконечники с узким граненым жалом, иногда двушипные и двурогие наконечники, предназначенные для поражения бездоспешных воинов и их коней – шипы мешали выдернуть стрелу из тела, рога расширяли рану. Длина стрел составляла от 75 до 90 см, толщина – от 7 до 10 мм. Использовалось оперение из двух перьев, длина его не превышала 15 см[383]. Во время боя ничто не должно было мешать стрельбе, поэтому снаряжение заранее подгонялось. Как правило, колчан со стрелами помещался под правой рукой всадника, а лук в налучнике – на его левом боку. Конский убор – узды, седла, стремена, повод – также был приспособлен для ведения лучного боя. Сигизмунд Герберштейн, отмечая эту особенность, писал, что у русских коней «узда самая легкая (сидят они так низко, что колени их почти сходятся над седлом); седла (маленькие и) приспособлены с таким расчетом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. Сидя на лошади, они так подтягивают ноги, что совсем не способны выдержать достаточно сильного удара [копья или стрелы]»[384].

Меткий лучный бой не раз выручал русских воинов. В 1472

году, взяв пограничную крепость Алексин, хан Ахмед «вборзе» повел свое войско дальше на Русь, но не смог переправиться через Оку, где ему противостоял лишь небольшой московский отряд. Русские воины, прикрывавшие «перелазы», потратили все стрелы, но остановили врага, продержавшись до подхода подкреплений[385].

Оружием ближнего рукопашного боя с конца XV века стала сабля, распространенная среди воинов поместной конницы, хотя говорить о полном господстве этого оружия в данный период не приходится. Еще Герберштейн отмечал, что «саблю употребляют более знатные и богатые». Позднее Павел Иовий Новокомский, со слов московского посла Дмитрия Герасимова, писал, что «конница их (русских. – *В. В.*) ведет борьбу заостренными копьями, железными булавами и стрелами; только немногие имеют сабли»[386]. По-видимому, использование других видов холодного оружия объяснялось дороговизной хороших булатных клинков. В эпоху, предшествующую появлению огнестрельного оружия, сабли были распространены в большей степени. В Московском княжестве процесс перехода от прямого клинка к сабле начался в XIV веке, воины южных русских княжеств стали использовать это оружие гораздо раньше. Сабли XIII–XIV веков достигали в длину 110–119 см при ширине лезвия в 3,5 см и выгибе полосы в 6,5–9 см. Позднее длина сабельного клинка уменьшилась, но изгиб лезвия остался достаточно большим – до 9 см. В XV–XVI веках на Руси использовали в основном булатные сабли восточного (турецкого и персидского) образца с несколько искривленным лезвием. При этом конные воины предпочитали иметь на вооружении легкие сабли персидского типа, а стрельцам выдавались более тяжелые и широкие сабли турецкого образца. Рукоять делалась в виде креста для защиты руки и снабжалась у крестовины огнивом – продольной металлической полоской, призванной задерживать скользящее вниз по сабельной полосе неприятельское оружие.

Усиление защитного доспеха повлекло за собой трансформацию русского копья в пику и глефоподобное оружие ближнего боя. К XVI веку московские воины предпочитали использовать копья-пики с длинным древком и граненым наконечником и рогатины (копье с длинным и широким наконечником, под которым находились две перекладины, предохранявшие оружие от глубокого проникновения в рану). Разновидностью рогатины была совня – вариант этого древкового оружия с секировидным или ножевидным, но изогнутым лезвием вместо копейного наконечника. Однако, в отличие от рогатины, совня, ввиду формы наконечника, обладала не только колющими,

но рубящими и режущими свойствами.

Обычные копья постепенно вышли из употребления уже к XV веку. Последним большим сражением, в котором приняли участие копейщики, стала битва под Русой (Старой Руссой), произошедшая 3 февраля 1456 года. В сражении сошлись московская и новгородская рать. Вскоре после этого копье заменили длинной пикой или «списой» (спицей) – разновидностью этого колющего оружия с узким граненым наконечником-жалом.

На вооружении конницы оставались и метательные дроты – сулицы. Как об оружии русской кавалерии о них упоминал даже Александр Гваньини, в 70-х годах XVI века отметивший, что короткие дротики московитов не похожи на венгерские и польские[387].

В качестве боевого оружия продолжали использовать железные кистени в виде гирьки с шипами, прикрепленной цепными звеньями к рукояти, буздыганы, длинные кинжалы, описанные Сигизмундом Герберштейном: «продолговатые кинжалы, висящие наподобие ножей, спрятаны у них в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом можно коснуться до верхней части рукояти или схватить ее в случае надобности». Усиление защитной брони воинов вызвало к жизни чекан или клевец – в виде железного или медного молота с рукоятью до 60 см; удар острым бойком обуха пробивал панцирь или любой другой вид защитного доспеха. Шестоперы («пернатки») на железной рукояти длиной до 60 см представляли собой «начальнический жезл», который возили перед воеводами в походе.

Холодным оружием пехоты служил бердыш – широкая секира, которая через сделанные на обухе отверстия небольшими гвоздями крепилась к длинной, в рост человека, рукояти (ратовищу). Нижняя часть лезвия заканчивалась небольшой «косицей», с помощью гвоздей присоединявшейся к ратовищу; затем место крепления стягивалось прочным ремешком. Первые бердыши имели остро отточенную верхнюю часть лезвия, превращавшую это оружие не только в рубящее, но и колющее. На нижний конец древка насаживалось железное копьецо для втыкания бердыша в землю при стрельбе из ружья, для которого он служил подсошком. Бердыш – отечественное изобретение, изготовляли его только на Руси. При этом кузнецы, которым поручалось выковывать такие секиры, руководствовались образцами, присылавшимися из Москвы. Лезвия боевых бердышей в XV–XVI веках достигали в длину около 23,5 см.

В народной среде были широко распространены простейшие, но надежные образцы оружия ударного типа, дубина и ее вариант

«ослоп» – тяжелая деревянная палица, обитая на толстом конце железом или утыканная гвоздями. Вес такого недорогого, но достаточно эффективного оружия составлял от 6–8 до 12 кг.

* * *

Характерной особенностью развития доспехов XV–XVI веков явилось почти полное исчезновение щитов и широкое распространение булатных доспехов, часто очень высокого качества, которыми дорожили, передавая их по наследству от отца к сыну. Показательны в этом отношении слова князя А. М. Курбского, хотя и относящиеся к следующей эпохе, но лишь подтверждающие актуальность сложившейся ситуации. Его, трижды раненого, но вышедшего живым из жестокой сечи под Казанью, спасла «збройка» праотеческая, «зело крепкая»[388].

Головы служилых людей предохраняли «шеломы» или русские «шишаки» с характерными плавными контурами и высоким навершием («шишом»), а также «мисюрки», состоявшие из небольшого металлического назатыльника с крепившейся к нему кольчужной сеткой. Воеводским шлемом являлась «ерихонка», сделанная в виде «железной шапки» с «наушами» (металлическими бляхами, прикрывавшими уши), козырьком и защитной стрелкой. В коллекции ГИМ сохранилась редкой работы «шапка ерихонская», изготовленная из красного булата[389].

С улучшением техники изготовления кольчатых доспехов они становились более прочными и легкими в сравнении с применявшимися в предшествующих столетиях. С XIV века в Московском княжестве большое распространение получил чешуйчатый доспех – особый вариант защитной одежды, изготовляемый из металлических пластин квадратной или прямоугольной формы размером 6 × 4 или 6 × 6 см. Эти пластины в верхней своей части имели 5–6 небольших отверстий, служащих для крепления к кожаной или тканевой основе при помощи шнуровки или заклепок. Каждый новый ряд пластинчешуек накладывался поверх нижнего ряда, наподобие рыбьей чешуи, что и дало название доспеху[390]. Но и в XVI веке многие воины продолжали использовать железные кольчуги из округлых колец; байданы и полубайданы из крупных и плоских колец – без воротников, с разрезами на груди – воины надевали через головы. Шагом вперед стало появление на Руси «пансырей», изготовлявшихся из более мелких и тонких «плосковатых» колец, что делало их в два раза легче кольчуг. Широкое распространение такого рода доспехов получило отражение и в документах. В 1486

году в Милане московский посол Георгий Перкамота сообщал, что русские воины «пользуются легкими панцирями», добавляя в качестве разъяснения, что они напоминают защитное одеяние мамелюков.

Боевым защитным доспехом городовых детей боярских «малых статей» и военных слуг чаще всего были ватные «тегиляи». «Некоторые, – отмечал Герберштейн, – носят платье, подбитое ватой; для защиты от всяких ударов»[391]. Тегиляи были двух видов – толстые или тонкие (нестеганные). Наиболее часто употреблявшийся толстый тегиляй представлял собой стеганый кафтан чуть ниже колен, с закрывавшим шею высоким воротником («козырем») и рукавами по локоть, иногда с покрытием из «бархата цветного», с меховой опушкой, а чаще всего – из сукна или грубого холста, но почти всегда с металлическими пластинами и большими фрагментами кольчужных сеток, вшивавшимися между слоями стеганой ткани.

Тегиляи обеспечивали довольно надежную защиту: изготовленные из прочной ткани, с набитой внутри ватой, оческами конопли или льна, они были так плотно сшиты, что их едва ли возможно было прострелить, особенно стрелой[392]. В комплекте с тегиляем шла «шапка бумажная», которая делалась на вате из сукна, шелковых или бумажных тканей и иногда усиливалась кольчужными звеньями, зашивавшимися в подкладку.

Снабжение армии, содержание военнослужащих

Создавая поместное войско, состоящее из конных воинов, наделенных земельными угодьями (дачами), правительство в какой-то степени обеспечило содержание служилых людей по отечеству. В походы они обязаны были подниматься за собственный счет, заранее позаботившись о подготовке снаряжения и провианта («домовых запасов»).

Русские помещики «со всей своею службой» (военными слугами, лошадьми, оружием и припасами) выступали в поход за счет доходов с вотчин и поместий. Сигизмунд Герберштейн дал подробное описание организации походного быта московских воинов, подчеркнув их непритязательность и привычку стойко переносить трудности и лишения походной жизни. Каждый из ратников имел «прежде всего толченое просо в мешке длиной в две-три пяди, потом восемь-десять фунтов соленой свинины; есть у него в мешке и соль, притом, если он богат, смешанная с перцем. Кроме того, каждый носит с собой (сзади на поясе) топор, огниво, котелки или медный чан, и если он случайно попадет

туда, где не найдется ни плодов, ни чесноку, ни луку, ни дичи, то разводит огонь, наполняет чан водой, бросает в него полную ложку проса, добавляет соли и варит; довольствуясь такой пищей, живут и господин, и рабы. Впрочем, если господин слишком уж проголодается, то истребляет все это сам, так что рабы имеют, таким образом, иногда отличный случай попоститься целых два или три дня. Если же господин пожелает роскошного пира, то он прибавляет маленький кусочек свинины. Я говорю это не о знати, а о людях среднего достатка. Вожди войска и другие военные начальники время от времени приглашают к себе других, что победнее, и, хорошо пообедав, эти последние воздерживаются потом от пищи иногда два-три дня»[393].

Во время больших походов и длительных осад организовывалось централизованное снабжение действующих войск продовольственными и боевыми припасами. Собирались они в городах и уездах, расположенных в непосредственной близости от ТВД, доставлялись в расположение походных и осадных ратей обозами или судами. В том случае, если противнику удавалось нарушить снабжение русских войск, операции приходилось сворачивать. Наглядным примером служит получившая отражение в источниках ситуация, сложившаяся в 1524 году при осаде Казани. К действующим на территории ханства полкам воевод Шах-Али и Ивана Бельского из Нижнего Новгорода была направлена судовая рать Ивана Щереды Палецкого, состоявшая из 90 речных кораблей. Двинувшийся в путь караван должен был доставить продовольственные припасы для стоявшей под Казанью армии. Собраны эти припасы были в Нижегородском и других уездах на востоке страны. По берегу струги Палецкого сопровождал конный отряд из 500 воинов. Узнав о движении каравана, черемисы подготовили засаду и, уничтожив его прикрытие, напали на корабли. Лишь некоторые из них смогли прорваться через эту засаду и дойти до лагеря Шах-Али и Бельского под Казанью[394]. Из-за прервавшегося снабжения, несмотря на победу, одержанную тогда же русскими войсками в битве на Итякове поле, военные действия на территории Казанского ханства пришлось прекратить.

Подобно тому, как действовавшие на востоке страны войска снабжались припасами, собранными в нижегородских, владимирских, суздальских, возможно, устюжских землях, так и рати, воевавшие на немецком (ливонском) рубеже, обеспечивались псковскими кормами, а полкам, ходившим в «свейские» (шведские) пределы, припасы доставлялись из Новгорода. В дальних походах на неприятельской территории войска изымали все необходимое у местного населения.

Обучение ратных людей

В XV–XVI веках уровень и качество подготовки воинов поместного ополчения (а именно они составляли лучшую часть русского войска), правительство почти не волновал. Судя по результатам походов и сражений того времени, вставшие под великокняжеские знамена дворяне и дети боярские вполне соответствовали предъявляемым к ним требованиям. Умение владеть имеющимся в наличии разнообразным оружием, азы строевой и кавалерийской подготовки, знание общевойсковых сигналов усваивались дворянскими недорослями заранее – без этого они не могли быть поверстаны в службу и удостоиться государева поместного жалованья. В последующих походах и боях эти знания закреплялись практическим опытом, в том числе и специфическим, включающим навыки участия в зимних и судовых рейдах, несения дозорной и сторожевой службы. В результате суровая походная школа превращала русских помещиков и их боевых холопов в закаленных воинов, способных постоять за себя в схватке с самым опасным врагом.

Сложнее дело «ратного наученья» обстояло с пищальниками и пушкарями. При зачислении («приборе») на службу они уже должны были иметь необходимые им специальные знания. Однако специфика боевой работы требовала постоянной готовности и упражнений в стрельбе из «ручниц» и орудий. Некоторое представление о вариантах проверки умений артиллеристов дают сведения о потешных стрельбах, которые устраивались в Твери Микулой Кречетниковым. Зимой рядом с городом на Волге делалась ледяная крепость, а затем этот знаменитый пушечник и его помощники-поддатни расстреливали ее из своих тюфяков. Несомненно, подобные учебные и показательные стрельбы проводились в дальнейшем в других городах. Возможно, более или менее масштабно, хотя первые достоверные сведения о стрелковом смотре такого типа относятся к 1557 году.

Становление будущих воевод проходило в форме ученичества у старших родичей-учителей, в том числе и во время ведения военных действий. На примере дедов, отцов, старших братьев, ставших действующими командирами или заслуженными ветеранами, они учились непростому делу организации походной, разведывательной, дозорной, обозной служб. Также будущие воеводы постигали искусство распределения ратных людей по полкам, их расстановки на поле боя, управления ходом сражения или осады, обеспечения снабжения своего

подразделения или войска, ведения преследования разбитого противника и т. п. Единственной формой проверки должного уровня воеводской подготовки служила боевая практика, в которой та или иная ошибка или даже «оплошка» воевод могли дорого стоить находившимся под их началом полкам, да и им самим.

Глава 3. Организация охраны и обороны русских границ

В рассматриваемый период самыми проблемны ми для Русской Дежавы являлись восточный, южный, западный и северо-западный рубежи. Особенно тревожной была ситуация на степных «украинах». Включение в состав Московского государства мещерских, рязанских, верхнеокских и северских земель привело к образованию общерусской границы со степью, протянувшейся почти на 1000 верст. Военное прикрытие порубежья от нападений разных кочевых орд стало одной из самых важных задач московского правительства, требовавшей значительных усилий и материальных затрат.

Пристальное внимание изучению обстановки на «Поле» на Руси уделялось начиная со второй половины XIV века. Об этом свидетельствует хорошо известное послание митрополита Алексия «боярам, баскакам, духовенству и мирянам» на Червленый Яр – о подсудности их рязанскому епископу Василию. В этой грамоте впервые упоминаются русские караулы, стоявшие по рекам Хопер и Дон[395]. В дальнейшем охрана юго-восточных границ была доверена рязанским и мещерским казакам, а юго-западного порубежья – путивльским севрюкам[396]. Немногочисленная казачья стража неплохо справлялась с обязанностями до тех пор, пока в степи шло противостояние Большой Орды и Крымского юрта. В погоне друг за другом вражеские армии порой достаточно близко подходили к русским границам, но лишь однажды ордынцы серьезно ударили по Московскому государству. Осенью 1501 года, откликнувшись на призыв союзной Литвы, правитель Большой Орды Шейх-Ахмед напал на Северскую землю и, разорив окрестности Стародуба, захватил и выжег Рыльск и Новгород-Северский[397]. Это был последний успех Волжской Орды, которую в июне 1502 года разгромили войска союзника Москвы, крымского хана Менгли-Гирея. Благодаря этой победе обстановка на южных «украинах» Руси на несколько лет стабилизировалась. Набеги «лихих» ордынских казаков не представляли серьезной опасности: небольшие сторожевые отряды, организованные местным населением, могли справиться с ними. Главным оборонительным рубежом на южном направлении являлся «Берег» – система укреплений и военных лагерей на реке Оке[398].

Ситуация резко обострилась после ухудшения московско-крымских отношений, спровоцированного казанскими событиями

1505–1506 годов. Однако произошедшее тогда первое нападение из-за Перекопа закончилось неудачей. Московские воеводы сумели настигнуть противника, разорившего калужские, белевские и одоевские места, отбить захваченный «полон». Организовать столь быстрый и эффективный отпор нападению многочисленного неприятельского войска без существования хорошо налаженной дозорной и вестовой службы вряд ли было возможно. Хотя в сохранившихся документах того времени она не упоминается, действия русских воевод, точность и своевременность полученных в Москве сообщений о начавшемся татарском набеге свидетельствуют о ее наличии.

Более тяжелые последствия имели нападения 1512 года, когда разграбившим белевские, одоевские, алексинские и коломенские места татарам удалось благополучно уйти в степь вместе с захваченными во время набега полонянниками. Интересно, что и в этом случае Москва заранее получила из Стародуба от князя В. И. Шемячича сообщение о готовящемся вторжении, но не смогла организовать врагу должный отпор: направленные к реке Брыни войска не успели помешать татарской войне, а идти за врагом в степь не имели приказа[399].

Тогда-то и был принят знаменитый «Наказ угорским воеводам», который В. В. Каргалов назвал первым русским уставом пограничной службы. Появлению его предшествовали следующие обстоятельства. Нанеся удар по белевским, одоевским, алексинским и коломенским местам, часть татарских отрядов под командованием «царевича» Ахмед-Гирея осталась на «Поле», выжидая удобный момент для повторного нападения на «украины» Московского государства. Чтобы воспрепятствовать этому, на реке Угре сосредоточилось войско под командованием князя Михаила Ивановича Голицы Булгакова и конюшего Ивана Андреевича Челяднина. Им были даны четкие инструкции («Наказ»), согласно которым переданные в распоряжение воевод войска (в том числе отряды пищальников и посошных людей) необходимо было «розделити по полком, сколько, где пригоже быти на Берегу» реки Угры. В случае нового татарского нападения «угорские» воеводы, «посмотря по делу», должны были контратаковать противника на тульском и зарайском направлениях[400]. Так по рекам Оке и Угре начала выстраиваться «Береговая» линия обороны русских рубежей, именуемая чаще всего просто «Берегом». Свое значение она сохраняла до конца XVI века.

Прямых свидетельств о существовании в этот период сторожевой службы не сохранилось, хотя Герберштейн упоминал о русских караулах, стоявших в двух днях пути от Азова,

преследовавших и ловивших беглецов из Московского государства[401]. Поэтому в отечественной науке образовалось два противоположных взгляда на проблему. В. В. Каргалов полагает, что «применительно к 20-м гг. XVI в. можно говорить уже о создании постоянных сторожевых застав в направлении Азова и возле «северской украины»». Ряд серьезных неудач в борьбе с татарскими нападениями, с его точки зрения, объясняется тем, что в это время станичная и сторожевая служба в России была «не на высоте»[402]. Каргалову резко возражает В. П. Загоровский, считающий, что в первые десятилетия XVI века никакой станичной и сторожевой службы на Руси еще не существовало[403]. Подобный вывод представляется излишне категоричным, так как известно о существовании рязанских сторож, стоявших «у Поля», уже в первой четверти XVI века (в 1519/1520 году)[404]. Однако немногочисленные отряды, находившиеся на границе и почти не выдвигавшиеся на разведку в «Поле», не могли своевременно оповещать командование о готовящихся нападениях. Уже в царствование Ивана Грозного сторожевая служба на рубежах была дополнена войсковой разведкой, осуществлявшейся специальными станичными разъездами.

В том случае, когда выдвинутым к рубежам страны дозорным караулам удавалось получить достоверные сведения о действиях врага, они сообщали об этом наместникам и воеводам близлежащих городов. Те, в свою очередь, извещали государя и принимали все возможные меры к защите городского и уездного населения. Помимо максимально надежно укрепленных городов, монастырей и острогов, местом укрытия населения во время военной опасности становились заповедные засечные леса, укрепленные завалами и надолобами не только со стороны «Поля», но и с «русской» стороны. Засечные «крепости» известны на Руси с давних времен, но по-настоящему большое засечное строительство на южных рубежах началось после трагических событий 1521 года, когда татарская конница смогла прорваться к Москве. Оно продолжалось до 1566 года, то есть 45 лет. В дальнейшем этот первый рубеж обороны страны неоднократно совершенствовался и поновлялся.

Огромное значение имела основная на тот момент линия обороны, проходившая по так называемому «Берегу» – естественной речной преграде, которую являли тогда Ока и ее приток Угра. На Оке и ее притоках располагались города-крепости Козельск, Белев, Любутцк, Калуга, Серпухов, Ростиславль, Коломна, Перевицк, Рязань (Переяславль-

Рязанский), Касимов, Муром, Нижний Новгород и другие. Южнее «Берега» засеками были прикрыты Новгород-Северский, Путивль, Мценск, Пронск.

Следует отметить, что соседнее с Русской Державой государство – Великое княжество Литовское – в то время не смогло создать эффективную модель защиты от набегов крымских татар, хотя на Волыни возводились пограничные замки, из которых на южный рубеж высылались «сторожи». Их задачей было наблюдение за опасными местами и получение информации о приближении татар. Однако мобильные отряды крымцев легко прорывались к населенным местам, захватывая и уводя большой «полон». Только в XVII веке, благодаря деятельности местных князей, прежде всего Острожских, построивших новые укрепленные города с замками, защита порубежья существенно улучшилась, но полного решения проблемы обеспечения безопасности южных границ найдено так и не было[405].

Подобную систему обороны рубежей имела и Русская Держава, но там, где возможность встречи с многочисленной и подвижной конной армией исключалась. Так в XV – начале XVI века не существовало сплошной линии обороны на западных и северо-западных русских границах. Литовский и немецкий рубежи надежно прикрывала цепь мощных каменных крепостей, способных остановить или надолго задержать вражеские войска. Прежде всего укреплялись Псков и его «пригороды», находившиеся на направлении главного удара немецких и литовских армий. Важнейшими твердынями на этом рубеже являлись сам Псков, а также Изборск, Остров, Гдов. Долгое время хорошо защищенной Псковской землей, как щитом, пользовалось Новгородское государство, считая излишним укрепление своих западных границ в местах соприкосновения с псковскими пригородами. Основное внимание новгородцев было приковано к немецкому и шведскому рубежам, где они выстроили «каменные города»: Ладогу, Орешек, Корелу, Копорье, Тиверский городок и Ямгород[406].

Перечисленные крепости стояли на важных стратегических путях, ведущих вглубь Новгородской земли. Копорье прикрывало Водскую дорогу. Позднее, при усилении контактов с Прибалтикой, на этом же направлении был построен Ям-город на реке Луге. Дорогу в Карелию, Каянскую землю и к Выборгу защищали Корела и Орешек. Невско-Ладожско-Волховский озерно-речной путь стерегли Орешек, возведеный на небольшом острове в истоке Невы у Ладожского озера, и Ладога, построенная

на мысе, образованном реками Волховом и Ладожкой. Со стороны Литвы новгородскую границу прикрывали каменная крепость Порхов и деревянные города – Великие Луки, Старая Руса и Холм[407].

После присоединения Новгородской земли к Московскому государству указанные крепости подверглись серьезной реконструкции, усилившей их в военном отношении. В дополнение к существующим был построен ряд укрепленных городов. При Иване III были возведены новые деревянные укрепления во Владимире-на-Клязьме (1492) и в Великих Луках (1493), каменная крепость в Новгороде Великом (1484–1492) и «на Девичьи горе противу города Ругодива Немецкого» – каменная же крепость Ивангород. Первое укрепление, так называемая «четвероугольная крепость», была поставлена здесь в 1492 году; к этому сооружению впоследствии пристроили «Большой Боярший город» (по документам XVI века – «Большой город»), «Замок» (по документам XVI столетия – «Вышгород»), «Передний город» (по документам XVI века – «Новый каменный город» или «Середний город») и горнверк (по документам XVI столетия – «Земляной город»). После возведения Ивангорода эта крепость включилась в оборонительное полукольцо псковских форпостов, прикрывавших русские границы со стороны Швеции и Ливонии.

К этому времени относится и возведение самой знаменитой русской крепости, сохранившейся до наших дней и ставшей одним из символов России – Московского Кремля. Он была построена на месте старой, утратившей свое значение белокаменной крепости XIV века. В 1485–1495 годах на Боровицком холме поднялись новые кремлевские стены и башни, выше и толще прежних; их облицовали красным кирпичом. Строили Кремль итальянские («фряжские») мастера: Антон Фрязин Марко Руффо, Пьетро Антонио Солари, Алевиз Фрязин (Миланец), Алевиз Фрязин (Новый). Поставленные по кромке Боровицкого холма 17 башен (7 из них были проездными) соединялись несколько изломанной по линии стеной с меньшими стрельницами и характерной формы узкими двурогими зубцами. Новый Московский Кремль заметно отличался от прежних русских каменных крепостей – он был рассчитан на активную оборону, на боевые действия с применением огнестрельного оружия.

Строительство завершилось уже после кончины Ивана III. В 1508 году миланец Алевиз Фрязин руководил работами по прорытию глубокого (около 8,5 м) и широкого (около 37 м) рва вдоль восточной стены Кремля, соединившего Москву-реку с

Неглинкой. В результате новая цитадель на Боровицком холме надолго превратилась в окруженный водой неприступный остров. В 1516 году в начале Троицкого моста по проекту того же Алевиза Фрязина сооружается Кутафья башня – невысокая, окруженная рвом и рекой Неглинной, с единственными воротами, которые в минуты опасности наглухо закрывались подъемной частью моста. Она имела бойницы подошвенного боя и машикули. Эта башня, единственная вне периметра кремлевских стен, могла стать серьезной преградой для любой армии посмевшей осадить главную московскую крепость.

Также при Василии III, в 1523 году, на восточной окраине страны, в 150 верстах от Нижнего Новгорода, на месте марийского городка Цепель, была построена каменная крепость, получившая название в честь правящего государя – Васильсурск (первоначально – Васильев Новгород, затем Васильгород). Освящение возведенного в устье реки Суры города свершилось в первый день нового 7032 года, то есть 1 сентября 1523 года. В 1524 году здесь, на восточном рубеже страны, была открыта постоянная ярмарка, которую впоследствии перевели ближе к Нижнему Новгороду, в Макарьево.

Также при Василии III на южном рубеже были построены крепости Тула и Зарайск. Тульский каменный кремль заложили на левом берегу реки Упы еще в 1507 году, но из-за возрастания угрозы со стороны Крыма на подготовленном основании к 1509 году поставили деревянные дубовые стены. Небольшую по размерам каменную крепость с девятью башнями, в том числ четырьмя проездными, поставили позднее – в 1514–1520 (1521) годах – внутри деревянного города. Зарайск начали возводить в 1528 году на реке Осетр, правом притоке Оки, завершили же строительство «града каменного» с четырьмя угловыми и тремя проезжими башнями в 1531 году.

Подобно Ивангороду, Тула и Зарайск имели строго прямоугольный план и были сравнительно невелики. Протяженность крепостных стен Зарайска составила 648 м (134 × 190 м), в Туле стены построили большей длины – 216 × 304 м, с общей протяженностью прясел в 1040 м. И Тульская, и Зарайская каменные крепости были выстроены из одинакового материала, красного кирпича – «железняка», частично облицованы белым камнем (в Зарайске им покрыли цоколь, частично башни и стены на 2/3 высоты). В один год с Зарайском «доделан бысть град Коломна каменъ», поставлены новые деревянные стены и башни в Кашире и Чернигове[408].

Важную оборонительную функцию выполняли монастыри, крепостные укрепления которых могли остановить продвижение

врага. Особенно много таких обителей строилось на южном и восточном порубежье страны. Об одном из основанных при Василии III мужских монастырей – Успенском Шеренском – так и говорилось, что построен он был недалеко от городка Любима для обороны от нападений казанских татар – «от татарского збега»[409].

Западная и северо-западная границы Московского государства также не оставались неизменными. В ходе победоносных войн конца XV – начала XVI века с Великим княжеством Литовским и после присоединения Псковской земли ее удалось отнести далеко на запад, укрепить старый «свейский» (шведский) рубеж. Главной крепостью и при Василии III здесь оставался Псков, основательно укрепленный во время десятилетней войны 1512–1522 годов с Великим княжеством Литовским. Начало работ было связано с обрушением в 1517 году 40-саженной стены псковского Крома. Для ее восстановления Василий III прислал 700 рублей и архитектора Ивана Фрязина. Под его руководством псковичи возвели на месте разрушенной новую стену. Также были достроены начатые еще в 1507 году укрепления у Гремячей горы в Запсковье. Городские укрепления поновлялись и усиливались и в дальнейшем – в 1524, 1525–1526 годах. Благодаря мастерству русских зодчих ни в XVI, ни в XVII веках, ни поляками при Батории, ни шведами при Густаве II Адольфе, несмотря на все старания врагов, Псков так и не был взят, как и Псково-Печерский монастырь, после фортификационных работ 1519–1523 годов превратившийся в мощную крепость на границе с Ливонией[410].

К середине 30-х годов XVI столетия западный и северозападный рубеж Русской Державы проходил по линии: Печенгский монастырь – Сердобольский острог – Корела – Копорье – Ям-Ивангород – Гдов – Псково-Печерский монастырь – Псков – Изборск – Остров – Красный – Опочка – Себеж – Заволочье – Невель – Велиж – Смоленск – Рославль – Попова гора – Гомий (Гомель) – Новгород-Северский – Чернигов – Путивль. Все пограничные города являлись первоклассными крепостями, способными выдержать длительную осаду. Они имели каменные или дерево-земляные укрепления, имевшие определенные преимущества. Это обстоятельство подметил в более позднее время наблюдательный Рейнгольд Гейденштейн, писавший: «Вследствие большого богатства лесного запаса у них (русских – *В. В.*) выстроены почти все крепости из дерева, из собранного в кучу множества огромных бревен, обыкновенно покрытых дерном; притом все крепостицы снабжаются бульверками и башнями и

кроме того окружаются искусственными рвами, если не было природных, валом и забором; вследствие чего эти строения не только не оказываются по виду некрасивыми, но до последней войны (Ливонской войны – *В.В*), во время которой большая часть их была взята королем вследствие воспламенения от падавших бомб, считалось, что эти строения более безопасны для обороны и представляют большую выгоду, нежели каменные, так как, с одной стороны, таковое строение больше противится действию орудий, а с другой, если оно и пробито, то это не ведет за собой большого разрушения стены, что обыкновенно бывает с каменной постройкой»[411]. Не стоит забывать, что даже принадлежавшая тогда шведам мощная крепость Выборг до середины XVI века с восточной и северо-восточной сторон была прикрыта дерево-земляными укреплениями[412], что не помешало ее гарнизону успешно выдержать все русские осады того времени. Северные рубежи страны на побережье Белого моря и Кольском полуострове стали укрепляться лишь с середины XVI столетия.

Глава 4. Московские воеводы

В военном деле исключительную роль играет личность полководца – военачальника, от действий которого в конечном итоге зависит исход сражения, похода, а зачастую и всей войны. В XV–XVI веках все войсковые начальники по традиции именовались воеводами. Как правило, учитывая опасности военного времени, на любую должность воевода назначался «с товарыщи», то есть с помощниками, младшими воеводами. Эти воеводы «второго плана» в случае необходимости (смерти, ранения, пленения и так далее) могли заместить выбывшего из строя старшего военачальника. Начиная с XV столетия воеводы и их «товарыщи» стояли во главе отдельных частей русского войска: Большого, Передового, Сторожевого, Левой и Правой руки, Ертоульного, «судовой рати», «наряда» (артиллерии), «гуляй-города», «коша» (обоза), «посохи». Главнокомандующим был большой воевода, являвшийся первым воеводой Большого полка. На должности полковых командиров назначалось иногда до 4 воевод.

Действия командного состава московского войска зачастую трактуют неверно. Так В. В. Пенской недавно заявил, что в рассматриваемый период «русские воеводы окончательно отказались от стремления решить исход войны в генеральном сражении и сделали упор на ведение «малой» и осадной войн»[413]. Это серьезная ошибка. В том случае, если противник не уклонялся от боя и не отсиживался в крепостях и замках, военачальники Ивана III и Василия III без колебания вступали в сражение с противником, иногда себе на беду, как в битве под Оршей в 1514 году.

Централизованной системы подготовки командных кадров не было, поэтому огромное значение имело уже отмеченное выше родовое наставничество. Оно предусматривало обучение подрастающих сыновей и племянников воевод на примере и под присмотром старших родственников – действующих военачальников. Потому так прочно стоял все эти века нерушимый порядок местничества, несмотря на то, что сами московские государи характеризовали его как «проклятый литовский обычай». Хотя в ряде случаев определение соответствия того или иного назначения общепринятым нормам было необходимо, ведь это помогало выстраивать иерархию командных чинов. Все местнические назначения фиксировались в документах Разрядного приказа. Со временем установилось

следующее соотношение «мест» по полкам:

Первый воевода Большого полка – главнокомандующий.

Первый воевода Полка правой руки равен со вторым воеводой Большого полка.

Первые воеводы Передового и Сторожевого полков – равны между собой.

Первый воевода Полка левой руки равен со вторым и третьим воеводой Большого полка.

Однако старшинство полковых воевод не было статичным. В ряде случаев Передовой полк считался «выше» Полка правой руки, а Полк левой руки – Сторожевого полка. В 11 случаях в Государевом разряде помещены росписи воевод с иным порядком старшинства – Большой полк, Полк правой руки, Передовой полк, Сторожевой полк, Полк левой руки[414].

Процедура вступления воеводы в должность и его действия в случае согласия или несогласия с назначением или сопутствующими с ним обстоятельствами подробно описаны А. И. Филюшкиным: «При назначении на ту или иную должность служилый человек получал грамоту об этом назначении – так называемые «списки». Грамота не носила персонального характера, это был документ о назначении всех должностных лиц, связанных с данной акцией (списки воеводских назначений в полки в планируемом походе, списки посольства и т. д.). Чаще всего это была выписка из разрядных книг (особых книг, содержавших перечни служебных назначений, которые составлялись в специальном ведомстве – Разряде, с середины XVI века – Разрядном приказе). Дворянин, таким образом, сразу же мог оценить, «выше» и «ниже» представителей каких родов он оказался и соответствует ли это положению его рода, нет ли «порухи чести»….

Если новоиспеченного воеводу устраивало назначение, он «брал списки» и отправлялся на войну. Если же нет – вот тут и начиналось самое интересное для дворян и самое неприятное для властей. Сын боярский не брал списков с назначением, отказывался исполнять порученную службу и просил возбудить дело и пересмотреть решение – «меньше такого-то мне быть невместно». Власти подобные иски терпеть не могли, называли «дурованием», но были вынуждены «давать счет», то есть рассматривать аргументы сторон, почему они не могут принять данного назначения (в основном это были перечисления служб предков, кто и когда был кого «больше»)»[415].

Изучение дошедших до нас разрядных и родословных книг, других разрядных документов позволяет проследить первые служебные назначения военачальников, со временем ставших главными командирами московского войска. Полного свода биографий русских полководцев XV–XVI столетий, да и предшествующих и последующих веков, до сих пор нет. В этом, с нашей точки зрения, состоит первоочередная задача отечественных историков на ближайшие годы. В данной книге же рассказывается лишь о наиболее отличившихся воеводах времен великих государей Ивана III и Василия III. При учете преемственности в деле военного образования и воспитания той поры, в необходимых случаях приводятся сведения о родителях и наставниках того или иного русского полководца.

Помещенные ниже биографии представлены в виде отдельных очерков, посвященных самым выдающимся военачальникам эпохи завершения собирания русских земель вокруг Москвы.

Иван Васильевич Стрига Оболенский

Имя князя Ивана Васильевича Стриги Оболенского (?—1478) впервые упоминается в исторических хрониках в 1446 году, в период злосчастной войны, расколовшей до того дружный московский княжеский род. Следует отметить, что именно отец Ивана, Василий Иванович Оболенский, в 1450 году нанес решающее поражение Дмитрию Шемяке, по сути, поставив точку в войне за московский престол. Ивана Васильевич был боярином и воеводой великого князя Василия Васильевича Темного, после смерти которого в 1462 году стал верно служить его сыну Ивану III.

Как уже было отмечено, летописец первый раз упоминает имя Ивана Стриги в 1446 году, когда Шемяка и его союзник Иван Можайский вероломно пленили Василия II. После этого великого князя ослепили и вместе с детьми заточили в крепости Углич. Тогда верные сторонники Василия Темного составили заговор, во главе которого встали Иван Васильевич Стрига Оболенский и князья Ряполовские. Они решили собрать войско и на Петров день идти к Угличу – освобождать своего государя, но кто-то из их недоброжелателей донес Шемяке об этом замысле. Стриге Оболенскому и его единомышленникам пришлось бежать за Волгу, на Белоозеро. В погоню за ними Шемякой были отправлены «многие полки». Командовал ими Василий Вепрев. Ему все-таки удалось настичь рать Ивана Стриги, но лишь себе на беду. В сражении при устье реки Мологи войско Вепрева было

разбито. Несмотря на одержанную победу, время оказалось упущенным, и поход к Угличу не состоялся. Оболенский решил идти через Новгородскую землю в Литву, к городу Мстиславлю[416]. Там уже собрались многие приверженцы Василия во главе с князем Василием Ярославичем Боровским и «удалым воеводой» Федором Басенком. Имея точные сведения, что власть Шемяки непрочна, они готовились возобновить боевые действия против узурпатора, и в этой затее нуждались в прославившемся своей победой над сторонниками Шемяки Стригае Оболенском и его испытанных в бою людях. Соединившись в литовском местечке Пацыне Рославльского уезда, воеводы двинулись к Угличу. По дороге они узнали, что великий князь уже освободился и собирает рати, чтобы вернуть престол. Союзники поспешили на помощь, соединились с ним у Углича и дальнейший поход совершили уже вместе[417].

В 1449 году Оболенский был воеводой в Костроме и вместе с Федором Васильевичем Басенком отразил нападение Шемяки, возобновившего военные действия и осадившего доверенный Ивану Стриге город, взять который из-за мужественного сопротивления защитников так и не смог. Об этом событии рассказывается в «Воскресенской летописи»: «Тое же весны князь Дмитрей Шемяка, преступив крестное целование и проклятые на себе грамоты, поиде к Костроме с многою силою, а приде на Велик день, и много бився под градом, но не успеша ничтоже; понеже бо застава в нем бе князь Иван Василиевич Стрига да Федор Басенок, и с ними многие дети боярские, двор великого князя. А князь велики слышав то поиде противу ему, взем и митрополита с собою, и епископы, и братию свою и царевичев с всеми силами, и придоша на Рудино; а князь Дмитрей перевезеся В[о]лгу на их же сторону, и тако смирися»[418]. Правда, ненадолго – в следующем году, 27 января, он был разбит отцом Ивана Стриги, Василием Оболенским, в решающем сражении под Галичем. Можно с достаточной долей вероятности предположить, что его сын – молодой, но уже опытный московский воевода – также был в составе победоносного великокняжеского войска.

В 1456 году, когда Иван III двинул свои рати на Новгород, Иван Стрига Оболенский сопровождал его, но затем вместе с Ф. В. Басенком был послан во главе отдельной рати на Русу (Старую Руссу). Им удалось захватить этот город врасплох. Отправив большую часть своих воинов, воеводы оставили при себе лишь 200 детей боярских. Понадеявшись на численное преимущество, их атаковало 5-тысячное новгородское войско князя Василия Низовского. Нижегородцы попытались выбить воинов Стриги из Русы, но безуспешно. Во время сражения за Русу

был взят в плен посадник Михайло Туча, а другого новгородского воеводу, боярина Есифа Носова, убили. Погиб также сын посадника Офонос Богданович; тысяцкий Василий Александрович Казимир, раненный в сражении, едва спасся с поля, а конь под ним был убит[419]. Это знаковое поражение большого войска от малого ускорило заключение Яжелбицкого мира между Москвой и Новгородом.

В 1460 году по челобитью псковичей Стрига Оболенский был отправлен великим князем в качестве князя-наместника в Псков, сменив там литовского князя Александра Васильевича Чарторыйского, зятя Шемяки и одного из самых ненавистных врагов Василия II. 23 марта 1460 года псковичи торжественно посадили Ивана Васильевича на княжение и «даша ему всю княжюю пошлину и целова крестъ ко Пскову». Заключив выгодный мир с Ливонским орденом, в 1461 году Иван Стрига был отозван из Пскова[420]. Уже при новом государе Иване III, в 1463–1468 годах, он был наместником в только что присоединенном к Московскому государству Ярославском княжестве.

В 1467 году два лучших московских полководца, И. В. Стрига Оболенский и Д. Д. Холмский, были отправлены на помощь служилому царевичу Касиму, решившему овладеть принадлежащим ему по праву наследования Казанским ханством. В Москве придавали исключительное значение этой операции, поэтому сам Иван III находился с резервными войсками во Владимире, а с Иваном Стригой был отправлен великокняжеский Двор – «конная сила». Но на переправе в устье реки Свияги русская рать князя Оболенского и татарские отряды Касима была встречена большим казанским войском хана Ибрагима (племянника Касима) и осталась на правобережье Волги. Помочь могло только своевременное прибытие «судовой рати», двигавшейся на помощь Стриге и Касиму по рекам Клязьме, Оке и Волге. Но она так и не успела до морозов подойти на помощь стоявшим на Волге войскам. Попытка заманить на свой берег и захватить татарские речные корабли также не удалась. Поздней осенью 1467 года русские полки вынуждены были начать отступление к своей границе[421].

Зимой 1467/1468 года, когда в ответ на действия русских войск казанские отряды напали на верховья реки Юга, сожгли город Кичменгу и разорили две костромские волости, на них был послан Иван Оболенский. Он прогнал врага, преследовал его до реки Унжи, но настичь не смог. Тогда, разорив земли черемисов, союзников казанских татар, князь вернулся в Кострому, откуда начал свой поход[422].

В 1471 году Иван Васильевич участвовал в походе великого князя к Новгороду, командуя вторым полком русской рати и союзной татарской конницей, шедшими восточнее полка Холмского «на Волочек да по Мсте». Перед войском Стриги Оболенского была поставлена задача обойти Новгород с востока и отрезать его от северных земель[423]. Вскоре после победоносного завершения этой войны псковичи вновь попросили Ивана III дать им наместником Ивана Стригу, но государь отказал, многозначительно заявив, что он «мне здесе оу себе надобе»[424].

В 1472 году, при известии о нашествии хана Большой Орды Ахмеда (Ахмата) на московские области, вместе с другими воеводами князь был послан к Оке, где татары штурмовали Алексин[425]. Спасти атакованный город не удалось, но двинуться дальше и скрестить оружие со Стригой Оболенским Ахмед не решился и, прекратив сражение за переправы, ушел в свой юрт.

В 1477 году князь И. В. Стрига Оболенский был одним из главных участников похода великого князя к Новгороду. Он двинулся туда по Яжелбицкой дороге, и при распределении позиции был назначен с владимирским ополчением в Передовой полк. 24 ноября Оболенский получил приказание под главным начальством брата великого князя, Андрея Васильевича Меньшого, занять все монастыри в окрестностях города, чтобы новгородцы не выжгли их. Оболенский, ночью двинувшись из Бронниц, где стояло тогда великокняжеское войско, перешел по льду Ильмень-озеро. Поручение Ивана III было исполнено – к утру на подступах к городу уже стояла московская рать. Когда же новгородцы решились сдаться, именно Стрига вел переговоры с ними от имени Ивана III об условиях капитуляции, а после сдачи был назначен вместе с братом Ярославом новгородским наместником и приводил жителей Новгорода к присяге великому князю.

Это была последняя служба Стриги Оболенского своему государю – весной 1478 года он умер, вероятно, от моровой язвы, опустошавшей в то время Новгород. Перед смертью князь успел отыскать и отправить в Москву архив, в котором хранились все договоры («грамоты докончальные»), когда-либо заключенные новгородцами с князьями литовскими. Похоронили воеводу «по его велению» в Суздале, в Спасо-Евфимиеве монастыре на реке Каменке[426]. Через полтора века в этом же монастыре будет похоронен еще один знаменитый русский военачальник – Дмитрий Михайлович Пожарский.

Данила Дмитриевич Холмский

Одним из самых прославленных воевод Ивана III считается и является потомок тверского княжеского рода, первый покоритель Казани Данила (Даниил) Дмитриевич Холмский (? – 1493). Хотя точная дата его рождения неизвестна, по косвенным данным можно предположить, что появился на свет князь, по-видимому, не позже 40-х годов XV столетия. Он был средним сыном не имевшего своего удела князя Дмитрия Юрьевича Холмского, праправнуком казненного в Орде великого князя тверского Александра Михайловича и правнуком его четвертого сына Всеволода, в наследство получившего лишь одно село Красный Холм, от которого и пошло фамильное прозвище этой ветви рода тверских княжат – Холмские. Старые споры Твери и Москвы казались уже не такими важными – Борис Александрович Тверской породнился с московским князем Василием Темным, сосватав дочь Марию за сына Василия, Ивана, и помог новой родне одолеть теснившего их галицкого князя Дмитрия Шемяку. В пору примирения старых врагов многие тверские князья и бояре перешли на московскую службу, в их числе оказался и Данила Холмский, прославившийся впоследствии как один из лучших воевод Ивана III.

Вскоре князь получил первое ответственное поручение. В Казани умер старый хан Махмутек, оставивший трех сыновей – Мустафу, Халиля и Ибрагима, сразу же начавших бороться за власть. В конце концов престол захватил хан Ибрагим. Но враждебные ему татары решили предложить казанский трон родному брату покойного Махмутека, Касиму, давно уже перешедшему на московскую службу. Иван III решил помочь ему войсками, поставив во главе их Данилу Холмского и опытного в ратном деле князя Ивана Васильевича Стригу Оболенского. В 1467 году вместе с ханом Касимом они выступили в поход на Казань. Подойдя к Волге, воеводы не смогли переправиться через реку, так как на другом ее берегу стояло большое татарское войско. На Волге действовала неприятельская флотилия. Попытка заманить на свой берег и захватить татарские корабли не удалась. Безрезультатно простояв в устье Свияги до поздней осени, русские полки вернулись обратно. Однако начавшаяся этим не очень удачным походом война с Казанским ханством только набирала обороты. Зимой произошли ответные нападения врагов на московские рубежи. Разгорелись ожесточенные бои на границах, перевес в которых оказался на стороне русских воевод, тогда же разоривших земли черемисов (марийцев), и чувашей, сражавшихся на стороне казанских татар. Весной 1468 года казанские татары и черемисы напали на Муром, где тогда стоял с войском Данила Холмский. Нападение было внезапным,

противнику удалось разорить окрестности этого города. Однако получив сведения о силах врага и его местоположении, воевода не дал ему далеко уйти. Настигнув неприятельский отряд, князь наголову его разгромил, отбив у татар взятый ими полон.

В 1469 году Данила Холмский оказался в числе других великокняжеских воевод, по слову великого князя ударивших по Казани. Войско младшего брата великого князя, Юрия Дмитровского, подошло к татарской столице и со всех сторон окружило город. В этом походе Холмский командовал Передовым полком конной рати. Осажденный московскими войсками хан Ибрагим поспешил заключить с воеводами Ивана Васильевича мир.

Великий князь по достоинству оценил военные дарования Данилы Дмитриевича и вскоре снова двинул его в бой. Во время похода Ивана III на Новгород в 1471 году князь Холмский вновь командовал Передовым полком, действовавшим в самых опасных местах. Сравнительно легко его отряды овладели Старой Руссой, но у погоста Коростынь московское войско подверглось нападению неприятельской «судовой рати». Высадившиеся с ушкуев и насадов на ильменский берег новгородцы внезапно атаковали московский стан. Находившиеся там воины поначалу «оплошались» и дрогнули под их дружным натиском. Однако Холмский и второй московский воевода, Федор Давыдович Хромой, сумели переломить ход боя и разгромили атаковавших их ушкуйников. Однако одержав эту победу, Холмскому пришлось срочно разворачивать свои полки обратно к Русе, где с кораблей высаживалась еще одна новгородская «судовая рать», прошедшая в тыл москвичам по реке Полисть. По некоторым сведениям, это войско по крайней мере в два раза превосходило небольшую армию Холмского, однако внезапность была на стороне московских воинов. Стремительно атаковав противника, Данила Дмитриевич разбил новгородцев и отправил к великому князю гонца Тимофея Замыцкого с вестью об одержанных победах.

Полученный в ответ приказ Ивана III развернул войско Холмского на помощь псковичам, против которых выступили главные новгородские силы под командованием степенного посадника Дмитрия Борецкого. Две армии – 5-тысячная московская и 40-тысячная новгородская – встретились на реке Шелонь, где 14 июля 1471 года и грянула битва. В этом сражении лишний раз подтвердилось правило, что побеждать следует отнюдь не числом, а ратной доблестью и умением. Переправившись через Шелонь, Холмский внезапной атакой обрушился на врага и опрокинул новгородское ополчение, в большинстве своем состоявшее из людей, «от рождения на конях

не бывавших». Преследуя бегущих, москвичи уничтожили сопротивляющихся, пленили и разогнали по окрестным лесам остальных. Победа на Шелони предопределила полное торжество Москвы в этой войне.

Уже в следующем году Даниле Дмитриевичу пришлось отражать нападение хана Ахмета, правителя Большой Орды, на окском рубеже. В конце июня 1472 года в Москве узнали о начавшемся татарском походе на Русь и спешно стали собирать войска. 2 июля на южную границу их повел воевода Холмский. 30 июля поближе к месту боев в Коломну перебрался и сам великий князь Иван III. Принятые меры оказались вполне своевременными – татары большими силами пришли к городу Алексину, находившемуся между Калугой и Серпуховым и, несмотря на отчаянное сопротивление жителей, сожгли дотла эту небольшую крепость. Затем ордынцы попытались перейти Оку, но на их пути непреодолимой стеной встали подоспевшие к рубежу русские полки. В жарком бою воинство Ахмета было отбито от «Берега» и ушло назад в свои степи.

Следующий 1473 год Холмский встречал на другом рубеже. Псковичи, давно уже воевавшие с ливонскими рыцарями, начали переговоры с Орденом и отправили к Ивану III послов с просьбой поддержать их и прийти с войском либо самому, либо прислать к ним своего сына. Великий князь прислушался к мольбам псковичей, но направил к ним не сына Ивана, а лучшего воеводу – Данилу Холмского. Во главе большой московской рати князь пришел к Пскову и 7 января 1474 года заключил с устрашенными немцами выгодный для Русской земли мир на 30 лет. Псковичи так и назвали это выгодное для них соглашение – «Данильев мир». Именно тогда довольный своим воеводой Иван III пожаловал Холмскому боярский чин. Псковичи же поднесли ему в качестве дара 200 рублей, немалую по тем временам сумму.

Однако в том же 1474 году великий князь обрушил на Данилу Холмского свой гнев и опалу, обвинив его намерении бежать со всей семьей за границу. Вполне вероятно, что успехи воеводы вызвали зависть у других приближенных государя, поспешивших оклеветать шелонского героя. Возможно, свою роль сыграло и недовольство Ивана III псковичами, пожаловавшими Холмскому 200 рублей, а ему, великому князю, приславшими лишь 150. Воевода был взят под стражу, и только поручительство восьми бояр вернуло ему свободу (поручившиеся за Данилу Дмитриевича думцы обязались в случае бегства князя выплатить в казну 2 тысячи рублей). Выпущенный из заточения Холмский на кресте присягнул Ивану III, который удовлетворился этим и простил воеводу.

В 1477 году для князя настало время оправдать доверие государя, решившего окончательно покорить Новгород. На этот раз Передовой полк – ударную силу московской армии – возглавил младший брат Ивана III, Андрей Вологодский. Однако советником и помощником его стал Данила Дмитриевич, фактически и руководивший действиями передовой рати. Зная о намерении новгородцев сесть в осаду, князь со своими людьми совершил стремительный рейд через замерзшее озеро Ильмень и в ночь с 24 на 25 ноября 1477 года осадил город, захватив старую княжескую резиденцию на Рюриковом городище. Решительность этой атаки произвела в Новгороде сильное впечатление. Сразу же позабывшие о своих вольностях вечники приняли решение покориться великому князю и окончательно признали над собой власть Москвы.

Во время драматических событий 1480 года, когда пришел к Угре ордынский хан Ахмет, навстречу ему высланы были войска, которыми командовали наследник престола Иван Иванович Молодой и князь Холмский. Нет никаких сомнений, что именно Данила Дмитриевич распоряжался организацией обороны речных переправ. Впрочем, с Иваном Ивановичем они прекрасно поладили, наперекор воле Ивана III решив не отступать перед численно превосходящими силами врага. В 5-дневной битве на бродах русским воинам удалось остановить наступательный порыв татарских полчищ. В конце концов, Ахмету пришлось отвести свои поредевшие войска от московского рубежа. Так воевода Холмский оказался причастен к великому делу – окончательному освобождению Руси от злого татарского ига. Уже только благодаря этому имя его должно было сохраниться на скрижалях российской истории, знаменитому воеводе предстоял еще один славный подвиг.

В 1487 году во главе большой московской армии воевода Холмский выступил в новый поход на Казань. Русские полки шли уже знакомой дорогой, полные решимости на сей раз победить врага. Вместе с Холмским в поход выступил служивший Москве татарский хан Мухаммед-Эмин, за заслуги свои владевший Каширой. Теперь же Иван III решил сделать его казанским «царем». Татары попробовали остановить продвижение московской рати, но в сражении близ устья реки Свияги войско казанского Али-хана было разбито. Мало кому удалось уйти от русских сабель и стрел. Преследуя бегущих врагов, Холмский переправился с войсками через Волгу и 18 мая 1487 года начал осаду татарской столицы. Город немедленно окружили валом и частоколом (острогом), и эта предосторожность оказалась вполне разумной. Благодаря ей отряд князя Али-Газы (Алгазы),

попытавшийся воспрепятствовать осадным работам русских, удалось разбить и отогнать далеко за Каму. Осада Казани продолжалась три недели и увенчалась полной победой. 9 июля 1487 года Али-хан сдался и войско Данилы Холмского вступило в город. На долгое время в Казанском ханстве воцарился сторонник Москвы Мухаммед-Эмин, прекративший набеги на русские земли. Придавая огромное значение одержанной победе, Иван III весть о ней направил через своих послов даже в далекую Италию.

Для молодого Московского государства установившаяся после этой победы тишина на восточных рубежах была очень важна, так как позволила Ивану III начать борьбу за возвращение захваченных Литвой западнорусских земель. Однако в этих войнах старому князю Холмскому участвовать уже не пришлось. В 1493 году он скончался, но имя этого «передового» воеводы по праву стоит в передовом ряду великих русских полководцев и воителей.

Данила Васильевич Щеня

Князь Данила (Даниил) Васильевич Щеня (? – после 1515 года) происходил из рода бояр Патрикеевых, потомков литовского князя Патрикия Наримонтовича, приехавшего в Москву в самом начале XV века. Сын этого князя Юрий Патрикеевич, дед Данилы Щени, был женат на дочери великого князя Василия I, Марии (по другим сведениям, Анне). Их старший сын Василий умер рано, воспитанием его сыновей и своих племянников, Ивана Булгака и Данилы Щени, занимался младший брат покойного, Иван Юрьевич Патрикеев, один из самых видных полководцев великого князя Ивана III, именовавшийся его «наивышшим воеводой». Известными московскими военачальниками стали и его сыновья, Михаил Колышка, Василий Косой, Иван Мунында. Но все же особую известность снискали племянники – Иван Булгак и Данила Щеня. Особенно прославился последний, герой Ведроши и Смоленска.

Имя Данилы Васильевича впервые упоминается в документах от 1457 года по рядовому имущественному делу. По предположению Н. С. Борисова, в 1459 году под началом дяди, Ивана Патрикеева, он участвовал в походе на Вятскую землю, хорошо изучив театр военных действий в этом далеком краю, что, возможно, сыграло роль в последовавшем через 30 лет назначении именно Данилы Щени командующим в походе на Вятку.

В 1475 году он назван в числе двенадцати бояр, сопровождавших великого князя Ивана III во время поездки в

Великий Новгород. Однако до поры до времени больших военных назначений Щеня не получал. Первый поход под командованием Данилы Васильевича, о котором достоверно известно, как уже говорилось выше, был совершен только в 1489 году – вместе с другим московским воеводой, боярином Григорием Васильевичем Морозовым-Поплевой, он командовал московской ратью, направленной в Вятскую землю. Вятчане, то мирившиеся с Москвой, то грабившие порубежные волости, вновь напали на Великий Устюг. Тогда против них и послали 64-тысячное великокняжеское войско. Сопротивляться огромной рати вятчане не решились и отправили к Даниле Щене своих старейшин, обещавших служить великому государю и выплачивать ему дань. 16 августа 1489 года столица края, город Хлынов (Вятка), была занята московскими войсками. Так состоялось присоединение к Русскому государству обширной Вятской земли. Тогда же власть Москвы признали и «арские князья».

Даниил Васильевич стал активным участником русско-литовских войн конца XV – начала XVI веков. Задумав вернуть захваченные Великим княжеством Литовским в прошлые века западнорусские земли, великий князь Иван III на первых порах действовал чрезвычайно осторожно, стараясь уговорами и обещаниями привлечь на свою сторону служивших Литовскому государству русских верховских князей. Владения их, как видно из названия, находились в верховьях реки Оки. Свою руку на эти земли наложил Витовт, не особенно интересуясь мнением зятя – Василия I. Но верховские князья сохраняли известные права и привилегии, за соблюдением которых очень внимательно следили в Москве, постоянно оговаривая их в докончаниях (договорах) с Литвой. Среди факторов, оказавших значение на окончательный выбор ими сюзерена, определяющими стали русское происхождение (верховские князья были потомками князя Михаила Всеволодича Черниговского) и непоколебимая верность православию. Свою роль сыграла и близость степных границ, откуда с удручающим постоянством на литовские земли совершали набеги войска союзного Москве крымского хана Менгли-Гирея.

Отъезды верховских князей на московскую службу начались еще в начале 1470-х годов. Одним из первых перешел к Ивану III князь С. Ю. Одоевский, позднее, осенью 1473 года, погибший во время одного из пограничных конфликтов. Его сыновья Иван Сухой, Василий Швих и Петр Семеновичи Одоевские, владевшие половиной родового города Одоева, уже верой и правдой служили московскому государю, участвуя в постоянных столкновениях на границе. Однако другие верховские князья не спешили следовать

примеру Одоевских. Выезд в Москву в 1481/1482 году Федора Ивановича Бельского вряд ли можно считать обычным княжеским отъездом с сохранением своей «отчины». Он вынужден был бежать из Литвы, спасаясь после неудачного заговора против Казимира IV Ягеллончика, в который вступил вместе со своими родственниками, князем Михаилом Олельковичем и Иваном Гольшанским. Заговорщики собирались всю восточную часть Великого княжества Литовского вплоть до реки Березины отторгнуть в пользу Московского государства. В Москве Бельский был благосклонно принят и щедро пожалован, но все его литовские владения конфисковал Казимир.

Массовый характер переходы верховских князей на московскую службу приобретают начиная с 1487 года. Протесты, заявленные польским королем и великим князем литовским Казимиром IV, были оставлены без внимания, и отношения между двумя государствами продолжали обостряться. Однако до кончины Казимира IV дело ограничивалось локальными пограничными столкновениями и взаимными упреками в нарушении существующих соглашений. Тем не менее, в ряде походов с обеих сторон были задействованы и великокняжеские войска, что свидетельствовало о перерастании острого пограничного конфликта в настоящую, пусть и не объявленную, войну. Еще больше ситуация накалилась после смерти Казимира 7 июня 1492 года. Сыновья покойного разделили державу отца, значительно ослабив ее силы: старший, Владислав II Ягеллон, стал королем Чехии, а с 1490 года и королем Венгрии, где правил под именем Уласло II. Ян I Ольбрахт занял польский престол, а их брат Александр Казимирович стал великим князем литовским.

Реакция Ивана III на фактический распад государства Казимира была вполне предсказуемой. Уже в августе 1492 года его войско («сила ратная») под командованием князя Федора Васильевича Телепни Оболенского вторглось на литовскую территорию и захватило города Мценск и Любутск. Тогда же, в августе 1492 года, отряды князей И. М. Воротынского и Одоевских выступили в поход на Мосальск и Серпейск, достаточно легко овладев ими. Затем наступила очередь отличиться Даниле Щене. В сентябре 1493 года он взял город Хлепень, а уже зимой этого года вместе с двоюродным братом, князем Василием Ивановичем Косым Патрикеевым, командовал ратью, овладевшей важным в стратегическом отношении городом Вязьмой. По договору 1494 года в числе других отошедших к Московскому государству городов оказалась и завоеванная Данилой Васильевичем Вязьма.

Во время русско-шведской войны 1495–1496 годов воевода

Щеня возглавил поход на крепость Выборг. 8 сентября московские полки подошли к этому хорошо укрепленному городу. Первоначально военные действия и осада разворачивались для русских удачно. Однако предпринятый 30 ноября 1495 года московским войском решающий штурм крепости осажденные отбили. В начале атаки русским пушкарям удалось разрушить две башни, а в третьей пробить большую брешь. Через нее в эту башню ворвался штурмовой отряд. Шведский комендант Кнут Поссе приказал закатить в подвалы захваченной полуразрушенной башни бочки со смолой и поджечь их. Большинство русских воинов, прорвавшихся в замок, погибло. Уцелевшие вынуждены были отступить, и штурм, длившийся 7 часов, завершился. 4 декабря осада крепости была снята. Понесшее значительные потери русское войско отступило к Новгороду. Среди погибших был один из московских воевод – Иван Андреевич Суббота Плещеев.

Более удачно Данила Васильевич Щеня действовал в полевых боях. В 1496 году, вместе с воеводой Яковом Захарьичем прорвавшись за шведский рубеж, он настиг и разбил в Финляндии 7-тысячный неприятельский отряд. Вскоре (3 марта 1497 года) между Московским государством и Швецией было заключено перемирие, сохранившее старую границу.

Вновь отличиться Данила Васильевич Щеня смог во время Второй Порубежной войны с Литвой. Именно тогда он одержал свою самую блестящую победу. 14 июля 1500 года русский воевода, удачно расположивший войска, заманил в ловушку и наголову разгромил армию литовского гетмана Константина Острожского в сражении на реке Ведрошь. Прежде чем обратиться к известиям об этой битве, следует отметить досадную ошибку, допущенную известным популяризатором исторических знаний Анатолием Ефимовичем Тарасом. При описании предшествующих Ведрошской битве событий он назвал воеводу Данилу Васильевича Щеню «Даниилом Романовичем»[427]. Это далеко не единственная, но весьма показательная ошибка автора, заставляющая с особой тщательностью проверять все сообщения и факты, приводимые А. Е. Тарасом.

Перед сражением московское войско находилось в своем лагере на Митьковом поле, расположенном в 5 верстах к западу от Дорогобужа, за реками Ведрошь (Ведрошка), Селия и Тросна. Через Ведрошь был перекинут единственный в этих местах мост. Своевременно узнав о подходе литовской армии, русские воеводы, намеренно не уничтожая моста, выстроили для боя Большой полк под командованием Данилы Щени. Правый фланг русской рати находился у Днепра, недалеко от места впадения в

него Тросны, левый был расположен перед большим труднопроходимым лесом, в котором, за флангом Большого полка, укрылся в засаде Сторожевой полк воеводы Юрия Кошкина. На западный берег Ведроши выдвинулись передовые части, чьей задачей было завязать бой и отойти затем на восточный берег реки, заманив туда литовцев.

В отличие от русских воевод, готовых к встрече с врагом, князь Острожский шел к месту будущего сражения, имея самые приблизительные сведения о противнике. Они были сообщенны ему то ли пленным, то ли перебежчиком – дьяком Германом. Доверяя его не точным показаниям, литовский гетман был уверен, что под Дорогобужем стоит лишь небольшое русское войско.

Помимо летописного рассказа, эту битву, одну из крупнейших в истории русского средневековья, подробно описал и Сигизмунд Герберштейн, сообщивший о Ведрошском сражении ряд ценных сведений. Он упоминает о том, что «литовцы… разузнали от некоторых пленных про число врагов, а также и их вождей, и возымели от этого крепкую надежду разбить врага». «Несколько московитов» (передовой отряд, находившийся на левом берегу Ведроши), «вызвали на бой литовцев; те без всякой боязни оказывают сопротивление, преследуют их, обращают в бегство и прогоняют за речку; вслед затем оба войска вступают в столкновение, и с той и другой стороны завязывается ожесточенное сражение. Во время этого сражения, ведшегося с обеих сторон с одинаковым воодушевлением и силою, помещенное в засаде войско, про грядущую помощь которого знали весьма немногие из русских, ударяет с боку в средину врагов. Литовцы разбегаются…»[428].

Битва продолжалась почти шесть часов. Исход ее предрешил удар Сторожевого полка. Внезапно для врага русские воины вышли в тыл литовцам и разрушили мост через реку, отрезав противнику все пути к отступлению. После этого началось избиение окруженного врага. Только убитыми противник потерял около 8 тыс. человек. Победителями были захвачены литовский обоз и артиллерия. В плен попали гетман Острожский и другие именитые литовские военачальники воевода троцкий Григорий Остикович, маршалок «Лютавр» (Иван Литавор Богданович Хребтович), воеводы Н. Ю. Глебов, Н. Ю. Зиновьев и служившие Александру Казимировичу князья Друцкие, Мосальские и много «панов служивых».

Узнав о разгроме лучшего литовского войска (гонец прибыл в Москву 17 июля 1500 года), Иван III пышно отпраздновал победу и послал к Даниле Щене и другим воеводам «спросить о

здоровье», воздав героям Ведроши «честь и дары и жалованья».

В 1501 году, после начала войны с Ливонским орденом, решившим поддержать терпящее поражения в борьбе с Москвой Великое княжество Литовское, большого воеводу Щеню направили в Тверь, где были сосредоточены главные силы русского войска, направленные в Ливонский поход. Однако немцы опередили московских воевод. Магистр Вальтер фон Плеттенберг сумел нанести несколько поражений новгородцам и псковичам. Тогда на выручку им отправился Данила Щеня. В октябре 1501 года его полки вступили в неприятельскую землю и принялись опустошать окрестности Дерпта, Нейгаузена и Мариенбурга. В ночь на 24 ноября 1501 года ливонский магистр скрытно подошел к району действия русских воевод и атаковал московские полки в их лагере под замком Гельмед, недалеко от Дерпта. По-видимому, в результате внезапной атаки, которая произошла в 3 часа ночи, русские войска смешались, отступив назад. Только так можно объяснить гибель в самом начале сражения одного из великокняжеских воевод, Александра Васильевича Оболенского. Но затем московская и татарская конница опрокинули немцев, и сражение закончилось большой русской победой. Преследование бегущих продолжалось почти 10 верст. Плодами этой действительно большой победы Щеня воспользовался полностью. Его войска доходили до самого Ревеля, опустошив едва ли не треть орденских владений.

Военные действия в Ливонии продолжались и в следующем году. Но уже не столь удачно для русского оружия – 13 сентября 1502 года под Псковом немцы смогли взять реванш. Уходя от преследования московских воевод, Вальтер Плеттенберг у озера Смолина устроил засаду преследующему его войску Щени. Покинув свой лагерь, ливонцы дождались нападения русских, и когда те приступили к захвату трофеев, контратаковали. До подхода основных сил Щени немцам удалось разбить Передовой полк. С большим трудом воеводе удалось восстановить положение, сокрушить пехотное прикрытие ливонского войска и вынудить немцев уйти на свою территорию.

Несмотря на эту неудачу, Данила Васильевич сохранил высокое положение при великокняжеском дворе, а затем и упрочил его в начале правления Василия III. Именно при этом государе Щеня стал наместником и «воеводой московским» – главнокомандующим вооруженными силами Русского государства. Во время русско-литовской войны 1507–1508 годов он вновь командовал большими русскими ратями, ходившими воевать вражескую землю. Летом 1508 года войска князя осадили крепость Оршу. Но, получив известие о приближении армии

короля Сигизмунда I, Щеня, не вступая в сражение с литовцами и дождавшись присоединения к войску полков Михаила Львовича Глинского и Василия Ивановича Шемячича, отошел за Днепр. 10 дней простоял он на левом берегу этой реки, сковывая действия врага, не решавшегося войска начинать переправу и поджидавшего подкрепления. Однако оставаться на Днепре противник не собирался, готовясь к переправе через реку выше или ниже по течению. Вторая русская рать Якова Захарьича стояла тогда под Дубровной и не могла укрепиться по сравнению со все усиливавшимся неприятельским войском. Поэтому Данила Васильевич решил отойти к Вязьме. Посланные воеводами отряды начали опустошать окрестности Мстиславля и Кричева. Тогда литовская армия во главе с бежавшим из русского плена гетманом К. И. Острожским двинулась к границе и овладела городами Белая, Торопец и Дорогобуж. Но укрепиться здесь противнику не удалось. Получив повеление Василия III вернуть захваченные города, Щеня в начале сентября 1508 года выбил литовцев из Торопца и занял превращенные в пепелище Белую и Дорогобуж. Во время следующей русско-литовской войны 1512–1522 годов он командовал главной русской ратью, которой посчастливилось овладеть Смоленском и присоединить Смоленскую землю к Московскому государству.

Дважды в годы этой войны московские полки подходили к Смоленску и дважды уходили, не взяв город. Догадываясь о неизбежности новой русской атаки на Смоленск, король Сигизмунд I поставил во главе гарнизона деятельного и опытного воеводу Ю. А. Сологуба. В начале летней кампании 1514 года, русские загоны (высланные вперед отряды), как и раньше, ходили под Оршу, Мстиславль, Кричев и Полоцк, но главные силы под командованием Данилы Щени (около 80 тысяч человек; 140 орудий) окружили Смоленск. Осада города началась 16 мая 1514 года и продолжалась 12 недель. Она сопровождалась невиданной доселе артиллерийской бомбардировкой крепости, начатой 29 июля, после прибытия большого «наряда» – тяжелых орудий. Участники событий вспоминали о метких выстрелах лучшего русского пушкаря Стефана, которому даже удалось «по их (литовцев – *В. В.*) пушке по наряженой ударити, и их пушку разорвало, и много в городе в Смоленску людей побило». Очевидцы сообщали, что от артиллерийского огня «…земля колебалась, и друг друга не видели, и весь град в пламени и дыму, казалось вздымался…»

Именно страх перед русскими пушками поколебал решимость литовского гарнизона и горожан, начавших «из града кричать, чтобы великий государь пожаловал, меч свой унял, а бою велел

перестать, а они хотят государю бить челом и град сдать». Начались переговоры, приведшие к заключению договора, в соответствии с которым в город вступили русские полки. Весьма примечательно, что именно воеводе Данилу Щене, чтя его заслуги в достижении этой давно ожидаемой победы, великий князь поручил привести жителей города к присяге.

Последний раз имя Данилы Васильевича упоминается в русских документах в 1515 году, когда во главе русской рати он выступил в город Дорогобуж. По разрядным записям, чин боярина Данила Васильевич Щеня получил в 1512 году, хотя в летописях он именуется боярином начиная с 1475 года.

Иван Васильевич Хабар Симский

Предки Ивана Хабара Симского – Добрынские – были выходцами из старомосковской служилой семьи, родственной дворянским родам Ушаковых, Сорокоумовых и Глебовых, и, подобно им, считали своим прародителем косожского князя Редедю, жившего в XI веке и павшего в единоборстве с тмутараканским князем Мстиславом Владимировичем.

Отцом Ивана Васильевича Хабара (? – 1534) был воевода Василий Федорович Образец, сын Федора Константиновича Добрынского, погибшего в 1445 году в Суздальском бою, когда в татарский плен попал великий князь Василий II. Чаще всего в источниках Ивана именовали личным прозвищем Хабар и дедовым – Симский. Родной брат Ивана Васильевича, Михаил, звался Образцовым. Он был убит литовцами в 1507 году – застрелен в бою под Кричевом.

Первые данные о ратной службе Ивана Васильевича относятся к 1505 году, когда он, будучи воеводой в Нижнем Новгороде, отразил приступ к городу войск казанского хана Мухаммед-Эмина. Татарский хан решил прощупать крепость русских границ в момент смены власти в Москве, связанной с кончиной Ивана III. Под стены Нижнего Новгорода пришло до 60 тысяч казанских и ногайских татар. Под началом Хабара было незначительное число русских воинов и 300 литовских узников, ведрошских пленников. Воевода не побоялся выпустить их из темницы и снабдить оружием, пообещав даровать свободу, если вчерашние узники отстоят город. Нижегородцам удалось отбиться, и Иван Васильевич сдержал слово, освободив бившихся с врагом литвинов.

Замеченный взошедшим на российский престол Василием Ивановичем, воевода Хабар Симский принял активное участие во многих важнейших начинаниях нового государя. Так, во время

войны 1507–1508 годов с Литвой в 1507 году он командовал Полком левой руки на Вязьме, в походе 1508 года под Дорогобуж русской рати Якова Захарьича Кошкина и Василия Даниловича Холмского Иван Васильевич Хабар стал вторым воеводой Полка левой руки. За участие в этом походе он получил чин окольничего. Во всяком случае так Хабар именуется в сентябре 1509 года, когда был назван в числе лиц, сопровождавших Василия III в Новгород. В январе 1510 года, когда великий князь решил присоединить к своему государству Псков, Хабар Симский был направлен туда вместе с Петром Васильевичем Шуйским и Иваном Андреевичем Челядниным для приведения псковичей «х крестному целованию» (к присяге на верность) Василию Ивановичу.

Во время следующей Десятилетней войны с Литвой в 1514 году, когда решалась судьба Смоленска, вместе с боярином С. И. Воронцовым и окольничим П. Я. Захарьиным он стоял со Сторожевым полком на Угре, прикрывая русские рубежи с этой стороны. В 1517 году Хабар руководил Сторожевым полком в Вязьме. В 1519 году он был вторым воеводой в Передовом полку.

В 1520 году окольничий Хабар Симский с титулом наместника Перевитского становится представителем великого князя в Рязанской земле, от имени государя распоряжаясь в номинально последнем независимом княжестве. В грозном 1521 году, когда татарские войска двух братьев – крымского хана Мухаммед-Гирея и казанского властителя Сагиб-Гирея – прорвались к Москве и разорили близлежащие уезды страны, Иван Хабар сумел отразить внезапное нападение крымцев на Переяславль Рязанский. Он заслужил несказанную благодарность великого князя Василия III, сумев вернуть полученную крымским ханом данническую грамоту московского государя. В XIX веке на стене 86-метровой соборной колокольни Рязанского Кремля была помещена мемориальная доска, воспроизводящая слава из «Истории» Николая Михайловича Карамзина: «На сем месте была каменная Глебовская башня с воротами и бойницами, с которых в 1521 году окольничий Иван Хабар Симский, сын воеводы Василия Образца, посредством пушкаря Иордана поразил татар крымского хана Махмет-Гирея. А прежде до сего поражения Хабар взял у хана грамоту князя Московского о дани Крыму и тем спас Рязань и честь князя Московского, за что дали ему сан боярина и внесли заслуги его в книги разрядные на память векам…».

Летом следующего 1522 года боярин Иван Васильевич Хабар Симский во главе Полка левой руки стоял на Оке, близ Рославля, в числе войск, сторживших Мухаммед-Гирея от нового вторжения в пределы Московского государства. В 1524 году он

спас от неминуемого поражения русское войско, осаждавшее Казань. После уничтожения черемисами речной флотилии Ивана Федоровича Палецкого оно оказалось отрезано от снабжения по Волге. Будучи воеводой рати, шедшей к татарской столице сухим путем, Иван Хабар 24 августа 1524 года в 30 верстах от Казани, на берегу Свияги, разбил собранные там огромные полчища неприятеля. Одержав победу, он прорвался к стоявшему у вражеской столицы русскому войску и выручил его из беды.

В 1525–1527 годах Иван Васильевич наместничал в Новгороде. В 1528 году он стоял с войском в Вязьме, в 1531-м – был «на Берегу» у Каширы с князем Василием Васильевичем Немым Шуйским. Последнее упоминание о Хабаре относится к 1533 году, когда он присутствовал на свадьбе Андрея Ивановича Старицкого (младшего брата Василия III), женившегося на княжне Евфросинье Андреевне Хованской.

Иван Михайлович Воротынский

Предки этого князя, часто и не зря именуемого «победным воеводой», вели свою родословную от Михаила Всеволодича, великого князя киевского и князя черниговского, а именно – от его третьего сына Семена Глуховского. Правнук Семена Глуховского, Федор Львович Одоевский, женатый на дочери князя Корибута (Дмитрия) Ольгердовича, Марии, в середине XV века получил в удел находившийся тогда в составе Великого княжества Литовского город Воротынск, ставший родовым гнездом этой княжеской фамилии.

Внуком Федора Львовича и был Иван Михайлович Воротынский (? – 1535). В 1487 году одним из первых среди верховских князей он перешел на сторону великого князя Ивана III. Первым подвигом Ивана Михайловича на русской службе стал удар по Мезецку, владетели которого препятствовали движению верхнеокских княжеств к Москве. Иван III сразу после отъезда к нему Воротынского и других князей отправил в Литву своего дворянина, который отвез их отказ от службы литовскому князю.

В Москве выезжий князь занял высокое положение «слуги», весьма почетную тогда должность, дарующую немалые привилегии. Иван Михайлович и его сыновья могли сами определять место своей службы и быть там, «где похотят». До 1502 года имя князя Воротынского всегда выделяется в разрядах: его полк входил в состав одного из полков русской армии как самостоятельная боевая единица.

В 1500 году, командуя русским войском, князь разгромил

татар на реке Озерка. В 1500–1503 годах Воротынский был воеводой в Стародубце, участвовал в шедшей тогда русско-литовской войне, отличился в знаменитом сражении на реке Ведрошь (в 50 верстах к востоку от Калуги). Летом 1507 года полк Ивана Михайловича участвовал в разгроме крымских татар, пытавшихся разграбить окрестности Белева, Одоева, Козельска и Калуги, после чего он и другие воеводы «…пошли за ними (татарами – *В. В.*) на поле в погоню и догнали их на Оке, многих татар избили, а иных живых поймали, а полон весь назад возвратили, и гоняли их до реки до Рыбницы».

В 1508 году полк Воротынского действовал в составе русских войск, ходивших на помощь поднявшемуся на Сигизмунда I князю Михаилу Глинскому, осаждавшему тогда Минск и Слуцк. В том же году он отразил нападение крымских татар, явившихся на русскую степную украину, и преследовал их до реки Рыбницы. В 1512 и 1513 годах Воротынский принимал участие в осаде Смоленска. В 1514 году, когда гарнизон этой мощной крепости сдался, Иван Михайлович вместе с другим известным воеводой Данилой Щеней ходил на Мстиславль и приводил его жителей к присяге на верность Василию III. В 1517 году Воротынский участвовал в другом успешном походе, отразил набег крымцев, неожиданно обрушившихся на русское пограничье. 20-тысячное татарское войско напало тогда на тульские места, но великий князь и его воеводы, заранее извещенные о готовящемся вторжении, успели сосредоточить здесь многочисленные войска. Разошедшиеся по тульской земле татарские «загоны» были атакованы и разгромлены полками воевод Ивана Михайловича Воротынского и Василия Семеновича Одоевского. Пути отступления начавшему отходить в степь противнику перерезали «пешие люди украинные», которые «дороги засекли и многих татар побили».

Все изменилось в 1521 году. В числе других воевод, не сумевших предотвратить прорыв крымских войск к Москве, Воротынский подвергся опале. Его обвинили в том, что оскорбленный назначенным командующим молодым и неопытным князем Дмитрием Бельским, Воротынский даже не выступил последнему на помощь во время нападения хана Мухаммед-Гирея. Впрочем, современник этих событий Сигизмунд Герберштейн не склонен был винить Ивана Михайловича в произошедшей трагедии. Он оставил следующую запись в своей книге: «Иоанн, по прозвищу Воротынский, муж воинственный и отличавшийся опытностью во многих делах; под его предводительством (войска) государя Василия часто одерживали над врагами славные победы. Но в 1521 году, когда царь Тавриды

переправился через Оку и, как сказано выше, с большим войском напал на Московию, то, чтобы отбить и отразить его, государем был послан с войском молодой человек, князь (knes) Димитрий Бельский. Пренебрегши мудрыми советами Иоанна Воротынского и других, он, завидев врага (уже по сю сторону реки), обратился в позорное бегство. Когда после ухода татар государь повел тщательное расследование о виновниках бегства, то Андрей, брат государев, который в действительности и был этим виновником, и другие были оправданы, а Иоанн Воротынский не только навлек на себя великий гнев государя, но был взят под стражу и лишен своего княжества. Под конец он, правда, был отпущен из-под стражи, но с тем условием, чтобы никогда не выезжать из Москвы»[429].

Освобожден был Воротынский из-под стражи на указанных условиях только в феврале 1525 года. Но в 1531 году он вновь прогневал великого князя, не сумев предотвратить набег крымских «царевичей», по приказу хана Саадет-Гирея приходивших на «одоевские места и на тульские». Недовольный оплошностью воевод, «князь великий положил опалу свою на князя Воротынского, да на князя Ивана Овчину, да на Ивана Летецкого, велел их с Тулы дьяку Афанасию Курицыну привести к Москве». Однако дело, похоже, ограничилось выговором, так как большой вины за воеводами не было – к атакованному татарами рубежу они были направлены слишком поздно.

Во время регентства Елены Васильевны Глинской, правившей жестко и крепко, Иван Михайлович Воротынский снова попал в опалу, был «поиман» людьми великой княгини и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Там в заточении он и умер 21 июля 1535 года.

Завершая очерк, посвященный жизни и подвигам «победного воеводы», необходимо добавить, что один из сыновей его – Михаил Иванович – в царствование Ивана Грозного громкими победами над татарами сумел приумножить и превзойти славу знаменитого отца.

Василий Васильевич Немой Шуйский

Среди воевод великого государя Василия III одно из первых мест принадлежало князю Василию Васильевичу Шуйскому, в своем роду за крайнюю немногословность получившему прозвище «Немой» (? – 1538). Его отец, потомок Суздальского княжеского дома Василий Федорович Китай Шуйский, был на виду у Ивана III и неоднократно получал важные поручения. Вместе со своим

отцом, дедом нашего героя, Василий Федорович был наместником в Пскове, в 1471 году по слову великого государя ходил походом на мятежный Новгород, затем правил в Торжке, усмиренном Новгороде, а с 1491 года снова был в Пскове, где и умер в 1496 году, оставив 3 сыновей – Василия, Дмитрия и Ивана, под руководством отца также ставшими умелыми воеводами.

Впервые имя Василия Васильевича упоминается в разрядных записях под 1501 годом, в числе воевод, отправленных в «Литовскую землю». Князю Шуйскому было доверено командовать Передовым полком в войске Данилы Александровича Пенко Ярославского. В разные годы он, как и отец, наместничал в Великом Новгороде (1500–1506, 1510–1514, 1518), Смоленске (1514) и Москве (1538). Получал князь и воеводские назначения – в 1501 году командовал Передовым полком в рати, действовавшей против Литвы, летом 1507 года, во время прихода крымцев на южные «украины», стоял с войсками в Серенске, осенью того же года во главе Полка правой руки вновь ходил на Литву, в 1508 году был на воеводстве в Вязьме.

В 1512 году князь Немой Шуйский был пожалован боярским чином, продолжил руководить русскими войсками в походах против Литвы, Ливонии, крымских татар. В 1514 году, будучи наместником только-только присоединенного к Московскому государству Смоленска, Василий Шуйский раскрыл заговор местного епископа Варсонофия, хотевшего вместе с единомышленниками сдать крепость командовавшему литовскими войсками гетману Константину Острожскому, и казнил всех его участников. Замешанные в заговоре «князи смоленские и паны» были повешены на крепостных стенах, на «ослядях», на виду подошедшего к городу литовского войска. К телам казненных привязали подарки, полученные незадолго до этого от великого князя Василия III: «Которому князю смоленскому князь великий дал шубу соболью с камкою или з бархатом, того и в шубе повесил; а которому князю или пану дал ковш серебряной или чарку серебряну, и он, ему на шею связав, да и того повесил; которово князя смоленскаго или пана пожаловал, того с тем и повесил».

В 1521 году, во время страшного нашествия крымского хана Мухаммед-Гирея, к которому присоединился литовский воевода Евстафий Дашкевич, Василий Шуйский был в числе воевод, готовившихся встретить татар на реке Оке. Однако выбранная московскими воеводами тактика пассивной обороны на рубежах не помогла – слишком значительными были силы врагов. Пройдя Муравским шляхом между верховьями Ворсклы и Северского Донца, 100-тысячное крымско-литовское войско достигло

Быстрой Сосны и, обходя Тулу, повернуло к границам Рязанской земли. Именно здесь неприятельская армия вторглась в русские пределы и, не останавливаясь, 28 июля 1521 года подошла к реке Оке в окрестностях Коломны, где никто не ожидал ее появления. Татары «перелезли» Оку, вынудив находившийся в Коломне небольшой русский гарнизон под командованием князя Юрия Андреевича Хохолкова укрыться в крепости. Подоспевшие с большим опозданием к месту переправы от Серпухова и Каширы великокняжеские полки были, по-видимому, поодиночке, разбиты находившейся на московской стороне Оки огромной татарской армией. О тяжелых потерях, понесенных русскими войсками в этих боях, свидетельствует гибель воевод Ивана Андреевича Шереметева, князя Владимира Михайловича Карамышева Курбского, Якова Михайловича и Юрия Михайловича Замятниных, пленение князя Федора Васильевича Лопаты Оболенского. Командующим выдвинутой в южные города армией был молодой князь Дмитрий Бельский, который не прислушивался к советам находившихся у него в подчинении старых опытных воевод и бросал полки в бой на переправах без всякой надежды на успех.

После поражения русские войска отошли и укрепились в городах, а победители страшно разорили московскую землю, уведя в степь огромный полон. Одной из первых мер, принятых после ухода врага и призванных укрепить вооруженные силы, стало наказание допустивших «оплошку» воевод. При этом истинная степень вины, по-видимому, никого не интересовала. Опала, правда, достаточно легкая и непродолжительная, постигла наиболее опытных и заслуженных воевод, в том числе и Василия Шуйского.

После этого, в 1523 году, вместе с Михаилом Юрьевичем Захарьиным он возглавил строительство пограничной крепости Васильсурск. Новая волжская твердыня надежно прикрыла одно из главных направлений набегов казанских татар. В 1531 году вместе с Хабаром Симским Василий Васильевич стоял «на Берегу», прикрывая южные рубежи страны. В конце правления Василия III князь Немой Шуйский был одним из наиболее приближенных к государю бояр, что подтверждает достоверно известный факт обсуждения именно с ним завещания, составленного великим князем. Сохранил свое положение князь и при Елене Глинской, после смерти которой возглавил боярское правительство, управлявшее страной в годы малолетства Ивана IV, и женился на его дальней родственнице – «царевне Казанской» Анастасии Петровне. В борьбе за власть возглавляемый им род князей Шуйских столкнулся со

сторонниками другого боярского рода, князей Бельских, по большей части доминируя в этом противостоянии. Умер Василий Васильевич Шуйский в октябре 1538 года.

Список сокращений

АЗР, Акты Западной России – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные имп. Археографической комиссией.

АН СССР – Академия Наук СССР.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси.

ВИ – Вопросы истории (журнал)

ВИЖ – Военно-исторический журнал.

Витебская старина – см. в списке источников: Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича. 1563 г. // Витебская старина. Т. 4. Ч. 1. 1885. № 3.

Временник ОИДР – Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова.

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные имп. Археографическою комиссиею.

ИЗ – Исторические записки.

КИ – Казанская история.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.

ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

ОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РИБ – Русская историческая библиотека.

РК – Разрядная книга.

Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества.

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел.

СИМАИМ – Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии.

Библиография

Источники

1. Акты Западной России. СПб., 1846–1848. Т. 1–2.

2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841.

3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 3. М.: Наука, 1964.

4. *Аннинский С. А.* Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Исторический архив. Т. 3. 1940. С. 305–388.

5. *Вахрамеев И.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 1. М., 1896.

6. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. ПСРЛ. Т. 30. М.: Наука, 1965.

7. Вологодско-Пермская летопись. ПСРЛ. Т.26. М., Л., 1959.

8. *Гейденштейн р.* Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889.

9. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988.

10. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., Л.: Изд. АН СССР, 1949.

11. Дополнения к актам историческим. Т. 5. СПб., 1853.

12. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

13. Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. 23. М., Языки славянской культуры. 2004.

14. Иоасафовская летопись / Ред. А. А. Зимин. М.: Изд-во АН СССР, 1967.

15. Иовия Новокомский П. Книга о московитском посольстве // Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. Приложение.

16. История о Казанском царстве. ПСРЛ. Т. 19. М.: Языки русской культуры. 2000.

17. Казанская история. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

18. *Кампенезе А.* Письмо Альберта Кампенезе к его святейшеству папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранныъ писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. С. 10–55.

19. Книга Степенная царского родословия. Ч.2. ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. СПб., 1913.

20. *Курбский А. М.* Сочинения оригинальные. РИБ. Т. 31. СПб., 1914.

21. Летописец Квашнина (начала XVII в.) – ОР РГБ. Ф. 310. № 754.

22. Летописи белорусско-литовские. / Сост. и автор предисл. Н. Н. Улащик. ПСРЛ. Т. 35. М., Наука. 1980.

23. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. ПСРЛ. Т.29. М.: Наука, 1965.

24. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. ПСРЛ. Т. 28. М., Л., Изд-во АН СССР. 1963.

25. Летопись по Типографскому списку. ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921.

26. Литовская метрика // РИБ. Т. 27. СПб., 1919.

27. Львовская летопись. ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910.

28. *Малиновский А. Ф.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями, с 1462 по 1553 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863.

29. *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901.

30. Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. 25. М.: Языки русской культуры, 2004.

31. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. ПСРЛ. Т. 27. М., Л., 1962.

32. Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. 11–13. СПб., 1897–1904.

33. Новгородские писцовые книги. Т. 3. СПб., 1868.

34. Новгородская четвертая летопись. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000.

35. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. СПб., 1851.

36. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турциею. Т. 1 // Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1853.

37. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турциею. Т. 2 // Сб. РИО. Т. 95. СПб., 1895.

38. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1 // Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882.

39. Памятники истории Восточной Европы. Т. VI. Радзивилловские акты / Сост. М. М. Кром. М., Варшава: Древлехранилище, 2002.

40. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982.

41. Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины Карельского городка с уездом 7008 (1500) года. Сообщ. кн. М. А. Оболенский // Временник ОИДР. 1850. Кн. 12. С. 1—188.

42. Перкамота Г. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды Ленинградского отделения института истории АН СССР), № 5. М. 1963.

43. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. ПСРЛ. Т. 34. М.: Наука, 1978.

44. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. ПСРЛ. Т. 8. М.: Языки русской культуры, 2001.

45. Псковские летописи. ПСРЛ. Т. 5. Вып.1. М.: Языки русской культуры, 2003.

46. Псковские летописи. ПСРЛ. Т. 5. Вып.2. М.: Языки русской культуры, 2000.

47. Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича. 1563 г. / Пуб. А. П. Сапунова // Витебская старина. Т. 4. Ч. 1. Полоцкое воеводство под властью царя Иоанна Васильевича Грозного. Витебск, 1885. № 3. С. 27–70.

48. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

49. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1.

50. Рогожский летописец. Тверской сборник. ПСРЛ. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000.

51. *Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края Т. 2–3. Рига, 1879–1880.

52. Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т.18. М., Языки славянской культуры. 2007.

53. Софийская вторая летопись. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001.

54. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. ПСРЛ. Т. 39. М.: Наука, 1994.

55. Типографская летопись. ПСРЛ. Т. 24. М., Языки русской культуры. 2000.

56. Третий краткий Волоколамский летописец – ОР РГБ. Ф. 92. № 2.

57. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982.

58. Холмогорская летопись. Двинский летописец. ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977.

59. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. ПСРЛ. Т.32. М.: Наука,1968.

60. Lietuvos Metrika. Kn. 4. (1479–1491). Vilnius, 1994.

61. Lietuvos Metrika. Kn. 5. (1427–1506). Vilnius, 1993.

62. Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, ex archivis as bibliothecis extraneis depromta, et a collegio archaeographico edita. Petropoli, 1848.

Литература

1. *Александров Д. Н.*, Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI вв. М.: Аванта+, 1994.

2. *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, Сибирск. отд-ние, 1991.

3. Алексеев Ю. Г. Закат боярской республики в Новгороде. К Москве хотим. Л.: Лениздат, 1991.

4. *Алексеев Ю. Г.* На службе России. Боярин Яков Захарьич // Дом Романовых в истории России. Исторический опыт русского народа и современность. СПб. Изд-во СПб. ун-та, 1995. С. 55–69.

5. *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989.

6. *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.

7. *Алексеев Ю. Г.* Развитие системы управления войском в России в 1368–1468 гг. //Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005.

8. *Алексеев Ю. Г.* Русские источники о начале Свейской войны 1495–1497 гг. // Историческое познание: традиции и новизна. Материалы международной теоретич. конференции. Ижевск: Изд. Гос. Удмуртского ун-та, 1996. С. 280–288.

9. *Алексеев Ю. Г.* Свейская война 1495–1497 годов // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб., 1994. С. 6–8.

10. *Алишев С. Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI–XIX вв. М.: Наука, 1990.

11. *Алишев С. Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995.

12. *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1944.

13. *Атаманенко В. Б.* Татарские нападения на Волынь и организация обороны в XVI – первой половине XVII вв. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 21–26.

14. *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. М.: Изд-во МГУ, 1952.

15. *Базилевич К. В.* История СССР от древнейших времен до середины XV века. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б). М., 1944.

16. *Базилевич К. В.* Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. // ИЗ. 1945. Вып. 14. С. 62–80.

17. *Бахтин А. Г.* Образование Казанского и Касимовского

ханств. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2008.

18. *Бахтин А. Г.* XV–XVI вв. в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийск. полигр. – изд. комб., 1998.

19. *Беляков А. В.* Замечания при обсуждении статьи Лобина А. Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 126–128.

20. *Борисов Н. С.* Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000.

21. Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1 СПб., 1877.

22. *Бранденбург Н. Е.* 500-летие русской артиллерии (1389–1899). СПб., 1899.

23. *Буганов В. И.* «Государев разряд» 1556 г. и реформы 50-х гг. XVI в. // История СССР. 1957. № 5. С. 220–231.

24. *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Зап. ОР ГБЛ. Вып. 38. С. 104–125.

25. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.

26. *Вереин Л. Е.* Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. Астрахань, 1958.

27. *Вернер И. И.* О времени и причинах образования Московских приказов // Ученые записки Императорского Лицея цесаревича Николая. Вып. 1. М., 1907.

28. *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

29. *Вилинбахов В. Б.* Начальный период истории огнестрельного оружия на Руси. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Л., 1963.

30. *Вилинбахов В. Б., Кирпичников А. Н. К* вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси // СИМАИМ. Л., 1958. Вып. 3. С. 243–252.

31. *Вилинбахов В. Б., Мурьянов М. Ф.* Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием // ВИ. 1960. № 8. С. 218–219.

32. *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М.: Алгоритм, 2004.

33. *Волков В. А.* Ратные подвиги Древней Руси. М.: Алгоритм, 2011.

34. *Волков В. А.* «Хитрая война» Московско-литовское противостояние 1492–1494 г. // Родина. № 11. 2003. С. 60–65.

35. *Вязинин И. Н.* От Шелони к Руси единодержавной: крестный ход «За Веру и Верность»: Российскому единству 530 лет. Великий Новгород, 2001. С. 64–73.

36. *Гнатовский Н. И., Шорин П. А.* История развития отечественного стрелкового оружия. М.: Воениздат, 1959.

37. *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000.

38. *Горский А. А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004.

39. *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60-70-х гг. XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. VIII. Л., 1983.

40. *Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.* Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX вв. М.: [Госкульпросветиздат], 1953.

41. *Дунаев Б. И.* Пр[еподобный] Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией в начале XVI столетия по документам М[осковского] А[рхива] МИД. М., 1916.

42. *Епифанов П. П.* Оружие и снаряжение // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М., 1977. С. 292–315.

43. *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1991.

44. *Загоскин Н. П.* Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1876.

45. *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2004.

46. *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Т. 1. СПб., 1890.

47. *Зимин. А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской Думы во второй половине XV – первой трети XVI в. // ИЗ. Т. 103. М., 1979. С. 195–241.

48. *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. Очерк политической истории России первой трети XVI в. М.: Мысль, 1972.

49. *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982.

50. *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.

51. «…И бе их столько, еже несть числа» / Форум. Дискуссию по статье А. Н. Лобина «К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в.» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования 2009. № 1–2. С. 120–150.

52. *Исхаков Д. М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII в.). Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 1998.

53. *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л.: Наука, 1975.

54. *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М.: «Наука», 1980.

55. *Каргалов В. В.* На степной границе. М.: Наука, 1974.

56. *Каргалов В. В.* Оборона южной границы Русского государства в первой половине XVI в. // История СССР. 1973. № 6. С. 140–148.

57. *Каргалов В. В.* Полководцы X–XVI вв. М.: Издательство ДОСААФ СССР, 1989.

58. *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М.: Наука, 1967.

59. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976.

60. *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984.

61. *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение // Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука, 1985. С. 298–363.

62. *Клейненберг И.* Мероприятия Русского государства по укреплению наровской границы в конце XV в. // ВИЖ. 1960. № 6. С. 125–126.

63. *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М.: Мысль, 1985.

64. *Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2000.

65. *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М.: Археографический центр, 1995 (Исследования по русской истории. Вып. 4.).

66. *Кузнецов А. Б.* Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (перв. пол. XVI в.). Минск: Университетское, 1986.

67. *Кузнецов А. Б.* Русско-казанские отношения в 1521–1524 гг. // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции: Материалы IV Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 1999. С. 73–79.

68. *Курбатов О. А.* Отклик на статью А. Н. Лобина // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 104–118.

69. *Лебедянская А. П.* Очерки по истории пушечного

производства в Московской Руси // СИМАИМ. Вып. 1. Л.;М.: Гос. науч. – техн. изд-во машиностроит. лит-ры, 1940. С. 54–83.

70. *Лобин А. Н.* К вопросу о политическом значении итогов битвы под Оршей 1514 г.// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 168–172.

71. *Лобин А. Н.* К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana – Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 45–77.

72. *Лобин А. Н.* Павлин и Волк, Собака и Лисица. Царевы пушкари // Родина. 2004. № 12. С. 75–77.

73. *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1915.

74. *Мавродин В. В.* О появлении огнестрельного оружия на Руси // ВИ. 1946. № 8–9. С. 98—101.

75. *Мавродин В. В.* Образование единого Русского государства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951.

76. *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955.

77. *Мильчик М. И.* Ивангород – первое окно в Европу // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб., 1994. С. 69–72.

78. *Мильчик М. И.* Итальянские мастера – строители Ивангородской крепости // Новгородский исторический сборник. Вып. 5. СПб., 1995. С. 184–202.

79. *Михайлова И. Б.* Псковская земля в период русско-польско-литовской войны 1512–1523 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 200–205.

80. *Михайлова И. Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.

81. На пути к регулярной армии: От славянской дружины к постоянному войску / Ред. В. А. Золотарев и Ю. П. Квятковский, СПб.: Изд-во Logos, 2000.

82. *Назаров В. Д.* В Диком поле // ВИ. 1970. № 2. С. 97—114.

83. *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М.: Знание, 1983.

84. *Небольсин П. И.* Уральцы // Библиотека для чтения. СПб., 1855. № 5.

85. *Носов К. С.* Русские крепости и осадная техника VIII–XVII вв. СПб.: Полигон, 2003. С. 108.

86. *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана

Грозного. Л.: Наука, 1969.

87. Отечественная артиллерия. 600 лет. / Ред. Г. Е. Передельский. М.: Воениздат, 1986.

88. *Парунин А. В.* К вопросу об обстоятельствах смерти хана Большой Орды Ахмата в 1481 г. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010. С. 166–172.

89. *Пахомов И.* Пищальники Василия III // Цейхгауз. № 20. 2003. С. 6–9.

90. *Пенской В. В.* Великая огнестрельная революция. М.: Эксмо, Яуза, 2010.

91. *Перлов И.* Зарайские укрепления XVI–XVII вв.// Труды Зарайского Краевого Музея. Вып. I. Зарайск, 1927. С. 5—45.

92. *Петренко В. П.* Исследования Ивангорода (по работам экспедиции ЛОИА АН СССР 198—1986 гг.) // КСИА. Вып. 205. М., 1991. С. 61–70.

93. *Петров К. В.* Замечания при обсуждении статьи Лобина А. Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 145–146.

94. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105. М.;Л., 1961.

95. *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М.: Наука, 1966.

96. *Рябинин И. С.* Новое известие о Литве и московитах (К истории второй осады Смоленска в 1513 г.). М., 1906.

97. *Скобелкин О. В.* Участие иностранцев в составе русского войска в войнах XVI – начала XVII в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 285–289.

98. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. М., 1887.

99. *Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III // ИЗ. Кн. 27. 1948. С. 18–66.

100. *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 2–3. М.: Мысль, 1988–1989.

101. *Сыроечковский В. К.* Мухаммед-Гирей и его вассалы // Уч. зап. МГУ. Вып. 61. Историч. серия. Т. 2. 1940. С. 3—72.

102. *Сухоруков В. Д.* Историческое описание Войска Донского. Новочеркасск, 1903.

103. *Тарас А. Е.* Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв. М.:

АСТ, Минск.: Харвест, 2006.

104. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 6. М., 1966.

105. *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

106. *Темушев В. Н.* (*Цемушаў В. М.*) «Странная» война 1486–1494 гг. Специфика ведения боевых действий в первой московско-литовской пограничной войне // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 311–315.

107. *Тюленев В. А.* Выборгский замок в конце XVI в. // КСИА. № 190. М., 1987. С. 83–87.

108. *Федоров В. Г. К* вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М.: Изд-во Академии артиллерийских наук, 1949.

109. *Федорук А. В.* Огнестрельная артиллерия в Великой войне государств Ягеллонской унии с Немецким орденом 1409–1411 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 333–336.

110. *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991.

111. *Цемушаў В. М.* (Темушев В. Н.) «Вайна падчас міру». Першая памежная вайна ВКЛ з Вялікім княствам Маскоўскім (1486–1494 гг.) // Беларускі гістарычны агляд. Снежань 2008. Т. 15.

112. *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. – М.: Воениздат, 1954.

113. *Шаскольский И. П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М.: Наука, 1961. С. 376–399.

114. *Шишкин Н. И.* История г. Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891.

115. *Щербатов М. М.* Примечания на ответ господина генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, содержащие в себе любопытныя и полезныя сведения для любителей Российской Истории, також истинныя оправдания и прямые доказательства против его возражений, критики и охулений. М., 1792.

116. Die Auswärtige Politik des livländischen Ordensmeisters Walter von Plettenberg bis 1510. Riga, 1929.

117. Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagellonow. Warszawa, 1930. T. 1.

118. Stryjkowski M. Kronika polska, Litewska, zmodzka I wozystkiey Rusi. Porpz. Przez M. Malinowskiego. T. 2 /

M. Stryjkowski. Warszawa, 1846.

Приложение

Разрядная книга (тетрадь). ЗА 1475–1533 ГГ.

Текст воспроизведен по изданию: Разрядная книга 1475–1598 гг. /Подгот. текста, вводная статья и ред. В. И. Буганова; Отв. ред. акад. М. Н. Тихомиров. М.: Наука, 1966. С. 18–83. Указания на листы рукописи опущены. Явные ошибки исправлены (Ворынский – на Воротынский, Кузов – на Кутузов, Мороме – Муроме и др). Пропущенные в тексте даты отмечены многоточием. Опущены палеографические сведения.

ТАТРАТЬ,

в ней писаны походы великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и походы великого князя Василья Ивановича всеа Русии, да походы же царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, да и посылки воеводцкие писаны по полком, которым воеводам посылки были при великом князе Иване Васильевиче всеа Русии и которым воеводам посылки были при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии и при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии; да приговор царя и великого князя о воеводцких полкех и о князех и о дворянех больших, как князем и дворяном большим ходити с лехкими воеводами не по своему отечеству без мест; а тот приговор писан в лете 7058-го году.

* * *

Лета 6984-го месяца октября в 22 день на паметь святаго Аверкия Ерапольского князь великий Иван Васильевич всеа Русии поехал с Москвы в свою отчину в Великий Новгород миром.

А с великим князем бояре князь Иван Юрьевич, Федор Давыдович, Василей Федорович Образец, Петр Федорович, князь Иван Булгак да князь Данило Щеня Васильевичи, Василей да Иван Борисовичи, Григорей Васильевич Морозов, князь Олександр Васильевич Оболенской, Василей Китай.

Окольничие Ондрей Михайлович, Иван Васильевич Ощера.

Дворетцкой Михайло Яковлевич Русалка.

А дети боярские князь Михайло Колышка княж Иванов сын Юрьевича, Григорей Малой Федоров сын Давыдовича, князь Иван

Звенец, Иван Товарков Молодой, князь Петр Васильевич Оболенской, Юрьи Шестак.

Диаки Микита Беклимишев, Олексей Полуектов.

* * *

В лето 6986-го октября в 9 день в четверг, на наметь святаго апостола Иякова Алфеева пошел князь великий Иван Васильевич всеа Русии с Москвы к Новугороду Великому ратью. И ноября в 19 день на Пилинах стретил великого князя Иван Васильев сын Микифоров да с ним Лука Клементьев. И князь великий на том стану розрядил полки и велел у себя быть в Передовом полку брату своему князю Ондрею Меньшому, а у него велел быть воеводам князю Данилу Дмитреевичю Холмскому с костромичи, Федору Давыдовичю с коломничи, князю Ивану Васильевичю Оболенскому с володимерцы.

А в Правой руке велел быть брату же своему князю Ондрею Большому, а с ним велел быть воеводам: тверскому князю Михаилу Федоровичю Микулинскому с тверичи да своим воеводам Григорью да Ивану Житу Никитичем, а с ними дмитревцы да кашинцы. В Левой руке велел быти брату своему князю Борису, а с ним князю Василью Михаиловичю Верейскому да матери своей великие княгини Марфы воеводе Семену Пешку.

А у себя в полку велел князь великий быти воеводе своему князю Ивану Юрьевичю да Василью Обрасцу, да Василью да Ивану Борисовичем, да князю Семену Ряполовскому с суздалыгы да с юрьевцы, да князю Олександру Васильевичю с колужены и с олексинцы, да з серпуховичи, и с хотунцы, да с москвичи, и с радонежцы, и с новоторжцы, да князю Борису Михайловичю Оболенскому с можаичи да с волочаны, да з звенигородцы, да с ружаны, да Василью Сабурову з галичаны да с ярославцы, да с ростовцы, да с углечаны, да з бежечаны; да у себя же в полку велел быть переславцом всем да муромцом всем.

Того же месяца в 27 день в четверг пришол князь великий под Новгород, а чрез Ильмень по леду, а с ним брат ево князь Ондрей Меньшой. Да того же дни пришол под Новгород князь Василей Михайлович Верейской. А князь великий пришол под город, стал у Троицы на паозорье в Лошинского селе. А брату своему велел стать князю Ондрею Меньшому у Благовещенья в монастыре. А воеводам своим князь великий велел стать около города с полки своими: князю Ивану Юрьевичю в Юрьеве монастыре, князю Данилу Холмскому в Аркажине монастыре, а Василью Сабурову у Пантелемона святаго в монастыре, а князю Олександру

Оболенскому у Николы на Мостищах в монастыре, а князю Борису Оболенскому на Сокове у Богоявленья в монастыре, а князю Семену Ряполовскому велел стати по Пидбе вверх по левой стороне Пидбы и на Стине. А з городцкие стороны велел князь великий стати князю Василью Михайловичю Верейскому на Лисье горе в монастыре, а на Городище велел стать Федору Давыдовичю да князю Ивану Стриге, да Григорью да Ивану Никитечем.

Декабря в 4 день, в понедельник, царевич Даньяр пришед под городом, а с ним воевода великого князя Василей Образец з Борисовичи. И князь великий велел царевичю Даньяру стати в Кирилове монастыре да у Ондрея святаго в монастыре на городищской же стороне, а приставом царевичевым князю Петру Оболенскому да князю Ивану Звенцу велел стать на Ковалеве в монастыре, а Василью Обрасцу з борисовичи велел стать у Спаса в монастыре на Волотове.

Того же месяца в 5 день пришол под город князь Ондрей Васильевич Большой, и князь великий велел стать ему в монастыре у Воскресенья на Деревенице, а тверскому воеводе князю Михаилу Федоровичю велел стать с полком своим у Николы на Островке.

* * *

Лета 6988-го октября в 26 день князь великий Иван Васильевич всеа Русии поехал с Москвы в свою отчину в Великий Новгород.

А с великим князем бояре князь Данило Дмитреевич Холмской, Петр Федорович, Яков Захарьич, Василей да Иван Борисовичи.

Окольничей Иван Васильевич Ощера.

Дворетцкой Михайло Яковлевич Русалка.

А дети боярские Юрьи Захарьич, Семен Борисович Брюхо, Иван Таварков.

* * *

В лето 6990-го июля в 16 день в казанских книгах, в посольствах, написано: «В Нижнем Новегороде стояли воеводы от великого князя Ивана беречь от Алегама царя: боярин князь Иван Васильевич с товарыщи. И князь великий послал к ним с наказом Ивана Писемского, и писано в речи: «А се говорити от великого князя Ивану Писемскому бояром и воеводам князю Ивану

Васильевичю да князю Семену Ивановичю», да князю Борису Оболенскому, да князю Федору Курбскому, да Шеховскому, да князю Дмитрею Оболенскому, да Констянтину Сабурову: «Князь великий велел вам говорити: послал есми х царю в Казань Звенца и Бурнака есми с ним отпустил; и вы б отобралися с теми людьми, которые с вами в лехких судех, да и иные б мои воеводы князь Борис Оболенской, князь Федор Курбской и князь Иван Шоховской, и князь Дмитрей Оболенской, и Констянтин Сабуров, и княж Михайлов сын Деева, и брата моего княж Ондреев воевода князь Семен Стародубской; а после того писано дело. В тех же книгах писано: «Лета 6987-го сентября в… день. От великого князя Ивана Васильевича на Вятку воеводам моим Василью Федоровичю Сабурову да Василью Федоровичю Обрасцу, да князю Семену Ивановичю: что от меня учнет вам говорити Петр Михайлович, – и вы б ему верили».

* * *

Лета 6993-го отпустил князь великий на Казань, на Алегама царя, царевича Магмедамина, а с ним послал воевод своих князя Василья Ивановича да Юрья Захарьича, да князя Семена Романовича, да князя Ивана Рамодановского. И Алегам збежал, а на Казани сел Магмедемин.

В лете же 6993-го, как князь великий приговорил итить ко Твери, а на Москве тогды быти у великие княини Григорей Васильевич Морозов, Ондрей Михайлович Плещеев, Дмитрей Грек, князь Василей Шестун, Микифор Басенков.

* * *

Лета 6994-го посылал князь великий к Магмедеминю царю воевод своих князя Василья Ивановича Оболенского да князя Василья Тулупа, да князя Тимофея Тростенскова по Цареве Магметаминеве присылке, что хотел братью свою выдать великому князю, и князи казанские воли ему не дали, хотели Магмедеминя самого убить, и Магмедемин ушел к великого князя воеводам, и князи ему добили челом, и Магмед амин пошел к ним опять в город на царство.

* * *

Лета 6995-го согнал с Казани Магмадаминя царя брат ево Алегам, пришед из Нагаи по слову с казанцы. И князь великий Иван Васильевич всеа Русии послал на Казань воевод своих по полком, и они, шед, Казань взяли с Магмедаминем царем.

В судех:

В Большом полку князь Данило Дмитреевич Холмской да князь Осиф Ондреевич Дорогобужской.

В Передовом полку Семен Иванович Ряполовской.

В Правой руке князь Олександр Васильевич Оболенской да Иван Борисович, да князь Ондреев воевода князь Василей Никитич Оболенской.

В Левой руке князь Семен Раманович Ярославской да князь Борисов Васильевича воевода князь Василей Иванович Хованской.

В конной рати князь Федор Хрипун да брат ево князь Василей Мних Семеновичи Стародубские А, пришед под Казань, велел им князь великий быти в Передовом полку со князем Семеном Ряполовским.

Да х Казани же послал князь великий конную рать на помочь воеводам князя Василья Федоровича Шуйского да Дмитрея Ивановича Киндырева, а в судех князя Ивана Васильевича Рамодановского.

Того же году послал князь великий к Вятке воевод князя Ивана Володимировича Лыка да Юрья Ивановича Шестака.

* * *

Лета 6997-го князь великий Иван Васильевич посылал к Вятке воевод своих, и они, шед, Вятку взяли, а были воеводы по полком.

В Большом полку князь Данило Васильевич Щеня да князь Ондрей Семенович Чернятинской.

В Передовом полку Григорей Васильевич Морозов да Ондрей Иванович Коробов.

В Правой руке князь Володимер Ондреевич Микулинской да Василей Борисович Бороздин, да князь Ондреев воевода Михайло Константинович.

В Левой руке Василей Семенович Бакеев да Семен Карпович, да князь Борисов воевода Фома Иванович.

А в судовой воевода Иван Иванович Салтыков Травин да князь Иван Семенович Кубенской, да Юрьи Иванович Шестак, да наместник устюской Иван Иванович Злоба, да князь Иван Иванович Звенец. И Злоба, не дошед, умер и Вятку тогда взяли. А в грамоте писались к великому князю князь Данило да Григорей и все воеводы.

А на Каме стоял вятцкого же для дела князь Борис Иванович Горбатой.

* * *

Лета 7000-го послал князь великий воевод своих в Северу ко князем.

В Большом полку князь Данило Дмитреевич Холмской да Яков Захарьич, да в большом же полку князь Володимер Ондреевич Микулинской.

В Передовом полку князь Олександр Володимерович Ростовской да князь Иван Михайлович Воротынской.

В Правой руке князь Василей Васильевич Шуйской да князь Василей Васильевич Ромадановской.

В Левой руке князь Василей Мних да князь Петр Лобан Семеновичи Ряполовские.

В Сторожевом полку князь Федор Васильевич Телепнев да князь Констянтин Федорович Ушатой.

* * *

Лета 7001-го к великому князю Ивану Васильевичю всея Русии приехал служить от короля князь Семен Федорович Воротынской да князь Михайло Раманович Мезетцкой, да князь Василей да князь Ондрей Васильевичи Белевские с вотчинами и с волостми, с Мезетцком да с Серпейском. И князь великий послал к великому князю Олександру литовскому о них с отказом Дмитрея Загряскова. И князь великий Олександр литовской после отказа прислал из Смоленска своего пана Юрья Глебовича да князя Семена Ивановича Можайского, да князей Друтцких; да те городки Мезетцк да Серпееск и с волостми поимали и позасели. И князь великий Иван Васильевич всеа Русии послал тех городов доставати своего сестрича князя Федора Васильевича Резанского. А с ним великого князя Ивана Васильевича Резанского воевода Инка Измайлов со многими людми. А своих воевод князь великий послал: князя Михайла Ивановича да князя Олександра Васильевича, да князя Ондрея да князя Ивана Микитичев, да князя Ивана Володимеровича Лыка, да князь Василья Васильевича Телепня, да князя Василья Володимеровича Кашу. А пошли с Москвы генваря в 29 – день, а были по полком:

В Большом полку князь Михайло Иванович.

В Передовом полку князь Олександр Васильевич, да в

передовом же полку со князем Олександром Васильевичем другой воевода князь Василей Васильевич Оболенской.

В Правой руке князь Ондрей да князь Иван Смола Никитичи.

В Левой руке князь Иван Володимерович Лыко.

В Сторожевом полку князь Борис Михайлович Туреня да князь Василей Володимерович Каша.

А Воротынским князем и Одоевским, и Белевским, и князю Михаилу Мезетцкому велел князь великий быти подле Передовой полк великого князя, на Правой стороне или на Левой, где похотят. А не похочет князь Дмитрей быти вместе з братом своим со князем Семеном, и князю Дмитрею быти своим полком подле Большой полк, где пригоже. А князю Семену и братеничю его князю Ивану Перемышскому быти подле Передовой полк, на Правой или на Левой стороне, где похотят. А Одуевским князем и Белевским, и Мезетцкому где будет пригоже со князем быть в полку, и им тут быти или где похотят.

А как сойдутца все люди, и князю Михаилу Ивановичю и князю Олександру полки пересмотреть, да в котором полку будет людей мало, и им в тот полк людей прибавить.

А на Луки Великие отпустил князь великий воевод, а велел быть по полком:

В Большом полку князь Данило Олександрович Пенко.

В Передовом полку князь Семен Раманович да Василей Борисович.

В Правой руке Дмитрей Киндырев.

А в Левой руке прилучит у них быть Ондрею Колычову и Ушатому, ино быти Ондрею да Ушатому; а не прилучитца им быть, и князю Данилу велеть быти в Левой руке князю Ондрею Прозоровскому, а Ондрею Рудному быти в Сторожевом полку.

Того же лета были воеводы в Можайску князь Василей Иванович Косой да Семен Иванович Воронцов.

А изо Твери воеводы:

В Большом полку князь Данило Васильевич.

В Передовом князь Петр Никитич; да со князем Петром же другой воевода князь Федор Семенович Хрипун.

В Правой руке князь Осиф Ондреевич Дорогобужской; да со князем Осифом другой воевода князь Петр Васильевич Нагои.

В Левой руке князь Володимер Ондреевич Микулинской; да со князем Володимером же другой воевода Иван Борисович, а третей воевода Петр Борисович.

Того же лета против Литвы: из Новагорода воевода Яков Захарьич, изо Пскова князь Василей Федорович Шуйской, а из московские и изо тверские земли к ним же воеводы на помочь князь Данило Олександрович Пенко, другой воевода князь Семен

Раманович, третей воевода Дмитрей Киндырев, четвертой воевода Василей Борисович, пятой воевода князь Петр Васильевич Нагой.

Того же лета 7001-го князь великий Иван Васильевич всеа Русии послал во Тверь сына своего князя Василья, а у него велел быти во Твери воеводам: князь Данило Васильевич Щеня, Юрьи Захарьич, князь Петр Никитич Оболенской, князь Федор Семенович Хрипун, Петр Борисович.

А к Берегу изо Твери воеводы князь Осиф Ондреевич Дорогобужской, князь Михайло Федорович Микулинской, Иван Борисович. А на Берегу быти сыну великого князя князю Юрью да князю Борису Васильевичю; а воеводам быть на Берегу князю Михаилу Ивановичю. А в Серпухове быть князю Василью Ивановичю да князю Борису Михайловичю Турене. А в Торусе быть князю Ивану Лыку; да на Берегу же быть князю Ондрею да князю Ивану Смоле Никитичем.

А в Можайску быть Ондрею Федоровичю.

А у великого князя воеводы князь Иван Юрьевич, князь Данило Дмитреевич Холмской, князь Олександр Васильевич Оболенской, князь Семен Иванович Ряполовской.

* * *

Лета 7003-го августа в… день послал князь великий воевод на свейские немцы, и были воеводы под Выбором по полком:

В Большом полку князь Данило Васильевич Щеня да князь Федоров да княж Иванов Борисовичев воевода князь Ондрей княж Ондреев сын Голенин.

В Передовом полку князь Петр Никитич Оболенской да князь Федор Семенович Ряполовской Хрипун.

В Правой руке князь Федор Васильевич Оболенской да князь Иван Иванович Слых.

В Левой руке Петр да Василей Борисовичи.

А из ноугородцкие земли велел князь великий итить на свейские немцы:

В Большом полку Яков Захарьич.

В Передовом Иван Ондреевич Лобан Колычов.

В Правой руке Федор Константинович Беззубцов.

В Левой руке князь Тимофей Олександрович Тростенской.

А в Новгороде Великом велел князь великий быть наместником князю Данилу Олександровичю Ярославскому да князю Ивану Володимеровичю Лыку Оболенскому; да в Нове же городе был дворетцкой Василей Михайлович Волынской.

А изо Пскова намеснику князю Василью Федоровичю

Шуйскому велел князь великий итить со псковичи на свейские же немцы.

Того же лета, месяца…, поехал князь великий Иван Васильевич всеа Русии в своею отчину в Великий Новгород, а з собою велел ехать к Новугороду внуку своему князю Дмитрею Ивановичю да сыну своему князю Юрью.

А с великим князем бояре князь Василей княж Иванов сын Юрьевича, князь Олександр Васильевич Оболенской, Ондрей Федорович, князь Семен Романович, князь Семен Иванович Ряполовской, Михайло Яковлевич Русалка, Дмитрей Володимерович. Окольничие Петр Михайлович, князь Иван Звенец, Петр Григорьевич Заболотцкой.

Дворетцкой князь Петр Васильевич Великой.

Ясельничие Федор Викентьев, Давыд Лихорев.

Постельничие Иван Ерш, Василей Сатин.

Диаки Левонтей Олексеев, Федор Курицын, Василей Кулешин, Василей Жюк, Волк Курицын, Данило Кипреянов.

А князи и дети боярские с великим князем: князь Федор Иванович Бельской, князь Иван Иванович Мынынка, князь Иван Репня княж Михайлов сын Оболенского, князь Семен да князь Василей княж Даниловы дети Холмского, князь.

Иван Булгак, дети ево Ондрей да Михайло, князь Дмитрей Семенович Щепа, князь Констянтин Ярославов, князь Василей Щербатой, князь Михайло Шуйской, князь Борис княж Иванов сын Горбатого, князь Василей Ондреевич Нохтев, да сын его Иван, князь Иван Олександрович Барбаша, князь Василей Мних Ряполовской, князь Иван Лихач да Юрьи, да Борис Рамодановские, Иван Образец да Ондрей Пеструха княж Федоровы дети Пестрого, Олешка да Федор, да Семен Приимыш Кривоборские, князь Иван Стародубской Черной, Василей Ковер Стародубской, князь Ондрей Иванович Ростовской Хохолек, дети ево Юшко да Олександр, князь Олександр Володимерович Ростовской, князь Василей да князь Семен княж Ивановы дети Яновы-Ростовские, Констянтин княж Семенов сын Рамановича, князь Констянтин Ушатой, князь Ондрей княж Дмитреев сын Курбского, князь Семен княж Федоров сын Курбского, князь Михайло княж Львов сын Рамановича, князь Дмитрей княж Федоров сын Юхотцкого, князь Ондрей Прозоровского, князь Федор Ситцкой, князь Дмитрей Солнце да Давыд Засекины, князь Иван Каргодомской, Ондрей Шелешпанской, Григорей да Петр Федоровы дети Давыдовича, князь Иван Шолуха Кубенской, Борис Олександров сын Колычов, Иван Хабар Васильев сын Обрасцов, Семен Иванов сын Воронцов, Василей Иванов сын Гаврилова, Асанчюк да Олексей Григорьевы дети Заболотцкого, Ондрей

Васильев сын Сабуров, Федор Брюхо Морозов, Дмитрей Васильевич Шеин, Федор Щука Юрьев сын Кутузова, Михайло Ондреев сын Плещеева, Василей Петров сын Плещеева, Иван Ощерин, Михайло Зворыка, Федец да Офонас Яропкины, Федор Слизнев сын Копытова, Копот да Ташлык Ивановы дети Слизнева, Булгак Слизнев, Ондрей да Василей Карамышевы, Иван Олександров сын Заболотцкого, Шишка Игнатьев сын Синего, Яков Дмитреев сын Давыдова, Иван Григорьев сын Козлова, Бухар Григорьев сын Наумова, Небогатой Голицын, Дмитрей Загряской, Григорей Кренев Дедевша, Ондрей Филипов сын Наумова, Иван да Василей Григорьевы дети Морозова, Дмитрей да Мануйло Ларевы, Иван Спаситель, Пестрик Ларионов, Дьяк Сухой, Дмитрей княж Васильев сын Бабичев, Иван Слепой Осиповской, Мясоед Констянтинов сын Малечкина, из Мурома тверитин Василей Бокеев. А из тверские земли с великим князем бояре: князь Осиф Ондреевич Дорогобужской, князь Михайло Телятевской с сыном с Ываном, князь Володимер Ондреевич Микулинской.

А за постелею с постельничими постельники: Михайло Погожей, Лыско да Ахметек Сугорские, Иван Берсень да Григорей Никитины дети Беклемишевы, Ярец да Ушак Зайцовы, Третьяк да Тучко Васильевы дети Долматова, Иван Микулин сын Ярого, Семен Угримов сын Заболотцкой, Яков да Гридя Григорьевы дети Морозова, Юшко Дмитреев сын Володимерова, Микита Михайлов сын Беклемишев, Юшко Грек Дмитреев сын, Микула Ангилов, Федор да Микита, да Семен Ивановы дети Карпова, Михайло да Иван Ильины дети Бокеева, Иван да Василей Олексеевы дети Старкова, князь Федор княж Дмитреев сын Глазатаго, Володя княж Борисов сын Туренин, Дмитрей да Федор Даниловы дети Иванова, Иван Иванов сын Волынской, Иван Олександров сын Старкова, Гридя Иванов сын Картмазов, Ондрей Лысцов, Данило Ондреев сын Плещеева, Михайло Иванов сын Борисова Бороздина, Хозюк Повадин, Федор Семенов сын Лапин, Федор Очин, Злоба Жохов, Офоня да Федец Михайловы дети Кучетцкого, Костя да Иван Яковлевы дети Кочергина, Федор да Ондрей Левонтьевы дети Олексеева, Спиридон Одинцов сын Дьяков, Иванец Зворыкин, Яков да Юшко Замятины, Федко Иванов сын Поелов, Олеша да Борис Хомяковы, Иван Мамонов Меньшой, Черница Олександров сын Безобразова, Василей да Семейка княж Ивановы дети Тулуповы, Иванец Скрябин сын Морозов, Иван да Василей Тимофеевы дети Юрлова, Гаврило Федцов сын Мансурова, Иван Гагарин, Брат Голова Ондреев сын Шелешпанского, Посол Бурунов, Данилко да Олешка Ондреевы дети Карамышева, Михайло да Володя княж Ивановы дети

Барбашины, Петр Яковлевич Захарьича, Михайло Юрьев сын Захарьича, Михайло Васильев сын Кулешин, Семен да Иван княж Васильевы дети Шестуновы, Смага Ондреев сын Сатина, Михал да Федко, да Дичко Васильевы дети Долматова, Тимоха Констянтинов сын Хлуденева.

* * *

Лета 7004-го декабря 25 на рожество Христово пришли воеводы к великому князю в Великий Новгород ис-под Выбора князь Данило Васильевич да Яков Захарьич и иные воеводы.

И князь великий послал на свейские немцы из Новагорода от себя других своих воевод: князя Василья Ивановича Юрьевича да Ондрея Федоровича Челяднина и иных своих воевод; а шли на Корелу да к Новугородку неметцкому на Гамскую землю, а были по полком:

В Большем полку князь Василей Иванович Косой да Ондрей Федорович Челяднин.

В Передовом полку князь Олександр Володимерович Ростовской да князь Иван Михайлович Оболенской Репня.

В Правой руке Дмитрей Васильевич Шеин да Григорей Федорович.

В Левой руке Семен Карпович да Андрей Иванович Коробов.

Того же лета в августе князь великий Иван Васильевич всеа Русии приговорил послать воевод на свейские немцы, а быть по полком:

В Большом полку князь Данило Васильевич да Яков Захарьич.

В Передовом полку князь Осиф Ондреевич Дорогобужской да князь Федор Семенович Хрипунов, да князь Василей Рамодановский.

В Правой руке князь Федор Васильевич Телепень да Дмитрей Васильевич Шеин.

В Левой руке Иван да Петр Борисовичи. А князем Воротынским, князю Дмитрею да князю Семену Федоровичем, да князю Ивану Михаиловичю, быти в левой же руке своим полком.

* * *

Лета 7005-го сентября в… день согнал с Казани Магмедеминя царя Мамук, царь нагайской, по слову с казанскими князьями с Каныметем да с Огишем, да с Адырем, да с Ураком. И Магмедемин приехал к великому князю; и князь великий из

свейского походу воевод убавил, а приговорил на весну послати на Казань воевод; а на свейскую землю велел итить воеводам по полком:

В Большом полку Яков Захарьич.

В Передовом полку князь Федор Семенович Хрипун да Воротынские князи своим полком, князь Дмитрей Федорович да князь Иван Михайлович; а князь Семен Воротынской не ходил, был болен.

В Правой руке князь Федор Васильевич Телепень Оболенской.

В Левой руке Иван Борисов Бороздин.

А под Казань нарядил князь великий воевод, а срок им учинил стать под Казань с крою вместе:

В судовой:

В Большом полку князь Семен Иванович Ряполовской.

В Передовом полку Ондрей Иванович Коробов.

В Правой Петр Борисович.

В Левой Василей Борисович.

А в конной рати:

В Большом полку князь Василей Иванович да князь Олександр Васильевич Оболенской.

В Передовом полку князь Федор Васильевич Телепень.

В Правой руке князь Михайло Иванович Телятевской.

В Левой руке Семен Карпович.

Того же лета в июне прислали немцы к великому князю послов бити челом о миру от ливонские земли, от Колывани и от Риги, и от Юрьева и з семьюдесят городы. И князь великий приговорил съезду быть на Норове-реке ниже Иванягорода. И послал князь великий воевод на съезд с немцы:

В Большом полку князь Семен Данилович Холмской.

В Передовом полку Петр Михайлович Плещеев.

В Правой руке Петр Борисович.

В Левой руке Василей Борисович.

А на зговор с немцы: Констянтин Григорьев сын Заболотцкого да Михайло Клепик, да дьяки Василей Кулешин да Волк Курицын, а с ними детей боярских 19 ч[еловек].

* * *

Лета 7007-го сентября в… день прислал к великому князю ис Казани Абделетиф царь, что Урак князь хочет быть х Казани с Салтаганом церевичем. И князь великий послал в Казань воевод своих беречь от Урака и от Салтагана:

В Большом полку князь Семен Иванович Ряполовской.

В Передовом полку князь Василей Рамодановской.

В Правой [руке] Семен Карпов.

В Левой [руке] Ондрей Коробов.

Того же лета августа в день посылал князь великий в Казань воевод беречь от Арака и от шибанских царевичев в конной рати:

В Большом полку князь Федор Иванович Бельской.

В Передовом полку князь Семен Иванович Ряполовской.

В Правой руке Юрьи Захарьич.

В Левой руке Дмитрей Васильевич Шеин.

А в судовой воеводы князь Иван Барбаша Олександрович Суздальской, Михайло Костянтинович Беззубцов, Семен Карпович, Ондрей Васильевич Сабуров.

Того же лета послал князь великий в Югорскую землю на Куду и на гогуличи воевод князя Семена Курбского да князя Петра Ушатова, да Василья Иванова сына Гаврилова.

А со князем Семеном детей боярских Цыгора да Володю Сугорских, да вятчан, которые живут в московской земле, Костю Якошева сына Пугвина, да Леву Иванова сына Олексеева, да Петрушу Попова; а устюжан с ним 1304 ч[еловек], а вымеч и вычегжян 500 человек.

А со князем Петром Ушатым дети боярские: вологженя Микита Тимофеев сын Матафтин да Микита Пушников; да вятчан, которые живут в московской земле, Гаврило Софонов, да Ивашка Сенкин сын Бобровникова, да Ивашко Якушкин; а двинян с ним и важан, и пенежан 1920 ч[еловек].

А с Васильем Ивановым сыном Гаврилова дети боярские: вологжяне Сиг Савельев, да Федко Неправдин; да вятчане, которые живут в московской земле, Якуш Татаринов да Гридя Ивашков сын Татаринов; а вятчан с ним: 200 ч[еловек] руси да 100 ч[еловек] арян, татар и остяков.

* * *

Лета 7008-го князь великий Иван Васильевич всеа Русии послал воевать литовские земли князя Федора да князя Ивана Борисовичев Волотцкого, а с ними велел сниматися во Вселуке намеснику ноугородцкому Ондрею Федоровичю Челяднину; а намесником лутцким Губке Янову да Стерлягу Вельяминову да пуповскому намеснику Олексею Заболотцкому велел с ними же сниматися. А как сойдутца, ино им быть по полком:

В Большом полку Губке Янову.

В Передовом полку Стерляге Вельяминову.

В Правой руке Борису Колычову.

В Левой руке Федору Плещееву.

В Сторожевом Олексею Заболотцкому.

А князю Федору и князю Ивану Борисовичем Волотцким дал князь великий свой наказ: нечто будет каково дело, и им быть по полком:

В Большом полку князю Федору да князь Ивану Борисовичем, да у них же быть в большом полку Ондрею Федоровичю своим полком с великого князя знаменем.

А в Передовой полк и в Правую руку, и в Левую [руку], и в Сторожевой полк выбрати воевод велел Ондрею, то положил на нем.

Того же лета послал князь великий воевод к Путимлю:

В Большом полку Яков Захарьич.

В Передовом полку князь Иван Михайлович Репня.

В Правой [руке] князь Тимофей Олександрович Тростенской.

В Левой руке князь Василей Мних Ряполовской.

В Сторожевом полку Петр Михайлович Плещеев.

Того же лета послал князь великий воевод к Дорогобужю по полком:

В Большом полку Юрьи Захарьич.

В Передовом Иван Щадра Вельяминов да князь Василей да князь Володимер княж; Борисовы дети Туренины.

В Правой руке князь Федор Иванович Стригин да князь Федоров Борисовича воевода князь Иван Хованской Ушак.

В Левой руке Петр Иванович Житов да князь Борисов воевода Обляз Вельяминов.

Того же лета послал князь великий в литовскую землю князя Семена Ивановича Стародубского да князя Василья Ивановича Шемячина, да с ними воевод своих князя Данила Васильевича Щеня да Якова Захарьича и иных воевод. И они ходили к Рословлю и к Ельне, и бой им был на Ведрошке:

В Большом полку князь Семен Стародубской княж Иванов сын Ондреевича Можайского да князь Василей Иванович Шемячич, да великого князя воевода князь Данило Васильевич.

В Передовом полку князь Михайло Федорович Телятевской да князь Петр Васильевич Оболенской да князь Володимер княж Борисов сын Туренин.

В Правой руке князь Осиф Ондреевич Дорогобужской да князь Федор Васильевич Оболенской, да князь Петр Иванович Стригин, да князь Иван Михайлович Воротынской с татары.

В Левой руке князь Володимер Ондреевич Микулинской да Дмитрей Киндырев, да Петр Житов.

В Сторожевом полку Юрьи Захарьич да Иван Щадра.

И Юрьи Захарьич писал к великому князю, что ему в

Сторожевом полку быти немочно: «То мне стеречи князя Данила». И князь великий к нему приказал со князем Костянтином Ушатым: «Гараздо ли ты так чинишь, говоришь: в Сторожевом полку быти тебе непригоже, стеречь княж Данилова полку? Ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела. А каковы воеводы в Большом полку, таковы чинят и в Сторожевом полку; ино не сором тебе быть в Сторожевом полку». Да Юрью же велел сказать князю Костянтину Ушатому, что на Костроме были воеводы: в Большом полку князь Олександр Федорович, а в Передовом князь Иван Стрига, а в Сторожевом Федор Давыдович. А в речи писано: князю Данилу Васильевичю, Юрью Захарьичю, князю Федору Васильевичю Телепню, Ивану Щадре; а иные воеводы еще не сошлися.

А как воеводы побили на Ведроше литовских людей и писали к великому князю, чтоб к ним людей прибавил, и послал к ним князь великий воевод князя Семена Рамановича да Дмитрея Васильевича Шеина; а с речью послал ко князю Данилу Васильевичю Петра Плещеева. А писано в речи, чтоб князь Семен Раманович был в Большом полку со князем Данилом, а Дмитрей Васильевич Шеин в Передовом полку на князь Петрово место Нагова со князем Михайлом Телятевским; а в речи писан князь Семен Раманович да Дмитрей Васильевич Шеин. Да в речи же писано: князь Данило Васильевич, князь Осиф Дорогобужской, князь Володимер Микулинской, князь Михайло Телятевской, Дмитрей Киндырев, Петр Житов.

* * *

Лета 7009-го апреля в… день князь великий Иван Васильевич всеа Русии послал воевод в литовскую землю:

В Большом полку князь Данило Олександрович да со князем Данилой другой воевода князь Михайло Карамыш Курбской.

В Передовом полку князь Василей Шуйской Немой.

В Правой руке Иван Борисович.

В Левой руке Петр Борисович.

А из Новагорода велел итить намеснику князю Семену Рамановичю.

А во Тверь отпустил князь великий сына своего великого князя Василья. А у великого князя Василья во Твери воеводы князь Данило Васильевич, князь Дмитрей Володимерович, князь Олександр Володимерович, князь Володимер Ондреевич Микулинской, Дмитрей Васильевич Шеин, Василей Борисович. Окольничие Григорий да Петр Федоровы дети Давыдовича, Петр

Михайлович Плещеев, Офонасей Сатмышев. Да с великим же князем Васильем Семен Борисович Брюхо. Дворетцкой князь Василей Голенин.

Того же лета майя в 14 день в нарядех написано в речи ноугородцким намесником князю Семену Рамановичю да Ивану Ондреевичю Колычову Лобану с Ярцом Зайцовым: каково будет дело от Литвы, ино б шел с Новагорода намесник князь Семен Раманович, а быти ему с великого князя сыном, с великим князем Васильем, а был бы князь Семен в Большом полку, а в полкех бы были у него воеводы:

В Передовом полку князь Иван Тулуп да Михайло Ондреев сын Колычов.

В Правой руке князь Иван Буйнос княж Олександров сын Хохолков да князь Иван Гундор.

В Левой руке Иван да Василей Григорьевы дети Морозова.

В Сторожевом полку назад воевода Игнатей Образец.

Да в той же речи написано: каково будет дело от немец, и итить из Новагорода наместнику Ивану Лобану Ондреевичю Колычову, а быть ему в Большом полку, а в Передовом полку воевода Темка Янов, а в Правую руку и в Левую [руку] и в Сторожевой полк воевод разрядить наместником. Да Лобану же в речи написано: каково будет дело от немец, и пойдет он на великого князя дело, а, посмотря по делу, пригоже будет взяти с Орешка наместника князя Володимера Туреню, а с Корелы наместника Ивана Пужбальского; и Лобану их с собою взять и велети им быть с собою в воеводех в полкех, в котором полку пригоже; а другой бы наместник, Юрьи Сабуров, был в Кореле с кореляны и з земцы. А будет с Корелы и из Орешка наместников непригоже взять, и Лобану тех наместников с собою не имать.

А в Новегороде со владыкою Генадьем быти Ондрею Ондреевичю Колычову да дворетцкому ноугородцкому Ивану Волынскому да дьяку Сумороку Вокшерину.

Того же лета августа в 7 день писал к великому князю Минли-Гирей царь с своим человеком Акдербишем, что Минли-Гирей царь пришол на Орду на Шихмата царя; и Шихмат царь стал в крепости на усть Тихие Сосны у Дону под Девичьими горами, а он, Минли-Гирей царь, стоит против его на другой стороне Тихие Сосны; а улусы Шихматовы на сей стороне Дону от Волги; и князь великий бы послал на улусы рать свою. И князь великий послал на улусы царя Магмедеминя, а с ним князя Василья Нозроватого. А великой княине резанской велел князь великий послати воевод Сунбула Тутыхина да Микиту Инкина сына Измайлова, а князю Федору велел послать Матвея Булгака Денисьева.

* * *

Лета 7010-го сентября в 24 день послал князь великий в Стародуб ко князю Семену и ко князю Василью Шемячичю воевод своих князя Олександра Володимеровича Ростовского и иных своих воевод, а велел им со князьми быть по полком. И князи ходили ко Мстиславлю и князя Михаила Ижеславского и Королевых воевод побили, а Федня Скрыпова изымали и посады пожгли, а князь Михайло Ижеславской да Якуш Костевич, да Остафей Дашков утекли в город. А были тогды по полком:

В Большом полку со князем Семеном Стародубским и со князем Васильем Шемячичем были великого князя воеводы князь Олександр Володимерович Ростовской да Семен Иванович Воронцов.

В Передовом полку князь Петр Семенович Ряполовской Лобан да князь Иван Михайлович Воротынской.

В Правой [руке] Григорей Федорович.

В Левой [руке] Иван Васильевич Жюк.

В Сторожевом князь Василей Васильевич Ромадановской.

А как прислали князи Стародубской и Шемячич и великого князя воеводы с тою вестью, что литовских воевод побили, и князь великий послал ко князем и к своим воеводам Ивана Микулина сына Ярого, а велел молыть князем: «Ино то милосердый Бог своим милосердием как хотел, так и помиловал, а вашею службою; и мы о том богу хвалу воздаем, а вас, оже даст бог, за вашу службу жаловать хотим». Да велел князь великий князю Олександру и иным воеводам ехати к себе, а у князей велел остатися в Стародубе князю Ивану Воротынскому да князю Петру Лобану Ряполовскому, написал Воротынского в речи наперед, а Ряполовского после его. А в другоряд написан к воеводам в речи у Ивана же у Ярого по тому же: князь Иван Воротынской да Лобан князь Петр Ряполовской.

Того же лета послал князь великий из Великого Новагорода воевати неметцкие земли воевод по полком:

В Большом полку наместник ноугородцкой князь Данило Васильевич Щеня да князь Иван княж Васильев сын Васильевича Шуйского, да князь Борис Тебет Уланов.

В Передовом полку наместник же ноугородцкой князь Василей Васильевич Шуйской да князь Петр Лобан Семенович Ряполовской.

В Правой руке князь Осиф Ондреевич Дорогобужской да Петр Житов.

В Левой руке князь Володимер Ондреевич Микулинской да князь Федор Юрьевич Прозоровской.

В Сторожевом полку Семен Карпович да Михайло Ондреевич Колычов, да князь Семен Рамодановской.

Того же лета декабря в 3 день велел князь великий из Новагорода наместником своим князю Данилу Васильевичю да князю Василью Васильевичю Шуйскому и иным воеводам итить воевать в литовскую землю; а наказ им послал с Третьяком Долматовым, как им быть по полком:

В Большом полку князь Данило Васильевич да князь Василей Васильевич Шуйской.

В Передовом полку князь Петр Лобан Ряполовской.

В Правой [руке] Петр Житов.

В Левой [руке] князь Федор Прозоровской.

В Сторожевом полку Михайло Ондреевич Колычов да князь Семен Рамодановской.

Того же лета велел князь великий изо Ржевы воеводам своим итить в литовскую землю воевать по полком:

В Большом полку князь Михайло княж Иванов сын Васильевича да князь Ондрей Гонении.

В Передовом [полку] князь Иван княж Федоров сын Ушатой.

В Правой руке князь Василей Шиха Оболенской.

В Левой руке князь Михайло… сын Засекин.

В Сторожевом полку князь Федор Палетцкой да Семен Жюлебин.

Того же лета 7010-го князь великий Иван Васильевич всеа Русии послал на Смоленеск ратью сына своего князя Дмитрея и с ним воевод своих, а под Смоленском велел им быть по полком:

В Большом полку князь Дмитрей, сын великого князя Ивана Васильевича, а с ним великого князя воеводы князь Василей Данилович Холмской, Яков Захарьич.

В Передовом полку князь Семен Иванович Стародубской да князь Василей Иванович Шемячич, а с ними великого князя воеводы князь Василей Мних да князь Иван Михайлович Репня.

В Правой руке князь Федор Борисович Волотцкой, а с ним великого князя воеводы князь Федор Иванович Бельской да Дмитрей Васильевич Шеин.

В Левой руке князь Федор Иванович Резанской, а с ним великого князя воеводы князь Олександр Володимерович Ростовской да князь Михайло Федорович Карамыш.

В Сторожевом полку князь Иван Борисович, а с ним великого князя воеводы князь Михайло Федорович Телятевской да князь Федор Васильевич Телепень, да князь Констянтин Ярославов.

* * *

Лета 7011-го декабря в… день поход князем из Северы на литовскую землю:

В Большом полку князи служилые, князь Семен Иванович Стародубской да князь Василей Иванович Шемячич, а с ними воевода князь Олександр Володимерович Ростовской.

В Передовом полку князь Иван Семенович Одоевской, князь Иван Михайлович Воротынской да брянской наместник Иван Васильевич Жюк.

В Правой руке князь Василей Семенович Ших Одоевской да великие княини резанские воевода Яков Назарьев.

В Левой руке князь Иван Михайлович Репня да князь Федоров воевода Васильевича Рязанского Чавка Васильев сын Дурнова.

В Сторожевом полку князь Василей Васильевич Ромодановской.

Того же 7011-го в декабре послал князь великий в Новгород дьяка Третьяка Долматова, а приказал с ним князь великий к наместником ноугородцким ко князю Данилу Васильевичю да ко князю Василью Шуйскому и ко всем воеводам: пойдут из Новагорода наместники ноугородцкие да и воеводы на великого князя дело, и князь великий тогды велел быть по полком:

В Большом полку воеводы князь Данило Васильевич да князь Василей Васильевич Шуйской.

В Передовом полку воевода князь Петр Лобан Ряполовской.

В Правой руке Петр Иванович Житов.

В Левой руке воевода князь Федор Юрьевич Прозоровской.

В Сторожевом полку воеводы Михайло Ондреев сын Колычов да князь Семен Рамодановской.

Того же году в литовскую землю ходили воеводы изо Ржевы:

В Большом полку воевода князь Михайло княж Иванов сын Васильевича да князь Ондрей Голенин.

В Передовом полку князь Иван Ушатой.

В Правой руке князь Василей Шиха.

В Левой руке воевода князь Михайло Засекин.

В Сторожевом полку воеводы князь Федор Палетцкой да Семен Жюлебин.

* * *

Лета 7013-го июня в… день пришла весть к великому князю, что царь казанской Магмедемин великого князя посла Михаила Клепика поимал, а гостей руских побил, а товар их поимал на себя весь. И после того августа в день пришла весть к великому князю, что Магмедеамин царь с людьми возитца Волгу, а хочет

итить на ноугородцкие и на муромские места. И князь великий послал заставу в Муром воевод своих князя Ивана Ивановича Горбатого да боярина Семена Ивановича Воронцова.

* * *

Лета 7014-го сентября в 4 день пришла весть к великому князю, что царь казанский Магмедамин с людьми августа в 30 день, в суботу, возитца Суру за полтораста верст от Новагорода от Нижнева. И князь великий послал, а велел быть в Муроме царевичем Салтагану да Зенаю с уланы и со князьми, и со всеми казаки. Да в Муром же послал князь великий воеводу с людьми князя Василья Даниловича Холмского; а каково будет дело, и быть по полком:

В Большом полку с царевичи быть князю Василью Даниловичю Холмскому.

В Правой руке князю Ивану Ивановичю Горбатому.

В Левой руке Семену Ивановичю Воронцову.

А в Передовой полк и в Сторожевой князю Василью Холмскому да князь Ивану Горбатому, да Семену Воронцову воевод прибрать, кого будет пригоже.

Того же 7014-го месяца октября в 29 день преставился князь великий Иван Васильевич всеа Русии. Того же лета царь Магмедамин казанской побил в Казани всех людей великого князя, которые торговали. И князь великий Василей Иванович всеа Русии послал под Казань на царя Магмедеаминя брата своего князя Дмитрея Ивановича да с ним воевод своих в судех:

В Большом полку великого князя брат князь Дмитрей Иванович Жилка да великого князя воеводы князь Федор Иванович Бельской, Дмитрей Васильевич Шеин, да в Большом же полку с нарядом князь Иван Васильевич Курля Оболенской да Ондрей Васильевич Сабуров, да Дмитрей Иванович Ларев.

В Передовом полку князь Михайло Федорович Курбской да князь Юрьев Ивановича воевода князь Давыд Данилович Хромой.

В Правой руке у князь Дмитрея Ивановича князь Федор Борисович Волотцкой. А великого князя воеводы в Правой руке князь Михайло Федорович да князь Володимер Ондреевич Микулинские.

В Левой руке князь Иван Михайлович Репня да Петр Иванович Житов.

А на перевоз конным воеводам: князь Иван Иванович Щетина Оболенской да Федор Щука Юрьевич Кутузов, да князь Федор Петрович Ситцкого.

А на Каме у перевозу князь Семен Федорович Курбской да князь Олександр Федорович Оленка, да Иван Вельямицович Брех, да князь Иван Семенович Голянищо Андомской.

А в конной рати были воеводы по полком:

В Большом полку воеводы князь Олександр Володимерович Ростовской да князь Юрьев Ивановича воевода Михайло Елизарьев сын Гусев, да князь Дмитреев Ивановича воевода Василей Олексеев сын Давыдов, да князь Федоров Борисовича воевода князь Григорей Мещерской.

В Передовом полку князь Петр Лобан Семенович Ряполовской; у Передовова же полку на праве Дзенай царевичь з городетцкими татары да Канбар мурза.

В Правой руке князь Василей Мних Семенович Ряполовской.

В Левой руке князь Федор Семенович Стрига Ряполовской.

В Сторожевом втолку князь Федор Иванович Стрига да Ондрей Иванович Коробов.

Того же лета послал князь великий в Муром воевод с людьми князя Василья Даниловича Холмского, а велел ему быти в Большом полку с царевичи с Салтаганом да з Дзенаем; в Правой руке князю Ивану Ивановичю Горбатому; в Левой руке Семену Ивановичю Воронцову.

* * *

Лета 7015-го октября в 16 день по казанским вестем велел князь великий Василей Иванович всеа Русии быти в Муроме Янаю царевичю и велел ему разрядить полки:

В Большом полку Янай царевичь да Семен Иванович Воронцов.

В Передовом полку князь Петр Лобан Семенович Ряполовской.

В Правой руке князь Василей Стригин.

В Левой руке Михайло Юрьевич.

Того же лета по казанским же вестем послал князь великий в Муром князя Данила Васильевича да Юрья Костянтиновича Сабурова, а на Плесо послал князь великий князя Михаила Ивановича Булгакова, а ко князю Михаилу послал князя Юрья Пронского, а того не написано, воеводою ли или в детех боярских; а с кормленей посланы к нему же князь Ондрей Меньшой Гундоров да князь Иван Осиповской; а с Ярославля послан к нему Григорей Стерляг. А только воеводы сойдутца казанского для дела, и князь великий велел им быти по полком:

В Большом полку князь Данило Васильевич.

В Передовом полку Семен Иванович Воронцов, а царевичю Янаю быти у Передовова полку на праве.

В Правой руке князь Михайло Иванович Булгаков да в Правой же руке быть Ондрею Сабурову.

В Левой руке князь Иван Иванович Стригин.

В Сторожевом Юрьи Констянтинович Сабуров.

А в Новегороде в Нижнем после князя Дмитрея Ивановича остатца князю Василью Даниловичю Холмскому да Григорью Федоровичю, да князю Василью Нозроватому, да князю Осипу Ондреевичю Догоробужскому, да Юрью Сабурову.

Того же лета июля в … день велел князь великий Василей воеводам своим из Северы ото князей итить в Литву по полком.

В Большом полку князь Федор Петрович Ситцкой да князь Дмитреев Ивановича воевода Иван Тимофеев сын Скрябин.

В Передовом полку Канбар мурза Мамалаев да князь Юрьев Ивановича воевода князь Василей княж Федоров сын Охлябинин.

В Правой руке князь Михайло Ондреевич Прозоровской.

В Левой руке княжие люди, кого они пошлют.

Того же лета велел князь великий из Дорогобужа итить воеводам в литовскую землю:

В Большом полку князь Иван Михайлович Телятевской.

В Передовом полку Ондрей Михайлович Салтыков.

В Правой руке князь Иван Ондреевич Микулинской.

В Левой руке Федор Степанович Яропкин.

А на смоленские места велел князь великий итить из Дорогобужа же воеводам с людьми, а были по полком:

В Большом полку окольничей и воевода Иван Васильевич Щадра.

В Передовом полку воевода Ондрей Михайлович Салтыков.

В Правой руке князь Иван Палетцкой.

В Левой руке Федец Яропкин.

Лета 7016-го сентября в … день послал князь великий на литовские места дву князев Васильев, Стародубского да Шемячича, а с ними:

В Большом полку велел быти воеводам князь Василей Данилович Холмской, Яков Захарьич, князь Володимер Ондреевич Микулинской.

В Передовом князь Олександр Володимерович Ростовской да князь Иван Михайлович Воротынской, да князь Василей Иванович Голенин, да князь Дмитреев воевода Ивановича

Обляз Вельяминов; да в Передовом же полку царевичь Шагавлеяр да Канбар мурза.

В Правой руке князь Василей Васильевич Шуйской да князь Василей Васильевич Ромадановской, да князь Юрьев Ивановича князь Давыд Данилович Хромой.

В Левой руке князь Василей Мних да князь Петр Лобан Семеновичи Ряполовские.

В Сторожевом полку князь Федор Васильевич Оболенской да князь Костянтин Федорович Ушатой.

А с Лук Великих велел итить в литовскую землю воеводам своим того же месяца:

В Большом полку боярин Григорей Федорович да Михайло Ондреев сын Колычов.

В Передовом полку князь Семен Федорович Курбской да князь Федор Туренин Гвоздь.

В Правой руке князь Иван Буйнос Ростовской.

В Левой руке Иван Ондреевич Колычов.

В Сторожевом полку князь Иван Иванович Щетина да князь Михайло Засекин.

Того же лета майя в день посылал князь великий Василей Иванович всеа Русии воевод своих в литовскую землю розными дорогами против князь Михаила Глинского:

Из Северы:

В Большом полку князь Василей Шемячич да князь Иван Семенович Одоевской.

В Передовом полку князь Иван Михайлович Воротынской.

В Правой руке князь Олександр Федорович Оленка.

В Левой руке князь Олександр Стрига Оболенской.

В Сторожевом полку Ондрей Васильевич Сабуров.

А к Смоленску велел князь великий итить воеводам своим против князя Михаила же Глинского:

В Большом полку Яков Захарьич.

В Передовом полку князь Иван Михайлович Репня да в Передовом же на праве князь Федор Юрьевич Прозоровской.

В Правой руке князь Федор Васильевич Оболенской да князь Юрьев Ивановича князь Ондрей Голенин.

В Левой руке Иван Васильевич Вельяминов да князь Дмитреев Ивановича воевода Яков Дмитреев сын Давыдова.

В Сторожевом полку князь Петр Семенович Одоевской да князь Иван Иванович Палетцкой.

А с Лук Великих велел князь великий воеводам своим итить против князя Михаила же Глинского:

В Большом полку князь Данило Васильевич Щеня.

В Передовом полку князь Семен Федорович Курбской да Михайло Ондреев сын Колычов.

В Правой руке князь Иван Иванович Брюхо Пужбальской да князь Иван Иванович Щетина Оболенской.

В Левой руке князь Иван Буйнос Ростовской да Иван Ондреев сын Колычов.

В Сторожевом полку Михайло Константинович Беззубцов.

Того же лета апреля в … день в Вязьме были воеводы:

В Большом полку князь Василей Васильевич Шуйской.

В Передовом полку князь Констянтин Федорович Ушатой.

В Правой руке Петр Федорович Давыдова.

В Левой Иван Васильевич Хабар.

В Сторожевом полку князь Ондрей Курбской да князь Федор княж Петров сын Ситцкой.

А князь Василей Иванович Шемячич и князь Михайло Львович Глинской и великого князя воеводы, князь Иван Семенович Одоевской с товарыщи, которые отпущоны с Москвы к Стародубу, были в литовской земле под городом под Менском и за Менском землю воевали, а друцкие князи здалися им за великого князя, и к целованью их привели, и сошлися с великого князя бояры и воеводы с Яковом Захарьичем и с его товарыщи у Орши. А князь Данило Васильевич Щеня с товарыщи с ноугородцкою ратью снялися с Яковом у Орши же наперед Шемячича же и Глинского и великого князя воевод князя Ивана Семеновича Одоевского с товарыщи. Да побыв под городом под Аршею, все вместе и с королем об реку о Днепр под Оршею сошлися и полки с полки

видевся; да, от Днепра отступив, Шемячич и Глинской и великого князя воеводы стояли в Дубровне семь ден, и король к ним за реку сам не полез и людей не послал; и они отолева пошли под Кричев и подо Мстиславль да быв под теми городы и землю литовскую воевав, да отписали к великому князю с рубежа, что они вышли из литовские земли на брянские места, а князь Василей Шемячич пошел в свои городы.

И князь великий воеводе князю Данилу Васильевичю с ноугородцкою ратью и Якову Захарьичю и всем воеводам, которые с Яковом отселе отпущены, опричь князя Петра Одоевского, со всеми людьми велел итить к Вязьме по тем вестям, что король пришол в Смоленеск да и людей своих к Дорогобужю и на Белую, и к Торопцу отпущает. А князю Ивану и князю Петру Одоевским с товарыщи с теми воеводы, которые со князем Иваном отселе в Стародуб отпущены ко князем, опричь князя Ивана Воротынского, со всеми людми, которые с ним посланы, велел князь великий стоять на Брыни, оберегати украин; а князю Ивану Воротынскому велел итить с Яковом к Вязьме же, а в Воротынского место с теми людьми, которые были с ним, велено быть князю Петру Одоевскому.

И князь Данило и Яков пришли к Вязьме с людьми. А князь Михайло Львович Немец, отъехав от воевод с рубежа, приехал к великому князю на подводах в четверг перед оспожиным днем августа в 10 день; а воеводы с ним прислали к великому князю Федца Яропкина; да того дни у великого князя князь Михайло Немец и ел со всеми приятели, и пировал с ним князь великий, и дары ему и приятелем ево были на пиру, а в приставех у него здесь был Федец же Яропкин. И был у великого князя князь Михайло Немец десеть ден, а в одиннатцатой день, августа в 20 день, в неделю, князь великий ево отпустил. И бил челом великому князю князь Михайло Немец, просил людей в свои городы, в Мозырь и в Туров. И князь великий послал со князем Михаилом воеводу своего князя Василья Даниловича Несвитцкого, а людей послал с Несвитцким выбором галичан, костромич да татар городетцких, а в головах с ними послан Магмедамин Карачюков сын Шигрин.

И к великому князю писал ис Торопца князь Василей княж Юрьев сын Ростовского, что к Торопцу пришли люди литовские да к целованью торопчан приводят за короля. И князь великий князю Данилу Васильевичю с ноугородцкою ратью велел итить из Вязмы к Торопцу. Да к Торопцу же отпустил князь великий царевича Дзеная з городетцкими татары, а с ним послал князя Василья Ивановича Шиху Оболенского. А Якову со всеми людьми велено быть в Вязьме. Да по торопетцким же вестям из

Новагорода из Великого велено итить к Лукам Григорью Федоровичю.

Того же лета из Дорогобужа послал князь великий на литовскую землю:

В Большой полку князь Иван княж Михайлов сын Телятевской.

В Передовом полку Ондрей Михайлович Салтыков.

В Правой руке князь Иван княж Ондреев сын Микулинской.

В Левой руке Федор Степанов сын Еропкин.

А на смоленские места из Дорогобужа ходили воеводы:

В Большом полку окольничей и воевода Иван Васильевич Щадра.

В Передовом полку Ондрей Михайлович Салтыков.

В Правой руке князь Иван Палетцкой.

В Левой руке Федец Еропкин.

А от Стародубского и от Шемячича ходили воеводы на литовские места:

В Большом полку князь Федор Петрович Ситцкой да князь Дмитреев Ивановича воевода Иван Тимофеевич Скрябин.

В Передовом Конбар мурза Мамалаев.

В Правой руке князь Михайло Ондреевич Прозоровской.

В Левой руке княжие люди, кого пошлют.

* * *

Лета 7017-го сентября в 4 день писал к великому князю ис Торопца князь Данило Васильевич, что он пришол со всеми людьми в Торопец, а торопченя его встретили, и он тех к целованью привел; а которые у него не были, и он по тех послал; а которые люди литовские приводили торопчан к целованью за короля, и те люди бежали. И князь великий князю Данилу со всеми людьми в Торопце велел и быть. Да в Торопец же велел итить с Лук князю Михаилу Микулинскому да Григорью Федоровичю со всеми людьми, а Петру Годунову с Лук и Степану Порховскому изо Ржевы и из Холмскова погосту Василью княж Юрьеву сыну Ростовского велено итить с людми в Торопец же ко князю Данилу. А из Вязьмы князю Василью Васильевичю Шуйскому и Петру Федоровичю, и князю Ондрею Курбскому, и князю Костянтину Ушатому, и князю Федору Ситцкому со всеми людми велел итить к Дорогобужю. И после того весть пришла к великому князю из Дорогобужа, что король отпустил из Смоленска к Дорогобужю Станислава Кишку и иных своих воевод с людьми. И по тем вестем послал князь великий к воеводам

князя Семена Серебряного, а велел из Можайска Холмскому и князю Олександру Ростовскому и Голенину итить к Вязьме же, а из Вязмы им да и Якову Захарьичю и всем воеводам со всеми людьми велел князь великий итить к Дорогобужю. И воеводы князь Василей Холмской и все воеводы приказали к великому князю с Серебряным из Вязьмы, что с ними людей мало и к ним бы людей еще прибавить. И князь великий велел нарядити з городов пищальников и посошных да послати ко князем в Дорогобуж, а от себя послал князь великий к воеводам Шигону Поджегина с речьми, а приказал князь великий с Шигоною к боярину и воеводе ко князю Василью Даниловичю и всем воеводам, которым воеводам в котором полку быти:

В Большом полку Якову Захарьичю; а которых воевод князь великий послал с Москвы к Вязьме, и ис тех воевод в Большом полку воеводам князю Василью Даниловичю Холмскому да князю Олександру Володимеровичю Ростовскому.

В Передовом полку князю Василью Васильевичю Шуйскому да князю Ивану Михайловичю Воротынскому, да князю Костянтину Федоровичю Ушатому, да в Передовом же полку быти воеводе князю Василью Ивановичю Голенину.

В Правой руке князю Петру Семеновичю Одоевскому да князю Ивану Васильевичю Шуйскому, да Петру Федоровичю, да князю Ивану Ушатому, да князю Олександру Оленке.

В Левой руке князю Ивану Михаиловичю Телятевскому да Ивану Васильевичю Хабару, да князю Федору Ситцкому.

В Сторожевом полку князь Василей Иванович Губка Ростовской да князь Иван Михайлович Репня, да Петр Иванович Житов; а князю Ондрею Курбскому да Ондрею Сабурову, да князь Олександру Стригину-Оболенскому, да князю Петру Лобану Ряполовскому быти в Сторожевом же полку в воеводех.

А князю Федору Ситцкому быти у князя Василья Холмского в Большом полку, а Ондрею Салтыкову быти у князь Василья Шуйского в Передовом полку не в воеводех; а князь Юрьевым Ивановича воеводам и княж Дмитреевым Ивановича воеводам с людьми быть в Большом же полку.

А се роспись людем с теми воеводами по полком: в Передовом полку князю Василью Васильевичю Шуйскому людей у себя оставить из своих людей, которые у него, 500 ч[еловек] голов детей боярских, опричь тех, которые с ним были князи и дети боярские из двора и из городов; тех ему всех отдати князю Василью Даниловичю да князю Олександру Володимеровичю, и они себе тех людей поделят сами. А Ондрею Салтыкову с теми людьми, которые с ним, быти у князя Василья Шуйского в полку. А царевичю с своими людьми и с великого князя татары быти у

Передового полку на правой руке. А князю Федору Ситцкому с людьми в полк ко князю Василью Холмскому да ко князю Олександру Ростовскому. А Лобану Ряполовскому да князю Олександру Стригину с теми людьми, которые с ними, быть в Сторожевом полку. А князю Ивану Палетцкому и Ивану Васильеву сыну Собакину быть в городе в Вязьме.

И послали воеводы из Вязьмы наперед себя к Дорогобужю князя Михаила княж Васильева сына Горбатова Кисла да Олександра Заболотцкого, да Ондрея Салтыкова с людьми литовских людей отведать и языков добывать. И которые люди, деловцы литовские, пришли были города Дорогобужа делати, и оне тех побили, а человек со сто, поимав, к великому князю прислали. А Станислав Кишка с людми был в Дорогобуже и заслышав великого князя воевод, что идут к Дорогобужю с людьми, и он из Дорогобужа побежал назад. И князь великий велел воеводам со всеми людьми стояти в Дорогобуже; а Дорогобуж велел делать древяной и послал с Москвы мастеров, фряз Бартоломея да Мастробона.

И после того прислал к великому князю из Смоленска Жигимонт король Федьку Святошу на своих послов опасной грамоты просить, и князь велики ему опасную грамоту на послов дал. И послы к великому князю от Жигимонта короля пришли Станислав Глебов да моршалок Иван Сопега, да Войтех Нарбутов, да с ним писарь Иван Богданов сын Сопегин. И говорили в посольстве великому князю от Жигимонта короля о миру и о докончание, чтоб князь великий з Жигимонтом королем миру похотел и докончанье взял. И князь великий з Жигимонтом королем мир и докончанье взял.

* * *

Лета 7018-го сентября в … день князь великий Василей Иванович всеа Русии поехал в свою отчину в Великий Новгород.

А с великим князем бояре князь Олександр Володимерович Ростовской, князь Михайло Иванович Булгаков.

Окольничие Петр Федорович, Иван Васильевич Щадра, князь Василей Иванович Нозроватой, Костянтин Григорьевич Заболотцкой, Иван Григорьевич Морозов, Иван Васильевич Хабар, Иван Ондреевич Жюлебин, Ондрей Васильевич Сабуров, князь Петр Васильевич Великий, Михайло Констянтинович Беззубцов.

Конюшей Иван Ондреевич, дворетцкой Василей Ондреевич Челяднины.

Казначей Дмитрей Володимерович.

Печатник Мануйло Иванов сын Ангилов.

Тверской боярин Петр Иванович Житов.

Окольничей Офонасей Степанович Сакмышев.

Оружничей Ондрей Михайлович Салтыков.

Постельничие Ондрей Картмазов, Иван Дмитреев сын Бобров.

Сокольничей Михайло Степанович Кляпик Яропкин.

Ясельничие Иван Иванов сын Суков, Федор Хлопов.

Ловчие Михайло Иванович Нагой, Давыд Григорьев сын Проест.

А на Москве оставил князь великий бояр: Яков Захарьич, князь Петр Васильевич Оболенской, Юрьи Констянтинович Сабуров. Казначей Юрьи Дмитреевич Малой. Окольничие Григорей Ондреевич Мамон, князь Василей Васильевич Ромадановской. Боярин тверской, в Володимере наместник князь Михайло Федорович Микулинской.

А братье своей велел князь великий быти князю Юрью в Дмитрове, а князю Дмитрею на Углече, князю Семену в Колуге.

* * *

Лета 7020-го майя в 8 день писал из Стародуба к великому князю князь Василей Иванович Шемячич, что от Мин-Гирея царя отступили дети ево, пять царевичев, Ахмат-Гирей з братьею, а хотят быть на великого князя украины, на княжие отчины. И князь великий послал к ним воевод своих, а велел им быть по полком:

В Большом полку быти з двема князи Васильи князю Михайлу Даниловичю Щенятеву.

В Передовом полку быти воеводе князю Ивану Федоровичю Ушатому.

В Правой руке быти князю Ивану Ивановичю Стригину Оболенскому.

В Левой руке быти воеводе князю Олександру Васильевичю Кашину.

В Сторожевом полку быти воеводе князю Василью Дмитреевичю Киясу Мещерскому.

И те все воеводы с людьми ко князем притить не успели и не быв на Брыни, да воротилися того для, что пришли вборзе на украины, на белевские и на одоевские места, царевичи крымские, а княжие отчины прошли. И велел князь великий князю Михаилу Щенятеву и тем воеводам всем, которые посланы ко князем, быти на Угре. Да на Угре же велел князь великий быть воеводам своим по полком:

В Большом полку боярину и воеводе князю Данилу

Васильевичю; да в Большом же полку быть со князем Данилом воеводам с людьми князю Ондрею Ивановичю Булгакову да окольничему Петру Яковлечю Захарьина, да князю Федору Дмитреевичю Пронскому. А будет пригоже князю Данилу к тем воеводам еще прибавити воевод в свой же полк в Большой, и князю Данилу велети с людьми быти у себя в полку которых для посылок князю Семену Рамановичю Мезетцкому да князю Петру князь Семенову сыну Рамановичя, да князю Данилу Дмитреевичю Пронскому.

В Передовом полку быти воеводам боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Булгакову да воеводе князю Ивану Михайловичю Воротынскому.

В Правой руке быти воеводам князю Борису Ивановичю Горбатому да князю Ивану Васильевичю Белевскому; в Правой же руке быти княж Юрьеву Ивановича воеводе князю Давыду Даниловичю Хромому.

В Левой руке быти воеводам князю Ондрею Михайловичю Оболенскому да окольничему князю Констянтину Федоровичю Ушатому; да в Левой же руке быть княж Дмитрееву Ивановича воеводе Якову Дмитрееву сыну Давыдова.

В Сторожевом полку быти воеводам князю Тимофею Олександровичю Тростенскому да Петру Ивановичю Житову.

А на Коширу послал князь великий воевод своих боярина князя Олександра Володимеровича Ростовского да князь Дмитрея Ивановича Янова, да князя Олександра Ондреевича Хохолкова.

А в Серпухов послал князь великий боярина и воеводу своего Григорья Федоровича да окольничево и воеводу своего Ондрея Васильевича Сабурова, да князя Ивана Ивановича Палетцкого.

И майя в 15 день писали к великому князю князь Данило Васильевич и все воеводы, что татарове на украину, на одоевские места и на белевские, пришли, а иные татаровя, отделяся, пошли вниз на олексенские места и на Коломну, и на Волкону. И по тем вестям князь великий майя в 16 день отпустил брата своего князя Ондрея Ивановича, а велел ему стоять у Тарусы, где пригоже, от Оки с версту или з две, а не на самом берегу. А со князем Ондреем послал князь великий окольничего своего Констянтина Григорьевича Заболотцкого. А во дворетцких с ним послал Олексея Заболотцкого.

А в Серпухов отпустил брата своего князя Юрья Ивановича. А воеводам своим Григорью Федоровичю да Ондрею Сабурову, да князю Ивану Палетцкому велел князь великий быти у Серпухова же, у Оки на Берегу с теми людьми, которые с ними.

А на Резани велел князь великий быти наместнику князю Ивану Васильевичю Шуйскому, да воевод своих послал князь

великий на Резань князя Петра Семеновича Ряполовского да Федора Юрьевича Кутузова.

А как царевичи пошли с украины, и князь великий князю Данилу Васильевичю и сыну ево князю Михаилу велел ехати к себе. А тем воеводам велел князь великий быти на Угре да к ним же послал на Угру конюшего своего Ивана Ондреевича, а велел князь великий Ивану с людьми быти воеводою же на Угре:

В Большом полку быти боярину князю Михайлу Ивановичю Булгакову да конюшему Ивану Андреевичю; да в Большом же полку быти воеводам со князем Михайлом князю Федору Дмитреевичю Пронскому да князю Ондрею Дмитреевичю Курбскому, да князю Семену Рамановичю Мезетцкому, да князю Петру княж Семенову сыну Рамановича, да Олександру княж Васильеву сыну Кашину; да в Большом же полку быти воеводе княж Дмитрееву Ивановича Ивану Облязу Вельяминову у князя Михаила Ивановича.

В Передовом полку быти воеводе князю Ивану Михайловичю Воротынскому; да в Передовом же полку быти другому воеводе окольничему Петру Яковличю.

В Правой руке быти воеводе князю Ондрею Ивановичю Булгакову; да в Правой же руке быти другому воеводе князю Ивану Васильевичю Белевскому, да князь Дмитрееву Ивановича воеводе Якову Дмитрееву.

В Сторожевом полку быть воеводам князю Тимофею Олександровичю Тростенскому да Петру Ивановичю Житову.

В Левой руке быти воеводам князю Ондрею Михайловичю Оболенскому да князю Ивану Федоровичю Ушатому.

Да написано в наказе к угорским воеводам князю Михаилу Ивановичю Булгакову да Ивану Ондреевичю: «А пищальников и посошных князю Михаилу Ивановичю и Ивану розделити по полком, сколько где пригоже быти на Берегу. А воевод им и людей розставить по берегу, вверх по Угре и вниз по Угре, и до устья, по всем местом, где пригоже. А будет коли пригоже, посмотря по делу, отделив им воевод с людми от себя, послати за Угру, и им тогды велеть итить за Угру – князю Ивану Михайловичю Воротынскому да окольничему Петру Яковлевичю, да князю Федору Пронскому, да князю Ондрею Курбскому, да Олешке Кашину и иным, которым пригоже; а людей с ними послати изо всех полков, сколько пригоже. А, посмотря по делу, будет им пригоже всем итить за Угру с людьми, и им оставить тогды на Угре князя Тимофея Тростенского да князя Ондрея Оболенского, да князя Семена Рамановича Мезетцкова. А во княж Ондреево место Оболенского в левую руку и во княж Тимофеево место Тростенского учинити им тогды у тех людей иных воевод,

кого будет пригоже. А людей им со князем Тимофеем и со князем Ондреем, и со князем Семеном оставити детей боярских не по многу и пищальников, и посошных».

* * *

Лета 7021-го ноября в 14 день поход великого князя Василья Ивановича всеа Русии к Смоленску. А наперед себя послал князь великий воевод с людьми к Смоленску, а были воеводы по полком:

В Большом полку боярин и воевода князь Иван Михайлович Оболенской да конюшей и воевода Иван Ондреевич.

В Передовом полку воевода князь Ондрей Васильевич Белевской да Федор Никитич Бутурлин.

В Правой руке воевода князь Иван Ондреевич Лугвица Микулинской да Федор Клементьевич Протасьев.

В Левой руке воеводы князь Никита Васильевич Оболенской да Иван Никитич Бутурлин.

В Сторожевом полку воевода Михайло Юрьевич Захарьича да Иван Васильевич Собакин.

Да с теми же воеводами вместе итить за Смоленеск, да от них итить воевати от Друцка и от Орши по великого князя наказу к Брясловлю и к Дрисвяту Федору Юрьевичю Щуке Кутузову да Михаилу Семеновичю Воронцову, да Ондрею Микитину сыну Бутурлина.

А с Лук Великих велел князь великий итить к Брясловлю же по полком:

В Большом полку князь Василей Семенович Одоевской.

В Передовом полку воевода князь Семен Федорович Курбской.

В Правой руке князь Данила Бохтеяр да с ним Иван Мисинов.

В Левой руке князь Петр Елецкой да Ондрей Кутузов.

В Сторожевом полку Иван Ондреев сын Колычов.

А из Новагорода из Великова велел князь великий итить в Холмской городок:

В Большом полку воевода князь Василей Васильевич Шуйской.

В Передовом полку князь Борис Тебет Уланов.

В Правой руке Иван Морозов.

В Левой руке Василей Морозов.

В Сторожевом полку князь Иван княж Олександров сын Бойносов.

Лета 7021-го декабря в 19 день князь великий Василей

Иванович всеа Русии слушав обедни у пречистые и вышел с Москвы на литовскую землю, а с ним с Москвы вместе выехал брат ево князь Дмитрей Иванович да зять Петр царевич.

А бояр и воевод с великим князем с Москвы: князь Данило Васильевич Щеня, князь Олександра Володимерович Ростовской, Григорей Федорович; а князь Иван Михайлович Воротынской да Петр Житов приехали к великому князю в Можаеск.

А окольничих с Москвы с великим князем: Костентин Григорьевич Заболотцкой, Ондрей Васильевич Сабуров, Петр Яковлич.

Дворецкой Василей Ондреевич.

Оружничей Ондрей Михайлович Салтыков.

А с казною Петр Иванович Головин.

А с постелею Яков Мансуров, Федец Кучецкой.

Ловчей Михаила Иванович Нагой, Михаила Васильев сын Дятлов.

Бараши Олешка да Бориско Хомяковы.

А брат великого князя, князь Юрьи Иванович, да князь Федор Борисович с своими людми, да царевич Шиговлеяр з городецкими татары пришли к великому князю в Можаеск.

С великим же князем к Смоленску Елизар Цыплетев, Суморок Путятин, Ондрей да Некрас Харламовы, Иван Переславец, Василей Аргамаков, Елка Суков, Лука Семенов, Василей Жюк. Дворцовые Ходык Григорьев сын Бородатого да Васюк Александров.

А как пришел князь великий в Можаеск, а из Можайска пошол князь великий к Смоленску по полком:

В Большом полку с великим князем зять ево Петр царевич да боярин и воевода князь Данило Васильевич Щеня; да в Большом же полку князь Михайла Глинской да Мосальские князи, князь Дмитрей да князь Семен Ивановичи.

В Правой руке брат великого князя, князь Юрьи Иванович, а с ним великого князя воеводы князь Олександр Володимерович Ростовской да князь Петр Семенович Ряполовской.

В Левой руке брат великого князя, князь Дмитрей Иванович, а с ним великого князя воеводы Григорей Федорович да князь Иван Федорович Ушатой.

В Передовом полку князь Василей Семенович Стародубской да боярин и воевода князь Василей Васильевич Шуйской, да князь Иван Михайлович Воротынской, да Петр Яковлевич.

В Сторожевом полку князь Федор Борисович Волотцкой, а с ним великого князя воеводы князь Михайла Иванович Булгаков да Петр Житов, да князь Костянтин Ушатой.

А во дворовых воеводах дворецкой Василей Ондреевич да

оружничей Ондрей Салтыков.

Того же лета марта 17 день приговорил князь великий и з бояры итти ему к Смоленску в другие, а без него быти воеводам по украином береженья для.

На Туле быти береженья для:

В Большом полку боярин князь Олександр Володимерович Ростовской да Михайла Юрьевич Захарьин.

В Передовом полку князь Иван Михайлович Воротынской да князь Иван Семейка князь Семенов сын Романовича, да Юрьи Замятнин.

В Правой руке князь Иван Дмитреевич Пронской да Михайла Семенов сын Ивановича Воронцов.

В Левой руке князь Федор Дмитреевич Пронской да князь Иван Шамин.

В Сторожевом полку князь Ондрей Дмитреевич Курбской да Ондрей Микитин сын Боторлин, да Василей Ондреев сын Коробов.

А на Угре быти по полком:

В Большом полку боярин князь Михайла Иванович Булгаков.

В Передовом полку князь Иван Васильевич Телепнев да князь Семен Серебреной.

В Правой руке околничей князь Костентин Федорович Ушатой.

В Левой руке князь Иван Федорович Ушатой.

В Сторожевом полку князь Семен Романович Мезецкой.

И ис тех воевод послал князь великий в Стародуб к двема князем Васильем, к Стародубскому да к Шемячичю, князь Ивана Ушатого да князь Семена Серебренова с людми; а на Угре быти велел по полком:

В Большом полку боярину князю Михаилу Ивановичю Булгакову да князю Ивану Немому Телепневу.

В Передовом полку князю Ивану Золотому князя Дмитрееву сыну Щепина.

В Правой руке околничему князю Костянтину Федоровичю Ушатому.

В Левой руке князю Ондрею Михайловичю Пенинскому.

В Сторожевом полку князю Семену Романовичю Мезецкому.

А ис тульских воевод князь великий взял князь Ивана Михайловича Воротынскова да князь Ивана Семейку князь Семенова сына Романовича, да князь Ондрея Дмитреевича Курбскова, да Ондрея Микитина сына Ботурлина. А в их место послал князь великий князя Ивана Белевскова да Петра Яковлича, да князь Ивана Шамина, да Федора Юрьевича Щуку Кутузова. А велел князь великий на Туле воеводам быти по полком:

В Большом полку боярин князь Олександр Володимерович Ростовской да князь Иван Иванович Белевской.

В Передовом полку князь Иван Васильевич Белевской да Михайло Юрьев сын Захарьича.

В Правой руке князь Иван Дмитреевич Пронской да Петр Яковлевич.

В Левой руке князь Федор Дмитреевич Пронской да князь Иван Шамин.

В Сторожевом полку Федор Юрьевич Кутузов да Василей Коробов.

А в Вязьму тогда послал князь великий воевод, а велел им быти по полком:

В Большом полку боярин князь Данила Васильевич.

В Передовом полку боярин князь Иван Михайлович Репня.

В Правой руке боярин князь Михайла Данилович.

В Левой руке князь Ондрей Иванович Булгаков.

В Сторожевом полку окольничей Ондрей Васильевич Сабуров.

А в Дорогобуже велел князь великий воеводам стояти по полком:

В Большом полку боярин князь Борис Иванович Горбатой да Григорей Фомин сын Иванова.

В Передовом полку князь Иван Ондреевич Микулинской Лугвица.

В Правой руке князь Микита Васильевич Оболенской.

В Левой руке Михайло Ондреевич Плещеев.

В Сторожевом полку Федор Никитич сын Ботурлин.

Того же лета июня в 14 день князь великий Василей Иванович всеа Русии пошол в Боровеск своего для дела смоленского; а с великим князем братья его, князь Дмитрей да князь Ондрей. И стоял князь великий того дни против Савы святого на митрополиче лугу. Да того же дни брата своего князь Дмитрея отпустил на Коширу.

А с великим князем бояре Григорей Федорович, конюшей Иван Ондреевич.

Дворецкой Василей Ондреевич.

С казною Петр Иванов сын Головин.

Оружничей Никита Иванов сын Карпов да с ним у доспеху стряпоют Юшка да Василей князь Ивановы дети Щетинина.

И пришол князь великий в Боровеск июня во 18 день; а из Боровска пошол к Смоленску сентября в 5 день, а под Смоленеск пришол сентября в 22 день. А наперед себя и больших воевод послал князь великий к Смоленску из Дорогобужа июля в 17 день:

В Большом полку боярин князь Иван Михайлович Репня.

В Передовом полку окольничей Ондрей Васильевич Сабуров

да с ним Юшка Замятнин да Гридя Офонасьев с служилыми татары.

В Правой руке князь Иван Ондреевич Микулинской да князь Ондрей княж Семенов сын Мезецкова, да княж Юрьев воевода князь Давыд Данилович Хромой.

В Левой руке Михайло Ондреевич Плещеев да кпязь Василей княж Васильев сын Чюлок Ушатой.

В Сторожевом полку князь Петр князь Семенов сын Романовича да Федор Никитин сын Ботурлин.

А с Лук с Великих велел князь великий боярину князю Василью Васильевичю Шуйскому отпустить воевод к Полотцку:

В Большом полку князь Михайла Васильевича Горбатого.

В Передовом Дмитрея Васильевича Китаева.

В Правой руке князь Семена Федоровича Курбского.

В Левой руке князь Петра Ивановича Елецкого да Дмитрея Данилова сына Иванова.

В Сторожевом полку Ивана Семенова сына Калычова да Василья Овцу Иванова сына Володимерова.

А большим воеводам велел князь великий итти из Дорогобужа к Смоленску наперед же себя августа в 11 день:

В Большом полку боярин князь Данило Васильевич да с ним быти боярину князю Ивану Михайловичю Репне.

В Передовом полку князь Михайла Львович Глинской да Ондрей Васильевич Сабуров, да Юрьи Замятнин.

В Правой руке князь Михайла Данилович да Федор Никитин сын Ботурлин. А как придет Лобан Ряполовской, ино быти со князем Михайлом Лобану; а Федору быти в большом полку у князь Данила.

В Левой руке князь Ондрей Иванович Булгаков да Михайла Ондреевич Плещеев.

В Сторожевом полку князь Борис Иванович Горбатой да Григорей Фомин.

А с Лук с Великих велел князь великий того ж месяца августа в 11 день итти воеводам к Полотцку:

В Большом полку боярину князю Василью Васильевичю Шуйскому и иным воеводам.

В Передовом полку князь Борису Тебет Уланову.

В Правой руке окольничему Ивану Григорьевичю Морозову.

В Левой руке Ивану Ондрееву сыну Колычову.

В Сторожевом полку князю Ивану Олександровичю Буйносову.

А как придут воеводы к Полотцку, и тогды велел князь великий воеводам быти по полком:

В Большом полку боярину князю Василью Васильевичю да

околничему Ивану Григорьевичю Морозову.

В Передовом полку князю Михаилу Васильевичю Горбатому да Дмитрею Васильеву сыну Китаева.

В Правой руке князю Семену Федоровичю Курбскому.

В Левой руке Ивану Ондреевичю Колычову.

В Сторожевом полку князю Ивану Олександровичю Буйносову да Ивану Пупку Семенову сыну Колычова.

А на Москве оставил князь великий без себя зятя своего Петра царевича; а у него Василей да Федор, да Иван, да Лев, да Василей царевичи новокрещены, да приказные люди. А на Москве же князи и дети боярские: князь Василей Михайлович Холмской, князь Иван Васильевич Ромодановской, Петр Иванович Житов, Федор Муса Пешков да с ними дети боярские.

* * *

Лета 7022 февраля месяца князь великий Василей Иванович всеа Русии приговорил итти в третий к Смоленску.

И майя в 4 день послал князь великий на Тулу воевод, а велел им быти по полком:

В Большом полку боярину князю Олександру Володимеровичю Ростовскому да с ним Михаилу Юрьеву.

В Передовом князю Ивану Михайловичю Воротынскому да Григорью Фомину.

В Правой князю Ондрею Дмитреевичю Курбскому да Ондрею Микитину сыну Ботурлину.

В Левой князю Ивану Семейке княж Семенову сыну Романовича да Юрью Иванову сыну Замятнина.

В Сторожевом полку князю Ивану Ондреевичю Микулинскому да князю Ивану Шамину.

Того же месяца в 30 день отпустил князь великий в Дорогобуж боярина своего князь Данила Васильевича да князь Михаила Львовича Глинскова; а из Дорогобужа велел итти часа того к Смоленску, а, пришед под Смоленеск, велел им быти по полком:

В Большом полку боярину князю Данилу Васильевичю да боярину Ивану Ондреевичю.

В Передовом полку князю Михаилу Львовичю Глинскому да князю Михаилу Васильевичю Горбатому.

В Правой боярину и воеводе князю Михаилу Даниловичю Щенятеву да князю Миките Васильевичю Оболенскому, да князю Ивану Федоровичю Ушатому.

В Левой руке князю Ондрею Ивановичю Булгакову да князю

Ивану Ивановичю Щетине.

В Сторожевом полку князю Борису Ивановичю Горбатому да Дмитрею Васильеву сыну Китаеву.

А из Новагорода велел итти на Великие Луки того ж месяца наместнику боярину князю Василью Васильевичю Шуйскому да окольничему и наместнику Ивану Григорьевичю Морозову, да конюшему Замятие Констянтиновичю Беззубцову; а велел им на Луках быти по полком:

В Большом полку боярину князю Василью Васильевичю Шуйскому да окольничему Ивану Григорьевичю Морозову.

В Передовом полку князю Ивану Темке Янова Ростовскому.

В Правой руке князю Петру Елецкому да Овце Володимерову.

В Левой руке Пупку Колычову да Ивану Ондрееву сыну Колычову.

В Сторожевом полку Замятие Сабурову да Дмитрею Данилову сыну Иванову.

И июня в 7 день послал князь великий на Луки Василья Сергеева сына Левашова.

А велел с Лук Великих итти воеводам на литовскую землю к Орше по полком:

В Большом полку боярину князю Василью Васильевичю Шуйскому да с ним Михаилу Андрееву сыну Плещееву.

В Передовом полку князю Ивану Темке Янову Ростовскому.

В Правой руке князю Борису Тебет Уланову да Ивану Андрееву сыну Колычову.

В Левой руке Ивану Пупку Колычову да с ним сыну боярскому, кому будет пригоже.

В Сторожевом Замятне Сабурову да Дмитрею Данилову сыну Иванова.

А на Луках Великих в те поры велел быти воеводам по полком:

В Большом полку окольничему Ивану Григорьевичю Морозову.

В Передовом полку князю Петру Елецкому.

В Правой руке Василью Овце Володимерову.

А в Левую руку и в Сторожевой полк велел князь великий выбрати Ивану детей боярских, кого пригоже.

А сам князь великий Василей пошол с Москвы к Смоленску на осмой недели по велице дни в четверг, месяца июня 8 день, а с ним бояр и детей боярских 220 человек. А на Москве оставил князь великий зятя своего Петра царевича да с ним бояр и детей боярских. А брату своему князю Дмитрею велел быти в Серпухове, а князю Ондрею на Москве.

А с Тулы велел князь великий итти за собою к Смоленску

воеводам: князю Ивану Михайловичю Воротынскому да Семейке княж Семенову сыну Романовича, да Ондрею Ботурлину, да Григорью Фомину. Да с Тулы же велел итти в головах з детьми боярскими з дворовыми князю Василъю княж Ондрееву сыну Нохтева да князю Александру Ситцкому, да Ивану Ондрееву сыну Шереметеву, да Ивану Васильеву сыну Собакину; а наезжати им себя велел в Дорогобуже.

А на Туле князь великий оставил воевод по полком:

В Большом полку боярин и воевода князь Олександр Володимерович Ростовской да с ним Михайла Юрьев.

В Передовом полку князь Иван Белевской да Юрьи Замятнин.

В Правой руке князь Ондрей Дмитреевич Курбской да князь Иван Золотой князь Дмитреев сын Щепин.

В Левой князь Иван Немой княж Васильев сын Телепнев да князь Семен Серебреной князь Дмитреев сын Щепин.

В Сторожевом полку князь Иван княж Ондреев сын Микулинской да князь Иван Шамин.

А на Угре тогды оставил князь великий воевод боярина Семена Ивановича Воронцова да окольничих Ивана Васильевича Хабара да Петра Яковлича.

* * *

Лета 7023-го на Луках были воеводы по полком:

В Большом полку Василей царевич да боярин и воевода князь Олександр Володимерович Ростовской, да с ними Григорей Фомин сын Иванова.

В Передовом полку князь Ондрей Дмитреевич Ростовской да князь Федор князь Васильев сын Телепнев-Оболенской, да Ондрей Никитин сын Ботурлин; да в Передовом же полку с царевичем и с татары Григорей Меньшой Ондреев сын Колычев.

В Правой руке князь Борис Тебет Уланов да князь Василей Чюлок княж Васильев сын Ушатого.

В Левой руке Иван Ондреев сын Колычов да Василей Овца Иванов сын Володимерова.

В Сторожевом полку Василей Григорьев сын Годунов да князь Иван княж Иванов сын Засекин, да князь Петр княж Иванов сын Елецкого.

А с Лук с Великих велел князь великий Василью царевичю да боярину князю Олександру Володимеровичю отпустить воевод к Полотцку:

В Большом полку князь Ондрея Дмитреевича Ростовского да Григорья Фомина сына Иванова.

В Передовом полку князь Федора княж Васильева сына Телепнева Оболенского да Ондрея Микитина сына Ботурлина, да с татары Григорья Меншого Ондреева сына Колычова.

В Правой руке Василья Григорьева сына Годунова да Василья Овцу Иванова сына Володимерова.

В Левой руке князь Ивана княж Иванова сына Засекина да Ивана Мисинова.

В Сторожевом полку Ивана Ондреева сына Колычова да князь Василья Чюлка Ушатого.

Того же лета велел князь великий с Словажа воеводам своим со всеми людми итти на литовскую землю ко Мстисловлю:

В Болшом полку князь Борис Иванович Горбатой да Михайло Юрьевич, да княж Дмитреев Ивановича Яков Дмитреев сын Давыдова.

В Передовом полку князь Семен Федорович Курбской да Иван Васильевич Лятцкой.

В Правой руке князь Семен Серебреной князь Дмитреев сын Щепин да Игнатей Михайлов сын Салтыков.

В Левой руке князь Олександр княж Васильев сын Стригин.

В Сторожевом полку князь Иван Ондреевич Микулинской да Михайла Андреевич Плещеев.

Того же лета на Вошане были воеводы по полком:

В Большом полку князь Василей Семенович Одоевской да окольничей князь Констянтин Федорович Ушатой.

В Передовом полку князь Петр князь Иванов сын Ряпнин; а как придет князь Иван Воротынской, ино быть в Передовом полку князю Ивану Михайловичю Воротынскому да с ним князю Петру Репнину.

В Правой руке князь Юрьи Андреевич Хохолков да Василей Иванов сын Шадрин.

В Левой руке князь Иван Золотой княж Дмитреев сын Щепин да князь Иван княж Семенов сын Мезецкой.

В Сторожевом полку князь Иван Щетина Иванович Оболенской да князь Александра князь Федоров сын Ситцкой.

А с Вошаны велел князь великий воеводам итить на Тулу и быти по полком:

В Большом полку князь Василей Семенович Одоевской да окольничей князь Констянтин Федорович Ушатой.

В Передовом полку князь Иван Иванович Стригин да князь Петр княж Иванов сын Репнин.

В Правой руке князь Юрьи Андреевич Ростовской да князь Иван княж Семенов сын Мезецкой.

В Левой руке Иван Ондреевич Шереметев да князь Семен княж Федоров сын Сицкой.

В Сторожевом полку князь Василей Ондреевич Оболенской да Василей Иванович Шадрин Вельяминов.

Того же лета послал князь великий в Дорогобуж боярина князь Данила Васильевича Щеня и иных воевод и роспись им по полком дал: нечто сойдутца с словажскими (ловажскими или ловяжскими) воеводами, со князем Борисом Горбатым, и тогды быти воеводам по полком:

В Болшом полку боярин и воевода князь Данила Васильевич да околничей Петр Яковлич; да в большом же полку быти со князем Данилом Федору Щуке Юрьевичю Кутузову.

В Передовом полку боярин князь Михайла Данилович да князь Иван Михайлович Воротынской, да Михайло Юрьевич, да Иван Васильевич Лятцков.

В Правой руке князь Михайла Васильевич да князь Борис Иванович Горбатые.

В Левой руке князь Василей Шиха да князь Олександр княж Ивановы дети Васильевича Стригины.

В Сторожевом полку князь Ондрей Иванович Курака Булгаков да князь Иван Ондреевич Лугвица Микулинской, да Михайло Ондреевич Плещеева.

Того же лета в Мещере были воеводы Федор Юрьевич Кутузов, Григорей Болшой Андреевич Колычов, Михайло Семенович Воронцов, князь Василей Ковер Кривоборской да волостель мещерской Слезка Елецкой.

Тое же зимы послал князь великий в литовскую землю боярина и воеводу князь Василья Васильевича Шуйского и иных воевод, а велел быти по полком:

В Болшом полку боярин князь Василей Васильевич Шуйской да окольничей Андрей Васильевич Сабуров.

В Передовом полку…

В Правой князь Василей Андреевич Микулинской да Ондрей Микитин сын Ботурлин.

В Левой руке князь Федор Васильевич Телепнев да Юрьи Иванов сын Замятнин.

В Сторожевом полку князь Семен Федорович Курбской да князь Иван Федорович Телепнев.

А изо Ржевы велел князь великий итти в литовскую же землю:

В Болшом полку князь Михайла Васильевич Горбатой да с ним Дмитрей Андреев сын Ботурлин.

В Передовом полку князь Данила Бахтеяр да Иван Григорьев сын Лошаков.

В Правой руке князь Олександр княж Васильев сын Кашин да Василей Овца Володимеров.

В Левой руке князь Ондрей Кропоткин да Иван Мисинов.

В Сторожевом полку князь Олександр князь Иванов сын Стригин да Петр Лодыгин.

А нечто сойдутца князь Михайла Горбатой со князем Васильем Шуйским, и князю Михайлу и Дмитрею быти в Болшом полку со князем Васильем вместе, а Передовому с Передовым полком, а Правой [руке] с Правою [рукою], а Левой [руке] с Левою [рукою], а Сторожевому с Сторожевым полком.

А з Белые тогды же велел князь великий итти воеводам к Витепску:

В Большом полку Василей Дмитреев сын Годунов да князь Петр князь Иванов сын Елецкого, да Ивашка Тутыхин. В Передовом полку Чюлок князь Иванов сын Засекин да Верига Волконской.

В Правой руке Игнатей Михайлов сын Салтыков да Юмран Львов сын Нащекина.

В Левой руке Иван Михайлов сын Салтыков да Мешок Плещеев.

В Сторожевом полку Василей Петров сын Борисова да Хима Ржевской.

* * *

Лета 7024-го на Вошане были воеводы по полком:

В Большом полку князь Василей Семенович Одоевской да Василей Григорьевич Морозов; да в Болшом же полку дворецкой Михайла Юрьевич.

В Передовом полку князь Иван Михайлович Воротынской да князь Иван Щетина княж Иванов сын Оболенсково, да князь Петр князь Иванов сын Репнин.

В Правой руке князь Василей Данилович Пенков да Григорей Меншой Андреев сын Колычев; да со князем Васильем же в товарищех велел князь великий быти князю Ондрею князь Петрову сыну Великого.

В Левой руке князь Семен князь Дмитреев сын Щепин-Серебреной да князь Александр князь Васильев сын Кашин, да князь Иван князь Семенов сын Мезецкого.

В Сторожевом полку князь Ондрей Васильевич Белевской да Федор Микитин сын Ботурлин, да князь Семен княж Федоров сын Ситцкого.

А как велел князь великий Воротынскому итти в Одоев, а Белевскому в Белев, а Михаилу Юрьеву к себе в Можаеск, а Федору Бутурлину да князю Семену Ситцкому по домом, и тогды в Левой руке с Кашиным велел князь великий быть в товарищех

князю Ондрею князь Петрову сыну Великого; а Серебреному велел быть в Сторожевом, да с ним князю Ивану Мезецкому; а Болшому полку и Передовому, и Правой руке велено быти по тому, как преже того были; а которые вынеты из них, и на тех место не прибавил.

Того же лета велел князь великий з Белые воеводам своим итти к Витепску по полком:

В Болшом полку князь Ондрей Борисович Горбатой Бучен да князь Семен Федорович Курбской; да с ними же в Большом полку с Лук с Великих Василей Григорьев сын Годунов да князь Иван княж Иванов сын Засекин.

В Передовом полку князь Иван Федорович Ушатой да Иван Васильевич Лятцкой, да с ними же с Лук Василей Овца Иванов сын Володимерова.

В Правой руке князь Иван князь Васильев сын Кашин да князь Василей князь Дмитреев сын Мещерского.

В Левой князь Семен княж Федоров сын Алабышев да Яков Иванов сын Замятнин.

В Сторожевом полку Ондрей Никитин сын Ботурлин да князь Федор княж Семенов сын Мезецкого.

А на Великих Луках тогды были воеводы по полком:

В Болшом полку Федор царевич Мелех Даирович да боярин князь Олександр Володимерович Ростовской, да князь Борис Тебет Уланов, да лутцкой наместник Григорей Фомин.

В Передовом полку окольничей Иван Григорьевич Морозов да князь Олександр князь Иванов сын Стригин.

В Правой руке князь Василей Ондреевич Микулинской да Василей Овца Иванов сын Володимерова.

В Левой руке Иван Андреев сын Колычов да князь Василей Чюлок князь Васильев сын Ушатого.

В Сторожевом полку князь Иван Буйнос князь Александров сын Ростовского да князь Олександр князь Федоров сын Ситцкого.

А в Дорогобуже тогды были воеводы князь Борис Иванович Горбатой, околничеи Василей Яковлич, Михайла Ондреевич Плещеев.

А в Вязьме тогды были воеводы князь Михайла Данилович Щенятев да князь Ондрей Иванович Булгаков, князь Констянтин Сисеев, князь Семен Дмитреевич Щепин-Серебреной.

А в Рословле тогды были воеводы князь Иван Михайлович Воротынской да князь Иван Васильевич Оболенской, да князь Иван Тать князь Федоров сын Хрипунов. Да в Рословле же были воеводы, а послал было их князь великий в Северу ко князем, князь Иван княж Иванов сын Горбатого, князь Юрьи князь Ондреев сын Хохолков, Иван Ондреев сын Шереметев, Иван

Васильев сын Данилова Собакин. А были в Рословле на два полка:

В Болшом полку князь Иван Горбатой да Иван Собакин.

А в другом князь Юрьи Хохолков да Иван Шереметев.

* * *

Лета 7025-го на Вошане были воеводы по полком:

В Болшом полку князь Василей Семенович Одоевской да дворецкой Михайла Юрьевич.

В Передовом полку князь Иван Михайлович Воротынской да князь Иван Васильевич Телепнев.

В Правой руке князь Василей Данилович Пенков да Федор Никитин сын Ботурлин.

В Левой руке Иван Васильевич Лятцкой да Юрьи Иванов сын Замятнин.

В Сторожевом полку князь Семен Дмитреевич Щепин-Серебреной да князь Петр Иванович Репнин.

А как взяты с Богданы воеводы Михаила Юрьев да Иван Лятцков в Вязьму, а Юрьи Замятнин на Москву, – и после того были воеводы на Вошане по полком:

В Болшом полку князь Василей Семенович Одоевской да князь Иван Васильевич Телепнев.

В Передовом полку князь Иван Михайлович Воротынской да князь Иван княж Федоров сын Палецкой.

В Правой князь Василей Данилович Пенков да Федор Ботурлин.

В Левой руке князь Микита Васильевич Оболенской да князь Иван Хилок Хрипунов.

В Сторожевом полку князь Семен Серебреной да князь Петр Репнин.

Того же лета в Мещере были воеводы, а стояли на Толстике:

В Болшом полку князь Василей Ондреевич Микулинской да князь Петр Семенович Ряполовской.

В Передовом полку Михаила Семенович Воронцов да князь Иван княж Михайлов сын Шамин.

В Правой князь Иван Болшой да князь Олександр князь Васильевы дети Кашина.

В Левой руке Григорей Меншой Ондреев сын Колычов да князь Василей Ковер княж Ондреев сын Кривоборскова.

В Сторожевом полку князь Василей Чюлок Ушатой да князь Иван княж Семенов сын Мезенкого.

А как велел князь великий Михаилу Воронцову да князю Александру Кашину, да князю Ивану Мезецкому итти на

Вошану, – и тогды велел на Толстике быти воеводам по полком:

В Болшом полку князю Василью Микулинскому да князю Петру Ряполовскому.

В Передовом Григорью Меншому Колычову да Ковру Кривоборскому.

В Правой князю Ивану Большому Кашину.

В Левой [руке] Чюлку Ушатому.

В Сторожевом полку князю Ивану Шамину.

Того же лета июня в 9 день на Луках были воеводы по полком:

В Болшом полку боярин князь Олександр Володимерович Ростовской да окольничей Михайла Васильевич Тучков да Михайла Ондреевич Плещеев.

В Передовом полку Федор Юрьев сын Щука Кутузов да князь Федор Васильевич Телепнев.

В Правой руке князь Борис Тебет Уланов да Иван Ондреев сын Колычов.

В Левой руке князь Иван Буйнос князь Олександров сын Ростовского да Василей Овца Иванов сын Володимерова.

В Сторожевом князь Иван Ондреевич Микулинской да Иван Мисинов.

Тогды же в Вязьме были воеводы по полком:

В Болшом полку князь Василей Васильевич Шуйской.

В Передовом полку князь Ондрей Горбатой.

В Правой руке князь Ондрей Курбской.

В Левой руке Иван Лятцкой.

В Сторожевом полку Иван Хабар.

А как сойдутца вяземские воеводы с лутцкими воеводами, – и тогды быти воеводам: Болшому полку, князю Олександру Ростовскому, в Большом полку с князь Васильем Шуйским, а Правой [руке] и Левой [руке], и Передовому, и Сторожевому по тому же по полком снятися.

Того же лета 7025-го с Петрова дни в Серпухове был брат великого князя князь Ондрей Иванович, а с ним великого князя два боярина: князь Дмитрей Володимерович Ростовской да Семен Иванович Воронцов. И князю Дмитрею Ростовскому велел князь великий ехати к себе, а ко князю Ондрею послал князь Михаила Даниловича Щенятева в начале лета 7026-го сентября месяца. И был у князя Ондрея Ивановича князь Михайла Щенятев да Семен Воронцов.

* * *

Лета 7027-го по Берегу были воеводы:

В Болшом полку боярин князь Михайла Данилович Щенятев да Ондрей Микитин сын Ботурлин.

В Передовом полку князь Иван Михайлович Воротынской да Михайла Семенов сын Воронцов.

В Правой руке князь Ондрей Иванович Булгаков да князь Иван Большой князь Васильев сын Кашин.

В Левой руке князь Иван Васильевич Телепнев Немой да князь Семен Серебреной.

В Сторожевом полку Федор Никитич сын Ботурлин да князь Иван Шамин. И Шамина послал князь великий в Стародуб, а на его место велел быти князю Михайлу Черному Вяземскому.

А на Туле были князь Юрьи князь Васильев сын Ушатого да Внук Григорьев, да Ивашка Тутыхин, да Митя да Потул Волконские.

А в Мещере были воеводы князь Федор Дмитреевич Пронской, князь Василей Чюлок Ушатой, князь Василей Ковер князь Ондреев сын Кривоборскова, князь Федор княж Семенов сын Мезецкаго.

А в Новегороде в Северском у князя Василья Ивановича Шемячича были воеводы Григорей Очи Семенов сын Плещеева да князь Петр княж Иванов сын Репнин.

А в Стародубе были воеводы с Егорьева дни вешнего князь Федор Иванович Хованской, князь Иван Федорович Палецкой. Да в Стародуб же отпустил князь великий с Москвы князь Ондрея Дмитреевича Ростовского да Ивана Никитича Ботурлина.

Того же лета в Мещере был царевичь Акдовлет Ахкуртов да воеводы, а стояли на Толстике с Николина дни вешняго, Федор Щука Кутузов да Григорей Большой Андреев сын Колычов, да Михайла Семенов сын Воронцов, да князь Василей Ковер Кривоборской, да волостель мещерской Слезка Елецкой.

А в Стародубе велено быти с Николина дни вешняго, а по вестем велено им итти к Шемячичю: князь Иван Овчина да князь Михайла княж Дмитреев сын Мещерскова.

А в Новегороде велено быти у Шемячича Ивану Меншому.

Андрееву сыну Жулебина да Семену Микитину сыну Ботурлину.

А в Дорогобуж князь великий послал апреля 20 день князя Михайла князь Федорова сына Хрипунова да князь Ивана Меншика князь Васильева сына Голенина.

На Кошире были воеводы князь Ондрей Дмитреевич Курбской да околничей Василей Яковлич.

А в Серпухове был воевода окольничей Иван Григорьевич Морозов.

Того же лета июля велел князь великий из Вязмы воеводам своим князю Василью Васильевичю Шуйскому с товарищи итти на литовскую землю. А из Стародуба воеводам князю Семену Курбскому с товарищи велел с ними же сниматися и роспись к воеводам послал с Юрьем Дмитреевым сыном Володимерова:

В Болшом полку боярин князь Василей Васильевич Шуйской да околничей Андрей Васильевич Сабуров.

В Передовом полку князь Иван Михайлович Воротынской да князь Петр Охлябинин.

В Правой руке князь Василей Андреевич Микулинской да Ондрей Никитин сын Ботурлин; да у Передового полку на праве царевич Акдовлет, а с ним Камбар мурзин сын.

В Сторожевом полку князь Семен Федорович Курбской да князь Иван Федорович Телепнев.

В Левой руке князь Федор Лопата Васильевич Телепнев да Юрьи Иванов сын Замятнин.

Того же месяца 24 день изо Ржевы ходили воеводы в литовскую же землю:

В Болшом полку князь Михайла Васильевич Горбатой да с ним Дмитрей Григорьев сын Ботурлина.

В Передовом полку князь Данила Бахтеяр да Иван Григорьев сын Лошаков.

В Правой руке князь Олександр княж Васильев сын Кашин да Василей Овца Володимеров.

В Левой руке князь Ондрей Кропоткин да Иван Мисинов.

В Сторожевом полку князь Олександр Иванович Стригин да Петр Лодыгин.

А как сойдетца князь Михайла Горбатой со князем Васильем Шуйским, и тогды быть воеводам: Болшому полку з Большим полком, а Передовой и Правой [руке], и Левой [руке], и Сторожевому по тому полку с полком.

А после того, того же лета из Дорогобужа ходили воеводы в литовскую землю:

В Болшом полку князь Михайла Васильевич Горбатой да Григорей Фомин сын Иванова.

В Передовом полку Федор Щука Юрьевич Кутузов да Иван Васильевич Лятцкой.

В Правой руке князь Михайла Иванович Кубенской да Иван Михайлов сын Салтыков.

В Левой руке Григорей Меншой Андреев Колычов да князь Семен князь Федоров сын Ситцкого.

В Сторожевом полку Михайла Ондреев сын Плещеев да Василей Петров сын Борисова.

А в Дорогобуже тогды стояли Дмитрей Семенов сын Воронцов

да Иван Васильев сын Данилова.

А з Белые ходили воеводы к Витепску:

В Болшом полку князь Ондрей Бучен Борисович Горбатой да князь Ондрей Дмитреевич Курбской, да Юрьи Дмитреев сын Володимеров.

В Передовом полку князь Василей Иванович Стригин да Игнатей Салтыков.

В Правой руке князь Иван княж Олександров сын Тростенскова.

В Левой руке князь Ондрей князь Федоров сын Пестрого.

В Сторожевом полку Ондрей да Василей Дмитреевы дети Годунова.

А с Лук с Великих ходили воеводы к Полотцку:

В Болшом полку боярин князь Василей Васильевич Шуйской да Михайла Васильевич Тучков, да Василей Григорьевич Морозов.

В Передовом полку князь Иван Васильевич Шуйской да Иван Васильевич Хабар, да Юрьи Иванов сын Замятнин.

В Правой руке князь Борис Тебет Уланов да Иван Ондреев сын Колычов, да князь Дмитреев воевода Семен Мятлев.

В Левой руке князь Иван Буйнос княж Олександров сын Ростовского да князь Олександр князь Васильев сын Кашин, да Василей Иванов сын Володимерова.

В Сторожевом полку князь Василей Ондреевич Микулинской да Иван Лошаков.

А пришли в Вязму сентября в 11 день.

А в Дорогобуже тогды стояли воеводы князь Данило Дмитреевич Пронской да князь Иван Тростенской-Колышевской, да князь Иван Хрипунов, да князь Иван Меншик Голенин, да князь Осиф Тростенской.

А в Стародубе тогды же были воеводы князь Семен Федорович Курбской да князь Иван Овчина князь Федоров сын Телепнев, да князь Петр Охлебинин.

Тое же зимы февраля в 28 день посылал князь великий воевод под Витебск:

В Болшом полку Василей Дмитреев сын Годунов да князь Петр княж Иванов сын Елецкого, да Ивашка Тутыхин.

В Передовом полку Чюлок Засекин да Верига Волконской.

В Правой руке Игнатей Михайлов сын Салтыков да Юмран Львов сын Нащокина.

В Левой руке Иван Михайлов сын Салтыков да Мешок Плещеев.

В Сторожевом полку Василей Борисов да Хима Ржевской.

* * *

Лета 7028-го в Серпухове были воеводы князь Василей Семенович Одоевской, околничей Иван Андреевич Жюлебин, князь Федор Иванович Хованской, Дмитрей Семенов сын Воронцов, князь Юрьи Ушатой.

А на Кошире были воеводы князь Данила Васильевич Холмской, Григорей Семенович Плещеев, князь Ондрей да князь Иван князь Олександровы дети Тростенскова.

А на Угре были воеводы князь Олександр князь Васильев сын Кашин да князь Василей Кияс князь Дмитреев сын Мещерскова.

А в Мещере были воеводы князь Петр Дмитреевич Ростовской, Михайла Ондреевич Плещеев, князь Иван княж Михайлов сын Троекуров, князь Василей Ковер князь Ондреев сын Кривоборскова, Семен Лапа Иванов сын Гаврилова да Иван Ондреевич Шереметев.

А в Торопце были воеводы князь Иван Большой княж Васильев сын Кашин да Федор Никитин сын Ботурлин.

А на Белой были воеводы князь Иван Щетина да князь Семен Серебреной, да Василей Петров.

Того же лета послал князь великий воевод под Казань в судех:

В Болшом полку князь Ондрей Иванович Булгаков.

В Передовом полку князь Семен княж Федоров сын Алабышев.

В Правой князь Констянтин княж Семенов сын Романовича.

В Левой руке князь Ондрей князь Петров сын Великого.

В Сторожевом полку князь Иван Взбражской.

Того ж лета посылал князь великий под Казань князя Ивана Ушатого, князя Василья Чюлка, князь Олександра Ситцкого.

* * *

Лета 7029-го июня в царев приход, как царь крымской Магмед-Кирей, Минли-Гиреев сын, реку Оку перелез, а в те поры воеводы были по Берегу:

В Серпухове были воеводы князь Дмитрей Федорович Бельской да боярин и воевода князь Василей Васильевич Шуйской, да околничей и воевода Иван Григорьевич Морозов, Федор Иванович Беззубцов, Иван Никитин сын Ботурлин, Иван Шереметев, Яков да Юрьи Замятнины. Да в Серпухове же были у воевод в полкех дети боярские, а с ними были люди князь Иван князь Иванов сын Барбашин, князь Михайла да князь Володимер да князь Федор князь Михайловы дети Карамышева, князь Иван да князь Федор княж Ондреевы дети Прозоровского, Яков Иванов сын Чеботов, князь Иван князь Федоров сын Стригин-

Ряполовского, Семен Никитин сын Ботурлин.

А на Кошире были воеводы князь Иван Данилович Пенков, князь Федор Васильевич Лопата Оболенской, Василей Ондреев сын Коробов.

А в Торусе были воеводы боярин князь Михайла Данилович Щенятев, князь Иван Михайлович Воротынской, князь Ондрей князь Петров сын Нагово, князь Иван князь Борисов сын Туренин, князь Иван князя Федоров сын Телепнев. Да в Торусе ж были у воевод головы в полкех князь Федор Овчина князь Васильев сын Телепнев, князь Микита князь Дмитреев сын Щепин, князь Ондрей Гундор Меншой, князь Василей Нагай Рамодановской, князь Федор княж Олександров сын Оленкин. князь Иван княж Васильев сын Щербатого.

А на Коломне были в осаде князь Юрьи Ондреевич Хохолков да Микита Михайлов сын Клеопин Кутузов.

А на Угре были воеводы князь Василей Семенович Одоевской, князь Семен княж Дмитреев сын Щепин-Оболенской, Андрей Микитин сын Ботурлин, князь Ондрей да князь Иван Тростенские, князь Иван Болшой князь Васильев сын Кашин. А головы с людьми были на Угре в полкех у воевод князь Федор княж Иванов сын Одоевского, князь Иван княж Иванов сын Белевского, князь Василей князь Семенов сын Мезецкаго.

В Серпухове был князь Ондреев Ивановича воевода князь Василей Чернятинской с людьми.

На Угре же был на Петров день воевода Иван Обляз Васильевич Вельяминов да князь Юрьев Ивановича воевода Василий Щадрин Вельяминов.

В Мещере были воеводы князь Петр Дмитреевич Ростовской, Михайла Семенович Воронцов, князь Ондрей князь Петров сын Великого, Григорей Болшой Ондреев сын Колычов, князь Василей Чюлок Ушатой, Дмитрей Семенов сын Воронцов, да волостель мещерской князь Иван Середней Кашин. Да в Мещере же был царевич Еналей, а с ним сеит и князи, и мурзы.

А на Мокше в Наров[ч]атове стояли князь Иван князь Михайлов сын Троекуров да князь Василей Ковер Кривоборской, да Якуб Ивашинцов, да Семен Жеребячин.

А в Муроме был царевич Акдовлет Ахтуртов сын. Да в Муроме же были воеводы князь Юрьи Дмитреевич Пронской, князь Иван Щетина Иванович Оболенской, околничей Ондрей Васильевич Сабуров.

А в Нижнем Новегороде были воеводы князь Ондрей Дмитреевич Курбской, Федор Юрьевич Щука Кутузов, Михайла Ондреев сын Плещеев, князь Иван Меншик Голенин, князь Иван Збаражской, князь Юрьи Ушатой Болшой. Да в Нове же городе

Костя Замытцкой.

А на Рязани был околничей и наместник Иван Васильевич Хабар. А в городе были Булгак да Федор Денисьевы, Иван да Семен Коробьины, Стрекало Измайлов, да княж Ивановы Клементей да Василей да Михайло Кобяковы, Федор Сумбулов.

А в Можайску были на Петрово заговейно Иван царевич да боярин князь Борис Иванович Горбатой.

А в Вязьме наместник князь Ондрей Борисович Горбатой, А в Дорогобуже воеводы князь Ондрей Иванович Булгаков, князь Михайло Мещерской, князь Семен Ситцкой, князь Осиф Тростенской. А наместник в Дорогобуже князь Иван Горбатой.

А на Белой воеводы князь Василей Кияс Мещерской да Юрьи Дмитреев сын Володимерова.

В Стародубе воеводы князь Семен князь Федоров сын Алабышев да князь Петр Засекин.

А в Новегородке Северском были воеводы князь Василей князь Олександров сын Ростовского да князь Василей князь Иванов сын Репнин.

И августа в 12 день, как царь пошол из земли назад, и князь великий велел по Берегу быть воеводам:

На Коломне были воеводы боярин князь Борис Иванович Горбатой, околничей Ондрей Васильевич Сабуров, Василей Ондреевич Шереметев.

На Кошире были воеводы князь Дмитрей Федорович Бельской, боярин князь Василей Васильевич Шуйской, Григорей Фомин, Федор Беззубцов, Василей Коробов, князь Ондрей Нагой, Иван Ботурлин, Юрьи Дмитреев сын Володимеров. Да на Кошире же был дворецкой тверскои Михайла Юрьевич.

А в Серпухове были воеводы боярин князь Михаила Данилович Щенятев да князь Иван Михайлович Воротынской, да князь Иван князь Федоров сын Телепнев. Да в Серпухове же был воевода князь Василей Семенович Одоевской.

А на Угре были воеводы князь Ондрей Борисович Горбатой да князь Семен Серебреной князь Дмитреев сын Щепин, да князь Иван Болшой князь Васильев сын Кашин, да князь Иван Колышевской-Тростенской, да Ондрей Ботурлин, да Обляз Вельяминов. Да на Угре же были Михайла Семенов сын Воронцов, Игнатей Салтыков.

А на Туле были Семен Внук Григорьев сын Михайлова, Ивашка Тутыхин. Да на Туле же Верига Волконской.

А на Резани были воеводы околничей и наместник Иван Васильевич Хабар да Ондрей Чоботов, да Ондрей Ботурлин.

А на Белой воеводы Петр Лодыгин да Федор Клементьев. Да на Белой же наместник князь Иван Немой Васильевич Телепнев.

А в Торопце воеводы царевич князь Федор, князь Иван Олександрович Буйнос, Иван Лошаков, Василей Овца Володимеров, околничей и воевода Михайла Васильевич Тучков, Иван Колычов. Из Воронача князь Петр Семенович Ряполовской, князь Данила Бохтеяр, князь Борис Тебет Уланов, князь Ондрей Кропоткин, Чюлок Засекин, Иван Мисинов, князь Иван Шамин Торопце же Федор Алексеев, а послал его князь великий с царевичем.

* * *

Лета 7030-го князь великий Василей Иванович всеа Русии приговорил с своею братьею и з бояры: быти ему самому на Коломне и з братьею. И отпустил князь великий наперед себя на Коломну воевод своих князя Дмитрея Федоровича Бельскова, боярина князя Михаила Даниловича Щенятева, околничева Ивана Васильевича Хабарова, Ондрея Васильевича Сабурова, князя Михаила Васильевича Горбатова, дворецкого тверскаго Михаила Юрьевича. А из Вязмы велел итти на Коломну же князю Ондрею Борисовичю Горбатому, Василью Ондреевичю Шереметеву, Михаилу Семеновичю Воронцову, Андрею Никитину сыну Ботурлину, Ивану Васильевичю Лятцкому, князю Ивану князь Михайлову сыну Шамина, князю Петру княж Федорову сыну Ахлебинина. А сам князь великий пошол на Коломну майя месяца, а с ним братья его, князь Юрьи да князь Ондрей.

А воеводы с великим князем князь Иван да князь Семен Федоровичи Белские.

Околничие Петр да Василей Яковличи.

Воеводы князь Иван Немой да князь Федор Васильевичи Телепневы, князь Семен Дмитреевич Серебреной-Щепин, князь Иван Федорович Ушатой, Михайла Ондреевич Плещеев, князь Юрьи Ондреевич Хохолков, князь Михайла Иванович Кубенской, Иван Васильевич Лятцков.

Оруженичей Никита Иванович Карпов.

Да у доспеху же стряпоют Юрьи да Василей князь Ивановы дети Щетинина.

Рынды князь Юрья Михайлович Булгаков, Иван Юрьев сын Сабуров, Федор Семенов сын Воронцов, князь Иван Тать княж Федоров сын Хрипунов, Василей Иванов сын Хабар, Михайла Андреев сын Сабуров.

А с рындами поддатни Михалец Борисов сын Гнездовского, Петрец да Васюк Семеновы дети Ступишина, Васюк Иванов сын Сергеева, Данилко Юрьев сын Шепяков, Васюк Иванов сын

Зачесломского.

Яселничей Федор Семенов сын Хлопов, а с ним у коней стряпоет Васюк Беззубой.

А у коня у великого князя Ивашка Кайсаров с товарыщи, 16 человек.

А за постелею Казарин Бурунов да Федец Кучетцкой.

А на Москве оставил князь великий зятя своего Петра царевича, а с ним бояр и приказных людей. А с Коломны велел себя князь великий встретить воеводам князю Дмитрею Федоровичю Бельскому до боярину князю Михаилу Даниловичю Щенятеву, а с ними сто человек детей боярских лутчих. Да послал князь великий на Коломну князя Михайла Кубенского да Ивана Лятцкого, а велел им себя встретить с коломенскими воеводами, а с ними детей боярских, ноугородцких помещиков, сто человек лутчих. А брата своего князя Юрья князь великий отпустил в Серпухов. А сам князь великий пришол на Коломну на пятой недели по велице дни во вторник. И розрядил князь великий воевод по полком и приговорил, где которому полку стояти:

В Болшом полку под Девичем князь Дмитрей Федорович Бельской да боярин князь Михайла Данилович Щенятев, да Михайла Семенов сын Воронцова.

В Передовом полку на усть Осетри князь Михайла Васильевич Горбатой, князь Петр Семенович Ряполовской, князь Петр Охлябинин.

В Правой руке под Голутвиным князь Ондрей Бучен Борисович Горбатой, Василей Ондреевич Шереметев, Игнатей Михайлов сын Салтыков.

В Левой руке против Ростисловля окольничеи Иван Васильевич Хабар, Иван Васильевич Лятцкой, Иван Лошаков Колычев.

В Сторожевом полку на Кошире Андрей Васильевич Сабуров, Андрей Микитин сын Ботурлин, князь Иван Шамин.

А с Коломны послал князь великий на Резань Ивана Микулина сына Ярого, Дмитрея Иванова сына Данилова, Голочела Дмитреева сына Давыдова, Дмитрея Иванова сына Волынскова. А с Коломны князь великий пошел к Москве за пять ден до Петровы памяти чюдотворцовы, а после себя оставил на Коломне брата своего князь Ондрея Ивановича.

* * *

Лета 7032-го послал князь великий под Казань царя Шиголея, а с ним воевод своих в судех, а полем конных воевод послал же, а

судовых воевод отпустил за неделю до троицына дни, а конных на троицын день. В судех:

В Болшом полку князь Иван Федорович Бельской, князь Михайла Васильевич Горбатой, Михайла Юрьевич.

В Передовом полку князь Семен Федорович Курбской да Иван Васильевич Лятцкой.

В Правой князь Семен Дмитреевич Оболенской-Серебреной да князь Петр Охлябинин.

В Левой руке князь Василей Юрьевич Ушатой да князь Василей Чюлок княж Васильев сын Ушатого.

В Сторожевом полку князь Михайла Иванович Кубенской да князь Иван Шамин.

А с нарядом Григорей Сабакин да Якуб Ивашенцов, да Михайло Зверь. А з болшим нарядом Степан Сабакин, а с ним в товарыщах Исак Шенкурской; а над ними велел князь великий надзирати у всего наряду Михаилу Юрьевичю.

А конным воеводам приказал князь великий с Шигоною Поджегиным да з дияком с Офонасьем Курицыным, а велел им быти по полком и роспись им послал по полком:

В Болшом полку Иван Васильевич Хабар да Михайло Семенович Воронцов.

В Передовом Василей Ондреевич Шереметев да Федор Семенов сын Колычов.

В Правой князь Петр княж Иванов сын Репнин да Дмитрей Григорьев сын Бутурлин.

В Левой князь Иван княж Федоров сын Овчина да князь Ондрей Кропоткин.

В Сторожевом полку Иван Васильев сын Лошаков да Чюлок Засекин.

А в Муроме были воеводы с августа 6-го числа князь Данило Дмитреевич Пронской, Федор Юрьевич Щука Кутузов, князь Иван Туренин, князь Борис Щепин, Василей Олексеев сын Давыдова, Семен Внук.

* * *

Лета 7035-го июля роспись от поля:

На Коломне были воеводы князь Василей Семенович Одоевской да боярин князь Иван Иванович Щетина Оболенского.

На Кошире были воеводы князь Федор Михайлович Мстисловской да князь Федор Овчина княж Васильев сын Телепнев, да князь Петр Охлябинин.

На Резани были воеводы наместник князь Олександр

Ондреевич Ростовской да Федор Щука Кутузов, да князь Осиф Тростенской, да Федор Денисьев. А каково будет дело, – и князю Олександру быти в городе, а Щуке и князю Осифу, и Федору Денисьеву быти за городом.

На Туле были воеводы князь Федор да князь Роман Ивановичи Одоевские да наместник князь Иван Тать Хрипунов, да с ними Илья Щелищев.

В Одоеве был воевода князь Иван Михайлович Воротынской, да со князем Иваном был из Мещеска князь Дмитрей княж Федоров сын Болшаго Палецкаго. Да в Одоеве же велел князь великий быти с Воротынским князю Олександру княж Васильеву сыну Кашину да князю Ивану Мезецкому.

А се роспись по Берегу, как князь великий прибавил воевод на Берег:

На Коломне воеводы князь Василей Семенович Одоевской, боярин князь Иван Щетина Иванович Оболенской, князь Иван Иванович Барбашин, князь Василей княж Иванов сын Репнин, князь Никита князь Дмитреев сын Щепин, князь Иван Лугвица Прозоровской, князь Юрья да князь Василей Чюлок Ушатые, князь Семен княж Федоров сын Ситцкой. Да на Коломне же был княж Юрьев Ивановича воевода Помяс Заболотцкой с людми. Августа в 27 день велел князь великий с Коломны воеводам князю Ивану Барбашину итти на Унжю, а князь Ивану Лугвице Прозоровскому, князю Юрью да князю Василью Чюлку Ушатым, князю Семену Ситцкому велел итти в Нижней Новгород.

* * *

И лета 7036-го сентября в 4 день пришла к великому князю весть, что Ислам царевич прямо идет к Берегу. И князь великий по тем вестем на зафтрее того, сентября в 5 день, отпустил на Коломну воевод своих князя Федора Лопату Васильевича Телепнева да князь Ивана Овчину Федоровича Телепнева. А приказал князь великий на Коломну и на Каширу воеводам, а велел воеводам всем итти на то место, где хочет Ислам реку лести. И пришла весть прямая, что Ислам идет к Ростиславлю и Оку реку хочет лести под Ростиславлем.

И в Ысламов приход были воеводы на Ростиславле князь Василей Семенович Одоевской, боярин князь Иван Иванович Щетина, князь Федор Васильевич Лопата, князь Иван Федорович Овчина, князь Василей Репнин, князь Микита Щепин. А с Коширы воеводы тогды были на Ростиславле же князь Федор Михайлович Мстиславской, князь Федор Васильевич Телепнев Овчина, князь

Петр княж Федоров сын Охлябинин.

Того же лета августа в Муроме был боярин и воевода князь Василей Васильевич Шуйской да с ним Михайла Ильин сын Бокеев.

А в Нижнем Новгороде были воеводы князь Семен Федорович Курбской да братанич ево князь Федор князь Михайлов сын Курбской, да князь Иван Лугвица Прозоровской, князь Юрьи да князь Василей Чюлок Ушатые, да князь Семен Сицкой. А наместники были в Нижнем Новегороде тогды князь Семен Федорович Алабышев да Федор Юрьев.

На Костроме были воеводы князь Михайла Данилович Щенятев да боярин Иван Григорьевич Морозов.

На Чюхломе были воеводы князь Данило Несвитцкой да Никита Васильев сын Борисова, да Федор Супунев.

А того же лета августа написано в другом наряде: были на Унже Микита Борисов, князь Данила Несвитцкой. На Унже были князь Иван Иванович Барбашин да с ним князь Микита княж Федоров сын Палецкого, да Василей Замыцкой.

* * *

Лета 7036-го августа на Коломне были воеводы князь Василей Семенович Одоевской, боярин князь Иван Иванович Щетина Оболенской, князь Василей Иванович Репнин.

На Кошире были воеводы князь Федор Михайлович Мстиславской да Игнатей Салтыков.

В Калуге воеводы князь Василей Ондреевич Нохтев да наместник князь Иван Овчина Федорович Телепнев, да князь Дмитрей княж Федоров сын Палецкого.

На Туле были воеводы князь Роман Иванович Одоевской, князь Василей князь Дмитреев сын Мещерского. Да на Туле же наместник князь Иван княж Михайлов сын Троекуров.

Того же лета июля роспись от литовские украины:

В Вязьме были Шигалей, царь казанской, да городецкой царевич Еналей, да Япанча улан. Да в Вязьме жа были воеводы боярин Иван Васильевич Хабар да околничей Иван Васильевич Лятцков, да Ондрей Микитин сын Бутурлин. А со царем Шигалеем Федор Семенов сын Воронцов. А со царевичем Ондрей Клеопин Кутузов да Борис Ступишин. А с татары служивыми был Постник Сатин.

В Дорогобуже был князь Федор Тростенской да наместник Федор Невежин сын Жохов.

В Торопце были воеводы князь Федор Даирович, князь

Михайло Васильевич Горбатой. Да в Торопце же наместник князь Михайло Иванович Кубенской. Да в Торопце же Акдовлет царевич да Канбар мурзин сын, а с ними Степан Атяев.

* * *

Лета 7037-го марта наряд от поля:

На Коломне были воеводы князь Иван да князь Семен Федоровичи Бельские, боярин князь Михайло Васильевич Горбатой, боярин князь Иван Иванович Щетина Оболенской, князь Федор Лопата Васильевич Оболенской, околничей Иван Васильевич Лятцкой, Василей Ондреевич Шереметев, князь Михайло Иванович Кубенской, Ондрей Микитин сын Бутурлин, князь Иван Овчина Федорович Телепнев-Оболенской.

На Кошире были воеводы наместник князь Федор Михайлович Мстиславской, князь Петр Иванович Репнин-Оболенской, князь Федор Овчина князь Васильев сын Телепнев, князь Василей княж Иванов сын Репнин.

На Сенкине были воеводы князь Иван Иванович Барбашин, князь Федор да князь Василей княж Семеновы дети Мезецкие.

В Серпухове воеводы князь Василей Ондреевич Нохтев да князь Ондрей Петрович Нагово-Оболенской, да Семен Внук Григорьев сын Михайлов. Майя в 31 день в Серпухов же велел князь великий итти воеводе своему ис Почепа князю Ивану Михайловичю Воротынскому да Ивану Никитину сыну Бутурлину, да князь Ивану княж Семенову сыну Мезецкова.

На Резани наместники Федор Щука Кутузов да князь Олександр княж Васильев сын Кашин, да с ними Федор Денисьев.

На Туле были воеводы князь Федор Иванович Одоевской да наместник князь Иван Михайлович Троекуров, да с Коломны князь Василей Кияс Мещерской, да Ивашка Тутыхин, с Коширы Останя Ондреев.

Того же лета 37-го июля в 23 день роспись воеводам по Берегу, в которых местех воеводы стояли по Оке реке:

Против устья Осетрьскаго стояли воеводы князь Иван да князь Семен Федоровичи Бельские, боярин князь Михайло Васильевич Горбатого, боярин князь Иван Щетина Иванович Оболенской, князь Федор Болшой Васильевич Телепнев-Оболенской.

Против Ростиславля стояли воеводы князь Михайла Иванович Кубенской, князь Иван Овчина Федорович Телепнев, околничей Иван Васильевич Лядцков.

Под Бачмановым на Московском устье стояли воеводы

Василей Ондреевич Шереметев да Ондрей Микитин Бутурлин.

На Кашире стояли воеводы князь Василей Ондреевич Ногтев да князь Ондрей Петрович Нагово-Оболенские, князь Петр Иванович Репнин, князь Федор Меншой Васильевич Телепнев.

На Сенкине были воеводы князь Иван Иванович Барбашин, князь Федор да князь Василей княж Семеновы дети Мезецкого.

В Серпухове стояли воеводы князь Иван Михайлович Воротынской, князь Василей Иванович Репнин, князь Иван княж Семенов сын Мезецково.

В Колуге были воеводы с августа князь Данила Дмитреевич Пронской, князь Михайло Михайлович Курбской, князь Иван Ондреевич Прозоровской, князь Семен княж Федоров сын Ситцкого. Да в Колуге же был наместник князь Иван Овчина Федорович Телепнев-Оболенской.

В Мещере были воеводы князь Федор Михайлович Курбской да Михайло Ильин сын Бокеев.

В Вязьме были воеводы князь Александр Ондреевич да князь Ондрей Дмитреевич Ростовские; да в Вязьме же наместники князь Андрей Елецкой да Федор Клементиев.

На Луках на Великих были наместники князь Ондрей княж Петров сын Великого да Василей Ондреев сын Коробов.

* * *

Лета 7038-го августа роспись от поля:

Против Осетра стояли воеводы боярин и воевода князь Дмитрей Федорович Бельской да князь Иван Михайлович Воротынской.

Против Ростиславля стоял воевода князь Василей Ондреевич Микулинской.

А против Люблина стоял воевода Федор Семенов сын Воронцов.

На Кошире были воеводы боярин князь Иван Щетина Иванович Оболенской да князь Никита княж Борисов сын Туренин.

Под Окатовым стоял князь Роман Иванович Одоевской.

Против Колычевскаго острова стоял воевода князь Иван Тать Хрипунов; да против Колычевскаго же острова стоял воевода князь Иван Шемяка Нелюбов.

Под Бачмановым стоял воевода князь Федор Иванович Хованской.

На Резани за городом были воеводы наместник князь Александра княж Васильев сын Кашин да князь Микита княж

Дмитреев сын Щепин, да с ними Василей Верхдеревской да Назар Глебов. В городе на Резани Семен Микитин сын Бутурлин да Семен Внук Григорьев сын Михайлова.

Того же лета 38 майя князь великий Василей Иванович всеа Русии посылал воевод х Казани:

В судовой рати:

В Болшом полку воеводы князь Иван Федорович Бельской да боярин князь Михайла Васильевич Горбатой.

В Передовом полку воеводы князь Федор Лопата Васильевич Телепнев да князь Семен княж Федоров сын Петровича Сицкой.

В Правой руке воеводы Федор Щука Юрьевич Кутузов да князь Федор княж Михайлов сын Курбской.

В Левой руке воеводы Иван да Ондрей Микитины дети Бутурлина.

В Сторожевом полку воеводы князь Иван Иванович Барбашин да Михайла Ильин сын Бокеев.

А у наряду князь Михайло Иванович Кубенской.

А в конной рати воеводы:

В Болшом полку князь Михайло Львович Глинской да Василей Ондреевич Шереметев.

В Передовом полку князь Федор Васильевич Овчина да князь Иван княж Семенов сын Мезецково.

В Правой руке князь Иван Федорович Овчина да князь Иван Чюлок княж Михайлов сын Засекин.

В Левой руке князь Василей Иванович Репнин да Федор Денисьев.

В Сторожевом полку Дмитрей Семенович Воронцов да князь Федор княж Семенов сын Мезецкой.

* * *

Лета 7039-го июля роспись от поля по Берегу:

На Девиче стояли воеводы боярин князь Василей Васильевич Шуйской, боярин Иван Васильевич Хабар, боярин Михайло Семенович Воронцов.

Против Осетра стояли воеводы князь Василей Ондреевич Микулинской да князь Олександра княж Васильев сын Кашин.

Против Колычевского острова стояли воеводы князь Михайло Иванович Кубенской да Ондрей Микитин сын Бутурлин.

Против Ростиславля стояли воеводы князь Никита Васильевич Оболенской да Иван Никитин сын Бутурлин.

Против Люблина стояли воеводы князь Иван Шемяка княж Васильев сын Нелюбов да князь Петр княж Федоров сын

Охлябинин, да князь Микита княж Федоров сын Меншого Палецкой.

В Бачманове стояли воеводы князь Федор княж Иванов сын Хованскова да князь Василей Чюлок княж Васильев сын Ушатого.

На устье Московском стояли воеводы князь Богдан княж Александров сын Трубецкого да Василей Петров сын Борисова.

На Кошире были воеводы боярин князь Михайло Васильевич Горбатой, князь Петр да князь Василей княж Ивановы дети Репнина, князь Федор княж Михайлов сын Курбского, да князь Иван княж Михайлов сын Троекуров, да князь Иван Тать княж Федоров сын Хрипунов.

На Сенкине были воеводы с Коломны князь Иван Михайлович Шуйской да князь Юрьи Болшой княж Васильев сын Ушатого; да на Сенкине же готов князь Федор княж Тимофеев сын Тростенского.

На Коломне были воеводы в городе, написано в речи коломенским воеводам з дияком с Офонасьем Курицыным: Ондрей Дмитреев сын Годунов, Яков да Костентин Дмитреевы дети Давыдова.

На Кошире были воеводы в городе Григорей Яковлев сын Плещеев да Михайло Шат Теряев.

В Серпохове были воеводы князь Михайло Данилович Щенятев да князь Иван Лугвица княж Ондреев сын Прозоровскаго, да князь Иван княж Федоров сын Стригин-Ряполовской.

В Одоеве были воеводы по полком июля по путивльским вестем, что писал ис Путивля князь Борис Иванович Горбатой, что крымских людей с 1000 ч. пошло к Одоеву:

В Болшом полку были воеводы князь Федор Иванович Одоевской да князь Александр княж Васильев сын Кашин.

В Передовом полку были воеводы князь Иван Тать княж Федоров сын Хрипунов да князь Петр Засекин.

В Правой руке воеводы князь Роман Иванович Одоевской да Федор Семенов сын Воронцов.

В Левой руке воеводы князь Иван княж Михайлов сын Троекуров да Григорей Григорьев сын Лошаков-Колычов.

В Сторожевом полку воеводы князь Иван княж Иванов сын Белевской да князь Дмитрей княж Федоров сын Палецкаго.

На Резани в городе наместник князь Ондрей Дмитреевич Ростовской да князь Василей Кияс Мещерской, да Семен Внук Григорьев сын Михайлова. А за городом на Резани князь Микита Борисович Туренин да с ним Петр Денисьев, Гридко Кобяков, Иван Коробьин, Назар Глебов. Да за городом же быти в воеводах Тимофею да Ивану Булгаковым детям Слизнева, а с ними в

товарищах Григорей Селиванов. Да за городом же на Резани воеводы князь Федор да князь Василей княж Васильевы дети Мезецкова, а в ыных книгах написано Семеновичи, и то справить в родословце. А с ними в товарищах Подъюс Кобяков.

Июля же в 22 приехали к великому князю ис Крыму служилые татарове Кидырек с товарыщи и сказали, что переехали сокмы татарские; а пошли те сокмы под резанские украины; а по сокме сметили человек с пятьсот или с шестьсот. И князь великий по тем вестем воевод на Тулу и на Резань прибавил:

На Туле воеводы за городом с Коломны князь Иван Шемяка Васильевич Пронской да князь Микита княж Федоров сын Палецкаго. Да на Туле же из Серпухова воевода князь Иван княж Ондреев сын Лугвица Прозоровской.

А на Резани за городом были воеводы по полком:

В Большом полку были воеводы князь Микита Борисович Туренин да с Коломны Василей Петров сын Борисова.

В Передовом полку князь Федор да князь Василей княж Семеновы дети Мезецкова.

В Правой руке Тимофей Булгаков сын Слизнева да Григорей Васильев сын Селиванов.

В Левой руке Иван Булгаков сын Слизнев да Подъюс Иванов сын Кобяков.

В Сторожевом полку Лобан Булгаков сын Слизнев да Назар Семенов сын Глебов.

Августа в 17 день велел князь великий с Коломны боярину и воеводе князю Василью Васильевичю Шуйскому да боярину и воеводе Ивану Васильевичю Хабарову и иным воеводам да ис Коширы воеводам князю Никите Оболенскому да князю Петру Репнину велел ехати к Москве. А на Коломне велел князь великий тогды быти воеводам: с Коширы князю Ивану Михайловичю Шуйскому да с Москвы послал на Коломну Федора Иванова сына Беззубцова. Да на Коломне же были готовы Иван да Ондрей Микитины дети Ботурлина, князь Богдан Александров сын Трубецкова.

На Кошире воеводы из Серпухова князь Михайло Данилович Щенятев да князь Иван княж Федоров сын Стригин-Ряполовской.

А в Одоеве велел князь великий быти воеводам по полком:

В Болшом полку князь Иван Михайлович Воротынской да князь Федор Иванович Одоевской.

В Передовом полку князь Александр княж Васильев сын Кашин да князь Петр Засекин.

В Правой руке князь Роман Иванович Одоевской.

В Левой руке воевода князь Иван княж Михайлов сын Троекуров.

В Сторожевом полку князь Иван княж Иванов сын Белевского да Григорей Григорьев сын Лошаков-Колычов.

Того же лета майя был в Севере на Клевени Шигалей, царь казанской. Да в Севере же были воеводы боярин князь Борис Иванович Горбатой, князь Иван Иванович Барбашин, князь Федор Овчина Телепнев, Дмитрей Семенов сын Воронцов, Василей Ондреев сын Коробов да с ними Митька Олферьев сын Филипова Нащекин да Останя Андреев.

Того же лета генваря в Козельску были воеводы по полком:

В Болшом полку воеводы князь Иван Михайлович Воротынской да князь Петр Иванович Репнин.

В Передовом полку воеводы князь Иван Овчина Федорович Телепнев да князь Микита княж Борисов сын Туренин.

В Правой руке воеводы князь Федор да князь Роман Ивановичи Одоевские.

В Левой руке воеводы князь Иван Шемяка Васильевич Пронской да Григорей Григорьев сын Лошаков Колычов.

В Сторожевом полку воевода князь Иван Иванович Белевской.

На Кошире были воеводы генваря же боярин князь Василей Васильевич Шуйской, боярин Иван Васильевич Хабар, князь Михайло Иванович Кубенской, Иван Васильевич Лятцков, Василей Петров сын Борисовича. Да на Кашире же были у воевод в головах князь Данила да князь Борис да Федор Щепины, князь Иван Тать Хрипунов, князь Дмитрей Палетцкой, князь Федор да князь Иван Хованские, Игнатей да Иван Салтыковы, Констянтин Владыка Дмитреев сын Давыдова.

Февраля в 20 день приходили крымские люди на одоевские места и на тульские; и тогды велел князь великий быти на Туле воеводам по полком.

В Болшом полку воеводы князь Иван Михайлович Воротынской да Иван Васильевич Лятцков; да в болшом же полку князь Александр Васильевич Кашин. Да у князя Ивана же Воротынского быти с людми в полку князю Ивану Татю княж Федорову сыну Хрипунову.

В Передовом полку воеводы князь Иван Федорович Овчина Телепнев да князь Иван Михайлович Троекуров, да князь Дмитрей Федорович Палетцкой.

В Правой руке воеводы князь Петр Иванович Репнин да Игнатей Михайлов сын Салтыков.

В Левой руке воеводы Василей Петров сын Борисова да Григорей Григорьев сын Лошаков-Колычов.

В Сторожевом полку воеводы князь Иван Шемяка Васильевич Нелюбов да Иван Салтыков.

А как князь великий положил опалу свою на князя Ивана

Воротынского да на князя Ивана Овчину, да на Ивана Лятцкого, велел их с Тулы дияку Офонасью Курицыну привести к Москве, и тогды велел князь великий воеводам быти по полком:

В Болшом полку были воеводы князь Василей Ондреевич Микулинской да князь Александр княж Васильев сын Кашин, да князь Иван Тать княж Федоров сын Хрипунов; да со князем Васильем же Микулинскнм был в полку Останя Ондреев.

В Передовом полку воеводы князь Иван Шемяка Васильевич Пронской да князь Иван княж Михайлов сын Троекуров, да князь Дмитрей княж Федоров сын Палецкой.

В Сторожевом полку воеводы князь Федор Тростенской да Иван Салтыков.

А в Правой руке и в Левой руке были воеводы по той же росписи по старой, как были с Воротынским.

А как князь великий велел князю Василью Ондреевичю Микулинскому и иным воеводам с Тулы ехать к себе по домом, а на Туле велел тогды быти воеводам по полком:

В Болшом полку велел быти воеводе князю Ивану Шемяке Васильевичю Пронскому да Илье Микулину сыну Челищеву; да со князем же Иваном быти Остане Ондрееву.

В Передовом полку велел быти князю Ивану княж Михайлову сыну Троекурову.

В Правой руке велел быти Игнатью Салтыкову.

В Левой руке велел быти князю Семену Гундорову.

В Сторожевом полку велел быти Григорью Григорьеву сыну Лошакову-Колычову.

* * *

Лета 7040-го октября в Нижнем Новегороде были воеводы по полком:

В Болшом полку были бояре и воеводы князь Василей да князь Иван Васильевичи Шуйские, Василей Григорьевич Морозов.

В Передовом полку были воеводы князь Микита Васильевич Оболенской да князь Петр Иванович Репнин.

В Правой руке были воеводы князь Ондрей Михайлович Шуйской да князь Федор Иванович Хованской.

В Левой руке были воеводы околничей Яков Григорьевич Морозов да Михайло Ильин сын Бокеев.

В Сторожевом полку были воеводы князь Иван Иванович Пронской да князь Петр княж Федоров сын Охлябинин.

Да в Нове же городе был царь Шигалей, а с ним были в приставех князь Юрья княж Иванов сын Темкин да Юрьи

Дмитреев сын Шеин, да князь Дмитрей Шкурлетев. А с Москвы был с царем в приставех да и в Новегороде Ондрей Семенов сын Упин.

На Костроме был боярин и воевода Ондрей Васильевич Сабуров. Да на Костроме же был наместник князь Иван княж Андреев сын Катырь Ростовской.

В Галичи были наместники Иван Семенов сын Колычов да Асан Дмитреев сын Годунов. Да в Галичи же были князь Ондрей да князь Иван княж Федоровы дети Ситцкого.

На Унже были воеводы князь Дмитрей княж Иванов сын Шкурлятев да Василей княж Федоров сын Палецкаго.

На Чюхломе были воеводы князь Юрьи княж Иванов сын Темкин, Данило да Василей княж Васильевы дети Несвицкого.

Того же лета июля были воеводы на Коломне, стояли по Берегу:

Против Колычовскаго острова стояли бояре и воеводы князь Дмитрей Федорович Бельской да князь Михайло Васильевич Горбатого.

Против устья Осетрьскаго стояли воеводы князь Семен Федорович Вельской да боярин Михайло Семенович Воронцов.

Против Ростиславля стояли воеводы князь Василей Ондреевич Микулинской да Василей Ондреевич Шереметев, да Василей Петров сын Борисова.

Против Девича стояли воеводы князь Федор Иванович Одоевской да Иван Микитин Бутурлин.

В Бачманове стояли воеводы Федор Иванович Беззубцов, Роман да Григорей Юрьевичи Захарьины да Дмитрей Бутурлин.

Под Карабчеевым на усть Москвы реки стояли воеводы князь Богдан Александрович Трубецкой, князь Иван княж Ондреев сын Прозоровского, князь Василей княж Михайлов сын Жижемской.

Под Хотяинцовым стояли воеводы князь Иван княж Федоров сын Стригин-Ряполовскаго да князь Юрьи Болшой князь Васильев сын Ушатого.

На Белом колодези стояли воеводы князь Юрьи княж Иванов сын Темкин, князь Петр князь Васильев сын Засекин, Михайло Андреев сын Зверь. На Кашире были воеводы боярин князь Иван Иванович Щетина-Оболенской, князь Иван Овчина княж Федоров сын Телепнев, князь Иван княж Михайлов сын Троекуров.

На Сенкине были воеводы князь Иван княж Иванов сын Белевской, Федор Семенов сын Колычов, князь Иван княж Михайлов сын Чюлок Засекин.

В Серпухове был воевода князь Иван Михайлович Воротынской да с ним князь Микита Палецкой. Да в Серпухове же велел князь великий быти воеводам князю Роману Ивановичю

Одоевскому, князю Ивану Татю княж Федорову сыну Хрипунову, князю Василью княж Семенову сыну Мезецкого, князю Федору княж Григорьеву сыну Мещерскаго.

На Угре были воеводы князь Иван Михайлович Шуйской, князь Петр княж Иванов сын Репнин-Оболенской, князь Александр княж Иванов сын Стригин, Игнатей Михайлов сын Салтыков, князь Петр княж Федоров сын Охлябинин, князь Дмитрей Юрьев сын Друцкой, князь Петр княж Семенов сын Ромодановского.

На Резани были в городе наместник князь Ондрей Дмитреевич Ростовской да с ним Василей Ондреев сын Коробов да Иван Булгаков сын Слизнева. Да в городе же с наместником были Петр Денисьев, Гридко Кобяков да Мора Митин. А за городом были воеводы на Резани князь Федор Михайлович Курбьской да наместник князь Микита Борисович Туренин, да князь Иосиф княж Тимофеев сын Тростенского.

Того же лета сентября стояли воеводы по Берегу после роспуску болших воевод:

На Коломне были воеводы князь Семен Федорович Бельской, боярин князь Иван Иванович Щетина Оболенской, князь Иван Овчина княж Федоров сын Телепнев.

На Осетре у Николы были воеводы князь Федор Иванович Одоевской, Федор Иванович Беззубцов, Роман да Григорей Юрьевичи Захарьины, Михайло Зверь Ондреев.

На Туле был за городом князь Дмитрей княж Михайлов сын Жижемскаго да Ивашка Тутыхин, да Данило Федоров.

На Резани были за городом наместник князь Микита Борисович Туренин; да за городом же с ним быти головам Тимофею да Ивану, да Лобану Булгаковым детям Слизнева да Семейке Жулебину.

* * *

Лета 7041-го майя на Туле были воеводы по полком:

В Болшом полку были воеводы князь Семен Васильевич Одоевской да околничей Иван Васильевич Ляцков.

В Передовом полку были воеводы князь Федор Иванович Одоевской да князь Юрьи княж Иванов сын Гундоров.

В Правой руке был воевода князь Семен Иванович Пунков.

В Левой руке был воевода князь Дмитрей Друтцкой.

В Сторожевом полку был воевода князь Иван Тать княж Федоров сын Хрипунов.

На Резани были воеводы за городом наместник князь Микита

Борисович Туренин да князь Дмитрей княж Иванов сын Курлетев. Да за городом же были в головах Тимофей да Иван, да Лобан Булгаковы дети Слизнева.

В Белеве на Бобрике были воеводы князь Роман Иванович Одоевской да князь Александр княж Васильев сын Кашин, да князь Олександро же княж Иванов сын Стригнн, князь Иван князь Иванов сын Белевского, да князь Василей князь Семенов сын Мезецкого, да с Мещеска наместник князь Микита князь Федоров сын Палецкой.

В Одоеве был князь Василей Семенович Одоевской да Федор Иванович Беззубцов.

В Муроме были воеводы князь Иван Иванович Пронской да князь Констянтин Иванович Курлятев. А из Мурома стояли в Мещере на Толстике.

Того же лета августа, как приходили на резанские места Сафа-Кирей царь да Ислам с крымскими со многими людми, и тогды послал князь великий Василей Иванович всеа Русии воевод своих на Коломну с Москвы, бояр своих и воевод князя Дмитрея Федоровича Вельского, князя Василья Васильевича Шуйского, князя Михаила Васильевича Горбатого, Михаила Семеновича Воронцова. А из Коломенскова послал князь великий на Коломну же воевод своих августа в 18 день князя Федора Михайловича Мстиславского, князя Петра Ивановича Репнина, князя Петра Охлябинина, Михаила Бокеева да князя Петра Засекина. Да того же дни послал князь великий на Коломну воевод князя Иван Шемяку Пронского, князя Василья Чюлка да князя Юрья Ушатых да Ивана Бутурлина, да князя Петра княж Семенова сына Ромадановского.

А за реку с Коломны посыланы на тех людей, которые в разгонех, лехкие воеводы князь Иван Федорович Овчина Телепнев, князь Дмитрей Федорович Щереда Палецкой да князь Дмитрей Юрьевич Дрютцкой и иные лехкие воеводы.

Августа же веле князь великий с Коломны ехати к Москве бояром и воеводам князю Дмитрею Федоровичю Вельскому, князю Василью Васильевичю Шуйскому, Михайлу Семеновичю Воронцову да воеводам же князю Федору Михайловичю Жеславскому, князю Ивану Федоровичю Овчине Телепневу, князю Ивану Шемяке Васильевичю Пронскому, князю Дмитрею княж Федорову сыну Палецкого, князю Дмитрею княж Юрьеву сыну Дрютцкого, князю Петру княж Семенову сыну Ромодановского, Ивану Микитину сыну Бутурлину.

А по Берегу велел тогды князь великий быти воеводам после больших воевод, которым воеводам велел князь великий ехать к Москве:

На Коломне были воеводы и наместник князь Иван Федорович Бельской, боярин князь Михайло Васильевич Горбатого, князь Василей Ондреевич Ноготков-Оболенской, князь Ондрей княж Петров сын Нагова, окольничей Иван Васильевич Ляцкой, князь Олександр княж Иванов сын Стригин.

На Туле были воеводы князь Федор Иванович Одоевской, князь Семен Иванович Пунков, князь Иван Тать княж Федоров сын Хрипунов, князь Юрья княж Иванов сын Гундоров, Иван Григорьев сын Очин-Плещеев. Сентября в 26 день после роспуску были воеводы на Туле князь Федор Одоевской, князь Иван Тать Хрипунов, Иван Очин-Плещеев, князь Юрья Гундоров.

На Бобрике были воеводы князь Роман Иванович Одоевской, князь Олександр княж Васильев сын Кашин, князь Иван княж Иванов сын Белевской, князь Василей княж Семенов сын Мезецкого, князь Микита князь Федоров сын Палецкой.

На Резани за городом были воеводы князь Микита княж Борисов сын Туренин, князь Дмитрей княж Иванов сын Курлятев.

В Мещере на Толстике стояли воеводы князь Иван княж Иванов сын Пронской, князь Констянтин княж Иванов сын Курлятев.

В Муроме были воеводы с Коломны князь Семен Федорович Бельской, князь Петр Иванович Репнин, князь Петр княж Федоров сын Охлябинин, Михайло Ильин сын Бокеев.

Того же лета 41-го, майя, в Новегородке-Северском были воеводы князь Василей Ондреевич Микулинской, князь Юрьи князь Иванов сын Темкин, князь Иван княж Михайлов сын Троекуров да с Старадуба наместник князь Федор княж Васильев сын Телепнев-Оболенской. А как князь великий князю Василью Микулинскому велел ехать к себе, и тогды велел быти в Новегородке воеводе князю Семену Васильевичю Швихову-Одоевскому; а с ним были те же воеводы, которые стояли с Микулинским. Да в Севере же был царевич Акдовлеть Ахкуртов сын, а в приставях у него был Дмитрей Данилов да Ондрей Повадин, да Крячко Чемоданов. А у служилых татар был в приставях Василей Невежин, да Семен Батюшков, да Третьяк Чемоданов.

notes

Примечания

1

Перкамота Г. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды ЛОИИ АН СССР). № 5. М. 1963; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988; Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края (далее Прибалтийский сборник). Т. 2. Рига, 1879–1880.

2

Разрядная книга (далее РК) 1475–1598 гг. М., 1966; РК 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1.

3

Сборники Русского Исторического общества (далее Сб. РИО) Т. 35. СПб., 1882; Сб. РИО Т. 41. СПб., 1884; Сб. РИО. Т. 95; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел (далее СГГД). Ч. 5. М., 1984.

4

Ливонская конфедерация возникла в 1435 году и представляла собой союз Кавалерского Тевтонского ордена в Ливонии (Ливонского ордена), Рижского архиепископства, Дерптского епископства (епископства Дорпат), епископства Эзель-Вик и епископства Курляндия. Возглавлял это государство пожизненно назначаемый ландмейстер, а затем магистр Ордена.

5

Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. № 85. С. 512. О статусе князей Новосильских см.: Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995 С. 80–81.

6

Условия Московского перемирия 1503 года см.: Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. № 75. С. 394–402; Lietuvos Metrika (далее – LM). Kn. 5 (1427–1506). Vilnius, 1993. № 118.1. P. 209–212. Условия Московского 1522, Можайского 1526, Московского 1532 года – Сб. РИО. Т. 35. № 93. С. 621–642; № 102. С. 743–747; № 111. V. С. 857–859.

LM. Kn. 8 (1499–1514). Vilnius, 1995. № 80. P. 125–128.

8

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 106.

9

Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879. С. 291; Зимин А. А. Указ. соч. С. 71; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 154–179.

10

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 46, 49–50.

ПСРЛ. Т. 26. М. – Л., 1959. С. 192.

12

ПСРЛ. Т. 25. С. 260. ПСРЛ. Т. 11–12. С. 24.

13

ПСРЛ. Т. 26. С. 192.

ПСРЛ. Т. 26. С. 197; ПСРЛ. Т. 11–12. С. 62.

ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 262–263.

16

Русская историческая библиотека (Далее РИБ). Т. 27. СПб., 1919. Стлб. 340; ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 95.

17

Русские летописи сохранили рассказ о нападении в 1492 году отряда «ординских казаков» под командованием Темеша на алексинскую волость Вошану. Воеводы Ф. Колтовской и Г. Сидоров настигли врага уже за пределами русских земель, в степи, «промеж Трудов и Быстрой Сосны», и разгромили татар. Русские в этом бою потеряли убитыми 40 человек, ордынцы – 60, «иные идучи татарове в Орду ранены на пути изомроша». – ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 129 об.; ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 224–225.

18

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 164. Бахчисарай становится резиденцией крымских ханов только в 1532 году.

19

Зимин А. А. Указ. соч. С. 72–73, 105; Филюшкин А. И. Василий III. М., 2010. С. 211–214.

20

ПСРЛ. Т. 37. С. 90.

21

ПСРЛ. Т. 37. С. 90.

22

ПСРЛ. Т. 37. С. 114–134. Еще более краткое сообщение о походе есть в летописном Списке Мацеевича. ПСРЛ. Т. 37. С. 46.

23

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 17–21.

24

После смерти Махмуда Касим, по традиции женился на его вдове (матери Ибрагима). Как старший в роде он имел все основания претендовать на ханский престол. – Алишев С. Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 32.

25

ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 186; ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 148.

ПСРЛ. Т. 25. С. 279.

27

А. Г. Бахтин высказал предположение, что во время этого похода войско кн. С. Р. Ярославского могло достичь Малой Кокшаги и даже Илети. – Бахтин А. Г. XV–XVI вв. в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 58.

28

ОР РГБ. Ф. 310. № 754. Л. 320 об. (318 об.).

ПСРЛ. Т. 37. С. 46, 91, 114.

ПСРЛ. Т. 24. С. 188; ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

31

Иван Гаврилович, Тимофей Михайлович Юрло (Плещеев), Глеб Семенович и Василий Семенович Филимоновы, Федор Борисович Брюхо (Морозов), Салтык Травин (в будущем известный русский военачальник Иван Иванович Салтык Травин), Никита Константинов, Григорий Префушков и Андрей Бурдуков. – ПСРЛ. Т. 8. С. 155.

32

ПСРЛ. Т. 25. С. 283; Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 400–401.

33

ПСРЛ. Т. 37. С. 107.

ПСРЛ. Т. 8. С. 158; Борисов Н. С. Указ. соч. С. 404.

35

Русский временник, сиречь Летописец, содержащий Российскую историю от 6370 – 862 до 7189–1681 лета, разделенный на две части. Ч. 2., М. 1820. С. 142–143; ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 148.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М. 2000. С. 151–153.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М. 2000. С. 154.

38

Кержели, по предположению Н. А. Казаковой – область Кервель на р. Воо, притоке Эмбаха, недалеко от Дерпта (Юрьева). – Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XV в. Л., 1975. С. 134.

39

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 155–156. 13 января 1474 г. был заключен новый псково-ливонский договор, после которого началась реальная выплата «юрьевской дани». – Грамоты Великого Новгорода и Пскова (Далее ГВНП). М.,Л. 1949. № 78. С. 133–136; Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 388.

О далеко не случайном совпадении дат этих двух нападений писал К. В. Базилевич, указывавший при этом, что «мы не располагаем прямыми свидетельствами о существовании соглашения между магистром и Ахмед-ханом». Все же исследователь полагал, что «в Ливонии были хорошо осведомлены о тяжелом положении Москвы, находившейся под угрозой двойного нападения, и спешили воспользоваться благоприятными обстоятельствами для покорения Пскова» – Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952. С. 133.

41

Сохранился лишь русский текст договора между Новгородом и Ливонской конфедерацией. – Акты Западной России (Далее АЗР). СПб., 1846. Т. 1. № 75. С. 95–97 (Новую публикацию этого документа см.: LM. Kn. 5 (1427–1506) № 1119.1. P. 212–214).

ПСРЛ. Т. 20. СПб., 1910. Ч. 1. С. 349.

43

РК 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1 С. 25; РК 1475–1598 гг. М., 1966. С. 19–20; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 142–143.

44

Соловьев С. М. Соч. Кн. 3. М., 1989. С. 347 прим 99 (118). Сообщая о планах Мухаммед-Эмина выдать врагов Москвы русским воеводам, историк ссылается на одну из разрядных книг, хранившуюся в МАМЮ (№ 1. С. 26). К сожалению, указанная рукопись позднее в архиве была утрачена.

45

Одним из таких городов был Владимир, в котором именно тогда дьяком Василием Мамыревым строится новая деревянная крепость. – ПСРЛ. Т. 8. С. 217, ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 218.

ПСРЛ. Т. 37. С. 50.

47

РК. 1475–1598. С. 20–21. ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 121 об.; ПСРЛ. Т. 8. С. 217; ПСРЛ. Т. 26. С. 278.

48

Н. С. Борисов полагает, что «острогом» русские воеводы окружили не Казань, а свой лагерь, защищаясь от нападений воинов Алгазы, который «блуждал с отрядом в окрестностях Казани и внезапно нападал на ратников великого князя». – Борисов Н. С. Указ. соч. С. 410. При этом он ссылается на следующее сообщение Архангело-городского летописца: «А воеводы город Казань объсели и острог около города доспели». – ПСРЛ. Т. 37. С. 96. Однако автору следовало сопоставить эту запись с уточняющим ее сообщением Устюжской летописи (Список Мациевича): «А воеводы город Казань обсели и острог около города обвели». – ПСРЛ. Т. 37. С. 50. Тогда ему стало бы ясно, что «острогом» была обведена именно татарская крепость, что, конечно, не исключает возможность возведения укреплений и возле русского стана.

49

ПСРЛ. Т. 24. С. 205; ПСРЛ. Т. 8. С. 217; ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 122–122 об.

ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 134.

51

ОР РГБ. Ф. 92. «2. Л. 129; ПСРЛ. Т. 8. С. 244–245; ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 197; ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 8. РК 1475–1598. С. 35.

52

Московские власти были заранее извещены о готовящемся нападении казанского и ногайского войска и успели поставить заставу в Муроме, но предотвратить поход к Нижнему Новгороду не смогли. – РК 1475–1598 гг. С. 35.

РК 1475–1598. С. 36.

54

В одной из летописей сохранилось упоминание о том, что первая схватка под Казанью закончилась победой русского войска, и только на третий день осады «таторовя вышедшее много русских людей побиша». – ОР РГБ. Ф. 310. № 754. Л. 345 (343).

ПСРЛ. Т. 26. С. 298; ПСРЛ. Т. 34. С. 9.

56

Д. В. Шеин был первым русским наместником в Казани после ее взятия в 1487 году, возможно, в этом кроется причина его трагической гибели. Второе сражение под Казанью произошло 25 июня 1506 года.

ПСРЛ. Т. 26. С. 298.

РК 1475–1598. С. 54–55.

59

LM. Kn. 8. № 16. P. 56.

60

LM. Kn. 8. № 23. P. 58–59. Второй посол Иван Брюхо Верещагин умер в плену. – ПСРЛ. Т. 34. С. 8.

Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 198.

Так, в 1432–1440 и 1458–1459 годах в Новгороде «сидел» литовский князь Юрий Лугвенович (Семенович) Мстиславский. Ему были поручены новгородские «пригороды» – Ладога, Копорье, Ям, Орешек, Корела, Старая Русса.

ПСРЛ. Т.25. С. 285.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 3. С. 73.

Борисов Н. С. Указ. соч. С. 229.

66

В поход выступило 10-тысячное псковское войско («вся сила псковская»), которое вели сын наместника, князь Василий Федорович Шуйский, и посадник Тимофей Власьевич. Оно осадило новгородский «пригород» Вышегород, но взять смогло не сразу. Еще одно небольшое псковское войско, собранное воеводой Манухно Сюйгиным, насчитывавшее 1500 воинов, было разбито новгородцами в Бельской губе за рекой Лютой, притоке Шелони. – ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 181–183.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПБ., 2009. С. 103.

Наиболее критично к сведениям летописцев отнесся И. Н. Вязинин, определивший численность войска Василия Казимира и Дмитрия Борецкого в 10 тысяч воинов. – Вязинин И. Н. От Шелони к Руси единодержавной. Великий Новгород, 2001. С. 27.

69

По мнению Ю. Г. Алексеева, Дрянь – старица Шелони. – Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПБ., 2009. С. 117. Во время начавшегося сражения за Дрянь ушла часть начавших атаку москвичей, отрезанных от своих порядков и от берега Шелони.

ПСРЛ. Т. 25 С. 289.

Борисов Н. С. Указ. соч. С. 240–241.

ПСРЛ. Т. 25. С. 290.

73

Реки Шиленги сейчас не существует. Предполагают, что сражение произошло на территории бывшей Шиленской волости на реке Северной Двине ниже устья Ваги, но ниже устья Ваенги. – Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 138.

ПСРЛ. Т. 25. С. 316–318.

ПСРЛ. Т. 5. Вып 2. С. 214.

Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1966. С. 67.

ПСРЛ. Т. 24. С. 197; ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

Татищев В. Н. Указ. соч. С. 68.

79

ПСРЛ. Т. 25. С. 329, 330; ПСРЛ. Т. 12. С. 219; ПСРЛ. Т. 24. С. 327.

ПСРЛ. Т. 23. С. 157.

ПСРЛ. Т. 12. С. 116–117.

ПСРЛ. Т. 37. С. 93.

ПСРЛ. Т. 18. С. 242; ПСРЛ. Т. 25. С. 297; ПСРЛ. Т. 26. С. 249.

84

ПСРЛ. Т. 20. С. 297. То же см.: ПСРЛ. Т. 23. С. 160–161; ПСРЛ. Т. 24. С. 193. В Московском летописном своде и Вологодско-Пермской летописи, однако, есть сообщение о пленных: «а которые выбегоша от огня, тех поимаша» – ПСРЛ. Т. 25. С. 297; ПСРЛ. Т. 26. С. 249.

85

В некоторых летописях сообщается, что татары двинулись к переправам еще до штурма Алексина – ПСРЛ. Т. 20. С. 297; ПСРЛ. Т. 23. С. 161. В других отмечено, что они «поидоша вборзе на брег» уже после уничтожения города – ПСРЛ. Т. 18. С. 242–243; ПСРЛ. Т. 25. С. 297. Отдельные отряды ордынцев, возможно, пытались продвинуться дальше и до начала боев за крепость, однако настоящее сражение за переправы началось, несомненно, уже после гибели Алексина.

ПСРЛ. Т. 18. С. 243.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 157.

88

О «смертоносной язве на татар» см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 298. О первостепенном значении этого обстоятельства заявил Юрий Георгиевич Алексеев. – Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 151.

89

Дипломатические отношения Руси с Крымом стали налаживаться в 1472–1473 годах. Зимой 1473/1474 года в Москве принимали посла Менгли-Гирея, Ази-бабу, который передал Ивану III предложение хана «жить въ братстве и въ дружбе и въ любви держати». Таким образом, между двумя странами устанавливались равноправные отношения, причем было особо подчеркнуто условие отказа от выплаты Руси каких-либо даней Крыму. – Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 1–2. В 1575 году в Москве принимали перекопского мурзу Довлетека, договаривающегося с Иваном III о союзе против Большой Орды. Успешно развивающиеся отношения были на время прерваны после оккупации Крыма войсками Ахмата, подарившего этот улус своему племяннику Джанибеку. Но после изгнания последнего Менгли-Гирей вернул себе власть над Перекопским юртом. В 1479 г. союз между ним и Иваном III был возобновлен. К 1480 г. он приобрел стратегическое значение – однозначно общими врагами были названы хан Ахмат и Казимир IV. – Сб. РИО. Т. 41. № 5. С. 20; Борисов Н. С. Указ. соч. С. 418–419.

Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М.: 2004. С. 310, 320. Ю. Г. Алексеев в этом вопросе более осторожен. Допуская, что сообщение Вологодско-Пермской летописи о прекращении уплаты дани в 1472 г. «не может быть сброшено со счетов», он все же пишет не о произошедшем тогда (в 1472 г.) освобождении от ига, а лишь о том, что «в вековом споре Руси и Орды назревал кризис». – Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 77. Предложенная К. В. Базилевичем (Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 119) и В. В. Каргаловым (Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1980. С. 76) датировка прекращения выплаты дани 1476 годом – результат ошибочного прочтения текста Вологодско-Пермской летописи. Вместо правильного указания срока невыплаты дани «девятый год» было прочитано «пятый год». – Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 42).

91

ПСРЛ. Т. 25. С. 308.

92

Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 217; ПСРЛ. Т. 26. С. 263.

LM. Kn. 5. № 104.1. P. 172.

ПСРЛ. Т. 26. С. 262.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 61–62.

96

Сб. РИО. Т. 41. № 5. С. 19–20. Во время переговоров И. И. Звенец Звенигородский передал Менгли-Гирею грамоту, в которой Иван III брал на себя обязательство принять хана в случае изгнания его из Крыма.

ПСРЛ. Т. 18. С. 267.

Каргалов В. В. Конец ордынского ига. С. 82–83.

99

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 150.

Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 160.

101

ПСРЛ. Т. 25. С. 328; ПСРЛ. Т. 26. С. 264.

102

ПСР. Т. 26. С. 264.

103

ПСР. Т. 26. С. 265.

ПСРЛ. Т. 20. С. 346.

105

ПСРЛ. Т. 20. С. 346.

ПСРЛ. Т. 26. С. 273.

107

ПСРЛ. Т. 26. С. 273.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стлб. 309.

ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. С. 202.

110

Парунин А. В. К вопросу об обстоятельствах смерти хана Большой Орды Ахмата в 1481 г. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010. С. 170–171.

111

Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. с. 113.

ПСРЛ. Т. 26. С. 274.

113

ПСРЛ. Т. 37. С. 95.

Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60-70-х гг. XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. VIII. Л., 1983. С. 50.

115

ПСРЛ. Т. 25. С. 328.

ПСРЛ. Т. 37. С. 95.

РИБ. Т. 27 М., Л., 1962. Стлб. 340.

118

После убийства Ахмата его беклярибек Темир (Тимур мангыт), сумел найти в степи старших детей хана, Муртазу и Сейид-Ахмеда, и уйти с ними в Крым. Менгли-Гирей принял беглецов, но отнесся к ним как к почетным пленникам или заложникам. Напавшие на Ахмата Ибак, Мусса и Ямгурчей власть удержать не смогли. Вскоре новым ханом Большой Орды стал Шейх-Ахмед.

119

Сб. РИО. Т. 41. № 6. С. 25–27. В наказе Тимофею Травину есть упоминание о нападениях крымских татар на русское порубежье и содержался призыв добиться возвращения полоняников.

ПСРЛ. Т. 18. С. 270.

121

ПСРЛ. Т. 12. С. 217. К сожалению, ошибку летописца воспроизвел Н. С. Борисов, написавший, что «гибели Ахмата власть в Большой Орде перешла к его детям Муртозе и Махмуту». – Борисов Н. С. Иван III. М. С. 452.

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 46–47.

123

Сб. РИО. Т. 41. № 12. С. 44. «Вольный человек» Шемердень Умачева должен был сообщить Менгли-Гирею, что великий князь не прислал другого, более знатного человека из-за того, что в степи везде «ходят… недрузи… проехать нелзе».

Сб. РИО. № 13. С. 46.

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 179–180.

126

Сб. РИО. Т. 41. № 18. С. 63.

127

Сб. РИО. Т. 41. № 29. С. 109.

128

Сб. РИО. Т. 41. № 28. С. 105.

129

Сб. РИО. Т. 41. № 29. С. 110–113.

130

Сб. РИО. Т. 41. № 27. С. 98.

131

ПСРЛ. Т. 25. С. 332.

132

Сб. РИО. Т. 41. № 30. С. 116.

133

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 314–315.

134

См.: Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 316. Последовавший в том году разгром воеводами великого князя астраханского войска без соприкосновения с противником был невозможен.

135

Сб. РИО. Т. 41. № 34. С. 141.

Зайцев И. В. Указ. соч. С. 57–58.

137

Сб. РИО. Т. 41. № 31. С. 118.

ПСРЛ. Т. 8. С. 224–225.

139

Сб. РИО. Т. 41. № 59. С. 279; № 66. С. 323.

АЗР. Т. 1. СПб., 1846. № 184. С. 212–214.

141

Сб. РИО. Т. 41. № 74. С. 368–369.

ПСРЛ. Т. 32. М., 1968. С. 144–145.

143

ПСРЛ. Т. 12. С. 256; РИО. Т. 41. № 83. С. 420.

ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стлб. 495.

145

ПСРЛ. Т. 15. Стлб. 499.

146

ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 236; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 66; Борисов Н. С. Указ. соч. С. 364–365.

147

ПСРЛ. Т. 12. С. 216.

148

В Ермолинской летописи есть сведение о попытке бывшего тверского князя взять реванш. Собрав войска, он попытался прорваться через границу, но был отброшен ратью И. Ю. Патрикеева обратно за рубеж. – ПСРЛ. Т. 23. С. 162.

149

ПСРЛ. Т. 12. С. 217–218.

ПСРЛ. Т. 15. Стлб. 500.

151

ПСРЛ. Т. 37. С. 45. В Архангелогородском летописце пояснено, что «посулы» брал воевода Григорий Перхушков. – Там же. С. 90.

152

ПСРЛ. Т. 37. С. 91.

153

ПСРЛ. Т. 37. С. 93.

ПСРЛ. Т. 37. С. 96.

155

ПСРЛ. Т. 37. С. 50, 96, 136.

ПСРЛ. Т. 37. С. 50, 115, 136.

157

ПСРЛ. Т. 37. С. 97.

158

РК 1475–1598 гг. С. 21.

159

ПСРЛ. Т. 37. С. 50, 97. Во время похода «не дошед умер» устюжский наместник И. И. Злоба. – РК 1475–1598 гг. С. 21.

ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 239.

161

В договоре Василия II с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV был включен следующий пункт: «А верховъстии князи, што будут издавна давали в Литву, то им и нынеча давати, а болши того не промышляти». – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 162.

162

ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 233; ПСРЛ. Т. 20. С. 348; Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagellonow. Warszawa, 1930. T. 1. S. 348–350. В Московском государстве кн. Ф. И. Бельский получил от Ивана III «город Демон вотчину да Мореву со многими волостьми». – ПСРЛ. Т. 28. С. 152.

LM. Kn. 4. 5 (1479–1491). Vilnius, 1994. № 129. P. 139.

164

Темушев В. Н. «Странная» война 1486–1494 гг. Специфика ведения боевых действий в первой московско-литовской пограничной войне // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 313.

165

Сб. РИО. Т. 35. № 1. С. 1, 3–4; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 132; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 77.

LM. Kn. 5. № 9. P. 63.

167

Утверждение А. А. Зимина об участии в походе на Мосальск в августе 1492 г. кн. С. Ф. Воротынского (Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 98), опроверг М. М. Кром, установивший, что переход этого князя на московскую службу произошел лишь после ноября 1492 г. – Кром М. М. Указ. соч. С. 84, 85.

LM. Kn. 5. № 15.1. P. 67.

169

ПСРЛ. Т. 8. С. 226; ПСРЛ. Т. 12. С. 234–235; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 553; ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 211. ПСРЛ. Т. 37. С. 98; ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 132.

170

LM. Kn. 5. № 18. P. 71.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 93. Термин «Странная война» используется и в настоящее время. В частности, к нему прибегал М. М. Кром, полагавший, что Иван III вел военные действия против Литвы «почти не прибегая к собственной военной сил» (Кром М. М. Указ. соч. С. 79). Таким образом, он оставил без должного внимания участие в операциях на западной границе великокняжеских войск под командование воевод кн. Ф. В. Телепни Оболенского, В. Лапина и А. Истомы, М. И. Колышки и кн. А. В. Оболенского, тех же Д. В. Щени и В. И. Кривого Патрикеева. Предложенное А. А. Зиминым название этого конфликта использовал и Н. С. Борисов, считающий, что война началась не в 1492 г., а еще в 1487 г. (Борисов Н. С. Указ. соч. С. 471). В ранних работах мною были высказаны сомнения в правомерности такой датировки, несмотря на ее привлекательность. Определение возникновения конфликта к 1487 г. позволяет связать начало первой московско-литовской войны с первой большой русской победой над Казанским ханством. В статье «Хитрая война» и ряде наших книг (Волков В. А. «Хитрая война» Московско-литовское противостояние 1492–1494 г. // Родина. № 11. 2003. С. 60; Волков В. А. Войны и войска Московского государства М., 2004. С. 27–33; Волков В. А. Ратные подвиги Древней Руси. М., 2011. С. 98—104) утверждалось, что с 1487 по 1492 год при продолжающихся пограничных столкновениях, происходила не война с Великим княжеством Литовским, а подготовка к ней. Факт участия в ней и на первом этапе боевых действий великокняжеских воевод (1489 год) вынуждает пересмотреть прежние концепции. Впрочем, о невозможности определения точной даты начала войны писал в указанной выше работе и А. А. Зимин. «Мелкой порубежной войной» называл события 1487–1489 годов К. В. Базилевич, но и он, первый обративший внимание на «плановый» характер действий Ивана III в отношениях с Литвой, все же, как видим, ограничивает эти столкновения 1487–1489 годами, не распространяя их на последующие годы. – Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952. С. 290. В настоящее время наметилась тенденция относить начало конфликта к 1486 году (Темушев В. Н. «Странная» война 1486–1494 гг. Специфика ведения боевых действий в первой московско-литовской пограничной войне. С. 311–315), очевидно, связывая его с нападением рязанских порубежников на Мценск в мае 1486 года.

LM. Kn. 5. № 14. P. 67.

173

Цемушаў В. М. «Вайна падчас міру». Першая памежная вайна ВКЛ з Вялікім княствам Маскоўскім (1486–1494 гг.) // Беларускі гістарычны агляд. Снежань 2008. Т. 15. Сшытак 1–2 (18–19). С. 5—48; Темушев В. Н. Указ. соч. С. 311–315.

Сб. РИО. Т. 35. № 19. С. 81.

175

LM. Kn. 5. № 27.1. P. 77–78; ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 136; ПСРЛ. Т. 8. С. 227.

ПСРЛ. Т. 12. С. 238.

177

На пути к регулярной армии. СПб., 2000. С. 126. Прим. 18.

Тюленев В. А. Выборгский замок в конце XVI в. // КСИА. № 190. М., 1987. С. 85.

179

ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 129; ПСРЛ. Т. 8. С. 224; ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 276; ПСРЛ. Т. 25. С. 333; Базилевич К. В. Указ. соч. С. 355–356, 382; Мильчик М. И. Итальянские мастера – строители Ивангородской крепости // Новгородский исторический сборник. Вып. 5. СПб., 1995. С. 188–189; он же. Ивангород – первое окно в Европу // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб., 1994. С. 70. Бальтазар Рюссов также отметил в своей хронике строительство новой крепости: «В 1482 г. Иван Васильевич, великий князь московский, начал строить замок Ивангород, по-немецки русскую Нарву… со многими высокими толстыми башнями и крепкими стенами». – Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 293. И. Э. Клейненберг обратил внимание, что построенная всего на расстоянии 200 м от Нарвы крепость Ивангород предназначалась не только для обороны северо-западных русских рубежей, но должна была служить базой для предстоящих походов в Ливонию. В подтверждение своего тезиса Клейненберг ссылается на сведения немецких лазутчиков, обнаруживших несколько находившихся в Ивангороде в постоянной готовности наплавных разборных мостов, необходимых для организации быстрой переправы через р. Нарову на ливонскую сторону. – Клейненберг И. Мероприятия Русского государства по укреплению наровской границы в конце XV в. // ВИЖ. 1960. № 6. С. 126.

Алексеев Ю. Г. Свейская война 1495–1497 годов // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб., 1994. С. 7.

РК 1475–1598 гг. С. 24; Алексеев Ю. Г. Русские источники о начале Свейской войны 1495–1497 гг. // историческое познание: традиции и новизна. Материалы Международной теоретической конференции. Ижевск, 1996. С. 282; Базилевич К. В. Указ. соч. С. 388; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI вв. С. 106.

182

В данном случае мы имеем дело с первым упоминанием в исторических источниках сведений о использовании на Руси штурмовых лестниц при атаке крепостных укреплений. См. об этом: Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 185.

183

Возможно, в разрушенной башне сдетонировали боеприпасы, так как в местных преданиях сохранилось упоминание о «выборгском ударе» – сильном взрыве, «волшебном зелье» Поссе.

184

ПСРЛ. Т. 12. С. 242; ПСРЛ. Т. 37. С. 98; ПСРЛ. Т. 26. С. 290; ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 170.

185

Петренко В. П. Исследования Ивангорода (по работам экспедиции ЛОИА АН СССР 198—1986 гг.) // КСИА. Вып. 205. М., 1991. С. 64.

ПСРЛ. Т. 12. С. 251.

187

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 66–67.

ПСРЛ. Т. 32. С. 166.

189

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 184.

190

После соединения войск Д. Щени и Ю. Кошкина последний был назначен воеводой Сторожевого полка, подчиненного большому воеводе, которым стал Щеня. Юрий Захарьич пытался обжаловать это решение, но проиграл первый в нашей истории местнический спор. Разрядные книги сохранили слова выговора, сделанного Иваном III своему воеводе: «Гораздо ли ты так чинишь, говоришь: в Сторожевом полку были тебе непригоже, стеречь княж Данилова полку? Ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела. А каковы воеводы в Большом полку, таковы чинят и в Сторожевом полку, ино не сором тебе быть в Сторожевом полку». – РК 1475–1598 гг. С. 30. То же: РК 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 61–62.

191

Борисов Н. С. Иван III. С. 489; Тарас А. Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв. М., Минск., 2006. С. 161.

Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 161.

193

Stryjkowski M. Kronika polska, Litewska, zmodzka I wozystkiey Rusi. Porpz. Przez M. Malinowskiego. T. 2. Warszawa, 1846. S. 308. К. В. Базилевич полагал, что этом пленник, давший князю К. Острожскому подробные, но устаревшие сведения о стоявшем под Дорогобужем русском войске, был литовским лазутчиком, специально оставленным в Москве перед войной послом Иваном Сапегой.

194

ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 45; ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 214; ПСРЛ. Т. 35. С. 166; ПСРЛ. Т. 37. М., 1980. С. 99; АЗР. Т. 1. № 179. С. 205–206.

195

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 84; ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 138 об.

196

Отношения между Ливонской конфедерацией и Московским государством стали напряженными еще в 1494 году, когда повелением Ивана III оказалось закрытым представительство Ганзейского союза в Новгороде. Ганзейские купцы, среди которых были и ливонские немцы, были посажены в тюрьму. Первоначально В. Плеттенберг пытался решить возникшую проблему дипломатическим путем. Но после провала переговоров с Москвой в 1498 году стал готовиться к войне, ведя поиск союзников. Первые шаги к заключению антимосковского союза Великого княжества Литовского и Ливонского ордена были сделаны еще летом 1500 года, после прибытия к магистру В. Плеттенбергу с просьбой о военной помощи литовского посла Юрия Костевича. – См.: LM. Kn. 5 (1427–1506). № 89. P. 146–147.

197

ОР РГБ. Ф. 310. № 754. Л. 343 (341); ПСРЛ. Т. 39. С. 174. Ранее считалось, что репрессии против русских купцов были осуществлены летом 1501 г. См.: Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 189.

198

Die Auswärtige Politik des livländischen Ordensmeisters Walter von Plettenberg bis 1510. Riga, 1929. P. 33

Зимин А. А. Указ. соч. С. 190.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 224.

201

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 224.

Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 29.

203

ПСРЛ. Т. 39. С. 175.

ПСРЛ, Т. 12. С. 255.

205

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 88; ПСРЛ. Т. 8. С. 242; ПСРЛ. Т. 24. С. 215.

Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. № 76. С. 372–373.

Алексеев Ю. Г. На службе России. Боярин Яков Захарьич // Дом Романовых в истории России. С. 65.

208

Сб. РИО. Т. 35. № 75. С. 394–402; СГГД. Ч. 5. М., 1984. № 39. С. 34–37; LM. Kn. 5. № 118.13. P. 209–212; Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1915. С. 205; Базилевич К. В. Указ. соч. С. 518–520; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 194–195.

209

Сб. РИО. Т. 41. № 98. С. 533–534; № 92. С. 492.

210

АЗР. Т. 1. № 225. С. 371–373. Тайные предложения готовиться к новому нападению на Московское государство Александр Казимирович направил магистру Ордена В. фон Плеттенбергу еще в 1503 г. – LM. Kn. 5. № 116. P. 191–193.

211

LM. Kn. 8. № 7. P. 50. № 12. p. 53.

212

LM. Kn. 8. № 16. p. 57.

213

В послании Сигизмунда I в Казань, которое повез литовский посол Сорока, содержался четкий план действий против великого князя московского Василия III, предусматривающий одновременное нападения на Русь литовских, крымских и казанских войск: «И наперед тебе, брата нашого жадаем, абы еси сего пришлого лета со всеми людьми своими на конь вседши, землю его казнил с одно естороны, а мы, Бога вземши на помочь, з братом нашим царем Мендли Кгиреем також вседши на кон[ь], хотим поити на него з другое стороны и обиды брата нашого, короля и великого князя Александра мстити». – LM. Kn. 8 (1499–1514). № 23. P. 59.

LM. Kn. 8. № 6. P. 49.

215

LM. Kn. 8 (1499–1514). № 31.1. P. 67.

216

Хорошие в прошлом русско-крымские отношения изменились в 1505 году, когда из-за острых противоречий по казанскому вопросу произошел открытый разрыв между Москвой и Крымом. Началось ожесточенное противоречие между ними. – Базилевич К. В. Указ. соч. С. 530–531; Каргалов В. В. Оборона южной границы Русского государства в первой половине XVI в. // История СССР. 1973. № 6. С. 143. Сигизмунд I, воодушевленный этими нападениями, призывал Менгли-Гирея продолжить военные действия и захватить Брянск, Путивль, Рыльск, Стародуб и др. северские города. – LM. Kn. 8. № 51.1. p. 87–88. Все известные источники указывают, что первое большое нападение крымских татар произошло в конце июля 1507 году, однако В. Д. Назаров по непонятным причинам отнес его к 1508 году. – Назаров В. Д. В Диком поле // ВИ. 1970. № 2. С. 97.

217

Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. Очерк политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 85. К сожалению, автор не упоминает, что татары были настигнуты русскими воеводами уже на обратном пути, и у них был отбит весь захваченный «полон».

218

LM. Kn. 8. № 44.1–2, 46.1. p. 78–82. Стремясь заручиться поддержкой немецких рыцарей, польский король сообщал магистру В. фон Плеттенбергу, что заключенное в 1503 году перемирие было нарушено не им, а великим князем московским (!)

219

ПСРЛ. Т. 35. С. 167. В родословии князей Глинских, составленном уже в Московском государстве, отмечено, что М. Л. Глинский не только убил «боярина Яна Березинского», но и «казну ево всю поимал». (Бычкова М. Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Зап. ОР ГБЛ. Вып. 38. С. 121). Факт подобной экспроприации вполне допустим, но упоминание его в указанном источнике, не может быть точным свидетельством, ибо автор приведенной записи здесь же сообщает и о таком невероятном событии, как убийстве Михаилом Львовичем Глинским помимо боярина Яна Березинского и самого короля Жидигиманта (Сигизмунда I).

LM. Kn. 8. № 62. p. 101; № 64. p. 103.

221

LM. Kn. 8. № 72. p. 118–119.

222

Дорогобуж был сожжен самими русскими при подходе врага, стоявший здесь смоленский воевода Станислав Кишка пытался вновь укрепить его, но едва успел бежать при подходе московского войска. Литовские мастера, строившие новую крепость, были перебиты русскими. Их работа была закончена присланными из Москвы розмыслами под руководством Варфоломея и Мастробана. – Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. С. 90.

223

LM. Kn. 8. № 80. p. 125–128.

Филюшкин А. И. Указ. соч. С. 182.

225

ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 588. Отдельно действовала новгородская рать, командовавшие которой воеводы кн. В. В. Шуйский и кн. Б. Тебет Уланов ходили к Холмскому городку. – РК 1475–1598 гг. С. 48.

РК 1475–1598 гг. С. 49.

Филюшкин А. И. Указ. соч. С. 186.

Рябинин И. С. Новое известие о Литве и московитах (К истории второй осады Смоленска в 1513 г.). М., 1906. С. 8.

229

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 155.

230

Рябинин И. С. Указ. соч. С. 8–9; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 612.

231

ПСРЛ. Т. 8. С. 255.

232

ПСРЛ. Т. 37. С. 100. По литовским сведениям, Смоленск пал не 29 июля, а 1 августа 1514 года. Летопись Рачинского отмечает роль, сыгранную при этом М. Л. Глинским. Согласно этому источнику, именно он «притыками и пострахами» убедил смолян сдаться. – ПСРЛ. Т. 35. С. 168. Возможно, поэтому смоленский воевода Ю. А. Сологуб, отпущенный по его просьбе Василием III в Литву, был казнен там как изменник, сдавший город «без единого выстрела». – См.: Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. С. 163.

233

ОР РГБ. Ф. 310. № 754. Л. 347 об. (345 об); ПСРЛ. Т. 21. С. 591. Князь М. И. Ижеславский, оборонявший принадлежавший ему Мстиславль, принял решение сдать свою крепость в начале августа 1514 года, когда узнал о приближении к ней московского войска под командованием воевод М. Д. Щенятева и И. М. Воротынского. После Оршанского поражения русской армии, он вновь вернулся на службу Сигизмунду I, оправдывая свою быструю сдачу русским войскам невозможностью ни оборонять город, ни отсидеться в нем, а более всего тем, что «бояре его и люди Мстиславские ему к обороне помочны бытии не хотели». – АЗР. Т. 2. № 92. С. 117.

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 70.

235

По мнению А. Н. Лобина, походное войско М. И. Голицы Булгакова и И. А. Челяднина насчитывало максимум 13–15 тыс. всадников, но он уточняет, что в «поход «на пустошение Литвы» служилые корпорации выходили не в полном составе» и потому снижает численность русского войска до 12 тыс. человек. – Лобин А. Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana – Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 66.

ПСРЛ. Т. 35. С. 125, 168.

237

По сообщению С. Герберштейна, по дороге в Москву встречавшегося в Вильне с содержащимися там в железных оковах плененными под Оршей русскими воеводами, И. А. Челяднин перед битвой якобы самонадеянно заявил: «Если мы сомнем эту часть войска, то останется еще другая часть, с которой, вероятно, смогут соединиться другие войска, так что нам будет грозить еще большая опасность. Подождем до тех пор, пока не переправится все войско, ибо наши силы настолько велики, что, без сомнения, мы без особого усилия сможем либо смять это войско, либо окружить его и гнать, как скот, до самой Москвы. В конце концов, нам не останется ничего другого, как занять всю Литву». – Герберштейн С. Записки о Московии. С. 70–71.

ПСРЛ. Т. 37. С. 101.

239

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 71.

240

Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, ex archivis as bibliothecis extraneis depromta, et a collegio archaeographico edita. Petropoli, 1848. № 148. S. 363–364. По сообщению Волынской краткой летописи, воины Острожского «поразили и смерти предали на осмъдесят тысеч» русских (!), т. е. все русское войско в своей максимальной численности из указанной в источниках. Это нелогично, так как затем следует добавление «а иных живых в плен поимали». – ПСРЛ. Т. 35. С. 126.

241

В Летописце Рачинского приведен самый полный список пленных русских воевод. Среди них были: кн. М. И. Голица Булгаков, И. А. Челяднин, кн. И. Д. Пронский, Д. В. Катаев, Д. А. Плещеев, И. С. и В. С. Колычевы, Б. В. Ромодановский и его сын Петр, кн. И. С. Селеховский, кн. Борис и Иван (по др. сведениям Василий) Стародубские, кн. П. Путятич и его «братанич» Семен Иванович, А. С. Колычев, Б. И. Плещеев, И. В. Кулешов (в Евреиновской летописи – Кушелев), Филипп Иванович (в действительности – Федор Михайлович) Киселев, Ю. Д. Лыньцов, А. Ф. Нащокин, И. А. Еропкин, М. И. Внуков, Т. Д. Губарев, кн. Ю. И. Дива, И. Д. Копнин, А. Лупандин, Н. П. Бардин, А. П. Обнеев, Ф. Кобец Митин, Б. Кучуков, Ф. И. Новосельцев, С. Ф. Вузский, Г. Б. Безумный и Никита Назарьевич. – ПСРЛ. Т. 35. С. 168–169. В Евреиновской летописи не указаны многие из этих командиров, но упомянуты И. А. Репкин и О. Юдин. – ПСРЛ. Т. 35. С. 234. В «Именном списке», названы дополнительно А. Н. Волынский, Ф. П. Трусов, кн. К. Д. Засекин, Т. М. Пушкин и А. Г. Соловцов. – АЗР. Т. 2. № 91. С. 116.

Лобин А. Н. К вопросу о политическом значении итогов битвы под Оршей 1514 г. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 171–172.

243

ПСРЛ. Т. 37. С. 102. А. Е. Тарас, основываясь на этом сообщении, написал, что В. В. Шуйский повесил изменников с дарами, полученными от Сигизмунда I (Тарас А. Е. Указ соч. С. 196), но из летописного текста ясно, что эти дары были даны Василием III после взятия Смоленска, когда он жаловал присягнувших знатных смолян шубами, драгоценными ковшами и чарами.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 98; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 260; ПСРЛ. Т. 37. С. 102.

245

Сб. РИО. Т. 95. № 28. С. 480–481; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. СПб., 1851. Стлб. 337–339.

Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI вв. М., 1994. С. 81.

247

Страва – пища, еда.

248

АЗР. Т. 2. № 137.II. С. 165–166. При сопоставлении опубликованного документа с архивным подлинником (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 7. Л. 1234–1245) выявлен ряд существенных расхождений. Пропущенными оказались имена ряда пленников «Великой битвы», содержавшихся в Троках (кн. И. С. Селиховский, С. Ф. Тесовитин и др. – Л. 1235), опущены имена пленных, бежавших из этого города (Л. 1237). «Федько Чмут» назван в числе детей боярских, хотя в подлиннике указано, что он – «человек» Ивана Сергеева «з Романова за Волгою» (Л. 1240), не отмечен находившийся среди «вязней» купец из Вязьмы, который «по своей воле к королю приехал» (Л. 1241) и т. п.

249

ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 262–263; ПСРЛ. Т. 8. С. 266–267; ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 144. Избрание казанским «царем» представителя враждебного крымским Гиреям рода было воспринято ими как открытый вызов со стороны Москвы, осуществившей эту акцию.

250

ПСРЛ. Т. 37. С. 100.

Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974. С. 42.

252

ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 251–252; ПСРЛ. Т. 24. С. 217.

ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 15.

РК 1475–1598 гг. С. 45–46; Иоасафовская летопись. М., 1967. С. 160.

255

ПСРЛ. Т. 8. С. 252; ПСРЛ. Т. 13. С. 15; ПСРЛ. Т. 24. С. 217. В. П. Загоровский считал, что татар преследовали до р. Чернавы, лежавшей на пути крымского войска по Муравскому шляху, тогда как р. Тихая Сосна находится в стороне от этой степной дороги на Русь и из Руси. – Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 57–58. Признавая этот аргумент убедительным, отметим, что, возможно, в ходе преследования часть татарских отрядов оказалась отрезанной от своих главных сил и начала отступать к Дону за Тихую Сосну.

Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Т. 1. СПб., 1890. № 274. С. 173.

Памятники истории Восточной Европы. Т. VI. Радзивилловские акты. М., Варшава, 2002. № 1. С. 23.

Сб. РИО. Т. 95. № 6. С. 103–104.

259

Сб. РИО. Т. 95. № 10. С 152–153, 157. Требуя городов, новый хан ссылался на ярлык, выданный в 1506 или 1507 году великому князю литовскому Сигизмунду I его отцом, Менгли-Гиреем. В нем он жаловал литовскому господарю русские города и земли. В число их входили не только бывшие ранее под литовской властью и отвоеванные Москвой в ходе прошлых войн территории, но и «исконно русские города, которые крымский «царь» щедро придал» литовскому «столцу»: Великий Новгород, Псков, Переяславль-Рязанский и др. – АЗР. Т. 2. № 6. С. 4–5.

260

Сб. РИО. Т. 95. № 12. С. 194.

261

«Царевич» Абдул-Латиф умер 19 ноября 1517 года и только мертвым был отпущен из Москвы. Его останки отвезли в Казань и там захоронили. – ПСРЛ. Т. 30. С. 143.

262

ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 259; ПСРЛ. Т. 8. С. 261; ПСРЛ. Т. 13. С. 26; ПСРЛ. Т. 20. С. 391–392; ПСРЛ. Т. 34. С. 12; Сб. РИО. Т. 95. № 28. С. 477; № 29.II. С. 504; № 30. С. 520. В ноябре 1517 года какие-то крымские отряды пытались напасть на северские места, но были настигнуты и разбиты за р. Сулою войсками князя В. И. Шемячича. Победитель прислал всех захваченных пленных к великому князю в Москву. – ПСРЛ. Т. 8. С. 263; ПСРЛ. Т. 13. С. 28.

263

Сб. РИО. Т. 95. № 36. С. 636. Титул калги после гибели Ахмат-Гирея перешел к старшему сыну Мухаммед-Гирея Бахадыр-Гирею.

264

О готовящемся походе пытались сообщить в Москву из Азова доброхоты великого князя – бий Санчаг и Заня Зудов. Помимо прочего, они писали о том, что в войске хана есть «вожи», знающие «где ему Ока перелезти». К сожалению, везший это послание татарин Крым Такмасов прибыл в русскую столицу только 20 августа, когда содержавшаяся в грамоте Санчага и Зудова информация безнадежно устарела. – Сб. РИО. Т. 95. № 38. С. 705–706. Все же, какие то сведения о предстоящем нападении в Москве имелись. Об этом свидетельствует и упоминание в процитированном выше послании того, что до Крыма Токмасова в Москву отправлена грамота «с Мануилом греческим». Не случайно летом 1521 года на «Берегу» было сосредоточено столько русских воевод и полков.

265

РК 1475–1598 гг. С. 65–67.

266

Евстафий (Остап) Дашкевич считается одним из первых командиров днепровского казачества. Именно он перевооружил собранную им в Черкассах вольницу из русинов ружьями и саблями.

267

ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 263; ПСРЛ. Т. 22. С. 518; ПСРЛ. Т. 30. С. 145; ПСРЛ. Т. 34. С. 13–14. Утверждение А. А. Зимина о том, что на Оке внезапным ударом была истреблена «русская застава», которой командовали воеводы Иван Шереметев, кн. В. М. Курбский, Яков и Юрий Замятины и кн. Ф. В. Лопата Оболенский, не подтверждается разрядными записями. Большая часть названных воевод входила в состав войска, находившегося в Серпухове с князем Д. Ф. Бельским, тогда как князь Лопата Оболенский, попавший в сражении на Оке в плен, был вторым воеводой рати, находившейся в Кашире. – РК 1475–1598 гг. С. 65. Эти факты убеждают нас в том, что русские полки вводились в сражение прямо с марша и были разбиты по частям. Застава на Оке в том месте, где переправлялись крымские войска, действительно стояла. Ею командовал князь Ю. А. Хохолков, после подхода главных сил врага отступивший под защиту укреплений Коломны.

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 173.

269

ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 263; ПСРЛ. Т. 13. С. 38, 42; ПСРЛ. Т. 24. С. 221; ПСРЛ. Т. 26. С. 311; ПСРЛ. Т. 34. С. 14. Сообщение С. Герберштейна о захваченных тогда татарами 800 тыс. русских пленных (Герберштейн С. Записки о Московии. С. 175), является многократно завышенным. Однако угнанный в Крым и Казань «полон» был очень значительным, превышая 100 тыс. человек – именно столько людей проживало тогда в Смоленской земле, которую с такими трудами Московское государство отвоевывало в течение 10 лет у Великого княжества Литовского.

Тогда же за 600 или 700 руб. был выкуплен из татарского плена раненный в сражении на Оке воевода, князь Ф. В. Лопата Оболенский.

Зайцев И. В. Указ. соч. С. 87, 89.

272

Несуществующий в наше время древний город, находившийся на правом берегу р. Оки, невдалеке от впадения в нее р. Осетр.

Кузнецов А. Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (перв. пол. XVI в.). Минск, 1986. С. 54.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. М., 1887. С. 392; Вереин Л. Е. Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. Астрахань, 1958. С. 16.

Дунаев Б. И. Пр[еподобный] Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией в начале XVI столетия по документам М[осковского] А[рхива] МИД. М., 1916. С. 57, 61–62; Зайцев И. В. Указ. соч. С. 95–97.

276

ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 140; ПСРЛ. Т. 8. С. 270; ПСРЛ. Т. 23. С. 203; Кузнецов А. Б. Русско-казанские отношения в 1521–1524 гг. // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции: Материалы IV Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 1999. С. 77.

277

РК 1475–1598 гг. С. 69–70.

278

В монографии А. А. Зимина при описании этого похода допущена досадная ошибка. Исследователем было отмечено, что «за неделю до Троицына дня выступила конная рать (здесь и ниже выделено нами – В. В.), во главе которой, кроме Шигалея находился цвет русского воинства <…> На Троицын день (15 мая) отпущена была конная рать И. В. Хабара и М. С. Воронцова». – Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. С. 261. Речь идет о выступлении в поход двух конных ратей. На самом деле, в первом случае вместо «конная рать» следовало написать «судовая рать», как в источнике. – РК 1475–1598 гг. С. 69.

279

М. Г. Худяков полагал, что флотилия князя И. Ф. Палецкого была атакована черемисами около с. Малый Сундырь, в 15 верстах ниже будущего города Козмодемьянска. – Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 92.

280

ПСРЛ. Т.8. С. 270. В «Казанской истории», сведения которой содержат много неточностей, сообщается, что сражение продолжалось три дня, что в битве на Итяковом поле татары, якобы, потеряли 42 тыс. воинов. – КИ. М.; Л., 1954. с. 67–68. Названные фантастические цифры татарских потерь повторяют и многие исследователи, в том числе и весьма уважаемый нами Александр Геннадьевич Бахтин, который в другом месте своей работы утверждает, что вооруженные силы Казанского ханства насчитывали 30 тыс. человек, а при общей мобилизации – 60 тыс. человек. – Бахтин А. Г. XV–XVI вв. в истории Марийского края. С. 41, 74. Обычно вне городов ханства могла действовать лишь 20–30 тысячная конная казанская рать. И действительно, по уникальному сообщению Третьего краткого Волоколамского летописца 24 августа 1524 года на реке Свияге русское войско было атаковано всего 20-тыс. татарской армией, потерпевшей в этом сражении тяжелое поражение. – ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 141. Это сообщение выглядит тем более достоверным потому, что в эти дни значительная часть татарских и союзных им чувашских и марийских (черемисских) войск была задействована на других направлениях. Еще одно войско сражалось с ратью Шах-Али и князя И. Ф. Бельского под Казанью, другие отряды караулили двигавшуюся от Нижнего Новгорода вниз по Волге второй русской флотилии князя И. Ф. Щереды Палецкого.

В оценке результатов этой кампании можно согласиться с А. Б. Кузнецовым, полагавшим, что, несмотря на победу на Итяковом поле и заключение мира с Сафа-Гиреем, поход 1524 года был неудачным, так как русскому правительству и его воеводам не удалось добиться основной своей цели – уничтожить в Казани власть крымских Гиреев и возвести на казанский трон своего сторонника. – Кузнецов А. Б. Русско-казанские отношения в 1521–1524 гг. С. 78–79.

282

РГАДА. Ф. 123. Кн. 6. Л. 110–112 об.; Дунаев Б. И. Указ. соч. С. 82–83; Малиновский А. Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями, с 1462 по 1553 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 248–249; Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. С. 301, 303–304.

283

ПСРЛ. Т. 34. С. 16. Точные сведения о приближении войска Ислам-Гирея и направлении его движения сообщили в Москву за 15 дней до его нападения путивльские казаки, высланные на разведку в Черкассы. – Малиновский А. Ф. Указ. соч. С. 250; АЗР. Т. 2. № 150. С. 186.

284

ПСРЛ. Т. 24. С. 223. О казни крымского посла Чабыка «с товарищи» см.: РГАДА. Ф. 123. Кн. 6. Л. 159, 256 об.; ПСРЛ. Т. 13. С. 46.

285

ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 265.

286

Во время осады и штурма Казани погибли воеводы: князья Федор Васильевич Лопата Оболенский и Иван Иосифович Дорогобужский, Игнатий Иванович Жулебин, Григорий Андреевич Сабуров, Федор Замятнин Сабуров и Иван Михайлович Кляпиков. – ПСРЛ. Т. 34. С. 16.

ПСРЛ. Т. 8. С. 274.

288

РГАДА. Ф. 123. Кн. 6. Л. 320; РК 1475–1598 гг. С. 78.

289

ПСРЛ. Т. 8. С. 276.

РК 1475–1598 гг. С. 78–79.

291

ПСРЛ. Т. 34. С. 16.

ПСРЛ. Т. 8. С. 282; Смирнов И. И. Восточная политика Василия III // ИЗ. Кн. 27. 1948. С. 23.

293

Точное число русских пленников, захваченных и уведенных в Крым во время похода 1533 года, неизвестно, но при продаже их хан Сагиб-Гирей только в виде «тамги» получил 100 тыс. золотых. – См.: Сыроечковский В. К. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Уч. зап. МГУ. Вып. 61. Историч. серия. Т. 2. 1940. С. 15. Часть полоняников удалось выкупить на великокняжеские и собранные церковью деньги. Только новгородский и псковский архиепископ Макарий осенью 1534 г. переслал в Москву на выкуп пленных 700 рублей. – ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 293–294.

294

ОР РГБ. Ф. 92. № 2. С. 143 об.

295

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., С. 27–28, 32, 35.

ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 281–282. На это обстоятельство обратил внимание Юрий Георгиевич Алексеев. – Алексеев Ю. Г. Развитие системы управления войском в России в 1368–1468 гг. //Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 267.

297

Курбатов О. А. Отклик на статью А. Н. Лобина // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 105.

Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI в. СПб., 2003. С. 33.

ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 155.

300

Щербатов М. М. Примечания на ответ господина генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, содержащие в себе любопытныя и полезныя сведения для любителей Российской Истории, також истинныя оправдания и прямые доказательства против его возражений, критики и охулений. М., 1792. С. 383–385.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 2. М., 1988. С. 496.

Загоскин Н. П. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1876. С. 57–58; Базилевич К. В. История СССР от древнейших времен до середины XV века. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б). М., 1944. С. 14; Мавродин В. В. Образование единого Русского государства. Л., 1951. С. 26.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 74; Зимин. А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской Думы во второй половине XV – первой трети XVI в. // ИЗ. Т. 103. М., 1979. С. 197.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 30.

305

Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси. С. 141.

Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 3–5.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 15.

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 61.

Татищев В. Н. Собр. соч. Т. VI. М., 1966. С. 68.

310

Базилевич К. В. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. // ИЗ. 1945. Вып. 14. С. 69. С. Б. Веселовский приводит другие данные. По его подсчетам «в конце XV в. в Новгороде было испомещено до полутораста бывших холопов». – Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. М.;Л., 1947. С. 290.

311

ПСРЛ. Т. 8. С. 215; ПСРЛ. Т. 12. М., 1901. С. 215–216; ПСРЛ. Т. 25. С. 330.

Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 288, 311.

313

Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954 С. 26–27.

314

Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 299. Оговорка относится к тезису автора о «широком использовании отрядов служилых татарских «царевичей»». Войска Касимовского юрта, как будет показано ниже, были немногочисленны и, соответственно, большого влияния на ход военных действий не оказывали.

315

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 191, 192, 194, 199.

316

Шишкин Н. И. История г. Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891. С. 50–52.

Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам Нового времени. Казань, 1998. С. 195–196.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 26.

319

Беляков А. В. Замечания при обсуждении статьи Лобина А. Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 127.

Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008. С. 226.

ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 16.

322

Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины Карельского городка с уездом 7008 (1500) г. // Временник ОИДР. 1850. Кн. 12. С. 1–7, 114; Новгородские писцовые книги. Т. 3. СПб., 1868. С. 497.

323

Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901. С. 41.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М, 2000. С. 258, 298–299.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 97.

Пахомов И. Пищальники Василия III // Цейхгауз. № 20. 2003. С. 8.

Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 143.

328

Вахрамеев И. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 1. М., 1896. № 4. С. 5–6.

329

Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. Приложение. С. 275.

Филюшкин А. И. Указ. соч. С. 186.

331

Скобелкин О. В. Участие иностранцев в составе русского войска в войнах XVI – начала XVII в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 286.

ПСРЛ. Т. 6. М., 2001. Стлб. 259; ПСРЛ. Т. 8. С. 261; ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 26; ПСРЛ. Т. 20 М., 2004. С. 391–392; ПСРЛ. Т. 34. С. 12; Сб. РИО. СПб., 1895. Т. 95. № 28. С. 477; № 29.II. С. 504; № 30. С. 520.

ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стлб. 342; Мавродин В. В. Славянорусское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XV вв. // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1938. № 11. С. 255–257; Он же. Образование единого Русского государства. Л., 1951. С. 268–271; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1941. С. 141; Волынкин Н. М. Предшественники казачества – бродники // Вестник ЛГУ. 1949. № 8. С. 58–61. Чернов А. В. Указ. соч. С. 29.

Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1691 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 70–72.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 3. М., 1989. С. 672.

Небольсин П. И. Уральцы. СПб., 1855. С. 7.

ПСРЛ. Т. 11–12. М., 1965. С. 61–62.

338

Сб. РИО. СПб., 1853. Т. 41. № 81. V. С. 413. М. Н. Тихомиров полагал, что «на жительство на Дон казаки переходили из Северской земли», однако никаких доказательств, свидетельствующих в пользу своего предположения и опровергающих указанные документы, не привел. – Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 428.

339

С 1516 г. казаки упоминаются в качестве военных слуг у западнорусских и литовских магнатов. – Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. К., 1957. С. 45.

Сб. РИО. Т. 95. № 13.III. С. 231; Сб. РИО. Т. 41. № 90. I. С. 473; Сахаров П. П. Происхождение вольного донского казачества и первые службы донцов России // Сб-к областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 12. Новочеркасск, 1914. С. 57; Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. М., 1991. С. 88.

341

Сб. РИО. Т. 95. № 13.II. С. 230.

Сб. РИО. Т. 95. № 31. I. С. 672; № 38. IV–V. С. 680.

343

РГАДА. Ф. 89. Кн. 1. Л. 233–233 об.

Сухоруков В. Д. Историческое описание Войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 8.

345

См. дискуссию по этому вопросу в журнале Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. Дискуссионный стол прошел под названием «…и бе их столько, еже несть числа». С. 138.

См. дискуссию по этому вопросу в журнале Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. Дискуссионный стол прошел под названием «…и бе их столько, еже несть числа». С. 129, 128.

347

Кампенезе А. Письмо Альберта Кампенезе к его святейшеству папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. С. 23–26.

348

Ливонская конфедерация возникла в 1435 году, представляя собой союз Кавалерского Тевтонского ордена в Ливонии (Ливонского ордена), Рижского архиепископства, Дерптского епископства (епископства Дорпат), епископства Эзель-Вик и епископства Курляндия. Возглавлял это государство пожизненно назначаемый ланд-мейстер, затем магистр Ордена.

349

Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. С. 201.

350

Саганович Г. Н. Нестыковка // Родина. 2004. № 12. С. 57.

351

Korzon T. Organizacja wojskowa Litwy w okresie Jagiellonskim // Rocznik Towarzystwa przyjaciyl nauk w Wilnie. Wilno. 1908. T. 2. S. 86.

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 175.

353

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 169.

Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. С. 204.

355

Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. С. 207.

Кан А. История Швеции. М., 1973. С. 161.

357

Скобелкин О. В. Участие иностранцев в составе русского войска в войнах XVI – начала XVII в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 286.

Буганов В. И. «Государев разряд» 1556 г. и реформы 50-х гг. XVI в. // История СССР. 1957. № 5. С. 221.

359

Первый опыт стратегического планирования был осуществлен русским командованием весной 1469 года. Он предусматривал согласованные действия двух московских армий против Казани на сходящихся направлениях. Планировалось, что одна армия будет наступать из Нижнего Новгорода вниз по Волге, другая – из Великого Устюга вниз по Каме. Оба войска должны были соединиться под стенами Казани и разгромить врага. Однако отсутствие опыта проведения подобных операций и специальной службы, ведавшей подготовкой согласованного движения ратей, привело к полному провалу кампании и тяжелому поражению Устюжского войска кн. Д. В. Ярославского. – ПСРЛ. Т. 8. С. 156; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 282–283; ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 47, 92, 105, 135. Возможно, именно этот случай и инициировал создание ведомства, призванного планировать и обеспечивать проведение боевых операций.

Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. С. 312–313.

361

Вернер И. И. О времени и причинах образования московских приказов // Ученые записки Императорского Лицея цесаревича Николая. Вып. 1. М., 1907. С. 57.

362

Перкамота Г. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.). // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды Ленинградского отделения института истории АН СССР), № 5. М. 1963 С. 655.

ПСРЛ. Т. 15. М. 2000. Стлб. 444.

Мавродин В. В. О появлении огнестрельного оружия на Руси // ВИ. 1946. № 8–9. С. 99; Федоров В. Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М., 1949. С. 8–9, 10–12, 125–137; Вилинбахов В. Б., Кирпичников А. Н. К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси // СИМАИМ. Л., 1958. Вып. 3. С. 243. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 77; Отечественная артиллерия. 600 лет. М., 1986. С. 9, 28. В то же время В. Б. Вилинбахов, разделявший мнение о появлении артиллерии на Руси в 1382 году в Москве, попытался дополнить эту версию, используя информацию о тверских «арматах». Он заявил: «летописное известие о том, что в 1389 г. пушки были привезены «из немец», является отражением того реального факта, что Русь действительно получила «арматы» с Запада». – Вилинбахов В. Б. Начальный период истории огнестрельного оружия на Руси. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Л., 1963. С. 6. Тем самым исследователь осторожно подводит к мысли, что примененные против татар Тохтамыша пушки были европейского производства или образца, а не являлись трофеями, захваченными в походе на Волжскую Болгарию.

365

ПСРЛ. Т. 11. СПб, 1989. С. 74–75; ПСРЛ. Т. 15. Стлб. 116. Упоминание об этом любопытном факте подвергли сомнению В. Б. Вилинбахов и М. Ф. Мурьянов, в одной из своих статей написавшие, что с действием артиллерийских орудий («гуков») русские впервые познакомились на год позже, при обстреле ливонскими немцами псковских укреплений на Западной Двине в 1377 году. – Вилинбахов В. Б., Мурьянов М. Ф. Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием // ВИ. 1960. № 8. С. 218–219.

ПСРЛ. Т. 8. С. 83–84; ПСРЛ. Т. 11–12. С. 209; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 226; ПСРЛ. Т. 23. С. 143; ПСРЛ. Т. 24. С. 174.

367

Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северовосточной и северо-западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105. М.;Л., 1961. С. 160.

ПСРЛ. Т. 25. С. 238.

369

Федорук А. В. Огнестрельная артиллерия в Великой войне государств Ягеллонской унии с Немецким орденом 1409–1411 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 335.

Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 320.

Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX вв. М., 1953. С. 82, 87.

Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1. СПб., 1877 С. 56; Бранденбург Н. Е. 500-летие русской артиллерии (1389–1899). СПб., 1899. С. 8–9; Дополнения к актам историческим (Далее ДАИ). Т. 5. СПб., 1853. № 51. С. 304; Федоров В. Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. С. 94, 97.

Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1. С. 106–107.

Лебедянская А. П. Очерки по истории пушечного производства в Московской Руси // СИМАИМ. Вып. 1. Л.; М., 1940. С. 59; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 80.

ПСРЛ. Т. 37. С. 172.

Епифанов П. П. Оружие и снаряжение // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М., 1977. С. 292.

377

Лобин А. Н. Павлин и Волк, Собака и Лисица. Царевы пушкари // Родина. 2004. № 12. С. 76.

Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. С. 87.

ПСРЛ. Т. 8. С. 278.

Перкамота Г. Сообщение о России московского посла в Милан С. 655; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 87.

381

Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. С. 96.

Гнатовский Н. И., Шорин П. А. История развития отечественного стрелкового оружия. М., 1959. С. 10, 48–49.

383

Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 21; Епифанов П. П. Оружие и снаряжение. С. 294; Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 314.

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 114.

385

ПСРЛ. Т. 8. С. 174.

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 114, Приложение. С. 274–275.

Гваньини А. Описание Московии. С. 79.

Курбский А. М. Сочинения оригинальные. РИБ. Т. 31. СПб., 1914. Стлб. 202.

389

Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. С. 58.

390

Герберштейн в своем сочинении отметил «панцирь, латы, сделанную искусно, как будто из чешуи», а также наручи, похожие «на coraczin». – Герберштейн С. Записки о Московии С. 114.

391

Герберштейн в своем сочинении отметил «панцирь, латы, сделанную искусно, как будто из чешуи», а также наручи, похожие «на coraczin». – Герберштейн С. Записки о Московии С. 114.

392

Аннинский С. А. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Исторический архив. Т. 3. 1940. С. 341. Один из очевидцев в царствование Ивана Грозного упомянул тегиляи, изготовленные «из кожи и крепкого холста, с набитою внутри ватою». – Витебская старина. Т. 4. Ч. 1. С. 119. Очевидно, такая защитная одежда использовалась и в более раннее время.

393

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 117.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М, 1991. С. 92.

395

Акты исторические (далее АИ). СПб., 1841. Т. 1. № 3. С. 3–4.

Сб. РИО. Т. 41. № 89. I. С. 472; Сб. РИО. Т. 95. № 13.II. С. 230; Дунаев Б. И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. С. 55; Тихомиров М. Н. Россия в XVI в. М., 1962. С. 407; Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 86–91.

LM. Kn. 5. Vilnius, 1993. №. 102. I. P. 170, 172.

Каргалов В. В. Оборона южной границы Русского государства в первой половине XVI в. // История СССР. 1973. № 6. С. 143; Носов К. С. Русские крепости и осадная техника VIII–XVII вв. СПб., 2003. С. 108.

399

ПСРЛ. Т. 8. С. 252; ПСРЛ. Т. 13. С. 15; Иосафовская летопись. С. 160; РК 1475–1598 гг. С. 45–46.

РК 1475–1598 гг. М., 1966. С. 47; Каргалов В. В. Оборона южной границы Русского государства в первой половине XVI в. С. 144.

401

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 113.

Каргалов В. В. Оборона южной границы Русского государства в первой половине XVI в. С. 145; Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974. С. 67.

Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 67–68.

404

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (Далее АСЭИ). Т. 3. М. 1964. № 390. С. 402.

Атаманенко В. Б. Татарские нападения на Волынь и организация обороны в XVI – первой половине XVII вв. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 21–26.

Рапопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северовосточной и северо-западной Руси. С. 194; Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 3–4.

Раппопорт П. А. Указ. соч. С. 192; Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 3–4, 12, 210.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стлб. 358; ПСРЛ. Т. 8. С. 250, 278. Перлов И. Зарайские укрепления XVI–XVII вв.// Труды Зарайского Краевого Музея. Вып. I. Зарайск, 1927. С 26–28.

409

Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. С. 228.

410

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 260; Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 142–150; Михайлова И. Б. Псковская земля в период русско-польско-литовской войны 1512–1523 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 200–205.

411

Гейденштейн р. Записки о Московской войне. (1578–1582). СПб., 1889. С. 29–30.

Тюленев В. А. Выборгский замок в конце XVI в. // КСИА. № 190. М., 1987. С. 86.

413

Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. С. 295.

Петров К. В. Замечания при обсуждении статьи Лобина А. Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 146.

Филюшкин А. И. Василий III. С. 67.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стлб. 116.

417

ПСРЛ. Т. 25. С. 268.

ПСРЛ. Т. 8. С. 122.

419

ПСРЛ. Т. 25. С. 274–275.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 147–149.

421

ПСРЛ. Т. 37. С. 91.

422

ПСРЛ. Т. 24. С. 187; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПБ., 2009. С. 51–52.

Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 103.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 187–188.

Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 147–148.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стлб. 284, 286; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 49.

Тарас А. Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв. С. 159.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 67.

429

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 140.